

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева»

Г.Ф. Быконя

**ТРИЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ.
КРАСНОРЕЧЕНСКИЙ
ВИНОКУРЕННЫЙ ЗАВОД.
1775–1914**

**Из истории
самой доходной отрасли
дореволюционной
экономики
Центральной Сибири**

Монография

КРАСНОЯРСК
2013

ББК 63.3(253)

Б 953

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор

Л.М. Дамешек

Доктор исторических наук, профессор

Ю.М. Гончаров

Идея: С.Ф. Кардаш

Г.Ф. Быконя

Б 953 Трижды воскресший. Краснояреченский винокуренный завод. 1775–1914. Из истории самой доходной отрасли дореволюционной экономики Центральной Сибири: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2013. – 324 с.

ISBN 978-5-85981-522-7

Работа выполнена на общесибирском и общероссийском фоне в жанре микроистории. На свежем архивном материале впервые прослежена более чем двухсотлетняя история Краснояреченского (Елизаветинского № 8) винокуренного завода. В откупную эпоху Краснояреченский, Боготольский и Каменский заводы открыли зарю собственно винокуренной промышленности Средней Сибири. Однако технологически и в социальном плане они являлись простой и сложной кооперацией, а не мануфактурой. В сущности, заводом, то есть настоящей машиной-инструментом и машиной-двигателем, Краснояреченское предприятие стало только в самом конце XIX в. В условиях расширения со второй половины XVIII в. классового сотрудничества власти с имущими верхами российского общества винные откупщики из купцов были не деятелями раннебуржуазного типа, а получателями части феодальной централизованной ренты-налога, являясь суб-инфеодалами, а в сословном плане в лучшем случае зауряд-дворянами. Откупщики из дворян с началом золотопромышленности трансформировались в «рыцарей первоначального накопления» капиталов, став, по Марксу, в классовом отношении «новым дворянством» раннебуржуазного типа. Заводские поселки внешне несколько отличались от обычных селений, а по хозяйственно-бытовому укладу были однотипны окружающим сельским населенным пунктам. Сложность состава многих невольных заводчан была благотворной почвой для социально-утопических легенд, в частности, о старце Федоре Кузьмиче – Александре I.

Книга рассчитана на историков-специалистов, аспирантов, студентов, учителей истории и всех тех, кто интересуется историей Сибири.

ББК 63.3(253)

Автор выражает благодарность за участие в подготовке книги генеральному директору ООО «Арга» А.Ю. Иванову.

Издается при финансовой поддержке проекта № 06/12 «Исследования проблем развития человека на базе Гуманитарной технологической платформы «Инновационный человек»» Программы стратегического развития КГПУ им. В.П. Астафьева на 2012–2016 годы.

ISBN 978-5-85981-522-7

© КГПУ им. В.П. Астафьева, 2013

© Быконя Г.Ф., 2013

Оглавление

Введение	4
Глава 1. ВОДА ЖИЗНИ ИЛИ ЗЕЛЁНЫЙ ЗМИЙ	10
1.1. Появление «Троянского коня»	10
1.2. Между богом и мамонной	12
1.3. «Зеленый змий» за Уралом. Состояние винокурения в Центральной Сибири в XVII – начале 60-х годов XVIII века	18
Глава 2. ПРЕДТЕЧА ЗАВОДА	42
2.1. По высочайшему велению	42
2.2. Самый длинный в мире	52
2.4. Полный тезка	79
Глава 3. ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ (1775–1839)	101
3.1. Рождение завода	101
3.2. Бодался помор с сибиряком	123
3.3. Под казенным управлением	136
3.4. Жертва ведомственных интересов	152
Глава 4. «СЕКРЕТЫ» ЗАВОДСКОГО ПРОИЗВОДСТВА	168
4.1. Эх, ребяташки, ухнем!	168
4.2. Агроцех завода	177
4.3. Работал ли бывший император Александр I на Краснореченском заводе?	197
Глава 5. И ОТЦЫ-КОМАНДИРЫ, И ЖЕСТОКОСЕРДНЫЕ ХОЗЯЕВА	209
5.1. Под казенной дланью	209
5.2. Заводские управленцы	214
5.3. Дворянско-чиновничья элита – корпоративные феодалы	221
5.4. Заводовладельцы и винные откупщики – черные и субинфеодалы или молодая буржуазия?	228
Глава 6. НА ВОЛЬНЫХ ХЛЕБАХ	262
6.1. Акцизная система в Сибири	262
6.2. В погоне за «золотым тельцом»	265
6.3. Между сложной кооперацией и заводом	278
6.4. Краснореченское заводское селение и его стародавний сосед	298
Заключение	319
Список принятых сокращений	322

ВВЕДЕНИЕ

Это первая в литературе специальная работа по истории самой стабильной доходной отрасли хозяйства Центральной (Приенисейской) Сибири досоветского периода. В силу особенности жанра она раскрывается через историю одного из первенцев в Центральной Сибири крупных винокуренных заводов – Краснореченского. В советское время это – Октябрьский спиртзавод, а ныне – спиртзавод ООО «АРГА».

Его судьба была крайне причудлива и переплетается с историей остальных двух старейших спиртзаводов Приенисейского края – Каменского и Боготольского. Он три раза в течение более 200 лет открывался и сравнительно ненадолго закрывался. Построенный на казенные деньги купцом-предпринимателем и откупщиком Д.И. Лобановым в августе 1775 года, он неоднократно менял владельцев и статус. Из-за частых административных изменений и пограничного положения между двумя, Обским и Енисейским, водными бассейнами, входившими в разные уезды и губернии, его дореволюционная история оказалась вне поля зрения историков, как томских, так и красноярских. Административно он подчинялся с 1804 по 1934 год Томску с Мариинском, а основные хозяйственные связи имел в Красноярском и Ачинском уездах Енисейской провинции, с 1782 года – Колыванской и Тобольской губерниях, с 1822 года вошедших в Енисейскую губернию.

В дореволюционную эпоху винокурению и особенно винопродаже уделялось много внимания. Тому были особые причины. Во-первых, устойчиво ведущее (до трети) место в доходной части бюджета страны, во-вторых, постоянные поиски и властей, и общества путей защиты морали и нравственности от чрезмерного употребления крепкого алкоголя.

Попытки скрестить «ужа и ежа», то есть сохранять высокую доходность винного дела, не допуская моральной и физической деградации населения, были тщетными и в традиционном, и в индустриальном обществах. От первого русского ца-

ря Ивана Грозного до последнего императора Николая II власть лавировала между казенной винной монополией и акцизной системой подконтрольного частного винокурения и винопродажи. Варьировалось всё, в том числе формы и степень привлечения частных лиц, целых городских обществ и сельских миров к сословно-классовому сотрудничеству в этой области. Верховная власть даже делилась частью получаемой от винной монополии феодальной централизованной ренты-налога и иногда шла, правда, больше формально, на предоставление статуса дворян имущей верхушке податного населения в лице откупщиков-купцов.

Отношение к питейному делу было лакмусовой бумагой для существующих политических взглядов. Официозные авторы говорили о необходимости развития винокуренной промышленности и эффективности государственного контроля в потреблении крепкого алкоголя. Оппозиция же, наоборот, с разных идейных позиций писала о порочности пьяного бюджета, ведущего к технологической отсталости, упадку нравственности и физической деградации нации [1]. Истина, как обычно, была где-то посередине. Ее пытались нащупать и проводить в жизнь в конце XIX – начале XX века, когда при министре финансов С.Ю. Витте по проекту прежнего министра И.А. Вышнеградского вернулись к полной казенной винной монополии и расширили права общин-миров самим решать вопрос об открытии у них питейных мест и объемах продаж [2].

В советское время история винокуренной промышленности в России, и особенно в СССР, была для историков в основном табуирована все из-за того же пьяного бюджета. Исключение составили 1920-е годы и горбачевская борьба за трезвенность. Но, пожалуй, М.Я. Волков да известный своими кулинарными пристрастиями В.В. Похлебкин специально рассматривали старинную технологию винокурения [3].

Только с перестройкой, отменившей государственную монополию на производство водки, начался всплеск внимания к этой теме в основном в виде десятков научнообразных, популярных и откровенно рекламных книг и альбомов. Появились даже глянцевого журнала «Чарка» и «Русская водка». Спорят о

том, что такое русская водка, была ли она чисто национальным продуктом и нашим все, или же разведенный водой чистый этиловый спирт-ректификат ничего общего не имеет со старинным «горячим хлебным вином»-дистиллятом. В псевдопатриотическом раже особенно заходятся политики. Даже депутат Госдумы и профессор МГИМО В.Р. Мединский подробно останавливался на этой теме в первой книге своего трехтомного труда, который, возможно, стал итоговой ступенькой к его должности министра культуры в кабинете Дмитрия Медведева [4]. Подспудно же все сводится к одному – возвращать или нет государственную монополию на водку.

Историки тоже активно, но профессионально стали разрабатывать новую для себя винную тематику. Особенно повезло в этом отношении досоветскому периоду Западной Сибири. Прослежены этапы развития винокуренной промышленности и откупной системы в ней (В.П. Зиновьев) [5], кружечная продажа в городах XVII – начала XVIII века (Раев Д.В.) [6]. Подробно освещено участие купцов отдельных районов и крупных винозаводчиков в откупах, в производстве и продаже вин в акцизный период (Б.К. Андрющенко, В.П. Бойко, В.П. Зиновьев, В.К. Разгон, В.А. Скубневский, А.В. Старцев, Ю.М. Гончаров, О.Н. Разумов, Н.М. Дмитриенко, А.М. Мариупольский и другие) [7]. Благодаря международной еврейской организации «Джойнт», основательно показано место евреев в этой сфере экономики (А.М. Мариупольский, А.В. Быков, А.Р. Ивонин, Ю.М. Гончаров и др.) [8]. В Алтайском госуниверситете даже выпустили учебное пособие по истории винокуренной промышленности Алтая [9].

В Восточной Сибири различные дореволюционные сюжеты истории винокурения и винной продажи в целом рассматривали Л.М. и И.Л. Дамешек, Н.В. Сметнева, Л.В. Кальмина, В.В. Романова и другие [10].

По Центральной Сибири меньше работ по винной тематике, а по взятым хронологическим рамкам вообще нет. В лучшем случае о винопродукции и её продаже пишут в разделах о хозяйственном развитии и занятиях населения: в XVIII веке – Е.В. Комлева, Г.Ф. Быконя, В.В. Буланков; в XIX веке – А.И. Погребняк, И.О. Туман-Никифорова, Л. И. Болонкина,

И.И. Ополовникова) [11]. Книга же И.В. Шияна и Н.В. Плотникова дает беглый и в ряде вопросов ошибочный обзор винокурения в Приенисейском крае второй половины XIX – начала XX века, да и не претендует на это, как признают сами авторы, так как посвящена отдельно взятому Канскому ликероводочному предприятию [12].

По Иткульскому на Алтае, Мариинскому [13] и Даниловскому в Минусинском районе, тоже основанных в акцизный период, написаны сквозные работы, но рассматриваемые нами винокуренные заводы последней четверти XVIII – начала XX века, кроме Каменского, лишь изредка упоминаются. Материалы А.М. Мариупольского, а также местных краеведов Г. Лопаткина и М.И. Павленко содержат явно ошибочные и отрывочные сведения по истории и времени основания Краснореченского завода [14].

Работа написана в основном на впервые введенных в научный оборот архивных материалах, хранящихся в Москве (Российский государственный архив древних актов – РГАДА), Санкт-Петербурге (Российский государственный исторический архив – РГИА), в Томской, Иркутской и Тюменской областях (ГАТО, ГАИО, ТО ГАТО в г. Тобольске), Алтайском и Красноярском краях (ГААК в г. Барнауле и ГАКК в г. Красноярске). Часть приводимых в книге архивных материалов отложилась в личном архиве автора, специалиста по средневековой отечественной истории, сложившегося за 45-летнюю работу в Красноярском государственном педагогическом институте (с 1997 года – университет им. В.П. Астафьева).

Дополнительные наши архивные изыскания любезно помогло получить уважаемое руководство ООО «АРГА», за что ему искренняя благодарность.

Выявленный комплекс материалов позволяет на общем фоне становления и развития винокуренной промышленности Центральной Сибири комплексно проследить самую длительную из всех сибирских винзаводов историю Краснореченского винокуренного завода: обстоятельства его строительства, динамику производственной структуры и инфраструктуры, производственных мощностей, рабочей силы, механизма эксплуатации и слагаемых казенной прибыли и у откупщиков. Удалось срав-

нить состав населения, поземельные отношения, хозяйственно-бытовой уклад при заводского поселка «Краснореченское заводское селение» с занятиями и повседневной жизнью жителей соседних деревень и притрактового села «Краснореченское – Красная Речка». Новые подробности выявлены в загадочной истории старца Федора Кузьмича (Александра I?), находившегося в заводе и его округе 19 лет.

Примечания

1. Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Спб., 1868. Переиздана в 1914 и 1992 гг.
2. Фридман М.И. Винная монополия: в 2 т. Пг., 1916. Т.2. С. 177; Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.2. С. 83.
3. Волков В.Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII – первая половина XVIII вв. (Винокуренное производство). М.: Наука, 1979. 336 с.; Похлебкин В.В. История водки. М.: Центрполиграф, 2000. 404 с.
4. Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. «Мифы о России». Второе изд. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 558 с.
5. Зиновьев В.П. Винные откупа в Западной Сибири (XVIII век – 1863 г.) // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири в XVIII – XX вв. Томск, 1994. С. 34–50; Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007; Зиновьев В.П. Традиции сибирского винокурения в XVIII – XIX вв. // Вестник Томского государственного ун-та. История. 2008. № 1(2). С. 13–23.
6. Раев Д.В. Кружечные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Новосибирск: Сова, 2005. 275 с.
7. Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период акцизной системы (1863–1902 гг.) Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. 158 с; Предпринимательство на Алтае. Барнаул, 1993; Предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1994; Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул: АГУ, 1995; К истории предпринимательства в Сибири. Новосибирск, 1996; Деловая элита старой Сибири. Омск: ОГУ, 2002; Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: сб. биографических очерков. Новосибирск: Сова, 2007; Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Т. 1–3. М.: РОССПЭН, 2000; Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996; Скубневский В.А. Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая вто-

- рой половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001; Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: АГУ, 1999; Быков А.В. Образ жизни сибирского купечества (вторая половина XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 2005. 105 с.
8. Мариупольский А.М. Предприниматели-евреи и становление винокуренной промышленности в Томской губернии в 60-х гг. XIX в. // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Красноярск; Улан-Удэ, 2000. Вып. 10. С. 31–42; Мариупольский А.М. Еврейская питейная торговля в Сибири в период акцизной системы // Страницы истории евреев в Сибири в XIX – XX веках. Красноярск, 2003. Вып. 1. С. 15–27.
  9. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX вв.): учебное пособие. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999.
  10. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. «Кедр», обгоняющий время. Иркутск, 1998. 151 с.; Сметнева Н.В. Развитие винокурения и виноторговли в Прибайкалье во второй половине XVII – начале XX вв. Иркутск, 2006. 238 с.; Кальмина А.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003. Гл. 3.
  11. Буланков В.В., Шумов К.Ю. Енисейск. 1619–1999 гг. Очерки истории развития и застройки города. Красноярск, 1999; Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя половина XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia, 2006; Быконя Г.Ф. Рождение Краснояреченского спиртзавода // Енисейская провинция: альманах. Красноярск, 2007. Вып. 3. С. 57–64; Быконя Г.Ф., Погребняк А.И. Купеческий капитал в винокуренной промышленности Приенисейского края // Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах. Новосибирск: Академия, 2012; Половникова И. Геннадий Васильевич Юдин. Жизнь. Библиотека. М., 2010. Гл. 3; Туман-Никифорова И.О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX веков). Красноярск, 2004; Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002; Болонкина Е.А. Приенисейский край в первой половине XIX века. Красноярск: Изд-во СФУ, 2011.
  12. Шеин И.В., Плотников Н.В. Винокурение в Приенисейском крае. К истории Канского ликероводочного завода (1863–1924). Красноярск, 1999. 217 с.
  13. Мариинский ликероводочный завод. 1902–2002 / В.А. Бузанова, В.П. Зиновьев, Б.К. Андрущенко, Л. А. Багаева, В.Г. Зыкова. Томск: ТГУ, 2002. 284 с.
  14. Лопаткин Г. Летопись града Ачинска. Ачинск: Свет, 2000. С. 76–80.

ГЛАВА 1. ВОДА ЖИЗНИ ИЛИ ЗЕЛЁНЫЙ ЗМИЙ

1.1. ПОЯВЛЕНИЕ «ТРОЯНСКОГО КОНЯ»

Алкоголь человечество узнало еще в глубокой древности. Оно быстро оценило лечебное воздействие умеренных доз алкоголя на организм человека и пагубные последствия от чрезмерного его употребления. Хотя в последнем случае могла быть тоже определенная польза для других. Поговорки: «Истина в вине», «Истина на дне стакана», «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке» – свидетельствуют неопровержимо, что у сильно захмелевшего человека легко узнать его истинные намерения и вывести, как говорится, «на чистую воду». Можно даже сказать, что в известном смысле хмельное зелье является своеобразной «сывороткой правды».

Свойство крупных доз алкоголя негативно влиять на волю и даже убивать её, на разумный контроль биологического эго человека сделало его важным чисто социальным продуктом, помимо широкого применения и генерирования целых отраслей экономики, использования в качестве товара, платежного средства, валюты и даже награды. В античную и средневековую эпохи и в новое время алкогольные напитки были непременным атрибутом посольских приемов, государственных и религиозных знаменательных событий, сословных корпоративных, военных, городских и сельских общинных праздников, народных гуляний. Во время коронационных торжеств бесплатным угощением с вином «подогревали» патриотические и верноподданнические чувства. И в настоящее время далеко не всегда и не во всех странах это укоренившаяся многовековая питейная традиция разумно корректируется. Правда, исключение составляют страны ислама.

Естественно, чем крепче вино, тем быстрее и сильнее оно действовало. Это знали еще древние греки, поэтому они предпочитали виноградное вино разбавлять водой. Крепкие напитки из виноградного сока (органического или сахаристого рас-

тительного сырья) первоначально получали путем сбраживания и длительной последующей выдержки. В средневековой Западной Европе такой продукт, вслед за итальянцами, назвали «живой водой» – по латыни aqua vitae [1].

С незапамятных времен восточные славяне-русичи крепкое питье получили из сбраживания меда. «Стоялые» и «сычѣные» меда выдерживали 10–15 лет. Пили его регулярно, особенно знать, но редко. Сказывались дороговизна, христианская и трудовая мораль. Последняя определялась повседневным напряженным ритмом труда в суровых почвенно-климатических условиях. В ходу были слабоалкогольные, слегка сычѣные медом, на березовом соку или на хлебных злаках квасы, а позже и пиво.

Настоящую революцию в производстве крепкого алкоголя произвел новый способ его получения. Он заключался в тепловой обработке сбраженного хлебного сула с последующим охлаждением спиртосодержащих паров, то есть их дистилляции. Неоднократная перегонка полученной жидкости повышала крепость напитка. От сивушных же масел пытались избавиться, применяя различные фильтры, чаще всего древесный уголь.

Не будем отвлекаться на застарелую спорную проблему – кто, когда и в какой стране впервые стал получать крепкий алкоголь методом дистилляции. Отметим только, что Русь познакомилась с конечным продуктом этого метода – крепкими винами – от Западной Европы, но пошла своим путем. Как справедливо считают историки, русские люди издавна хорошо знали метод тепловой выгонки. Он применялся при выкурки дегтя из бересты и при смолокурении. В отличие от западноевропейцев, в качестве сырья брали не один какой-то вид зерна, а сразу несколько, что повышало вкусовые качества продукта, а также делало его дешевле.

В огромной малонаселенной России для удешевления перевозок вино часто выкуривали высшей пробы, то есть более 90 градусов. Это достигалось обычно двойной перегонкой. На месте потребления спирт разводили водой, обычно в пропорции 1:1.

От технологии производства пошли и русские названия: «винокурение», «горячее хлебное вино»; продукт первой вы-

курки – «простое хлебное вино» или «полугар», двойной и более перегонки – «крепкое хлебное вино», позже спирт, а разведенное же водой – «водка». Уместно отметить, что некоторые российские историки ошибаются, считая, что название «водка» применительно к алкогольной продукции появилось в России во второй половине XIX века [2]. Даже в Сибири, где винокурение началось на полтора столетия позже, термин «водка» употреблялся одновременно, то есть синонимично «горячему хлебному вину» в середине XVIII века. Так, в контракте Сибирского Приказа с винными откупщиками по поставке на Нерчинские заводы от 9 июля 1752 года в пункте 5 прямо сказано: «...вино, водку, пиво продавать в заорлённые меры... и доброе, без пригару, против указной пробы» [3].

Итак, особенности производства крепкого алкоголя в России дают полные основания считать водку русским национальным продуктом с его оригинальным национальным брендом.

Трудно точно установить, когда именно на Руси началось винокурение. По мнению ряда историков (над этим вопросом особенно потрудились В.В. Похлебкин и историк А.А. Зимин), произошло это в 1464–1478 годах при великом московском князе Иване III [4]. Причем приоритет в этом ставшем очень доходным деле пыталась оспорить у СССР в 60-х годах XX века братская Польша. Она объявила бренд «водка» своим и потребовала огромную сумму за его использование. Международный арбитражный суд счел почерпнутые в основном из монастырских архивов доказательства советских историков неоспоримыми и подтвердил, что русская водка – спирт, разведенный водой до 40 градусов, – является многовековым национальным продуктом. При этом СССР великодушно разрешил пользоваться этим брендом социалистической Польше.

1.2. МЕЖДУ БОГОМ И МАМОНОЙ

Главное достоинство нового метода заключалось в дешевизне местного сырья и ускоренном процессе изготовления крепких напитков. Это позволяло организовать массовое, а значит, более доступное широким слоям населения, производство но-

вого напитка. Поэтому винокурение сразу породило у власти противоречивые и даже взаимоисключающие установки. С одной стороны, умеренные дозы крепкого алкоголя являлись хорошим энергетическим напитком. Снималась усталость, ощущался прилив сил, поднималось настроение, возникали положительные эмоции. Однако злоупотребление крепким напитком нередко разоряло кого угодно и даже приводило к деградации личности. Уже Иван III с развитием частного винокурения, особенно у князей и бояр, пытался ограничивать и контролировать производство и продажу горячего хлебного вина.

Однако явно значительные доходы от этого нового вида производства вызывали у центральной власти стремление монополично их получать, взяв полностью в свои руки производство и продажу крепких напитков.

Молодое Российское государство нуждалось в огромных средствах, чтобы сформировать единый для всей страны аппарат власти и управления, успешно защищать свои рубежи и бороться за «отчину и дедину». Так русская дипломатия трактовала необходимость возвращения западнорусских и братских украинско-белорусских земель, оказавшихся в условиях татаро-монгольского лихолетья у Польши и Великого княжества Литовского. Внутриполитическая ситуация явно этому не способствовала. Властный, первый в истории «государь всея Руси», Иван III в последние годы жизни сильно болел и вновь приблизил к себе вторую жену, византийку Софью – Зою Палеолог, а сына Василия объявил наследником.

Василий III, достойный сын матери, хитрой, вероломной и мстительной, жестоко расправился с прежним своим соперником – внуком Ивана III, малолетним Дмитрием, уморив его голодом анонимно в одном из монастырей. Это была своя русская «железная маска».

Чтобы быть своим среди русских бояр-княжат, византиец Василий III женился на дочери боярина Сабурова Соломонии. Второй его брак на литвинке Елене Глинской еще более обострил борьбу за власть среди группировок знати. Оставив трехлетнего сына Ивана наследником с регентским советом, он на

полтора десятилетия обрек страну на боярские распри и грызню за власть. Здесь уже было не до мудрых решений и взвешенных поступков.

Только молодой, первый в истории России царь, Иван IV со своим правительством – «избранной Радой» – в ходе ряда реформ попытался реализовать намерение деда. Поскольку единый централизованный государственный аппарат ещё только создавался и были сильны в своих уделах и крупных вотчинах князья и бояре, то в полной мере казенную регалию на винокурение и винопродажу обеспечить было невозможно. Жесткий запрет был объявлен только на частную продажу. Ведь через неё реализовывался доход от выкурки крепкого вина. Позволить хозяйничать в корчмах и кабаках местным властям в лице волостелей, а в городах – наместникам было бессмысленно. Свой хищный нрав они показали в годы боярского правления.

Наказания за нелегальное корчёмство, то есть за самовольную продажу тайно выкуренного «горячего вина», постоянно ужесточали. В середине XVIII века, например, в первый раз корчемника штрафовали на 10 рублей, а это стоимость доброго коня, и конфисковывали винное оборудование. Каждый член общины-селения, где жил нарушитель закона, за недонесение штрафовался на 5 рублей. В повторном случае община платила уже по 10 рублей, а хозяйство виновного конфисковывалось. Самого же с семьей отправляли в ссылку в Сибирь или на каторжные работы. В последнем случае обычно посылали в Рагервик, или в Забайкалье на Нерчинские заводы или на тракт в глуши Восточной Сибири.

Вместе с тем центральная власть понимала полную невозможность добиться абсолютного запрета частным образом курить крепкое вино. Слишком проста и доступна технология его получения. Поэтому всем разрешалось курить вино «про свой обиход», то есть для домашних нужд. Сословный подход при этом неукоснительно соблюдался. Если думные и московские чины курили для своей многочисленной дворни до 1000 ведер, то простолюдины могли задействовать емкости для сусла, или затора, не более 1,5 ведра (около 19 литров). При этом «котлы,

казаны и кубы» следовало предъявлять в канцелярию, магистрат или земскую избу для особого клеймения и заплатить полтину (50 копеек). В уважительных случаях – свадьба, похороны, крестины и т. д. – брали в аренду за отдельную плату казенные ёмкости в 2–3 раза побольше. Знатные и богатые могли со своих винокурен поставлять подрядом вино в казенные кабаки.

Самыми большими вопросами были эффективный контроль за винопродажей и организация казенного винокурения. До времен Петра I и Екатерины II бюрократического, то есть профессионального, на постоянном жаловании, разветвленного и отраслевого, аппарата власти и управления не было. Всё лично свободное и хозяйственно самостоятельное население имело в той или иной степени властные функции. Выдающийся современный историк Борис Николаевич Миронов даже считает возможным говорить о существовании до Петра I «народной монархии»[5].

Развернуть сеть казённых винокурен и кабаков для продажи вина (позже питейных дворов) центральная власть не могла из-за нехватки средств. Ведь даже за военную службу рассчитывались землей, то есть правом получения дохода-ренты с её жителей. Местные власти в лице наместников в городах и волостелей в сельских волостях, получая содержание – «корм» с населения, а не из казны, вели себя как микрогосудари. Они обычно были родовитыми боярами, а некоторые боярами-княжатами из бывших самостоятельных и удельных княжеств. Некоторые – даже выходцами из рода Рюриковичей, как и сам Иван IV.

Молодой, высокообразованный книжник, царь со своими достойными советниками в ходе земской реформы заменяет местные власти выборными от крестьян и посадских земскими старостами, «излюбленными головами» и их помощниками – «целовальниками». Эту верхушку сложных волостных и городских общин вместе с воеводами учрежденных уездов обязали сооружать на казенный счет винокурни и кабаки. Ежегодно выбираемая обслуга – кабацкие головы, винокуры, ларешные, целовальники-продавцы и их помощники – вели строгую отчетность кабацким деньгам под общим контролем воевод. Особой платы лица, занятые питейным делом, не получали. Это была новая, на общественных началах натуральная повинность. Пер-

воначально разрешалось по городам иметь только по одному кабаку. Со временем власти вошли во вкус и кабаки (с 1652 года – питейные дворы) стали расти как грибы, наступая всё более на физическое и нравственное здоровье своей страны.

Введённый Иваном IV порядок стал в принципе организационной основой сети чисто казенных предприятий (винокурень, винниц, винных дворов, каштаков и заводов) по выкурке горячего хлебного вина – полугара и одинарной водки – и его реализации.

Но до особой ведомственной отрасли государственного хозяйства с техническим и управленческим персоналом и наёмными работниками винокурению было очень далеко. Этот процесс затянулся до середины XIX века, когда действительно сложился бюрократический аппарат. И дело заключалось не только и не столько в слабом административном ресурсе власти. В этой области в сословно-общинной России верховная власть, естественно, стремилась максимально задействовать общественный ресурс, а не развивать чисто товарно-денежные отношения в сферах производства вина и торговли им.

Усугублявшееся в XVII–XIX веках классовое разложение трудовых сословий города и деревни в позднерусское Средневековье привело к новому этапу и уровню масштабного социального сотрудничества имущественных верхов трудовых «тяглых» сословий с властью. Это достигалось сдачей на откуп продажи алкогольных напитков отдельным богатым лицам из трудовых сословий и в целом сложным волостным и уездным городским общинам «на веру», а также периодически вводимым, до 1864 года, откупам на производство напитков на казенных арендованных и частных винозаводах.

В XVII–XVIII веках откупная система усложнилась. Частные винокуреньные заводы конкурировали с казенными, заменяя их по воле верховной власти полностью в 1709–1716 и 1756–1767 годах. Крупные откупщики-купцы чаще не строили свои винозаводы и питейные дома, а арендовали казенные, оплачивая содержание военной охраны из солдат или казаков и заводскую прежнюю администрацию. Создавалась и своя вольнонаёмная администрация при крупных подрядах, во всю губернию либо целый регион страны, как это было в первой половине XIX века.

Укрупнение винокуренного производства теоретически должно вести к складыванию мануфактурного производства и переходу его к фабрично-заводскому с техническим перевооружением. Однако центральная власть неохотно содействовала этому техническому и социальному прогрессу. Тактически выгодно было оставлять производственную базу винокурения на принудительном, в основном на труде каторжных, вечноотданных, ссыльных, бродяг, казенных недоимщиков – должников. Казенная же продажа питий долго оставалась общинной натуральной повинностью.

Технологически винокуренная промышленность до второй половины XIX века оставалась простой кооперацией. Крупные и товарные объемы вина, причем заданные сверху, получали в десятках и сотнях мелких производственных единиц в виде котлов, чанов, кубов и тиглей. Только система водяного охлаждения и сбора отходов – барды – была общей. Мало того, действие заводов носило сезонный характер и вдобавок лимитировалось таким быстро не возобновляемым сырьём, как лес, что периодически вызывало закрытие заводов из-за утраты их рентабельности.

Об устройстве же винокурен в конце XVII столетия можно судить по описанию, сделанному одним из помощников Петра I шотландцем Гордоном, который во время своей поездки по казенным делам к Азову осматривал винокуренный завод в городе Ольшанке и следующим образом его описывал: «Третьего мая 1697 года я увидал здесь место, где перегоняют вино. Помещение состояло из дома, в котором находились печь и котел для кипячения воды. На той же стороне был большой заторный чан; на другой стороне две большие печи, внизу отделенные одна от другой, а наверху соединенные. На той стороне, которая прямо приходилась к наружной стене, были в каждой печи вмазаны два котла, всего четыре...

В заторный чан, вмещающий в себе 4–5 бочек, кладут 9 квартов или четвериков (9 пудов – Г.Б.) ржаной муки, если же к этому подмешать солоду, то лучше. Затем нагревают воду в большом котле до кипения и обливают ею ржаную муку, затирая ее как пиво... Массу оставляют стоять целые сутки, после чего прибавляют дрожжей и опять оставляют ее стоять сутки для брожения...

По истечении этого времени наполняют бродящей жидкостью маленькие котлы, снабженные крышкою, на которой примазаны хлебным тестом в кружок довольно длинные, плотно закрытые трубки...

Перегонку продолжают до тех пор, пока масса в котлах не пригорит, или пока не станет переходить только водянистая жидкость, которую называют риком... Перегнанную жидкость собирают в нарочно подставленных сосудах и переливают в бочку... Перегонять его лучше без хлеба и солода (т. е. без гуци. – Г.Б.)...

Жидкость, полученную при первой перегонке, перегоняют вторично, от чего получается более крепкое вино...

Из одной бочки муки (одной четверти) получается 5 ведер вина; выкурка, однако же, значительнее, если, при затирании, к ржаной муке прибавлять солоду» [6].

Видный специалист по винокурению второй половины XIX века К.С. Кропоткин подчеркивал, «что затор делался без солода, но советовалось прибавлять солод. Если же этот совет не исполнялся даже в позднейшее время, то это происходило единственно от дешевизны хлеба. Как бы мал ни был выход спирта, все-таки выгоднее было перерабатывать хлеб на водку, чем непосредственно его продавать» [7].

1.3. «ЗЕЛЕНый ЗМий» ЗА УРАЛОМ. СОСТОЯНИЕ ВиноКУРЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XVII – НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

В Сибири винокурение имело ряд отличий от российского.

Во-первых, так как в Сибири почти не было помещиков-дворян и крупных купцов, то в организацию казенного винокурения властям пришлось привлечь купцов из-за Урала или доходы от местных налогоплательщиков. Причем это новая натуральная повинность была явно тяжелее в сибирских условиях.

Во-вторых, сравнительная малочисленность русских и аборигенов в Сибири лимитировала размеры получаемых средств и замедляла начало и процесс складывания на местах казенного винокурения. Первые винокурни появились позже российских и были небольшими.

В-третьих, казенные и частные потребности в вине в XVII веке закрывались за счет привоза его из-за Урала.

В-четвёртых, из-за нехватки хлеба в Приенисейском крае и Восточной Сибири Тобольск, столица всей Сибири, не раз запрещал или приостанавливал работу казенных винокурен и каштаков, и тем более частную выкурку вина.

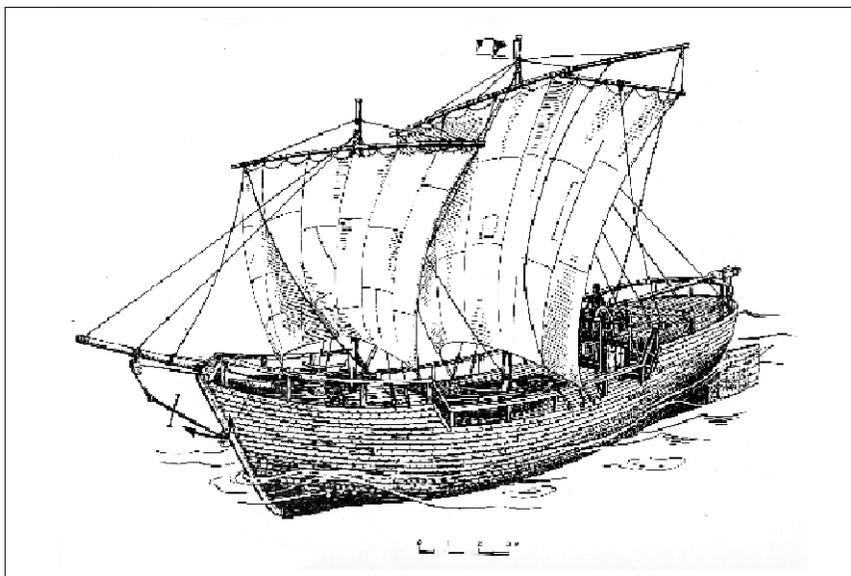
В-пятых, масштабы местного винокурения были незначительными. В ход шло обычно свободное от потребительских нужд зерно, причем не только рожь, но и такие фуражные культуры, как овес и ячмень.

В-шестых, обеспечение основным сырьем – хлебом (в отличие от Европейской России) – носило в Сибири, с устройством государственной десятинной пашни до 1762 года, фискально-ведомственный характер. Хлеб не закупался, а шел с казенной пашни и оброчного провианта. Вместе с тем видную и нередко ведущую роль в функционировании и обеспечении доходности от винокурения играло местное и особенно городское самоуправление. Сибирские власти с 30-х годов XVIII века стали навязывать сложной уездной посадской общине строительство винокурен, их обслуживание и реализацию напитков. В этом случае вся община оказывалась коллективным откупщиком, отвечающим материально за спущенный сверху на очередной 4-летний срок доход от напитков. Этот так называемый откуп «на вере» практиковали до середины 90-х годов XVIII века.

Отмеченные особенности в полной мере проявились в Средней Сибири. Заселение и освоение Сибири стало одним из главных подвигов русского народа. Его, во многом мирное, движение на восток, «встречь солнцу» началось очень давно, еще в XI веке. К Енисею землепроходцы вышли в середине XVI века. В это время в его устье уже заходили поморские суда-кочи. В конце XVI – начале XVIII века первые изображения Енисея появляются на русских и иностранных картах.

Движение русских в Сибирь активизировалось с конца XVI века. Крепнувшее Российское государство расширяло торговые отношения с развитыми западно-европейскими странами. Пушнина там пользовалась большим спросом, а ее запасы

в Европейской России истощились. Крупное купечество тоже стремилось к сибирскому «мягкому» золоту. В свою очередь, английские и голландские частные компании пытались самостоятельно торговать в Сибири, что вызвало запретные меры со стороны царских властей.

Рис. 1. Поморский коч (реконструкция М.И. Белова)

Территорию Приенисейского края накануне прихода русских занимали этнически пестрые группы, стоящие на различных уровнях развития. В низовьях Енисея находились самодийские племена, в бассейне Нижней Тунгуски и Ангары – эвенки (тунгусы), по Енисею на юг Маны – кеты. Эти народности (всего 10–12 тыс.) добывали средства к существованию охотой, рыболовством, жили родами, которые уже начинали распадаться.

В конце XVI – первом десятилетии XVII века к ним для пушных промыслов и торгов пришли русские промышленники. Когда в 1607 г. мангазейский воевода Жеребцов ставил в устье Турухана укрепленное ясачное Туруханское зимовье, то в его округе уже находилось несколько промысловых зимовий.

Вверх по Енисею до места постройки Енисейского острога тоже цепочкой шли русские зимовья.

С освоением Нижнего Енисея объяснение енисейских остяков, самодийцев и тунгусов пошло интенсивнее, причем с 20-х годов XVII века промышленные и торговые люди стали содействовать этому процессу. У посланных для «проведывания новых земель» мангазейских и енисейских казаков они оказывались проводниками, а нередко и дополнительной военной силой. Дело в том, что расширение промысловой деятельности русских и установление ясачного режима нарушали интересы коренных жителей. Вместо жалоб на опромысливание своих охотничьих угодий, а порой и грабежей ясачные все чаще пускали в ход оружие. Они убивали промышленников и ясачных сборщиков, разоряли зимовья, станы и охотничьи ловушки. Поэтому ясачный сбор стали совмещать с охраной промышленных и торговых людей.

Вместе с тем нельзя преувеличивать остроту и масштабность противодействия местного населения русскому проникновению. В противном случае малочисленным русским не удалось бы за каких-то 30 лет пройти всю Восточную Сибирь и выйти к Тихому океану.

Южнее Красноярска по левой стороне Енисея обитало несколько тюркоязычных племен: по р. Кача – качинцы, южнее, в междуречье Верхнего Чулыма и Енисея – алтысары, езерцы, по р. Белый Июс и верховьям Томи – сагайцы, по р. Абакан и его притокам – алтырцы и бельтиры. По правой стороне Енисея кочевали самодийские, угорские и кетоязычные племена, по р. Мана – кашинцы, в междуречье Маны и Верхнего Кана – камасинцы, по Енисею в районе Караульного острога – яринцы, в низовьях р. Казыра – байкотовцы, по р. Туба – тубинцы, у подножий Саян – моторы. У этих племен (всего 15–18 тыс.) было кочевое охотничье-скотоводческое хозяйство. В VIII в. у них прошел, хотя и в разной степени, процесс классообразования.

Ведущее место занимали тюркоязычные группы, обитавшие в степях Среднего Енисея и известные у русских как «енисейские киргизы». Их численность, согласно подсчетам

А.А. Арзыматова, не превышала 10 тыс. чел. К.Г. Копкоев считал, что енисейские киргизы представляли собой просто аристократический род-сеок хакасов, насчитывающий не более 1500 чел. В политическом отношении все население входило в четыре княжества (улуса): Езерское, Алтырское, Алтысарское и Тубинское. Сколь-нибудь прочного единого политического объединения до 60-х годов XVII века у них, по-видимому, не существовало. Князь каждого улуса имел зависимых данников – киштымов – из числа соседних мелких родоплеменных групп. Киштымы выплачивали киргизам дань, или албан, прежде всего пушниной. В свою очередь, киргизские улусы зависели от более сильных соседних южных государств: Джунгарии и монгольского государства алтын-ханов. Албан, который выплачивался джунгарскому хунтайджи и алтын-хану, киргизские князья также выколачивали из своих киштымов.

Енисейский воевода Яков Игнатьевич Хрипунов поставил перед правительством вопрос о строительстве на Среднем Енисее нового острога, который был построен в августе 1628 года.

Рис. 2. Основатель Красноярска Андрей Ануфриевич Дубенский (реконструкция Виктора Бахтина)

С первых дней Красноярску пришлось оружием и дипломатией утверждать право на существование. В «бунташном» XVII веке царское правительство еще не имело в Сибири значительных военных сил. Поэтому оно часто ограничивалось активной обороной, организуя на границе с «немирными киргизскими землями» цепочку укрепленных острогов-крепостей, которая постепенно передвигалась к югу. Вместе с тем центральные и местные власти проводили политику, направленную на привлечение киргизов и их киштымов на свою сторону. Гибко использовались противоречия между государствами северных монголов и «черных» калмыков, которые тоже претендовали на господство в районах Среднего и Верхнего Енисея. Киргизские князья, лавируя между монгольскими джунгарскими правителями, долго не хотели даже делить свою власть и албан-ясак еще с русским, как они называли, «белым», царем. Их противодействие чаще всего носило характер грабительских набегов на русские селения и кочевья киштымов, принявших русское подданство.

Длительная, почти столетняя борьба России за юг Приенисейского края протекала в часто меняющейся политической обстановке при различной расстановке сил, велась она разными методами и с неодинаковой напряженностью во времени. До 1647 года она характеризовалась наименьшим вмешательством других государств в русско-киргизские отношения. Джунгария еще складывалась в единое государство. Монгольские алтын-ханы, главные сеньоры енисейских киргизов, были заняты междоусобицами. «Золотой царь» Кунакчей рассчитывал опереться на Россию в борьбе с наиболее опасными врагами. Он в 1616 году формально признал себя московским вассалом. Его сын Омбо Эрдени тоже приносил «шерсть» на верность Москве в 1634 и 1636 годах. Русские воеводы использовали эти присяги для обоснования своих прав на объясачивание коренного населения юга Приенисейского края, хотя алтын-ханы по-прежнему считали енисейских киргизов своими киштымами. Киргизские князья, тайно вдохновляемые теми же алтын-ханами, организовали в 1630, 1634, 1635 и 1636 годах разорительные набеги на Красноярск и ближайшие деревни. Источники тех лет сообщали, что киргизы побили много служивых, кре-

стьян и ясачных на пашнях, сенокосах, рыбных ловлях, «жен и детей у них в плен поймали... изжатый и насыянный хлеб выжгли и конями вытоптали». В результате ответных походов 30–40-х годов русские упрочили свое положение в ближних к Красноярску ясачных землях и закрепились в бассейне Среднего Кана и Верхней Уды. Были основаны Канский острог (1636), первый Ачинский острог (очевидно, в устье р. Серж в 1641 году) и Нижнеудинский острог на Уде (1646).

В последующее до 1660 года время воеводы Красноярска, действуя более дипломатическим путем, нежели оружием, добились серьезных успехов в объясачивании коренного населения Среднего и Верхнего Енисея. Во многом эти успехи были обусловлены начавшейся ожесточенной борьбой между алтынханами и Джунгарией. Не только киштымы, но и многие киргизские роды признали над собой власть России и начали вносить ясак. Молодой северомонгольский хан Лоджан в 1661, 1664–1665 годах посылал послов в Москву, чтобы получить военную поддержку. По мере успехов джунгар Лоджан предлагал России поставить острог то на Кемчике, то на Абакане, то на Тубе. Русское правительство за помощь требовало присяги на подданство и официального отказа от прав на албан с земель, которые уже платили ясак в царскую казну. Посольству Зиновия Литоса (1663), вероятно, удалось заключить русско-монгольское соглашение о сферах влияния на Верхнем Енисее. Россия добилась ликвидации двоеданства для 300 «луков» обитателей правобережья Енисея. Это была крупная дипломатическая победа.

После посольства Литоса Лоджановы послы прибыли в Москву и принесли присягу на вечное подданство России. Затем в 1665 году томские служивые люди Роман Старков и Степан Боборыкин после переговоров с Лоджаном сами обследовали место предполагаемой постройки острога и передали особый чертеж для исполнения в Томск. Однако для реализации достигнутого соглашения не хватило времени. Пока воеводы Томска и Красноярска готовились к строительству острога для защиты Лоджана, хунтайджи Сенге, вероятно, узнав о русско-монгольском договоре, действует быстро и энергично. Джун-

гарские войска вторгаются в Хакасию и в 1667 году наносят сокрушительный удар по силам Лоджана. Сам хан с семьей попадает в плен и подвергается обдуманному тяжкому бесчестью: ему отрубили по плечо правую руку, подписавшую договор с Россией, а в рот, принесший подданическую клятву Москве, положили собачье мясо. Так Сенге для всей «Киргизской земли» символически объявил Лоджана политическим мертвецом, а его соглашение с Россией – недействительным.

Затем хунтайджи начинает открытые военные действия против России, добиваясь монопольного права на сбор албана с енисейских киргизов и их киштымов. В мае того же 1667 года соединенные силы джунгаров, киргизов и тубинцев осадили Красноярск, требуя выплаты албана со всех русских ясачных. Красноярцы отбились с большим трудом, потеряв 194 человека убитыми. Окрестные деревни были сожжены, многие женщины и дети попали в плен, скот угнан. Затем почти ежегодно с 1670 по 1680 год киргизский князь Иреняк продолжал водить киргизско-джунгарские отряды в разбойничьи набеги на Томск, Красноярск, остроги, деревни и юрты русских и ясачных. Особенно тяжелым был набег в сентябре 1679 года, когда Красноярск оказался на волосок от гибели, а в уезде сожгли 16 деревень. Тем не менее Россия сделала в эти годы еще один шаг в присоединении юга Приенисейского края. Упорное сопротивление русских, внутренние распри и тяжелые затяжные войны с киргиз-кайсаками и Маньчжурией вынудили нового хунтайджи Галдана отказаться от притязаний на полное господство в бассейне Среднего Енисея. Начиная с 1679 года он уже добивается от России соглашения на установление «двоеданства». С этого года после тридцатилетнего перерыва енисейские киргизы стали регулярно давать аманатов и ясак в Красноярск, хотя делали это крайне нерегулярно. В 1683 году для закрепления в Среднем Причулымье был возобновлен Ачинский острог, правда, уже на новом месте, в устье р. Ачинка на территории современного Ачинска. Судя по малым размерам, гарнизон состоял максимум из 10 казаков-годовальщиков.

В 1685–1690 годах на юге Приенисейского края наступило затишье. Джунгария ведет войну с казахами, мобилизовав для этого все силы Киргизской земли. Гибель в 1687 году в ожесточенном четырехдневном сражении у Телецкого озера почти всего джунгарского войска и 300 енисейских киргизов во главе с Ирентяком еще более разрядила обстановку. В 1690 году сын Ирентяка Корчун подтвердил договор 1685 года и обязательство вносить ясак по одному соболу с человека.

С 90-х годов XVII века начинается решающий этап в борьбе России за включение Северного Присяянья и верхнего Причумылья в свои пределы. Рост населения восточных уездов Сибири вызвал острую нехватку продовольствия. Енисейский земледельческий район часто не мог дать нужное количество продовольствия, поскольку наиболее благоприятные в земледельческом отношении земли не были освоены. В Красноярском уезде по-прежнему не хватало своего хлеба. Не случайно в конце XVII века начался в крупных масштабах сдвиг русского населения Енисейского края на юг и юго-восток.

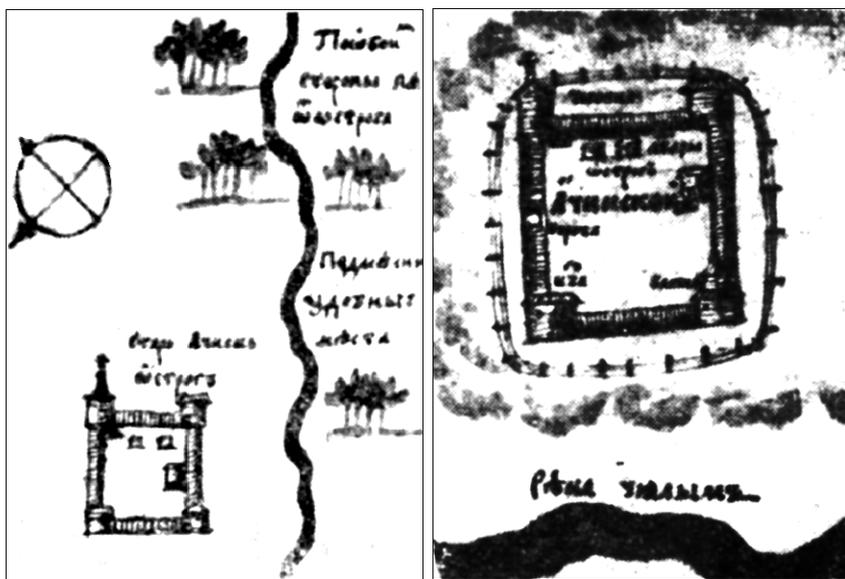
С другой стороны, в России к концу XVII – началу XVIII века возросла потребность в пушнине. Из-за перепромысла зверя ее поступление все сокращалось, а «заморская торговля», Азовские походы, Северная война и хозяйственные предприятия Петра I поглощали громадные средства. Правительство настойчиво требует от сибирских воевод упорядочения сбора ясака и «приискания новых земель». По-новому в это время пытается подойти Петр I к рудным богатствам Урала и Сибири. Так, в 1697 году на севере Киргизской земли на речке Каштак, притоке Кии (ныне это территория Томской области), обнаружена была серебряная руда. По именному указу Петра там поставили Каштацкий острог и в течение двух лет пытались наладить выплавку серебра. Для обеспечения безопасности рудознатцев правительство потребовало активной борьбы с енисейскими киргизами.

Изменившаяся внешнеполитическая обстановка в Южной Сибири также диктовала необходимость активизации России. Неоднократные переговоры и соглашения с главой енисейских киргизов Ирентяком, а затем с его сыном Корчуном в 70–90-е

годы XVII века показали бесперспективность мирного исхода русско-киргизских территориальных споров при продолжающейся зависимости князей от Джунгарии. Ведущие же киргизские князья, не желая видеть реальной расстановки сил, продолжали ориентироваться на Джунгарию, бесплодно истощая тем самым силы своего народа. Так, в 1692–1693 годах князья совершили несколько набегов на Красноярский и Томский уезды. Тревожно было в 1698 и 1699 годах. В сентябре 1700 года несколько киргизских отрядов одновременно напали на Кузнецк и Красноярск. В 1700–1701 годах в результате ответных походов на Абакан объединенных красноярских, томских и кузнецких отрядов во главе с красноярским сыном боярским К. Самсоновым (всего 728 служилых) и томским сыном боярским С. Лавровым (515 человек) были разгромлены основные силы киргизов. Удар был нанесён главным образом по улусам наиболее сильных и в то же время наиболее послушных Джунгарии князей. Это усилило прорусскую ориентацию трудового коренного населения Среднего и Верхнего Енисея, видевшего в подданстве России конец разорительной системе «двоеданства» и возможность мирного труда.

Джугарские зайсаны и киргизские князья стали понимать бесперспективность активной открытой борьбы с Россией. Джунгария вдобавок продолжала воевать с маньжурским государством, с казаками и тяньшанскими кыргызами. В этих условиях джунгарский правитель – хунтайджи – с частью киргизских князей решает временно отказаться от борьбы с Россией за юг Причулымья и Енисея. Однако знать не желала терять главный источник своей власти – людей. В 1703 году была сделана масштабная попытка увести обитателей этих территорий во внутренние районы Джунгарии. Историки спорят о масштабах «угона» – от трети до двух третей, но ситуация переломилась. Для объясачивания оставшихся племен-родов (сеоков) и обеспечения безопасности силами почти 1000 казаков из Томского, Кузнецкого, Красноярского и Енисейского уездов поставили в 1707 году крупный Абаканский острог (старое с. Краснотуранское). С запада решили усилить защиту. Второго фев-

раля 1709 года сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин приказал тобольскому дворянину Савве Цицурину, приказчику Мелесского и Ачинского острогов, построить вновь Ачинский острог со всякими оборонительными крепостями, а в Мелесском велено построить новую башню за две избы, а к острогу учинить надолбы (рогатки) и ров выкопать и укрепить сваями». В своей «сказке» – рапорте 1710 г. – Цицурин доложил: «по Великого государя указу, построил я, Савва, Ачинский острог новый, со всеми оборонными крепостями в самом крепком удобном месте» и приложил чертеж его (рис. 3) [8]. На этом же чертеже он изобразил для сравнения Ачинский острожек, поставленный в 1683 году.

а б
 Рис. 3: а) – старый Ачинский острог 1683 г.;
 б) – Ачинский острог на р. Ачинка 1710 г.

Местному населению, проживающему в бассейне р. Енисей, было неизвестно пашенное земледелие, а пришедший русский человек без хлеба обойтись не мог. Поэтому до середины XVII века регион жил исключительно за счет хлеба, привозимого из

Западной Сибири и Европейской России. Хлеб ввозили правительственные отряды, торгово-промышленные люди и переселенцы.

Численность пришлого населения стремительно возрастала, достигнув к началу XVIII века около 35 тыс. человек, соответственно, увеличилась и потребность в хлебе. В связи с этим государство предприняло ряд мер по организации и поощрению сибирского земледелия.

Во-первых, грубо нарушались статьи главы 9 Соборного уложения 1649 года, этого кодекса законов России, действовавшего до Свода законов Российской империи, введенного в 1832 году. Беглых владельческих крестьян из Сибири не высылали к прежним владельцам, а, наоборот, помогали обзавестись хозяйством. Для этого в Приенисейском крае воеводы Мангазейского, Енисейского и Красноярского уездов каждой семье давали «подмогу» – безвозмездную ссуду от 5 до 20 рублей, не считая лошадей и коров, а по необходимости и возвратную ссуду на 3 года. При этом местные власти нередко вытребовывали из-за Урала для холостых пришлых и «повороченных на пашню мужиков» «девок и женок зазорных».

Во-вторых, землю, объявленную государственной собственностью, можно было пахать сколько кому заблагорассудится: и казакам – в зачет хлебного жалованья; и посадским, так назывались члены торгово-ремесленного сословия – с уплатой с каждого десятого, а с конца XVII века пятого снопа; и, конечно, крестьянам. Последние вместо хлебного оброка должны были с каждой 4,5 десятины своей, как тогда говорили, «собинной» пашни, пахать на казну одну десятину. Урожай с этой десятины шел в казну. Состав культур тоже определялся воеводами.

В результате совместных усилий пришлого люда и властей к началу XVIII века Центральная Сибирь стала преимущественно «ржаной» страной и обеспечивала себя хлебом. На 35 тыс. населения при посеве 5 тысяч десятин собиралось до 500 тысяч пудов различного зерна. При этом сохранялись для хлебопашества огромные ресурсы, ибо пахотный клин размещался в малоплодородном Енисейско-Красноярском районе. Самые плодородные земли Среднего Причулымья, притрактовой полосы,

Сыдо-Ербинской и Минусинской котловин, а также Канской лесостепи оставались недоступными русской сохе.

Местное винокурение началось по мере появления хлебных излишков. Нет сведений, когда оно началось. Известно, что и в середине XVIII века крупные партии хлебного вина поступали в край, а через Енисейск, главные с XVII века ворота в Восточную Сибирь, и в заенисейские уезды. Небольшие частные винокурни – каштаки – могли появиться в первую очередь в хлебном Енисейском уезде во второй половине XVII века.

При этом для получения горячего хлебного вина пригодился развитый в крае опыт смолокурения и выгонки дегтя из бересты. Енисейские, красноярские и томские воеводы (Среднее Причумылье входило в Томский уезд) поощряли частное винокурение, продукция которого должна была поступать через винные подвалы в казённые кабаки, а с 1652 года – кружечные дворы. Количество «питий» обязательно оговаривалось в воеводской приказной избе, как и цены. По сути, это был подряд за плату на поставку заказанного количества продукции с обычным задатком в треть общей договорной суммы.

Одними из первых в Средней Сибири в 70-е годы XVII века винокурение завели на Ангаре московские торговые гости – крупные купцы, братья Ушаковы. Кроме вина, они взяли соляной подряд, а также поставку из-за Урала более 2 тысяч ведер хлебного вина.

В целом, подрядные частные крепкие напитки уступали привозному вину, хотя в Сибири до Петра I казенная винная монополия на выкурку не вводилась. Судя по воспоминаниям старожил, собранным председателем Енисейской губернской казённой палаты И.С. Пестовым, самым известным частным винокуренным заводом был Каменский, основанный более 160 лет назад, в 1663 году неким Скрепковым. Он стоял всего в 24 верстах от крупного в то время Енисейска на правом берегу Енисея, в устье речки Каменка. Не исключено, что старожил подвела историческая память и завод поставили в конце XVII века на казенные деньги откупщиком в соответствии с указом Петра I о строительстве в Сибири винозаводов.

Запреты 1681 и 1696 годов частного винокурения мало что изменили, но положили начало собственно казенному производству. Винокурни Ушаковых, возможно, Скребкова и иных отошли в казну и были явно развернуты. Для исполнения общего указа от 7 ноября 1698 года были посланы казённые грамоты о строительстве новых казенных винокуренных заводов в Сибири в шести городах, в том числе в Енисейске, Красноярске и Томске. Воеводы должны были «учредить радетельный промысел» – купить хлеб, построить дворы и винницы для вина, имея в виду, чтобы продажа вина восполняла «тамошние расходы». Чтобы убедиться в их прибыльности, велено произвести пробную выкурку из 10 четвертей (80 пудов) хлеба. Если «местная гонка» вина окажется «дешевле привозного с Верхотурья по цене за ведро 20 алтын с полугривенной (65 копеек. – Г.Б.), да привоз, да утечка – то курить». Енисейский Каменский и Иркутский заводы планировали сделать самыми крупными, минимум по 1000–2000 ведер. Хлеб следовало покупать в урожайные годы на 200–400 рублей, когда цены низкие. Для работ приставить «людей добрых, умеющих вино курить на кабацкие расходы и смотреть, что б на дворе и кражи, и подмесу, и какого воровства не было» [9].

В малохлебном ещё Красноярске протянули с выполнением грамоты о постройке казенного «винокуренного двора» с ежегодной продукцией от переработки купленного низкой ценой хлеба на сумму 300–400 рублей. Прибыль от продажи вина шла на жалованье казакам. Помешали быстрому исполнению важного для казны указа бурные события 1695–1700 годов, когда красноярцы более 3-х лет не принимали воевод, заменяя их выборными из своей среды «судейками». Только при умном и дальновидном воеводе Петре Мусине-Пушкине, ставшем на сторону восставших, прекратилось это самое длительное в Сибири народное движение, вошедшее в историю как «первая Красноярская шатость». 23 января 1701 года именно этот воевода доносил в Сибирский приказ, что винный двор он достроил, длина его 10 и поперек 8 сажень и 3 вершка (21,3 на 17 метров). От города находился в особом месте и огорожен

забором. Внутри двора размещались медные котлы и винные из кирпича печи, избы и амбары [10].

Судя по сдаваемым в 1706 году откупным деньгам за вино, Красноярский винный двор давал в два с лишним раза меньше, чем положено, продукции, а значит, и дохода. Бывший красноярский откупщик Демид Долгов сдал до 485 рублей, а с енисейского Павла Дементьева следовало получить 1087 рублей 30 алтын 1 деньгу [11]. Оно и понятно. Население Красноярского уезда с городом были на две третьих меньше енисейского, а своего хлеба иногда не хватало. Доход же от винного двора был тоже явно меньше предписываемого. Обычно в те времена доход от проданного вина примерно в 3 раза превышал его себестоимость. А ведь планировали только на сырьё расходовать минимум 300 рублей.

Следует отметить, что казенная винная монополия на производство вина оставалась неполной. Частное подрядное винокурение допускалось при условии уплаты «поведерного» сбора по 10 копеек за ведро. Однако растущие доходы на Северную войну, которая затягивалась, несмотря на блестящую победу под Полтавой, подвинули Петра Великого перейти к полному запрету частного винокурения. Серией указов 1708–1710 годов всем сословиям, даже дворянству, запрещалось не только курить вино для поставки в казну, но и для домашних нужд, «про свой обиход». Стремление заставить всю страну свои нужды в горячем хлебном вине удовлетворять в казенных заведениях, было явно утопичным. Против нелегального винокурения бесильно было и старинное русское средство – доносы. Не помогла и серьёзная материальная заинтересованность. У «утайщиков» конфисковывалась половина всего имущества, а одну четвертую часть его получал законопослушный доносчик [12]. Попытки сначала конфисковать перегонные «кубы», а позже их выкупать в хозяйствах у «всякого чина людей» провалились, особенно у дворянства и монастырей. С другой стороны, в стране, особенно в Сибири, казенная винокуренная промышленность не могла резко увеличить мощности, а местная администрация была не в состоянии, да и не хотела пресечь самовольную выкурку вина.

О сложностях казенного винокурения в Средней Сибири и невозможности только его продукцией обеспечить доходность при полной винной монополии свидетельствует доношение в мае 1710 года в Сибирский Приказ Красноярского воеводы Григория Ивановича Полуектова. По его словам, близился новый рабочий сезон, а Красноярский винный двор был в плачевном состоянии. Выкурку горячего вина в нем начали не с поздней осени 1709 года, а с 20 февраля 1710 года. На 9 мая всего было «выщежено лишь 64 без осьмухи ведра», да и прежний воевода ему сдал 31,5 ведра. «Различных материалов (продолжал воевода. – Г.Б.) – патрубков и кубов я принял малое число, чем было в 1709 году, да и те ветхи и сгорели». То есть, пользуясь сменой воевод, часть оборудования просто растащили. Полуектов не знал, что ему делать. Ведь, вновь «сделать или починить все нужное для сидки горячего вина в городе некому и негде. А так как в Красноярск купеческих людей приезжает малое число, да и совсем не бывает, то и купить негде. Медь же в привозе бывает, но очень дорога» [13]. Воевода, таким образом, расписался в своей бессилии обеспечить население города и уезда казенным вином, а значит, хотя бы на уровне прошлых лет обеспечить питейные доходы.

Парадоксальность политики казенной винной монополии в позднем русском Средневековье заключалась в том, что её реализовывали на местном уровне через органы самоуправления города и деревни, то есть в винные сверхдоходы, в среднем 300 %, изымались из бюджета трудового населения страны его же руками, паразитируя на человеческих слабостях через налогово-рентный механизм. Строительство винокурен и кабаков, развоз и особенно продажа казенных напитков стали новыми натуральными повинностями в составе посадского и крестьянского тягла. Традиционная трудовая порука их отбывания затрудняла частную хозяйственную инициативу зажиточных тяглецов и вольный найм, всё более насущный при переходе к мануфактурному товарному производству и продаже вина.

Окончательно утвердившийся к середине XVII века крепостнический режим тоже консервировал принудительные волевые методы реализации казенной винной монополии. На окраинах,

особенно сибирских, слабость сложных волостных и уездных общин, малочисленность их имущей верхушки обуславливали усиление не только контролирующих, но и хозяйственно-организаторских функций казны в деле получения питейной прибыли. Но слабость местных властей затрудняла эту задачу, а с другой стороны, расширялись формы и степень привлечения имущей верхушки и всего тяглого населения в винокуренно-торговую сферу экономики. Распространение откупов «на вере» было одним из действенных средств защиты ими своих экономических интересов.

Петр Великий не был бы Петром, если бы не умел контролировать свои проекты и признавать свои ошибки. 28 января 1716 года именным указом он возвращает прежний порядок неполной казенной винной монополии. Указ, в частности, разрешил «...во всем государстве, как высшим так и нижним, всяких чинов людям вино курить по-прежнему про себя и на подряд свободно с таким определением... кто во сколько кубов и казанов похочет вино курить... оные... измеряя осьмивершковым ведром и закрепостить... цифирными словами». Поведерный же сбор (причем любое неполное ведро считали полным) удвоили. Он вырос до полуполтины с ведра в год, составив 25 копеек. Разрешалось также оставшееся «от домовых расходов» вино отдавать на кружечные двory «с уговором в цену». Здесь законодатель оговаривал и наказание: за сдачу в аренду другим лицам питейных емкостей брать 5 рублей, а за самовольную продажу из них, то есть корчемство, – 50 рублей [14].

Для Центральной Сибири этот указ мало что изменил. Усилились самовольная «сидка» горячего вина и его продажа. Казенные двory-винокурни и каштаки не ликвидировали, так как подрядов на поставку частного горячего вина почти не было из-за отсутствия денег. Воеводам оставалось одно – организовывать откупа.

Как установил историк В.В. Буланков, в 20-е годы XVIII века курил вино для казенной поставки енисейский дворянин С.Е. Истопников. «Винокуренная поварня» его находилась в городе. На ней работали крестьянские дети из Тобольского уезда А.С. Труба, И.С. Денисовых и тарский крестьянский сын

О.Я. Соловьев. Возможно, там же использовались посадские Григорий и Иван Чешкины. Истопников, скорей всего, курил вино из своего сырья. У него было довольно крупное хозяйство. По подушной переписи 1719 года, его семье принадлежали 19 душ мужского пола крепостных, да четыре человека жили по записи за «долговые деньги», и один гулящий – «в работе». Они жили на городском дворе, а также на трех замках в уезде [15].

По подборке решенных дел Красноярской воеводской канцелярии за 1735 год можно проследить начало деятельности очередного откупщика по Красноярску с уездом. «Малороссийский купец» Козьма Коневский уже жил в подгородном крупном селе «Ясоулово» (совр. Есаулово), когда взял винный и питейный откуп на 1735–1738 годы на сумму 1177 рублей 90 копеек. На треть суммы он «припустил» местного посадского Терентия Федорицкого. Компаньоны не сразу поладили. Так, 27 марта работник Терентия Ваханов вызвал на «улику» Козьму, то есть в суд.

Однако в мае «винокурный каштак» у д. Торгашино сгорел. Такая же судьба постигла казенную мельницу, которую он тоже откупал. Поскольку деньги за первую треть года Козьма уже сдал красноярскому «бургомистру» Якову Корнилову, то лесу для постройки винокурни, всего сто бревен, ему дали «с поручкой на срок». Для возобновления сгоревшего оборудования он местному пушкарю Варламу Суворову заказывает 4 винных чана. К июлю они были не готовы, на что откупщик 17 июля жалуется воеводской канцелярии. Для лучшего контроля за работой каштака Козьма решает переселиться в его окрестности. 13 октября он просит канцелярию отвести порожнюю землю для двора, огорода и подвала. Осмотр – «доезд» – и описание просимой откупщиком земли провел сын боярский Матвей Близневский. Для доставки вина водой откупщик купил за два рубля казенный дощаник, находящийся в с. Есаулово. В декабре он отпуская вино сборщикам ясака в Красноярском уезде.

Коневский также ревниво следил за попытками нелегально конкурировать с казенными кабаками. Он сам сообщал о кор-

чемниках в воеводскую канцелярию и городничему Бутину. Было заявлено о трех случаях в 1735 году незаконного винокурения. Так, 29 мая Козьма сам лично сообщил в канцелярию, что в деревне Заледеевой пашенный крестьянин Иван Новопашенных «воровски в доме своем вино делает».

Объемы выкурки вина Коневским трудно определить по имеющимся документам. Если судить по сумме сданных 23 декабря бургомистру поведерных денег в количестве 12 рублей 90 копеек, то всего он выкурил 129 ведер (собирали по 10 копеек с ведра).

Этого было явно недостаточно, поэтому Козьма принимал за договорную плату «покупное» от частных лиц горячее вино. С него сбор шел всего по 2 копейки, или «4 деньги», с полведра, потому что изготовители уже заплатили за разрешение через казенное клеймение котлов и чанов.

Вино поставлялось в 1735 году в два городских кабака – «верхний и нижний». Судя по кабацкому сбору за первую, январскую, треть года в сумме 52 рубля 67 копеек, горожане выпивали треть общеуездного количества горячего вина (общий кабацкий сбор составил 222 рубля 65,5 копейки). Интересные данные приводятся о составе монетного достоинства денег в уезде. Оба кабацких головы сдали откупщику, а потом в магистрат «мелкими» – 50 рублей 55,5 копейки, золотыми монетами – 8 рублей, серебряными – 160 рублей, медными пятикопеечными – 4 рубля 10 копеек. Самыми черными днями у обоих откупщиков, Коневского и Федорицкого, были дни начала января, апреля, сентября и декабря, когда они сдавали откупные суммы. Кроме того, они платили за аренду «кортомного каштака» 5 рублей и за мельницу 24 рубля 23,5 копейки ежегодно [16].

Представление о масштабах казенных винокуренных заводов в Сибири, в том числе о Каменском в Енисейском уезде в 30-х годах XVIII века дает описание немца на русской службе, естествоиспытателя Иоганна Георга Гмелина, посетившего в 1735 году винный каштак около Иркутска. Приведем его описание технологии в переводе Э.П. Зиннера: «(...размещены. – Г.Б.) 37 перегонных кубов в одном ряду, из каждого вели две

трубы, лежащие в желобе, по которому постоянно текла свежая вода. Водка течет по трубам в кадку, поставленную к каждой паре труб. Напротив перегонных котлов, но на более высоком месте, в один ряд поставлены восемь деревянных бочек, в которых бродит солод. Каждая бочка вмещает 147 пудов солода, а заправляются одновременно две из них. В каждую бочку, через засыпанный туда солод, пускают столько кипятку, пока он на несколько футов (фут равен 30,48 см. – Г.Б.) не покроет последний. Кипяток из большого пускают через желоб. Как это требует время года, добавляют из этого котла теплой воды, чтобы поддерживать брожение. Это длится обычно три дня. Когда брожение закончится, добавляют холодной воды, пока бочки не заполнятся почти до краев. На четвертый день начинают перегонку, и две бочки опустошаются за 24 часа. Водка не лучше и не крепче, чем молочная водка языческих народов, и вероятно, по этой причине ее и называют аракой... Чтобы сделать крепкую водку “*Spiritus vini rectificatus*”, ее еще раз перегоняют. Семь перегонных котлов достаточно, чтобы полученную араку превратить в вино... Через повторную перегонку из нее делают вино или настоящую водку. Если бы улучшить устройство, водку можно было бы отпускать в половину нынешней цены, если только соблюсти определенную температуру брожения и не допускать, чтобы при перегонке так много улетучилось. Я пошел в чулан, где хранится водка и где за пять минут можно потерять сознание из-за спиртовых испарений. Кадки, куда стекает водка, имеют в диаметре по меньшей мере один фут и стоят открыто, и трубка кончается на высоте полуфута над кадкой. В камере, куда стекает арака, все так же, и хотя запах не так уж силен, можно все же видеть, что много улетучивается. А так как в гуще солода, в самом низу бочки, содержится более всего спирту, было бы разумно этот осадок перегонять отдельно. Таким путем можно было бы сразу получить водку, но когда даешь такие советы отвечают: как делали наши деды, так и мы продолжаем» [17].

Выкурка же горячего вина для своих нужд, или тайной продажи, то есть самогонарение, технологически была явно про-

ще. Кустарное винокурение не менялось веками, судя по сибирскому описанию второй половины XIX века. Заквашенную бражку наливали обычно в чугунный, реже медный котел, закрывали его деревянной кадью или большим глиняным горшком. Место их соединения замазывали тестом или глиной. Котел устанавливался на камнях, а из его верха под острым углом выводилась медная труба в другой кувшин или иную металлическую емкость, которую помещали в кадку с холодной водой. Под котлом разводился огонь, из кипящей браги выделялись спиртосодержащие пары, которые проходили по трубке и, охлаждаясь, стекали в особую емкость. Полученная мутная желтоватая жидкость обладала неприятным запахом и вкусом из-за обилия сивушных масел. После перегонки ее и очистки, обычно древесным углем, получалось вино [18].

С 1730 года по Сибири за питейные сборы должны были отвечать магистраты и ратуши, то есть сложные общины городского и сельского торгово-ремесленного населения. Купцы и посад Красноярска не чувствовали себя достаточными брать по контракту «в вечное содержание» винный откуп. Только с 1 января 1751 года они решились на это, но на сумму прежних лет в 1178 рублей 90,5 копейки. Этой суммы они упорно держались 13 лет, хотя из-за бурного прироста населения винные сборы росли. Так, за 1742–1744 годы «настоящие кабацкие, кроме ведерных гривенных» ежегодно составляли 1651 руб. 23 $\frac{7}{8}$ $\frac{2}{3}$ 2 коп., а за все 13 лет до 1763 года Красноярская ратуша получила кабацких денег на 19 689 рублей 5,5 копейки. Ежегодно это составляло 1514 рублей 53 копейки, или на 336 рублей больше, чем они вносили в казну. Эти «остаточные деньги» оставались в ратуше для возмещения недобора в другие годы, на ремонт и строительство казенных зданий и прочие нужды. Ратуша построила себе на них новое деревянное здание, положила на свои канцелярские расходы 400 рублей, на отопление и ремонт 11 кабаков в городе и уезде тратила по 100 рублей ежегодно и платила прямые налоги за убылых своих членов. Тем не менее бургомистр, купец Иван Нашивошников, просил снизить сумму контракта, на что Сибирский Приказ привел эти

выкладки, отметив, что красноярцы исправно все годы вносили и кабацкие, и подушные деньги [19].

Другая история была у енисейцев. Откупщики со стороны по продаже вина с Каменского казенного завода находились до 1749 года. Так, в 1736 году им был некто Григорий Солтнер, плативший сбор вместе с пивом 6763 рубля 73,5 и 1/16 копейки. 21 марта 1749 года Енисейская провинциальная канцелярия объявила в Сибирский Приказ, что местный магистрат взял все сборы, в том числе кабацкие, по «мирскому согласию навечно». С этим 22 января 1750 года отбыл в Главный магистрат и Сибирский Приказ «выбранный чрез общее согласие... поверенный посадский Яков Прутовых с выбором и письменным уполномочием».

В Сибирском Приказе, исходя из сборов прошлых лет, насчитали платить ежегодно кабацких денег с прибавочными и поведерными по 10 копеек. Прутовых дважды отказывался платить больше, ссылаясь на то, что провинция обширная, целовальники с продажей вина едут в декабре, а возвращаются в августе, а зимой не ездят из-за стужи. Из-за их отлучек до 1,5 лет рапорты и деньги сдают не в срок.

Запросил Прутовых и право магистрату сдавать самому на откуп частным лицам, то есть субаренду разрешить. Стороны так и не договорились. Сибирский Приказ пригрозил, что если «в скорости» Енисейск не согласится, то они объявят в Москве конкурс на сдачу кабацкого откупа охотно желающим [20]. Енисейцев можно было понять – из их уезда уходили сами или по воле властей сотни и сотни семей. Уезд практически застыл в своем развитии.

В середине 50-х годов XVIII века правительство Елизаветы Петровны серьёзно меняет политику в области винокурения. Расчитываясь с дворянской знатью за свой приход к власти, дочь Петра I в 1754 году делится казенной монополией на производство «горячего хлебного вина» с дворянами-землеладельцами. Казенные винзаводы продаются, а дворяне получают право монопольно курить вино в своих «домовых» варницах для поставки их в казенные кабаки. Состоятельные люди из

прочих сословий, в том числе купцы и беспоместные дворяне к этому доходному делу не допускались.

Винокурению как отрасли экономики нанесен был серьезный урон. Особенно это затронуло Сибирь. Туда вновь, как в XVII веке, потянулись вереницы винных обозов зимой и караваны судов летом. Откуп на поставку вина с российских и казанских винозаводов взяли: за Енисеем – генерал-прокурор Глебов, в Тобольской же губернии – бывший фаворит Елизаветы, крупный сановник И.И. Шувалов. Таким образом, доходы непосредственно от винокурения стала получать только дворянская знать. Состоятельным лицам из тяглых сословий остались доходы лишь от продажи крепких и слабоалкогольных напитков. Это, естественно, сделало непривлекательным верный откуп сложным городским общинам. Доходы казны тоже снизились. Назревала необходимость изменения политики в отношении к винокурению промышленности.

Примечания

1. Курукин И., Никулина Е. Государево кабацкое дело. Очерки питийной политики и традиций в России. М.: Аст, 2005. Гл. I.
2. Похлебкин В.В. История водки. М., 2000; и др.
3. РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 1795. Л. 178–179об.
4. Похлебкин В.В. Чай и водка в истории России. Красноярск: Красн. кн. изд-во; Новосиб. кн. изд-во, 1995. С. 34–43. Автор необоснованно замалчивает роль А.А. Зимина.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Изд. 3-е. СПб.: Изд-во Дм. Буланин, 2003.
6. Дневник Гордона. Изд. Поссельта. СПб., 2011. С. 1849–1852.
7. Кропоткин К.С. Исторический очерк охмеляющих напитков. Винокурение. СПб., 1889. С. 351.
8. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 18. Д. 1859. Л. 8об. – 9.
9. Сметнева Н.В. Винокурение Забайкалья в XVII – начале XIX вв. Иркутск, 2006. С. 47.
10. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 5. Д. 1548. Л. 10 об. – 11.

11. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 5. Д. 2398. Л. 19 об.; Д. 2328. Л. 1.
12. ПСЗ-1. Т.4. № 2074; 2202–2204, 2550; Курукин И., Никулина Е. Указ. соч. С. 82–83.
13. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 5. Д. 1548. Л. 11.
14. Законодательство Петра I. М., 1997. С. 645; Курукин И., Никулина Е. Указ. соч. С. 84.
15. Буланков В.В., Шумов К.Ю. Енисейск. Очерки по истории развития и застройки города. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1999. С. 62.
16. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5176. Л. 41, 41 об., 56–58, 59, 65, 68 об., 91, 103, 135, 136, 161, 165, 198, 199 об., 201, 201 об., 202.
17. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1968. С. 162–163.
18. Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1909. С. 238–239.
19. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 4406. Л. 6–11, 50.
20. РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 2795. Л. 115–119; Ф. 273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 4406. Л. 1 об.

ГЛАВА 2. ПРЕДТЕЧА ЗАВОДА

2.1. ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ВЕЛЕНИЮ

Завод построен в золотой век императрицы Екатерины II. Историки не случайно так называют 34-летнее ее правление с 1762 по 1796 год. По длительности пребывания на престоле она уступала только Петру Великому. Правда, в отличие от первого российского императора, она по пути к верховной власти перешагнула через труп своего мужа, Петра III, и узурпировала на четверть века законные права своего сына Павла. Однако нужно отдать ей и должное. Как и Петр I, Екатерина II была редкостным среди российских монархов трудоголиком. Работая по 14 часов в сутки, эта немецкая по происхождению принцесса довольно быстро стала вникать во все проблемы страны. Естественно, не было обойдено вниманием винокуренное как самая доходная отрасль государственного хозяйства.

Рис. 4. Екатерина II

Во многом вопреки своим поверхностно прогрессивным взглядам, позаимствованным у европейских просветителей, Екатерина II укрепляет казенную монополию на производство и продажу «хлебного вина», но делает это более гибко. Главная ее идея в этой области – шире привлечь частные, в первую очередь дворянские, капиталы, не поступаясь в целом казенной монополией. В 1765 году подтверждается дарованное еще 10 лет назад Елизаветой Петровной право дворян-землевладельцев на выкурку вина для поставок в казенные кабаки и для домашних нужд. При этом неверно считать, что в 1765 году отказались от казенной монополии в пользу дворянства. Мол, всем прочим, прежде всего купцам, запрещалось заниматься этим прибыльным делом и предписывалось продать свои заводы. Это не так. Во-первых, это разрешение поместное дворянство получило еще 10 лет назад. Во-вторых, приемные и продажные цены жестко определялись казной в свою пользу, в результате чего огромная казенная прибыль являлась экономической формой реализации государственной винной монополии. С дворянами же казна только поделилась доходами от нее. В-третьих, купцы и другое имущее население через откупа тоже могли заниматься винокурением и продажей вина, арендуя казенные заводы и кабаки.

Указ 1765 года был нужен, так как 18 февраля 1762 года указ о вольности дворянства Петра III, подтвержденный через год его вдовой, отменил обязательность государственной службы «благородного» сословия и развязал руки его поместной верхушке. Одни ударились в непроизводительные траты и стали заводить большие псарни, крепостные оркестры, театры, усадебные на французский или английский манер ансамбли с парками, фонтанами, гротами и беседками. Иные же начали втягиваться в предпринимательство, вкладывать средства в промышленность, торговое земледелие, внешнюю торговлю и даже в промысловое освоение Русской Америки. Особенно привлекательными по высокой доходности и простоте технологии выглядели винокурение и откупа на продажу вина.

Расширяются также возможности у верхушки российского купечества для получения винных откупов. Однако в стране ре-

гулярно возникали перебои в снабжении страны «горячим вином», что убыточило казну. Для исправления положения в 1764 году была создана при Правительствующем Сенате специальная комиссия по винной и соляной продажам. В угоду европейски образованной монархини она пришла к выводу, что выкурку и продажу водки надо через откупа передать в частные руки, жестко контролируя объемы и цены на нее.

По материалам комиссии 1 августа 1765 года выходит «Генеральное учреждение о питейных сборах». В нем отмечалось, что сборы от вина составляли по России, не считая Сибири, более 4 млн. рублей. Эта сумма могла бы быть значительно выше, но верные сборщики в губернских и уездных городских магистратах лукавили. Они продавали свое вино по цене ниже казенной – не по 2 рубля 54 копейки, а по 2 рубля, имея с каждого ведра по 40 копеек прибыли. Поэтому верные продажи отменили, предписав всячески поощрять по губерниям крупные подряды компаниями.

Сдача подрядов проводилась на конкурсной основе. Претенденты на них должны являться на торги в губернские канцелярии в начале года. Через полгода торги заканчивались, а соглашение оформлялось специальным контрактом по регламенту Камер-коллегии, ведавшей всеми государственными имуществами. Для нужной коррекции цен срок подрядов ограничивался четырьмя годами. Для поднятия престижа откупщиков велено называть «коронными поверенными служителями» с правом носить шпагу. В их конторах можно было иметь «зерцало», то есть выписки их законов российских, что придавало им вид казенных учреждений. Непопулярное в народе название «кабак» сменили на «питейный дом», украсив его государственным гербом. Казенные кабаки с погребями, ледниками и посудой, так же как и винокуренные заводы, можно было передать в бесплатную аренду частным лицам – откупщикам, а при их отсутствии – продать желающим [1]. Интересно, что пошлины на «французскую водку» и вина повысили вдвое, дабы не было «подрыву продаже простого хлебного вина и пересиживаемого из оного водки» [2].

Через 8 дней 9 августа был принят более обширный «Устав о винокурении», развивающий вышеотмеченные положения [3]. Однако для Сибири Екатерина II сделала на время исключение. В ее именном указе от 18 октября 1765 года Сенату говорилось: «Хотя в опубликованном недавно генеральном учреждении о государственных питейных сборах исключены обе сибирские губернии, Тобольская и Иркутская, тем не менее должны состоять однако же оныя состоять под сим законом. Удаление и великая обширность сих губерний делают великую разность, но в распорядках токмо, а не в генеральном постановлении... Винокурение в Сибири пока случайно запрещено (из-за неурожая, развертывания военных частей и массового поступления ссыльных поселщиков. – Г.Б.), но разрешим, уповая на развитие земледелия. Подряд же вина в Тобольскую и Иркутскую губернии надо сделать в Казанской губернии, сыскав такую купеческую компанию, которая сразу в обеих губерниях возьмет подряд» [4]. При этом следовало стараться, чтобы среди откупщиков было больше дворянских фамилий. Учитывая огромные масштабы поставок, всего до 200 тыс. ведер разрешалось по старинке подряд раздробить на губернии и уезды. При этом все сибирские подряды должны были проходить через Сенат.

Сенаторы дерзнули не согласиться с ретивой монархиней, не представлявшей реально огромных размеров Российской империи, которая в полной мере выстрадала справедливость своей же поговорки – «за морем телушка – полушка (четверть копейки), да рубль перевоз». Доставка же водки в Сибирь с шуваловских заводов Поволжья делало зелье явно убыточным, так как масштабы завоза были огромными. По сведениям Сената, в Тобольской провинции ежегодно расходовалось до 170 тыс. ведер, а с Енисейской – более 84 тыс. [5]. С другой стороны, запрет же казенных закупок хлеба для сибирских винокуренных заводов сильно ударил по доходам и платежеспособности сибиряков. Ведь они недавно, с 1760 года, стали платить 1 рубль вместо обработки десятинной пашни или сдачи 10-пудового «отсыпного провианта» с каждого налогоплательщика мужского пола (ревизской души). Эти обременительные натуральные

повинности сибиряки несли в зачет прежнего 40-копеечного денежного оброка, введенного Петром I «вместо помещичьего доходу». Екатерина настаивала на своем, поэтому, соблюдая казенный интерес, Сенат с ее одобрения убытки от дальнего провоза вина переложил на все население Западной Сибири, увеличив продажную цену ведра на 24 копейки [6]. С Поволжья в Иркутскую губернию уже начали поставку вина, всего до 10 тыс. ведер, но губернатор сразу же донес, что местные винокурни дают более дешевую продукцию [7].

Сибирский историк первой половины XIX века П.А. Словцов заблуждается, считая, что этот ошибочный для сибиряков октябрьский указ императрицы был полностью претворен в жизнь [8]. Причем в этом он винит тогдашнего сибирского губернатора Д.И. Чичерина и его предшественника, ставшего членом московской конторы Сената, Ф.И. Соимонова (биография первого в гл. 5). В реальности все было наоборот. Эти незаурядные администраторы сотрудничали в 1765 году с Комиссией по винным сборам, а когда в 1767 году новые правила питейных сборов и винокурения распространились на Сибирь, они в ряде донесений предложили свой вариант решения проблемы снабжения сибирских губерний хлебным вином. Они считали, что нужно не закрывать казенные сибирские винокуренные заводы, а наоборот, строить еще новые. Справедливо подчеркивалось, что в Сибири мало частных лиц, имеющих крупные капиталы, а российские толстосумы неохотно шли в каторжную Сибирь. Так, в поданной в 1770 году Екатерине II «Краткой ведомости взятым на откуп городам...» Д.И. Чичерин сообщал, что откупщики Яковлев и Гусятников за 1767–1770 годы платили по Енисейской провинции 24 884 рубля, а на очередное четырехлетие они отказываются в ней от откупа. Между тем с казенной наддачей на каждое ведро в 13 копеек общая сумма откупа по провинции составит за 1771–1774 годы уже 31 057 рублей 58 копеек, в том числе по Енисейску 18 793 рубля 38 копеек Красноярску – 6965 рублей 71 копейка и Мангазее – 5298 рублей 49 копеек. Вот почему, резюмировал Д.И. Чичерин, «я желал там строить казенные заводы» [9] (тем более что в Тобольской провинции только за 1762–1765 годы цены на ржаную

муку выросли более чем в три раза – с 5 до 17 копеек за пуд [10]. Таким образом, Дениса Ивановича Чичерина можно было бы считать крестным отцом и Краснореченского, и Боготольского винокуренных заводов. Однако, смягчая свою позицию, опытный губернатор, бывший царедворец и гвардеец, через месяц донес, что прежние откупщики согласились взять на 1771–1774 годы на откуп всю Тобольскую губернию, включая Енисейскую провинцию. Мало того, в цене на поставляемое казне хлебное вино и водку на каждое ведро они «учинили уступку»: по Енисейску – на 37 копеек, Красноярску – на 72 копейки и Мангазее – на 76 копеек, что даст казне экономию за четырехлетнюю поставку с 1771 года 18 255 рублей 80 копеек. Вопрос о немедленном строительстве винокуренных заводов в Енисейской провинции, таким образом, снимался.

Следует отметить, что цифры о казенной экономии были во многом лукавыми. Из-за первого в стране выпуска денежных ассигнаций быстро обозначились инфляция и рост цен. Значительно снизился контроль властей за деятельностью крупных откупщиков, которые нелегально увеличивали выпуск горячего вина и продавали его из-под полы. Можно констатировать, что на смену мелким жуликам в магистратах стали приходиться крупные финансовые акулы.

Поэтому общие суммы питейных сборов по стране и Сибири после введения новых правил по винным сборам явно снижались.

Центральной власти по-прежнему следовало сделать выбор – сохранять курс на частное предпринимательство в сибирском винокурении или же расширять казенное производство хлебного вина на местах. Определяться нужно было быстро, ибо с 1771 года наступало очередное 4-летие по откупам, в частности, в Тобольской губернии второе, по новым правилам проводимое.

Взвесить все «за» и «против» Екатерина II предложила специально созданной в 1770 году Сенатской комиссии. В нее вошли М.Ф. Соймонов, А.П. Мельгунов, Н.И. Чичерин, Г.И. Теплов и другие. 14 августа 1770 года сенаторы запросили данные о сибирском винокурении Камер-коллегию, главный центральный орган, ведавший казенными имуществами. Их интересовало, сколько и где планировалось для Сибири выкурить вина на

очередное четырехлетие, на какую сумму, откуда будут взяты деньги на оплату поставщикам, какой будет доход [11]. Было рассмотрено мнение тобольского губернатора Д.И. Чичерина, а также соображения некоторых крупных откупщиков, в том числе предложения по сибирскому откупу.

Камер-коллегия, естественно, была за строительство новых казенных винзаводов и предоставила свой план, так как это расширяло ее функции в очень доходной сфере. Позиция Д.И. Чичерина, как отмечалось выше, оказалась уклончивой, ибо он лавировал между казенным интересом и крупным частным капиталом, которые столкнулись в самой доходной отрасли государственного хозяйства. Однако вопрос вскоре потерял остроту, ибо, с одной стороны, прежние откупщики по Тобольской губернии пошли на уступки, увеличив казенную экономию на 18 с лишним тысяч рублей, а с другой – их конкурент, верхотурский купец Максим Походяшин, взялся построить за свой счет новый винокуренный завод. Казна от предложения самого крупного дельца тогдашней Сибири (его биография ниже) только выигрывала. Казенные деньги не тратились на строительство. Завод, в отличие от прежних времен, уже считался собственностью предпринимателя, который расходы на управленческий аппарат, рабочую силу, ремонт и обновление заводского оборудования нес сам. Однако объемы сдаваемой казне продукции и цены на нее жестко определялись контрактом, который обеспечивал стабильный доход казне, которая на это не тратила ни копейки. Образно говоря, государство таскало каштаны из огня чужими руками. Уходя от непосредственных хозяйственно-организаторских функций по строительству и эксплуатации винокуренных заводов, оно в основном сохраняло свою винную монополию в экономическом плане. Размеры казенной прибыли были явно выше, чем у частного капитала. Такова была плата за допуск его в самую доходную отрасль экономики страны. В этом смысле позиция государства была чисто феодальной, принимая все более паразитирующий характер. Предприниматели, особенно не дворяне, прекрасно чувствовали эту несправедливость и пускались на все тяжкие, чтобы обеспечить себе достойную прибыль. Самым прискор-

бным было то, что это длившееся веками соперничество между казной и частным сектором в ограблении всего населения страны было аморальным. Ведь эксплуатировались людские слабости и порождалось массовое спаивание страны. Организационные формы этому придала «великая» Екатерина II, чьи передовые поначалу взгляды так сильно трансформировались в российской действительности.

Предприимчивый делец (не случайно ему крупный современный историк М.М. Громыко посвятила отдельную статью) энергично взялся за дело. Уже Петр Симон Паллас, крупнейший в XVIII в. исследователь Сибири, увидел следы его деятельности. Проезжая летом 1771 года по тракту, он с удовлетворением отметил, что в «Боготолле будет выстроена винокурня (завод с осени стал действовать. – Г.Б.), которая будет очень полезна для крестьян красноярских, «поелику они будут иметь куда продавать богатые свои жатвы, кои они по нужде принуждены за предешевую отдавать цену; поелику недавно цена за пуд хлеба находилась по всей стране (имеется в виду Боготольская округа. – Г.Б.) между 3 и 4 копейками, а во время подушного сбора продавали в Красноярске прекрасную лошадь за 2 или 3 рубля, рогатый скот по 1 рублю; поелику нужду имеющий крестьянин не имел купцов для продажи лишнего» [12].

Уже с января 1772 года из Боготольского завода отправили «на народное удовольствие» в Красноярск 214 ведер хлебного вина в 5 бочках по цене 77 копеек за ведро [13]. Как видим, Походяшину, предложившему более выгодные условия, передали откуп по Тобольской губернии на 1771–1774 годы.

Дела у Походяшина пошли хуже ожидаемого, поэтому он сначала не подал заявку на откуп на 1775–1778 годы. К середине 1774 года был только один претендент на винный откуп в Тобольской губернии – крупный курский купец Иван Голиков. Это обеспокоило Сенатскую комиссию, тем более что Голиков согласен был поставлять вино только по ценам, которые были прежде него.

Походяшин, узнав о конкуренте, через своего поверенного согласился продолжать откуп, но тоже без наддачи [14]. Это нарушало правило, по которому откуп отдавался на торгах

тем, кто больше заплатит. В ходе торгов Голиков отказался набавлять, а Походяшин согласился платить казне с ведра сбор лишь на 1 копейку больше. Поэтому комиссия вновь вернулась к вопросу о целесообразности строительства в Тобольской губернии новых винокуренных заводов. Тем более что в разгар самого крупного в истории России вооруженного движения Емельяна Пугачева задача обеспечения Урало-Сибирского региона алкогольной продукцией осложнилась. Ряд уральских и сибирских винзаводов были разорены повстанцами. Только М. Походяшин через обильное застолье нашел общий язык с Пугачевым и сберег свое предприятие. Отношения с частными винозаводчиками-подрядчиками осложнились. Они стали менее уступчивей в ценах на поставляемое вино и кабацкие откупа. Напрашивался другой выход из положения – строить новые казенные заводы в отдаленной Сибири, особенно в западной ее части, где не было, в отличие от Восточной Сибири, с ее четырьмя заводами, ни одного казенного завода. Однако комиссия не пришла к единому мнению. Сенатор А.П. Мельгунов, глава Камер-коллегии, высказался «за» и предоставил после консультаций с откупщиками свой план, по сути своей компромиссный. Предлагалось соломоново решение – частный интерес и деловую хватку соединить с казенными деньгами. Потребность в вине Западной Сибири, которая вся входила в Тобольскую губернию, составляла более 250 тыс. ведер. Строить заводы на эту мощность предлагалось частным винозаводчикам с опытом откупов, но на казенные деньги, что их несомненно могло привлечь. Предприятия оставались казенными, а строители брали их в аренду на «свое содержание» для поставок вина в казну. Камер-коллегия провела всю подготовительную работу, что видно из справки Тобольской казенной палаты за 1783 год. Было намечено построить за Уралом три новых и восстановить старый Каменский завод. На границе с Уралом, с 1783 года это территория Пермского наместничества, основать самый крупный Талицкий завод с годовой продукцией в 100 тыс. ведер. На территории самого западного в Тобольской губернии Ялutorовского уезда разместить Петровский завод мощностью в 85 тыс. ведер в год. На границе самого восточно-

го в Тобольской провинции Томского уезда с Красноярским уездом Енисейской провинции где-то на Среднем Чулыме поставить винзавод с годовой производительностью в 35 тыс. ведер. Наконец, в старом Каменском заводе переделать основные производительные объекты под мощность в 30 тыс. ведер. На первые два завода давали 40 тыс. рублей, а на среднесибирские – 10 тыс. рублей [15]. Как обычно, информацию о проекте строительства новых заводов растиражировали по своим камер-коллежским каналам и опубликовали в столичной газете «Санкт-петербургские ведомости» от 28 декабря 1772 г. Из нескольких претендентов выбор пал на крупного винозаводчика и подрядчика курского купца I гильдии Михаила Емельяновича (в других источниках везде Сергеевич) Голикова, владельца Усть-Миясского винзавода. Материальное его положение не вызывало сомнений. Михаил был членом клана видных курских купцов. Так, его дядя, вышеупомянутый Иван Голиков, вместе со своим земляком, позже знаменитым на всю Европу, Григорием Ивановичем Шелиховым был среди первых в промышленном освоении Северной Америки. Заводы на Среднем Чулыме и Енисее решили отдать тоже купцу I гильдии северной «Архангелогородской губернии» Дмитрию Ивановичу Лобанову, о чем опубликовано было 1 января 1773 года в «Санкт-Петербургских ведомостях». Он так же брал подряды на поставку вина со своего довольно крупного Вороновского завода, находящегося в центре Томского уезда. Возможно, этот факт и столичные связи определили выбор в его пользу.

Медлить с реализацией плана было нельзя, ибо близилась осень – традиционное начало винокуренного сезона. Учитывая обычные темпы строительства, можно было надеяться уже через год иметь поставки с новых винзаводов. Поэтому, чтобы материально заинтересовать купцов-строителей, специально было оговорено, что если они затратят меньше отведенных сумм на строительство, то разницу не возвращают казне. Вместе с тем им разрешалось, если не хватит отведенных сумм, потратить на заводы деньги из полученных по контракту за поставку вина за первый четырехлетний срок откупа. Правда, в этом случае сверхплановые расходы относятся на их счет. Пос-

леднее условие позволяло им под предлогом производственной необходимости в течение четырех лет задерживать выплаты казне поведерных, накладных, прибыльных и прочих сборов. Этим, конечно, грех было не воспользоваться. Не случайно, оба откупщика только через 9 лет отчитались по затраченным суммам на строительство своих заводов. Пока же эти подводные камни в проекте А.П. Мельгунова никто не увидел. Очевидно, получив от императрицы устное одобрение своего проекта, он уже 4 августа выдал М.С. Голикову и Д.И. Лобанову прошнурованные и за сургучом книги для записи в него недвижимого и движимого имущества построенных ими заводов. Официально же только спустя 1,5 месяца, 19 сентября 1774 года, после доклада главы Сената, генерал-прокурора Вяземского, Екатерина II подписала именной указ Сенату о «заведении казенных винных заводов в Сибири» [16]. К этому времени купцы уже получили деньги, М.С. Голиков – «в Екатеринбургском комиссариате 30 тыс. рублей, а Д.И. Лобанов – в Енисейской провинциальной канцелярии» [17]. Таким образом, Красноярский завод строился на деньги красноярских и енисейских налогоплательщиков и продукция его шла, в первую очередь, как увидим ниже, на их нужды.

2.2. САМЫЙ ДЛИННЫЙ В МИРЕ

Московский тракт, соединивший центр России с Сибирью, пересекал наш край от Боготола до Тулуна, проходя через Ачинск, Красноярск, Канск и Нижнеудинск. Общая его длина на этом отрезке составляла 790 верст. Во второй половине XVIII века за счет спрямления отдельных участков протяженность дороги стала несколько меньше. По степени устроенности и заселенности в XVIII веке различались ачинский, красноярский и канско-тулунский участки тракта. Западный и центральный участки были примерно равными (по 170 верст) и составляли каждый 1/3 восточного канско-тулунского участка тракта. Рассмотрим западный участок и влияние его на жизнь окружающего населения.

До завершения присоединения бассейна Среднего Енисея к России район, где позднее прошел тракт, был свободен от русского населения. Только около Красноярска, по данным С.В. Бахрушина, находились крупные укрепленные села Ладейское, Березовское и Ясаулово [19]. Тракта как такового не было. На территории между Ачинским острогом и Красноярском обитали многочисленные качинцы и кизыльцы. Сообщение с Ачинском осуществлялось через Енисейск либо через Караульный острог [20], севернее и южнее будущей дороги. Поэтому в административном отношении Ачинский острог подчинялся дальнему Томску, а не Красноярску, хотя по степи до последнего было всего 156 верст. Постоянного русского населения в остроге не было. Немногочисленный гарнизон 15 человек ежегодно сменялся, так как никто не хотел переводить свои семьи в опасный глухой край.

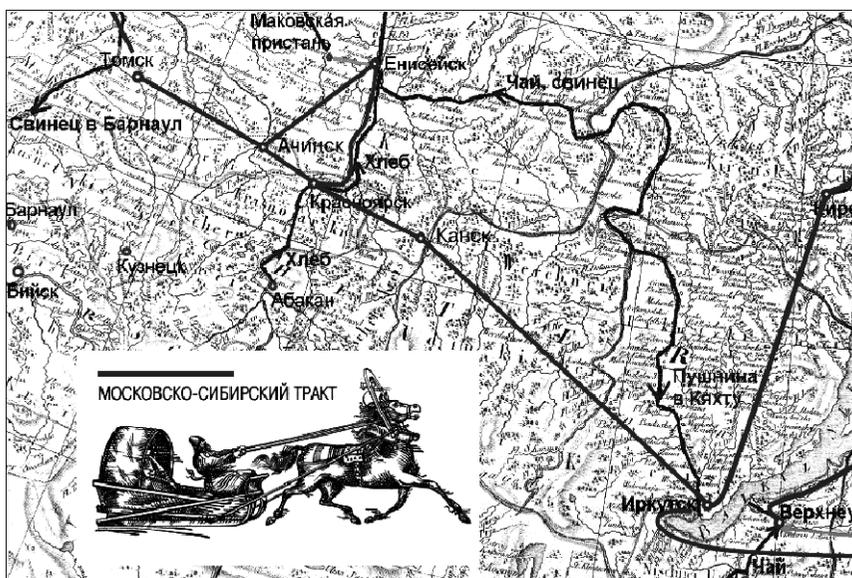

Рис. 5. Московско-Сибирский тракт

Незначительно изменилась картина заселения района в первой трети XVIII века, хотя с «замирением» енисейских киргизов и строительством на юге острогов военная опасность перес-

тала быть препятствием для русского заселения. Правда, основная масса ясачных оставалась еще на своих прежних кочевьях, а власти проводили охранительную политику в отношении ясачных угодий. Но медленные темпы русского заселения будущей притрактовой полосы объясняются не столько запретами властей, сколько малочисленностью русского населения в соседних старожильческих районах на Томи и Нижнем Енисее, наличием более плодородных с мягким климатом земель в ново-присоединенном южном районе.

Довольно интенсивно стала заселяться только Красноярская округа. По рекам Каче, Ясауловой, Березовке и Еловке возникали заимки и деревеньки красноярских казаков, разночинцев и других переселенцев. Помимо трех старых сел и шести деревень, которые существовали, по данным С.В. Бахрушина, вокруг Красноярска в 1702 году, к 1713 году появилось еще семь деревень (Кубекова, Никитина, Горская, Толдатская, Усть-Мана, Овсянская и Бирюсинская) [20], а к 1722 г. – Ботойская, Яловская (Нашивошникова) и Беловка (Крутинская). Еще быстрее росло население. Если в 1702 г. здесь числилось до 200 чел., то к 1713 г. перепись отметила 952 души муж. пола и 1070 душ жен. пола в 219 дворах. По первой ревизии уже учтены 321 двор и 1273 р. д., что составило 22 % всего населения уезда [22]. Район вокруг Ачинска оставался незаселенным, потому что острог находился в центре ясачных земель и в стороне от дороги, идущей из Томска в Енисейск и Красноярск. Так, Д.Г. Мессершмидт, следуя в Хакасию через Ачинск весной – летом 1722 года, не встретил русских селений за р. Малый Кемчуг, кроме д. Усть-Кемчуг и заимки из двух домов у Судинских юрт на Большом Кемчуге. В самом Ачинском остроге, судя по записям ученого, находилось «едва 3 дома», в которых жили священник и казаки-годовальщики [22].

В связи с заморением края и ростом населения в первой трети XVIII века устанавливается регулярное сухопутное сообщение между Ачинском и Красноярском. Для проезда из Красноярска в Томск, судя по записям И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера, все чаще пользуются летней степной конской тропой через вер-

ховья Качи, Малого и Большого Кемчуга к низовьям Июса на реки Соксу и Урюп [23]. Но Ачинск до 1757 года оставался значительно севернее этого пути, что отрицательно сказывалось на росте его населения. Зимой же все ездили старым кружным путем.

Первые попытки определить протяженность тракта и наметить его трассу связаны с введением новой версты и работой Первой Камчатской экспедиции. Судя по собранным Г.Ф. Миллером сведениям, в Красноярском уезде установку верстовых столбов и промер прямого пути до Томска, Канска и Нижнеудинска осуществили в 1726 году местные служилые казаки [24].

Со второй трети XVIII века начинается первый этап устройства тракта как такового. С этого времени меры властей, а не степень заселенности ближних районов определяли развитие дороги. Указ о проведении самого длинного тракта в мире был издан Сенатом 16 марта 1733 года в связи с началом работы Второй Камчатской экспедиции. Первоначально требовалось наладить регулярное, раз в месяц, почтовое сообщение восточно-сибирских городов с Тобольском и далее с Петербургом. «Назначить станы, от которых возить летом и зимой почту» и организовать гоньбу было поручено опытному Витусу Берингу, побывавшему в Сибири еще в 20-е годы XVIII века [25].

Судя по специальной Сенатской инструкции, врученной В. Берингу, центральное правительство планировало иначе, чем в Западной Сибири организовать обслуживание восточносибирской части тракта. В более населенных западносибирских уездах сухопутное сообщение было уже относительно развитым. Там почтовую и ямскую гоньбу отправляли специально выделенные крестьяне-ямщики, жившие близ дороги и освобожденные от несения обычных повинностей и подушных платежей [26]. Считая тяготы и расходы, связанные с провозом почты из Восточной Сибири, незначительными и не желая терять подушные суммы, правительство Анны Иоанновны обязало крестьян, разночинцев и ясачных ближних к тракту уездов устраивать и обслуживать «государеву дорогу» [27]. Обычная

поверстная оплата – за каждую версту и подводу по одной деньге летом и копейке зимой – и платежи за фураж, конечно, не компенсировали расходы, так как дорога проходила по почти безлюдным местам. В связи с этим В. Беринг и Сибирская губернская канцелярия, согласно той же инструкции Сената, должны были решить, сколько нужно привлечь на дорогу вольных переселенцев и какими льготами они будут пользоваться.

Мы не располагаем прямыми сведениями о том, на каких условиях первоначально заселялся тракт. Известно, что некоторые предложения В. Беринга, направленные им в Сенат, остались без ответа даже спустя шесть лет [28]. Судя по косвенным источникам, желающие под контролем местных властей могли переселяться ближе к дороге. Те, кто соглашался постоянно жить на перевозах, станциях, станцах и зимовьях, освобождались от платежей за пользование землей сверх надела. Однако подушный налог и другие подати сохранялись. Ближние к дороге сенокосные и пахотные угодья занимать без разрешения властей запрещалось.

В. Беринг и его спутники – лейтенант Плаутин и геодезист Баскаков, минуя воеводские канцелярии, организовали разбивку трассы тракта в Восточной Сибири. Устройство дороги на территории Томского и Красноярского уездов началось вскоре после Сенатского указа. Согласно рапорту от 23 марта 1734 г. пограничного дозорщика Кирилла Худоногова, первыми строителями тракта в Средней Сибири были красноярские служилые люди [28].

Из-за малочисленности населения и громадных пространств первичное устройство тракта и порядок гоньбы были довольно своеобразными. Из интересных записок участников сухопутного академического отряда Второй Камчатской экспедиции узнаем, что только через 50–60 верст и крупных рек ставились почтовые станции – «станы». На них курьеры и проезжающие по специальному документу – «подорожной» – могли сменить лошадей, получить за плату продовольствие, фураж и переночевать.

Обычно станция состояла из «черной избы со светелкой», или горницей, и хозяйственных построек, где содержались под-

ставные лошади, хранился фураж. Все строения обносились высоким заплотом от лихих людей. Между станциями через 25–30 верст размещались зимовья, или станцы, представляющие собой обычно небольшие избы с «битыми» из глины печами, лавками или нарами. В них путники останавливались зимой на отдых, получали за плату пищу и фураж. В отличие от станций зимовья летом пустовали. Станции и зимовья поочередно обслуживали со своими лошадьми и фуражом крестьяне и разночинцы Красноярского и Енисейского уездов. Чтобы попасть на тракт, многим из них приходилось преодолевать по 200–500 верст. К 1741 году все намеченные станции были построены.

На западном участке тракт, судя по размещению станов, проходил в основном по старой дороге. Из жалобы красноярского почтмейстера Льва Сурикова известно, что западнее Красноярска по дороге на Томск к концу 1741 года имелось шесть станций и зимовий: в Красноярске, д. Яловская, на р. Кача, руч. Мостовой, на рр. Малом Кемчуге и Июсе. Далее в пределах Томского ведомства были станции на реках Агатывке и Шереше у д. Тришкина, на рр. Соксе и Урюпе, куда часто «заганивались» красноярские подводы. На каждой станции содержались четыре почтовых и несколько ямских лошадей [30].

Новые меры по устройству и заселению тракта не предпринимались до середины 50-х годов XVIII века. Вторая Камчатская экспедиция в 1743–1745 годах закончила свою работу. У правительства, занятого решением других сибирских задач, вопрос о тракте был уже на втором плане. Как показали М.М. Громыко и Ю.С. Булыгин, власти стремились заселить в первую очередь территории вокруг императорских Алтайских и Нерчинских заводов и сооружаемых для защиты южно-сибирских пограничных линий [31].

Эти задачи в 40–50-е годы XVIII века решались главным образом за счет внутрисибирских перемещений населения. Поощрялась вольная сибирская миграция, отправлялись ссыльные и беглые, разыскивавшиеся по всей Сибири, принудительно переводились целые группы сибирского населения, которые, помимо обслуживания тракта, несли натуральных государственных повинностей. А следовательно, с точки зрения феодальной

администрации, такое население легче было перемещать в другие районы Сибири, не ущемляя «казенный интерес» на местах. Не делалось исключения при этом для жителей притрактовой полосы, так как расходы, связанные с Московской столбовой дорогой, считались необременительными. Введенные в конце 30–40-х годов XVIII века натуральные повинности (работы на Красноярских казенных заводах) не изменили ситуации.

Ачинская притрактовая полоса, начиная от верховьев Качи, по-прежнему оставалась почти незаселенной. Геодезист Василий Шишков на горно-заводской карте Красноярского, Томского и Кузнецкого уездов, составленной 11 сентября 1737 года, отметил в бассейне Среднего Чулыма только д. Усть-Сережскую. И.Г. Гмелин по дороге в Томск в феврале 1740 года в том же районе обнаружил еще три деревни (Тришкина, Кожевникова, Барсучка-Таловская). В них жили, вероятно, казаки и посадские, так как в переписных книгах второй ревизии эти деревни не указаны [32]. Медленные темпы русского заселения западного участка тракта объясняются также многочисленностью ясачных и слабой активностью властей, так как ямскую гоньбу здесь должно было нести и ясачное население.

Отмечая эту особенность в заселении притрактовой полосы Средней Сибири во второй четверти XVIII века, вместе с тем нельзя согласиться с утверждением П.А. Словцова о почти полной незаселенности рассматриваемого района к середине XVIII века. П.А. Словцов и другие историки значительно занижали масштабы заселения тракта, ибо данные второй ревизии по ачинскому участку дороги были ошибочно отнесены к третьей ревизии [33]. Между тем, согласно ревизским данным, податное население притрактовой полосы составляло 24,5 % всех податных Красноярского уезда (1971 из 8225 р. д.). Кроме того, 180 крестьян и разночинцев – выходцев из Енисейского уезда, судя по перечню населенных мест по второй ревизии, жили в семи деревнях севернее Ачинска. В деревне Красной показано 17 р. д., Новоселовой – 62 р. д., Улуйской – 53 р. д., Симановой – 13 р. д. и Ярославовой (Герасимовой) – 3 р. д. Появились первые переселенцы из Томского уезда (монастырские крестьяне и один посадский), которые осели в Ачинске и деревеньке Усть-

Сереж, всего 20 р. д. в 10 семьях. В междуречье же Чулыма и Енисея в Балахтинском присуде на «Июсах» обосновались 100 красноярских крестьян и разночинцев в 18 семьях, включая 73 человека, родившихся после первой ревизии [34]. Это минимальные цифры, так как сюда не включены посадские и многочисленные верстанные служилые, жившие в Красноярской округе. Кроме того, посадские и цеховые, не говоря уже о служилых, охотнее, чем крестьяне и разночинцы, селились около дороги. Количественный состав этих групп населения трудно определить по сохранившимся источникам, но то, что они здесь жили, можно установить.

Итак, при наличии огромного свободного земельного фонда и нескольких льготных миграционных направлений старожилы нередко уходили из притрактового района, а переселенцы нечасто останавливали на нем свой выбор. В результате на дороге и в притрактовой полосе население размещалось редкими гнездами. Поэтому с середины XVIII века, особенно с началом Семилетней войны, очень остро встала проблема использования тракта в колонизационных целях, а также для перевозок казны, пушнины, добытых металлов и товаров.

Правительство Елизаветы Петровны и Екатерины II начинает массовое принудительное переселение. В Сибирь стали направлять тысячи людей на основании указов 1762–1763 годов о поселении отставных солдат, рекрутов и каторжных, указов 1763–1765 годов о ссылке в Сибирь выведенных из Польши беглых российских подданных, а также указов от 13 декабря 1760 года, 15 марта 1761 года, 22 января и 6 августа 1762 года о разрешении помещикам ссылать в Сибирь с зачетом в рекруты непокорных крестьян [35].

С 1761 по 1782 год в Сибирь, по подсчетам А.Д. Колесникова, было отправлено до 60 тыс. посельщиков обоюбого пола [36]. Перемещая в Сибирь до и после крестьянской войны под руководством Е. Пугачева социально наиболее опасную часть трудового населения, правительство пыталось притупить остроту конфликтов в центре страны и расширить базу для русификаторской политики в глухих сибирских окраинах. Многих из присланных размещали на Московском тракте и прилегающих к нему районах.

Особенно важное значение имел указ от 22 января 1762 года, по которому «от Тобольска к Иркутску, а от Иркутска до Нерчинска селили... колодников мужского и женского пола, что ссылали на работы в Нерчинск и помещичьих крестьян, что в зачет (рекрутов. – Г.Б.) шли на Кольванские заводы». Этим указом было положено начало целой серии распоряжений о принудительном заселении тракта различными группами населения [37].

Переведенцам и посельщикам предоставлялись податные льготы, выдавались срочная ссуда и безвозмездная помощь. В Восточной Сибири власти намеревались посельщиков определить в ямщики для обслуживания тракта. Но жестокие условия доставки в Сибирь, скудные льготы и ссуды, жесткая регламентация жизни и быта – все эти меры, проводимые, за немногим исключением, косной, алчной и деспотичной администрацией, обращались в «сущную пагубу» для присылаемых людей. Сенат в докладе Екатерине II от 13 мая 1773 года был вынужден признать, что из отправленных в Сибирь ссыльных доходил до места только каждый четвертый [38].

Неудача с принудительным заселением тракта помешала выделить специальную группу лиц – ямщиков для обслуживания тракта в Восточной Сибири. Всех посельщиков по истечении трех льготных лет, несмотря на их хозяйственное состояние, обязывали нести подушные подати, а обжившихся записывали в государственные крестьяне либо в посад. От обслуживания тракта они не освобождались.

Положительным результатом принудительного заселения Сибири во второй половине XVIII века явилось частичное ослабление очагового характера размещения населения притрактовой полосы. Впервые были заселены барабинский участок тракта в Западной Сибири, ачинский и удинско-тулунский в Средней Сибири, забайкальский и охотский – в Восточной Сибири [39].

Сплошное заселение притрактовой полосы определило завершение формирования тракта как важной транспортной артерии. Во многих местах была спрямлена трасса дороги, унифицированы ее устройство и порядок провоза почты и грузов. После указа от 17 июля 1765 года тракт стали делать в ширину по 30 сажен (из расчета 10 сажен на полотно дороги с канава-

ми и 10 сажень по сторонам на скотопрогонную полосу). Везде через 25–30 верст были выстроены почтовые станции. 30 декабря 1768 г. объявили новые правила, в деталях определяющие порядок провоза почты, места ночевки курьеров и разбора корреспонденции. В ящики на станциях не должны были принимать моложе 18 лет, выкормку лошадей после езды предписывалось производить по три часа. Почту следовало возить в кожаных чемоданах и разбирать только в городах. С 1782 года стали строить почтовые конторы [40].

В Средней Сибири начало нового этапа в истории тракта связано с деятельностью сибирского губернатора Ф.И. Соймонова. Этот умный и дальновидный администратор со сложной судьбой знал Сибирь с несколько неожиданной для губернатора стороны – он был осужден по делу Артемия Волинского и несколько лет отбывал каторгу в Восточной Сибири [41]. Ф.И. Соймонов, как и его предшественник Мятлев, просил Сенат выделить специальных ямщиков в Восточной Сибири. Пока Сенат решал этот вопрос, он в первые годы своего управления Сибирью (1757–1760) пытался улучшить положение населения, обслуживающего тракт. Для этого реорганизуется обслуживание дороги и принимаются меры по ее заселению. Западнее и восточнее Красноярска начали строить новые станции с таким расчетом, чтобы прогоны между ними не превышали 25–30 верст [42]. Западный участок тракта несколько спрямили. Путь стал проходить севернее через станции на р. Боготол, Красную Речку и Ачинский острог, которые учредили раньше в связи с устройством дороги на Кольвано-Воскресенские заводы [43]. Желаящим поселиться у дороги предоставлялись дополнительные льготы. Переселенцев за счет мира освобождали на три года от подушных платежей и других повинностей. Иногда для привлечения желающих на тракт власти шли на изменение сословной принадлежности переселенцев. Так, в 1758 году из с. Есаулово перешли в притракттовую деревню Катанская 10 семей пашенных крестьян, всего 34 души муж. пола и 39 душ жен. пола. На новом месте они уже не обрабатывали десятинную пашню, так как всех записали разночинцами [44].

Отсутствие нужного числа вольных переселенцев восполнялось принудительным переводом. В первую очередь это относилось к подводчикам, которые дежурили с лошадьми на тракте. В переведенцы попадали и не имеющие пашни крестьяне, и разночинцы, а также посадские, которые не занимались ремеслом. Вместо солдатской службы селили на тракт взятых в Сибири женатых рекрутов. Переведенцам тоже оказывалась материальная помощь для обзаведения или укрепления хозяйств. Обычно их освобождали на несколько лет от платежа подушных денег, перекладывая эти суммы на «миры». Неимущим выдавали кормовые деньги по три копейки на мужчин и две копейки на женщин и детей. По прибытии на новое место жительства им до получения урожая каждый месяц «отпускали на семью по 4 пуда провианта и 2 гарнца круп» [45].

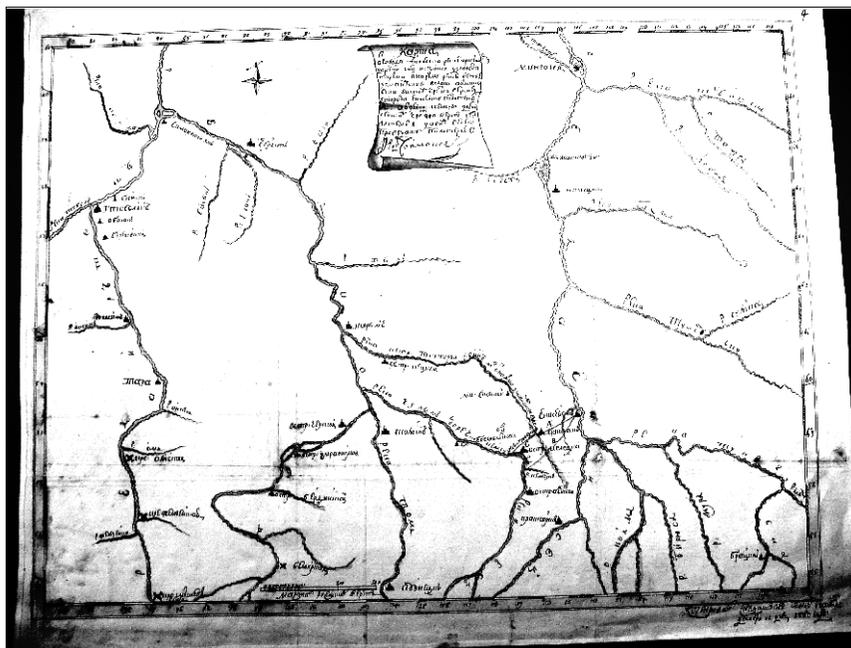

Рис.6. Карта сбирского губернатора Ф. Соймонова с планом устройства пути от Мелецкого острога до Енисейска. 1757 г.

Угодья отводились на свободных землях. В 1757 году Енисейская провинциальная канцелярия просила у Ф.И. Соймонова разрешения нарезать земли тем, кто вновь прибудет, равно со старожилами, ограничив землепользование последних до 30 четвертей (15 десятин) в одном поле – для крестьян и 15 четвертей – для разночинцев. Под усадьбы и скотский выпуск предлагалось давать на один двор по полторы десятины и 6 десятин покоса [46]. Позже на двор из 4 душ муж. пола стали отводить по 20 десятин пашни и сенокоса [47]. Материальная помощь переселенцам и переведенцам была обусловлена не только желанием привлечь население на тракт. Это был традиционный подход феодалного правительства к переселениям. Не способное полностью пресечь или гибко фиксировать все миграции населения, правительство в целях сохранения общинной организации с ее подворной раскладкой повинностей, фискально-полицейским и поземельным характером стремилось организовать перемещение населения в нужном для него направлении, используя и насильно ускоряя естественный процесс выделения малых семей из большесемейных дворов. Новые семьи-дворы были экономически слабыми и, естественно, нуждались в поддержке. В Сибири такая политика стала проявляться по мере складывания постоянного населения. Прослеживается она и при принудительном заселении тракта старожильческим элементом Средней Сибири. На дорогу переводились обычно части больших дворов.

Для сокращения расходов по заселению использовались традиционные водные пути, которые связывали ближние старожильческие места с притрактовыми районами. Судя по неполным материалам третьей ревизии, из ближних присудов Енисейского уезда вольнопоселенцы и переведенцы поднимались по Ангаре, Тасеевой, Бирюсе, Уде и Чулыму до канско-удинского и ачинского участков тракта. Так, в своих «наказах» Уложенной комиссии крестьяне и разночинцы присудов Кемского, Рыбинского и Тасеевского острогов, а также села Большая Елань Енисейского уезда жаловались, что из них «гоняли... на поселение по немалому числу человек... и... (те. – Г.Б.) ныне живут на Канской дороге и у Ачинскова острога... а подушные платили из них до третьей ревизии».

Енисейский воевода Рыкачев в записке «О состоянии хлебопашества в Енисейском уезде», составленной для Ф.И. Соймонова в 1762 году, тоже подтверждал, что из уезда по «наряду» было выведено для почтовой гоньбы на 6 станций на Томскую дорогу 60 чел. со 120 лошаадьми [48]. Из отдельного наказа «ямщиков села Боготольского» узнаем, что посельщиков этих станций перевели в 1760 году и подчинили Боготолу. Они считались ямщиками, хотя обычные платежи с них не сняли. Среди этих станций была Краснояреченская, бывшая деревенька Красная.

Сведения о географическом размещении и динамике численности податного притрактового населения между второй и третьей ревизиями также подтверждают, что наиболее интенсивно заселялся помимо восточного западный участок дороги. Красноярская округа, как и ранее, потеряла часть своего населения. Общие темпы прироста численности крестьян и разночинцев, учитывая усилия властей, следует признать невысокими – всего 1,74 % в год. На западном участке притрактовой полосы к этому времени встретились три миграционных потока переселенцев: с северо-востока – из Енисейского уезда, с востока – из Красноярского уезда и юго-запада – из Томского уезда. Так, по третьей ревизии, в 1762 году в Ачинское ведомство в сам Ачинск и Усть-Серезь перешли 32 р. д. томичей-разночинцев в 8 семьях и одна семья из Ишимского уезда. Заметны были енисейцы в притрактовых селениях: в деревне Тежинская – 10 семей крестьян, в деревне Китат – 15 дворов, Назаровой – 2 двора, в селе Боготол – 50 дворов из 160, и Ачинске – 20 дворов из 100. Около Ачинска в трех деревеньках жило 18 енисейцев – крестьян и 7 ссыльных.

Очень активно заселяли тракт торгово-промышленные люди, привлеченные выгодами здешней жизни и не обязанные нести все тяготы его обслуживания. Правда, не все посадские были вольнопоселенцами, так как переведенцы могли записаться в посадские, да и Ф.И. Соймонов переводил на тракт «скудных» посадских и цеховых, которые составляли до 22 % всех податных притрактовой полосы и 48,4 % посадских уезда. По мере становления тракта в Средней Сибири, как и в других районах этого обширного края, он не только привлекал к себе населе-

ние, но и часто отпугивал его. Весьма характерны в этом отношении записки прусского шпиона почтового директора Вагнера, который в начале 60-х годов возвращался из енисейской ссылки на родину. Он писал, что крестьянам «было бы приятнее жить у большой дороги, так как здесь нет недостатка ни в хорошей почве для пашен, ни в лугах, ни в озерах. Но несмотря на это, живут эти крестьяне охотнее в стороне, в глухих местах, чтобы, как они говорят, не подвергаться так часто дурному обращению со стороны команд. И это правда, я сам был свидетелем того, что солдаты в пути почти не считают крестьянина человеческим существом и все, что им нужно, требуют почти всегда с побоями, из-за чего крестьяне этих мест являются самыми забитыми созданиями на божьей земле» [49].

Немногим лучше солдат вели себя другие проезжающие. Произвол на тракте выражался и в самовольном увеличении прогонов, и в требовании лишних лошадей и подвод, и в неуплате денег за фураж и провоз.

Яркие материалы о порядках на тракте и расходах на него в 60-е годы содержатся во всех «наказах» крестьян и разночинцев Енисейской провинции [50]. Из них видно, что во второй половине XVIII века вместо четырех почтовых и трех-четырёх земских подвод на каждый «станок выставлялось уже от 15 до 30 лошадей. Ежегодно на каждой станции с зимовьем в среднем дежурили 16–20 чел. и до 30 чел. заготавливали сено на отведенных близ тракта угодьях. Перемена подводчиков обычно производилась через семь-восемь недель. Это часто отрывало земледельцев и их тягловый скот от сельскохозяйственных работ. Поэтому жители селений, обслуживающие определенную станцию, нередко специально нанимали людей для содержания гоньбы. Некоторые крестьяне за вознаграждение от мира селились на станциях. В 60-е гг. в Красноярском уезде за обслуживание одной станции, где было четыре почтовых и 10 ямских лошадей, сельские миры платили по 250 руб.

Много времени, труда и средств уходило на содержание в исправном состоянии 790-верстного полотна дороги, 105 мостов и гатей. Ежегодно после весенних паводков и осенних дождей ремонтировались или целиком восстанавливались мосты,

настилались гати, расчищалась проезжая часть дороги, засыпались выбоины и колдобины. В среднем на каждые 100–150 верст пути приходилось посылать по 50 работников. В итоге тракт отрывал каждого второго работника от его хозяйства.

Расходы, связанные с обслуживанием Московского тракта, значительно увеличивались из-за малочисленности населения на самой дороге. Между тем Сенат по-прежнему считал, что проезжающие полностью возмещают расходы подводчиков, оплачивая по «плакату» версту пути на лошади по деньге зимой и по копейке летом, покупая пуд сена по три копейки и пуд овса по 12 копеек.

Тяжелое положение на тракте, которое особенно обострилось в конце Семилетней войны, вынудило Ф.И. Соймонова вновь поставить перед Сенатом вопрос об «учреждении ямщиков» в Средней и Восточной Сибири. Поводом послужило обсуждение планов замены десятинной пашни и порядка доставки хлеба на Кузнецкую военную линию. В 1761 году Сенат предложил Сибирской губернской канцелярии, чтобы крестьянам плодородных уездов Сибири, в том числе и енисейским, добавили «сверх исетского хлебного оброку еще по 3,5 гарнца ржи и овса». В связи с этим 19 июля 1761 года сибирский губернатор обратился в Сенат со специальным «экстрактом о крестьянстве». В частности, он писал, что для крестьян, живущих в бассейне Енисея, нужно не увеличивать, а, наоборот, снижать оброчные платежи. Мало того, Ф.И. Соймонов предлагал их совсем от «подводной гоньбы... уволить и определить к исправлению оных других свободных людей». Перечислив все службы и тяготы разночинцев, губернатор сделал вывод, что трудно и от них требовать эти повинности. Он советовал Сенату увеличить число енисейских переведенцев на дороге, освободив их вместе с обитателями ближних мест от подушных и других платежей. А чтобы при этом не пострадал «казенный интерес», предлагалось «положить в крестьянское сословие» лишних ямщиков Тобольской провинции, переселив их на берега Енисея [51].

Считая, что с отменой десятинной пашни положение сибирских крестьян улучшится, Сенат лишь частично принял предло-

жения Ф.И. Соймонова. П.А. Словцов неточен, утверждая, что «... Сенат не согласился в 1762 году для одной мысли тревожить два состояния» [52]. В сенатских указах от 6 августа и 29 сентября 1762 года действительно повелевалось «енисейских крестьян оставить в крестьянах и не переселять с Нижнего Енисея и Тунгуски на Черный Юс» к тракту. Но для обслуживания дороги по Барабинской степи до Томска и далее через Красноярск до «Иркутского рубежа» вместо местных крестьян и разночинцев признавалось удобным, согласно предложению Ф.И. Соймонова, «переселить за излишеством из живущих в деревнях тобольских, тюменских, туринских и верхотурских ямщиков из числа написанных по прошедшей второй ревизии 7454 душ 1176 человек». В эти уезды были посланы указы, чтобы старосты и сотские ближних к городам деревень выбрали «прожиточных и способных, и не скудных, и непрестарелых» и сообщили в Сибирскую канцелярию о числе назначенных к переселению душ обоего пола и их пожитках [53].

Сенат при этом вновь проявил особую заботу о нуждах кабинетских владений. Дорога с Колывано-Воскресенских заводов выходила к Московскому тракту в районе Томской округи; поэтому присланных ямщиков поместили по тракту от Томска до Кийской станции. Восточнее ямщиков почти не селили. Так, на тракте, проходившем по территории будущего Ачинского уезда, насчитывалось по третьей ревизии всего 29 ямщиков, по четвертой – 26, а по пятой – 20 [54]. Именно о них, живших с 1804 г. в Томской губернии, куда вошли Ачинский и Красноярский уезды, упоминал в своей записке о сибирских ямщиках будущий декабрист Г.С. Батеньков [55].

От Ачинска далее на восток до Иркутского ведомства Сенат предписал выбирать в ямщики тех ссыльных и посельщиков, которых еще раньше из-за недостатка хлеба при Нерчинских заводах, согласно указу от 22 января 1762 года, размещали не в заводских районах, а на тракте от Тобольска до Иркутска [56]. Это распоряжение на первый взгляд, безусловно, приносило пользу. Присланные в Сибирь ссыльные оказывались в более благоприятных для обзаведения хозяйством местах. С их помощью решалась проблема обслуживания тракта, а местное

сибирское население получало облегчение. В действительности сенатский указ о выборе ямщиков из посельщиков не улучшал сразу положения среднесибирского трудового населения и ставил всех поселяемых на тракте в очень тяжелые для хозяйственного обживания условия.

Обратимся к фактам. Сибирские власти, выполняя указы Сената от 22 января и 29 сентября 1762 года, в первую очередь стали размещать посельщиков в малонаселенных западном и восточном участках тракта Средней Сибири. Для удобства Ачинский острог с округой передали в административное подчинение по переселенческим делам Красноярску. Первые две партии были отправлены по распоряжению Ф.И. Соймонова 27 июня 1762 года из Чернолуцкой слободы. Поручик Черкашенин доставил своих ссыльных на станец Боготольский и передал их смотрителю Михаилу Юшкову, а прапорщик Кондратьев – в станец у Красной Речки (ныне станция Краснореченская) смотрителю Филиппу Терентьеву. Через полтора месяца еще одна партия «сосланных из великорусских городов от помещиков за предёрзости» поступила в Ачинский острог [57]. Всего к третьей ревизии в Красноярский уезд на тракт направлено было 867 посельщиков. Судя по их размещению, Ф.И. Соймонов придавал большое значение устройству дороги на участке Ачинск – Канск: 45 % поселенных в Сибирской губернии посельщиков оказалось в Красноярском уезде. Из них большую часть поместили на западном ачинском участке дороги. Положение поселенцев, благодаря сохранившемуся от них «наказу» в Уложенную комиссию и записям П.С. Палласа, довольно полно можно описать. Посельщики, добравшиеся до Сибири более полутора лет, вынуждены были сразу строить себе дома и хозяйственные постройки. Скучных казенных денег не хватало, да и не всегда эти суммы доходили до них. Взрослым работникам, независимо от пола, полагалось по копейке кормовых денег в день, а детям – по полкопейки. В 1762 году ежемесячно отпускался и провиант из расчета два четверика (пуда) на лиц мужского пола старше двух лет, а на прочих членов семей – по четверику. Хлеб предписывалось выдавать до первого урожая, но поскольку посельщиков начали размещать

в разгар лета, то в половинном размере провиант отпускали до осени 1763 г. [58]. За полученные на каждого взрослого (от 16 до 50 лет) работника два сошника, два серпа, топор, косу и одну лошадь на семью нужно было через три года полностью расплатиться. Обживание затруднялось еще тем, что многие не имели семей. Одни были холостыми, а других насильственно разлучили с женами и детьми по воле помещика. Судя по «наказу» посельщиков, семьи остались на родине у 63 чел., в том числе в Нижегородской губернии у 17, в Казанской – 15, Воронежской – 13, Московской – 17 и в г. Владимире – у одного человека. В довершение всех бед первый посеянный хлеб уничтожила «кобылка» (род саранчи), а в суровую зиму пали от бескормицы лошади. В результате через три льготных года, когда из посельщиков потребовалось выбрать ямщиков, всего около половины ссыльных обзавелись хозяйством [59]. О возложении только на них почтовой гоньбы не могло быть и речи. Новые же партии посельщиков не поступали, так как их направляли на поселение в Барабинскую степь и на заводы. Мало того, по указу от 30 мая 1765 года из числа уже размещенных в сибирских городах посельщиков и ссыльных стали отправлять на Нерчинские заводы мужчин до 45 лет и женщин до 35 лет [60]. Основная тяжесть обслуживания тракта по-прежнему лежала на старожильческом населении Енисейской провинции.

Через пять лет новый губернатор Сибири Д.И. Чичерин продолжил принудительное заселение среднесибирской части Московского тракта. Получив по именному указу от 11 апреля 1765 года полное право распоряжаться всеми ссыльными в Сибири, Д.И. Чичерин в 1767–1774 годах буквально наводнил ими Красноярский уезд. Так, за один 1771 год, судя по его рапорту в Сенат, только холостых и вдовых было отправлено на поселение в Красноярский уезд до 3 тыс. душ. В сенатском докладе Екатерине II от 13 мая 1773 года о состоянии переселения и посельщиков в Сибири говорилось уже о 4 тыс. чел. [61].

Во время крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева правительство запретило отправлять в Сибирь ссыльных [62]. В последующие годы до конца XVIII в. посельщиков присылали в изучаемый район эпизодически, хотя с 1776 года

по Сибири вновь зашагали партии ссыльных, а для колонизационных целей в бассейне Енисея имелся громадный свободный земельный фонд.

Власти, направляя большие партии ссыльных в Среднюю Сибирь в 60–70-х годах, прежде всего стремились равномерно заселить сам тракт. На каждой станции обычно размещалось по 10 семей, а в селах и острогах как центрах присудов и у крупных перевозов повелевалось организовывать особые слободы по 80 семей [63]. По ежегодным ведомостям расхода казенных денег Красноярской воеводской канцелярией частично восстанавливается картина размещения ссыльных. На западном участке дороги, по зимовьям у Черной Речки, Касульки, на Малом и Большом Кемчуге, а также на станциях Боготольской, Красноречинской и Ачинской в 1769–1771, 1774, 1776 годах поселили шесть партий ссыльных [64]. Вокруг Красноярска поселщиков почти не размещали. Известно только, что в 1770 году в Красноярске поселили 48 польских конфедератов, из которых через год осталось 11 чел. Мелкие группы и одиночные поселщики нередко попадали в ближние к тракту старожильческие селения, на дорогу к Енисейску и в районы по Верхнему Чулыму [65].

Процесс обживания поселщиков на новых местах протекал очень мучительно. Трудности, с которыми они встречались, значительно усугубились во время массового заселения тракта. По сведениям администрации и воспоминаниям ученых-путешественников, среди поселщиков велик был процент бессемейных, увечных, хворых, не имеющих земледельческих навыков и просто уголовных элементов [66]. Во многих русских городах таким образом избавлялись от посадских – недоимщиков и просто неугодных лиц.

Хозяйственная деятельность, быт и личная жизнь поселщиков, как и в других районах Сибири, находились под жестким контролем специальных управителей. Кроме появившихся в 1762 году двух «посельщичьих смотрителей» – красноречинского и боготольского, были назначены еще два, которые ведали поселенными на Большом и Малом Кемчуге. Смотрителей обычно подбирали из детей боярских и придавали им в помощь от четырех до шести рядовых казаков или солдат [67].

Как и приказчики пашенных крестьян XVII – первой половины XVIII века посельщичьи управители были наделены всей полнотой административно-полицейской и хозяйственно-фискальной власти, что открывало широкий простор для произвола. Они сами или через выборных выплачивали кормовые деньги, закупали и раздавали казенный провиант, семена, лошадей, «хлебопахотные инструменты», воздерживали посельщиков «от пьянства и непристойств», побуждали к земледелию и «домообзаводству», выдавали разрешения на отлучки, разбирали ссоры и споры, распределяли по холостым дворам одиноких ссыльных женщин и т. д. В общем ведении смотрителей находились и те посельщики, которых размещали по старожильческим окрестным деревням. В этом случае непосредственный надзор над ними осуществляли мирские органы самоуправления – десятники, старосты, приказчики присудов, а с 1787 года – старосты и заседатели земских изб. Они же ведали теми ссыльнопоселенцами, которые по окончании льготных лет оставались «посельщиками на своем пропитании».

В делах Ачинского нижнего земского суда сохранился указ от 1 сентября 1785 года, которым притрактовой «Сусловой деревни десятнику с мирскими людьми из старожиллов» повелевалось иметь в полном «своем заведывании и надсмотре» прибывших 7 августа семь женщин и 57 мужчин посельщиков. Ачинский капитан-исправник подпоручик Пушкарев подробно инструктировал сельский мир о его новой сфере деятельности. Казенными деньгами для раздач следовало вестать «выбранным, из старожиллов приходчику и расходчику». Ежемесячные выдачи денег поручались только десятнику. Мир обязан был следить, чтобы «впредь присланные казенные сошники, топоры, косы, серпы употреблять к земледелию, к которому неослабно побуждать, а равно и к строению домообзаводства. А каким оные порядком производить... прилагается при сем чертеж... инструментов отнюдь до продажи не допускать, а особливо данных им лошадей. Для посева в вешнее будущее время снабдить вам их в займ семенным хлебом, чем подадите со своей стороны к дружелюбию одолжение, а по обзаводству и оне вам равно служить могут и «ем доставите вообще согласное к спокойствию их состояние...

Разбирать вам домашние споры, а все другие спорные вопросы не решать и телесно никого не наказывать... Никого по билетам не отпускать... Имущество убылых держать под своей (мирской. – Г.Б.) опекой» [68]. К другим мерам, облегчавшим устройство посельщиков, относится сооружение к 1766 году на всех трех участках тракта Средней Сибири больших хлебных «мангазейнов». В Красноярске надлежало иметь 1500 четвертей скупленной у местных крестьян муки, в Канском и Нижнеудинском – по 2 тыс. четвертей. Самыми крупными были ачинские «мангазейны», в устье Большого Кемчуга, из которых ежегодно вывозили еще до 1 тыс. четвертей муки, овса и круп на Кузнецкую и Колыванскую военные линии. Из всех магазинов провиант выдавали также проходившим через Иркутск партиям ссыльных и расквартированным в провинции войскам. Позже к 1782 году были заведены хлебозапасные ссудные магазины, куда все крестьяне и посельщики бесплатно сдавали на случай неурожая по одному или 1/2 четверика ржи с ревизской души [69].

Скудная экономическая помощь, кратковременная казенная ссуда, обязательное несение по истечении трех льготных лет различных податей вынуждали посельщиков идти в кабалу к зажиточным хозяевам из старожилов. Уход в восприемники и сыновья, найм за долги и по покормежным зачастую на много лет лишали посельщиков надежды на обзаведение своим хозяйством. Так, в 1785 году староста Чернореченской станции Иван Байбаков подал сотскому д. Емельяновой «сведение», что Григорий Родионов, посельщик его станции, прибывший в 1772 году в возрасте 24 лет, «желание имеет написать себя села Арейского в д. Установку в семейство и во усыновление... к крестьянину Ивану Малашкину [70]. Нередко выход из безнадёжного положения они видели в найме в рекруты за старожилов [71]. При этом старожил платил и нес за него все подати и повинности и даже переселялся в деревню наемщика. Подрядившийся в рекруты посельщик получал на руки специальный «билет», где за подписями мирских людей оговаривались все обстоятельства и условия договора.

Посельщикам и ссыльным без особых ограничений выдавались и краткосрочные покормежные паспорта. Как правило,

все случаи их найма к старожилам оформлялись. Считалось, что наемщик через несколько лет кабального труда сможет обзавестись с их помощью своим хозяйством. Но это было далеко не просто, о чем свидетельствует пример кускунского поселщика Сидора Балашова, записанного в крестьянское сословие по четвертой ревизии. «На свою необходимую надобность, на подушный платеж и всякие мирские расплаты к разным людям долгов» он 30 мая 1787 г. взял в долг с отработкой 46 рублей. у лодейского крестьянина Ивана Ворошилова. Сохранилась расписка С. Балашова, которая определяет характер отношений между нанимателем и наемщиком: «За оные деньги (46 руб. – Г.Б.) повинен я, Балашов, у него Ворошилова погодно зарабатывать... по 8 рублей, присевку – полдесятины ярицы, чарыки (вид обуви. – Г.Б.), чулки, рукавицы таборожьи. А жить мне Балашову у него Ворошилова в доме добро, порядочно, завсегда быть послушну как ево так жену ево детей, не в чем быть ослушну. В том я Балашов сие письмо дал зарукой при свидетелях...». Позже он, отчаявшись выбиться из кабалы, за 100 рублей нанялся идти в рекруты за лодейского же крестьянина Артемия Потылицына, отдав на жизнь старухе матери оставшиеся от погашения долгов деньги [72]. Разрешая и оформляя эти кабальные сделки, включая отдельных ссыльных в состав местных подеревенских миров, а целые поселщицьи миры – в состав административно-фискальных сложных общин с их обязательной круговой порукой, власти, таким образом, перекладывали часть расходов по устройству и обживанию поселщиков на старожилов, предоставив последним в виде компенсации возможность эксплуатации казенных поселенцев.

В крайне тяжелых условиях жизни поселщиков возникла новая форма хозяйственно-бытовой кооперации. Некоторые семьи и отдельные поселщички не шли, как обычно, в работники, а на время объединялись по своей воле или распоряжению властей в одно хозяйство. Обычно власти старались в какую-то маломощную семью поселщика включить одного-двух холостых ссыльных, выдавая им общую ссуду и помощь. Очевидно, имели место случаи добровольного объединения хозяйственных усилий и материальных средств двух-трех малых семей. От

подворников и срочников они отличались тем, что владели двором, хозяйственными постройками, инвентарем и вели общее хозяйство. Право совместного распоряжения продуктами своего труда, вероятно, носило паевой характер.

Кооперация, естественно, была временной. Постепенно в таком объединении сначала появлялись свои семьи и дома, а затем происходило их производственное обособление. В дальнейшем объединение этими отдельными хозяйствами своих средств и рабочих усилий носило, как и у прочих, единичный характер и сводилось нередко к подмоге при подъеме целины, расчистке пашни, сенокосов, рыбных ловель, строительству напаях мельниц и помощи при уборке урожая. Такая своеобразная форма хозяйственно-бытовой кооперации поселщиков в известной степени была близка хозяйствам сибирских пашенных крестьян XVII века и носила временный характер. В источниках нет ее определения. Так, земские и духовные власти говорят о «товарищах» или просто «помощниках» во дворах земледельцев. Вероятно, иногда для их обозначения употреблялось и привычное слово «подворники». Групповые хозяйственно-бытовые объединения поселщиков встречались на всех участках Московского тракта в Средней Сибири [73]. Нередко в казенных деревнях и станциях каждое третье и четвертое хозяйство являлось таким объединением. Например, в 1784 году при обследовании ачинским городничим хозяйств поселщиков д. Касульская оказалось, что пашню имеют 60 чел., причем 19 чел. «работают только помощниками и питаются от урожая вместе [74]. Интересно, что такую кооперацию широко использовали власти при устройстве новых казенных притрактowych поселений в 10–30-е годы XIX века [75].

Отрицательно сказывалось на обживании поселщиков размещение их непосредственно по тракту. Срочные работы по ремонту мостов и дорожного полотна, поставки недостающих для крупных партий подвод, обслуживание переправ возлагались именно на жителей притрактowych слобод и станций.

Противоречивое влияние на процесс приживания оказала политика насаждения мирских принципов организации жизни ссыльнопоселенцев. Круговая порука в несении платежей и тя-

гот, прямой сбор денег на «прокормление бедных», разные виды подмоги и кооперации – все это позволяло властям использовать материальные средства всех посельщиков для поддержания их «скудных» товарищей. Однако такой порядок замедлял темпы становления самостоятельных хозяйств у всех посельщиков.

Миры казенных деревень, станций и слобод подчас жестоко обходились со своими маломощными членами. Их отдавали за долги в кабальные работы, обменивали через рекрутчину на состоятельных тяглоспособных старожиллов. Поэтому не случайно «заемные письма» под отработку, расписки, кабалы и «билеты» подрядившихся в рекруты посельщиков выдавались «за мирскими руками» и при «одобрении от народу».

Вместе с тем принудительно возникшие мирские общины посельщиков помогали ее членам бороться со злоупотреблениями администрации, случаями притеснения со стороны отдельных богачеев-старожиллов и других миров. Экономически более однородные посельщицьи общины часто действовали согласованнее старожильческих. Располагая, как правило, бывальыми грамотными людьми, они широко прибегали к жалобам во все инстанции как средству коллективной защиты своих интересов [76].

При этом гибко использовались дух, буква и лазейки тогдашнего запутанного законодательства и судебной практики с ее крючкотворством, формализмом и бюрократической волокитой. Показательна история торгующего крестьянина-старожилла с Ладейское Артемия Потылицына. В 1787 году он, «чтобы не лишиться родителей сыскал за себя в рекруты за 100 рублей находящегося в работах» кускунского посельщика Сидора Балашова и, согласно договору с миром, переселился за него на станцию Кускунскую. Через четыре года, как жаловался А. Потылицын, он «по ненависти тех кускунских посельщиков в 1791 году выбран десятником, для чего вместо себя и принужден нанять кускунской же сотни крестьянина Ефима Смоленского» за 2 рубля 80 копеек в год. Осенью того же 1791 года кускунское общество отдало прижимистого А. Потылицына в рекруты. Крестьянин, которого в прежнем станке уже отдавали в рекруты, обжаловал решение мира в Красноярске, а затем и в Колывани. Он не без основания считал, что раз

переселился в Кускун, вошел в «кускунское общество» вместо С. Балашова, имевшего рекрутскую льготу, и платил за него все подушные, подводные и прочие платежи, то в рекруты не должен идти. Посельщичий же мир, выставя А. Потылицына вольным переселенцем, настаивал на своем праве определить его в солдаты. Интересно, что Кольванская казенная палата после попытки разобраться в аргументах обеих сторон 11 июля 1792 года распорядилась вновь передать это дело на рассмотрение в Красноярский нижний земский суд [77].

Названные многообразные причины трудного и длительного процесса превращения ссыльного и поселщика в обычного тяглого крестьянина обусловлены феодальным классовым подходом правительства к решению этой задачи. Тогдашний государственный аппарат был неспособен как-то иначе решить ее. Поэтому почти все обитатели казенных станций и зимовий годами находились в крайне тяжелом положении.

Огромные лишения терпели поселщики подчас даже через 10 лет после определения их на землю. Об этом свидетельствует история жителей деревни Большая Касульская. На западном участке тракта у речки Большая Касулька в конце 1776 года разместили большую партию поселщиков, которые до этого работали на строительстве Боготольского и Краснореченского винокуренных заводов. Поскольку льготный срок прошел, их положили в подушный крестьянский оклад и приписали в ревизские списки третьей переписи. Но те, кто не мог или не хотел «заобвыкнуть к пашне», по договору со своей общиной продолжали работать на заводах. Часть получаемых денег отдавали «по обязательству и договору с миром... ежегодно в общую раскладку на платеж за убылых, неимущих... на наем подводной гоньбы, мощение дорог и на содержание пищика и письмопроизводства, на рекрутские подати и другие случающиеся мирские расходы и надобности, а особенно и на прокормление бедных» [78].

Через семь лет начались споры между сельскими и заводскими поселщиками Касульского общества о размере отчисляемых сумм на мирские нужды. Обследование, которое с 1 ноября 1786 года проводил ачинский городничий, вскрыло неп-

риглядное состояние их хозяйств. По четвертой ревизии в деревенской общине числилось 212 р. д. Из них реальных плательщиков к 1786 году было 160 чел. За прочие 52 р. д. (13 – умершие, 21 – малолетние, 15 – старые и увечные, 1 – пропавший без вести и 2 – под судом) мир платил раскладкой, в том числе с каждого из 68 заводских брали, как и со всех, по 3 рубля 50 копеек. Из 92 сельских поселщиков 89 жили в своих домах. Пашню же, «по убожеству своему всего 60 десятин яри, а на следующий год 65 десятин посеянной озими», имели 60 чел., причем 19 чел. были в складничестве и названы помощниками, которые «питаются от урожая вместе». Мало было в деревне и скота, так как все жители приготовили к зиме только 1000 копен. Другие занятия у поселщиков не отмечены, хотя 13 чел., в том числе 10 дворовладельцев, не были связаны с перечисленными выше видами трудовой деятельности [79]. Таким образом, даже через 10 лет после поселения в деревне было менее 75 % работоспособных поселщиков, из которых 55 % (87 из 160) жили за счет найма, 37,5 % имели маломощные земельные хозяйства, а прочие получали средства к существованию неизвестно как. По нашим данным, только 33–25 % всех поселщиков хозяйственно обжились через 5–10 лет после определения на землю. Другие все еще не могли обходиться без систематического найма. Разницу в экономическом положении старожилов и поселщиков отмечали современники даже в конце XVIII века. Об этом писал, в частности, А.Н. Радищев, проезжавший по тракту в илимскую ссылку [80].

Общая численность помещенных на тракте поселщиков, как и в других районах Сибири, устанавливается с трудом, поскольку первичных материалов ревизий второй половины XVIII века по изучаемому краю почти нет, а уцелевшие плохой сохранности [81].

Путаница в учете усугублялась административно-территориальными изменениями уезда. Вся территория восточнее Канского острога до Тулуна и от верховий Кана до с. Курьш в 1782–1784 годы отошла в новообразованный Нижнеудинский уезд Иркутского наместничества. Пять старожильческих присудов по бассейнам Подъемной и Бузима – левых притоков Сред-

него Енисея – и практически весь западный участок притрактовой полосы от Качи до Боготола вошли в 1782 году в состав нового Ачинского уезда Тобольского наместничества [82]. Условные подсчеты общей численности присланных в Красноярский и Ачинский уезды ссыльнопоселенцев и число осевших из них к четвертой ревизии дают следующее. Всего в течение 1762–1782 годов прибыло около 6 тыс. ссыльнопоселенцев, из них на тракт – до 5 тыс. р. д., или 83,3 % присланных. Из них в Ачинске, Подгородной, Большой Кемчугской, Боготольской и Краснояреченской волостях было 3142 человека поселщиков, что составило больше четверти всего русского населения [83]. По-прежнему были переведенцы, которых, из-за плохой приживаемости ссыльнопоселенцев продолжали размещать на прежних условиях по длинным перегонам западного и восточного участков тракта, а затем нередко подселяли к ним поселщиков.

Сведений о численности поступивших на тракт ссыльнопоселенцев между четвертой и пятой ревизиями почти нет. Судя по отрывочным данным, их продолжали присылать в Сибирь, хотя и в значительно меньшем количестве, до конца XVIII века. Так, в 1792 году между Красноярском и Канском, где по четвертой ревизии проживало 840 поселщиков, в ведении трех земских изб находилось 829 ссыльнопоселенцев, с которых еще не собирали деньги на подводную гоньбу [84]. Всего же в Красноярском уезде в новых границах по пятой ревизии числилось 2138 р. д. поселенных поселщиков [85]. В топографическом описании Ачинского уезда 1796 г. отмечено, что в г. Ачинске было 336 поселщиков в подушном платеже да 16 дряхлых и увечных. В их семьях насчитывалось 254 души жен. пола. Кроме того, в уезде числилось 26 поселщиков на трехлетней льготе и пять человек «на своем пропитании» [86].

Таким образом, правительство в 60–80-е гг. XVIII в. уделяло заселению тракта в Средней Сибири не меньше внимания, чем заселению Московской дороги в Барабинской степи или военным линиям Южной Сибири [87]. Устройство важнейшей сухопутной дороги, связывающей в широтном направлении все районы Сибири с Европейской Россией, и активное заселение при-

трактовой полосы стали главными условиями ее интенсивного хозяйственного освоения. В частности, пограничная, сразу для трех уездов глухая территория Среднего Причулымья привлекла внимание таких крупных винозаводчиков и предпринимателей, как Походяшин и Лобанов.

2.4. ПОЛНЫЙ ТЁЗКА

Тесно связана с Сибирско-Московским трактом ближайшая к будущему заводу деревня Красная Речка. При первичном устройстве трассы тракта власти разрешали вольные переходы в этот район. В первую очередь этим воспользовалось население Енисейского уезда. Выпаханные земли и большие расходы по обслуживанию дороги этому немало способствовали. Первые упоминания в налоговых документах о деревне относятся к 1747 году. Обычно если нет более точных сведений, то первое упоминание считается годом основания населенного пункта. В «Кратком реестре» переписной книги по Енисейскому уезду в 1747 году отмечено, что вновь поселенных по Чулыму енисейских жителей в шести деревнях, в том числе деревне Красной, было 11 разночинцев и 6 крестьян. Они перешли из довольно крупного по тем временам села Новоселовского, где осталось 58 крестьян и 4 разночинца мужского пола [88]. Важно подчеркнуть, что переписные книги по Томскому уезду эту и другие деревни не учли, так как жители еще числились по старому месту жительства. Таким образом, первооткрывателями нынешней Красной Речки были потомки русских старожилов – пионеров освоения северных территорий современного Красноярского края. Интересно, что преобладали среди них дети казаков, которых, по первой переписи 1718–1722 годов, полностью исключили из штата и обложили податями и повинностями под именем «разночинцы».

Через двадцать лет около Ачинского острога отметили на одну деревеньку больше. По третьей переписи, все они были малодворными – 16 человек мужского пола приходились на 3 селения, причем, кроме енисейцев, там проживало 7 ссыльных [89]. Однако эта перепись не отмечала: во-первых, пересе-

ленцев, которые еще не открепились и платили по старому месту жительства; во-вторых, сельских посадских, которые числились по своему городу; в-третьих, штатных казаков, которых не переписывали как не подлежащих налогообложению. Поскольку из 16 человек 10 были в возрасте от 16 до 50 лет, то жители явно расселялись на новые места. Немедленному заселению самой притрактовой полосы мешали произвол проезжающих чиновников и воинских команд. С 1757 года по Красной Речке прошел сам тракт и в ней учредили почтовую станцию, что во многом определило ее дальнейшую судьбу.

Власти стали активно ее обустроить по имеющемуся плану. Первые поселщики поступили на станцию летом 1762 года. Партия вышла из Краснолуцкой слабоды 7 июля, делала за световой день по 20 верст, получая в сутки одну копейку и солдатскую дачу провианта. Их конвоировали солдаты во главе с прапорщиком Кондратьевым, который сдал их поселщицкому смотрителю из красноярских детей боярских Филиппу Терентьеву. В его ведении оказалось 362 человека (по другим данным, 385), в том числе каждый третий был женат. Детей же, всего 67 человек, не имела в среднем каждая 4 семья. Мало того, у 63 поселщиков среднесибирского участка тракта помещики удерживали 78 детей обоюго пола и двух жен, которых не удалось вытребовать даже спустя 5 лет.

Далеко не каждый, как увидим ниже, приживался, поэтому периодически их ряды пополнялись властями. Тем более что на Краснореченской как станции проезжающие останавливались на ночлег и там постоянно находились прогонные лошади. Так, в 1770 году ученый-путешественник П.С. Паллас отметил, что в деревне Краснореченской, отстоящей от с. Боготол на 29 верст и лежащей на границе с сухой степью, числится 150 дворов, сосланных на поселение из России [90]. Как видим, за 8 лет число дворов удвоилось, и по своим размерам и числу жителей станция продолжала превосходить Ачинск, где Паллас насчитал только 100 дворов.

Поступали поселщики в Краснореченскую и после 1770 года. Так, в 1774 году тот же смотритель Терентьев получил на сентябрьскую четверть года 57 руб. 25 1/2 коп. кормовых денег

для размещенных на Краснояреченской и Кемчугской станциях еще 478 душ обоего пола из расчета копейка денег в день на человека [91].

До истечения 3-х льготных лет поселщики были в полном заведовании смотрителя. Кроме провианта и денег, он раздавал «хлебопахотные инструменты – топоры, косы-литовки и горбуши, серпы, сошники», покупал лошадей, которые с хомутом и уздой каждая обходилась по 5 рублей. Много хлопот доставляло формирование семей-хозяйств. Холостым подыскивались невесты. Сложнее было с женатыми, которых помещики разлучали с супругами и детьми. Женить их было нельзя, а восстановить семью почти нереально. Выход находили в произвольном объединении 3–4 холостых или 1–2 холостых с семейной парой в одно хозяйство. На возникавшие семейно-моральные накладки закрывали глаза. Ленивых поселщиков община обычно отдавала в «работу» на ближние винокуренные заводы. Часть их платы перечислялась в счет налогов и натуральных повинностей. Особо провинившихся отправляли на каторгу на Нерчинские заводы, которые являлись Сибирью в самой Сибири. Так, в 1775 году в партию прапорщика Колякова, шагавшую в Нерчинск, отдали 6 красноярских поселщиков.

Из-за круговой поруки красноярская община, как и другие, старались избавиться под разными предлогами от неполноценных своих членов. В первую очередь избавлялись от физически увечных, причем нередко очень изобретательно. Так, Красноярский магистрат в связи с передачей части уезда в новый Ачинский уезд причислил 68-летнего слепого мещанина «Казьму Мякинникова» к Ачинску, показав его умершем по четвертой ревизии. Однако он оказался жив, временно находился в Енисейске, поэтому с ачинского мещанского общества требовали подати за него, хотя он был стар, болен и не имел родственников. Ачинцы все же добились в Тобольском наместническом правлении, чтобы Казьму вернули Красноярску [92].

Посельщики приживались с трудом. Некоторые, соблазнившись легкостью ухода в этих диких, по их мнению, пустынных местах, пускались в бег. Однако их нередко ожидало горькое разочарование. Показательна в этом случае история Никифора

Кочешова и его приятеля Василия Фонарева. На допросе в Енисейске выяснилось следующее. Кочешов родился в 1725 году в крестьянской семье и жил в Тобольске. Двадцати одного года был «наказан по соляному делу» и тогда же пошел по трехлетнему паспорту на заработки. Просрочив его, незаконно работал в разных городах. Томские власти его выслали на родину в Тобольск, откуда через 2 года за бродяжничество его причислили к посельщикам и в начале 1776 года определили на поселение в д. М-Кемчугскую Красноярского уезда. Пробыв всего 2 месяца на новом месте, в конце мая он бежал с «братом Фонаревым», тоже посельщиком, так как, по его словам, «не заобвык к хлебопашеству», к которому его принуждали. Некоторое время беглецы жили в Красноярске, затем ночью на чужой лодке поплыли в Енисейск, сказываясь встречным «работниками поверенного Дмитрия Лобанова». Эта версия срабатывала, ибо все знали, что Лобанов недавно построил и взял на откуп новый Краснореченский завод на Чулыме и старый Каменский в Енисейском уезде. Пробыв день в Енисейске, беглецы двинули в Мангазею (Старотуруханск), сказываясь уже работными хлеботорговца крестьянина Аники Тюменцева, у которого Кочешов когда-то работал на дощанике. До Мангазеи оставалось 120 верст, когда встречные рыбаки отсоветовали им плыть, так как их могут «застрелить местные остяки». День ушел на раздумья, а потом друзья повернули назад. В Енисейске они рассорились до драки и разошлись в разные стороны. Кочешов в д. Комаровой Ациферовской волости ввиду наступающей осени и голодной зимы добровольно «объявился беглым» и был 21 августа 1776 года доставлен в Енисейск.

Фонарев же еще на четыре дня раньше объявил себя в зимовье Сумароковом того же уезда и 16 августа был допрошен в Енисейске. Он оказался родом из Нижегородской губернии, считался посадским, в 45 лет в 1774 году за пьянство своим обществом был сдан в посельщики с зачетом рекрутов. Попав в деревню Малый Кемчуг, он два года пытался завести хозяйство, получив инструменты и лошадь. Однако «по его неумению» лошадь вскоре пала, и по бедности своей он определился трапезником в местную церковь. Поссорился же он с приятелем

лем из-за того, что собирался раньше явиться с повинной. Интересно, что все встреченные беглецами сибиряки оказывались сострадательными и кормили их [93].

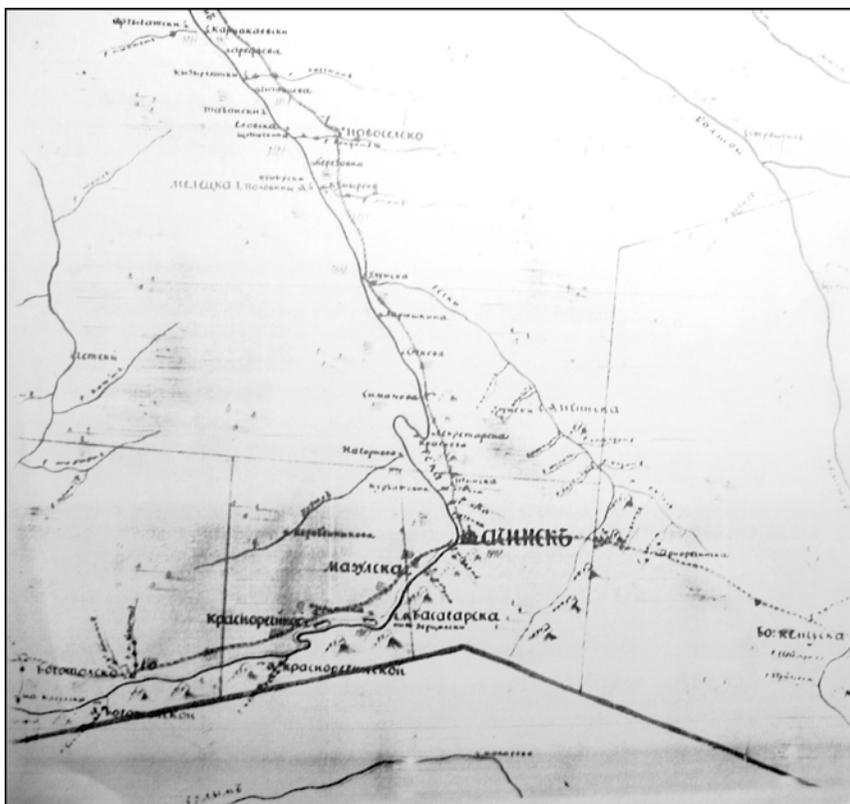
Некоторые беглые, особенно из каторжников, сбиваясь в вагаги, пытались жить грабежом. Так, в июле 1773 года каторжные, вероятно, нового Боготольского завода, в количестве 6 человек, верхом и вооруженные семью ружьями, в обеденное время напали на станцию Боготольскую. Однако они просчитались. Там как раз находилась партия ссыльных, охраняемая воинской командой во главе поручиком Понаргиним. Он вместе с местным посельщичьим смотрителем Юшковым и 50-ю обывателями погнался за разбойниками. Беглые на речке Касульке разобрали мост, чтобы оторваться от преследователей, но все же через три версты их настигли. Уже смеркалось, разбойники спешили, отошли в заболоченный лес и залпом встретили погоню. Был убит посельщик-крестьянин, а также подстрелена лошадь. Ответными выстрелами у каторжных тоже убили коня и захватили 6 лошадей. Оказывается, их забрали у зажиточного крестьянина Кузьмы Селиванова, который из Новосельского присуда Енисейского уезда переселился в Боготол. Лошадей вернули хозяину, а также «белую скатерть и ковшик с железной трубкой», отнятую на соседнем станце «злодеями». В связи с этим случаем Красноярская воеводская канцелярия разослала предупреждения об опасности, тем более что почтальон из казаков Калашников показал, что западнее идет еще 12 человек разбойников, при которых была даже женщина. Поручик Панаргин счел обстановку настолько опасной, что несколько дней оставался со своей партией каторжных в Боготоле, за что из Красноярска получил выговор [94].

Далеко не все посельщики, особенно семейные, были перекаати-поле. Они старались обжиться и пустить корни на своей новой малой родине. Кроме хлебопашества, старались заниматься различными домашними промыслами и ремеслами. Имелись среди них умелые кузнецы. Так, краснореченцы из посельщиков к июню 1768 года выполнили большой заказ на изготовление 1000 кос-литовок на сумму 6300 рублей, получив задаток в 200 рублей. Живя на большой дороге, некоторые занялись из-

возом. Например, посельщики этой станции «Михаил Петров с товарищем» подрядились с января 1768 года доставить из Ачинска до Томска 13 тыс. казенных рогожных кулей на общую сумму в 191 рубль 62 копейки, по цене 13 копеек за пуд груза. Использовались ими и охотничьи угодья. Так, следуя от Боготола к Краснореченской, П.С. Паллас был удивлен оригинальным способом ловли тетеревов. «В разных местах видел я поставленные на березах особливые силки, коими крестьяне ловят тетеревов. На месте пригодном, березе, укрепляется широкая дощечка, на каждом конце оной привязываются колосья и на несколько дюймов от каждого края укрепляется к дощечке лучок наподобие круга, на который ставится силок, из лошадиных волос сделанный, который к дощечке привязывается. Тетерева садятся на дощечку и не могут к колосьям иначе подойти, как просунув голову через лучок и силок; если же они назад попытаются, то тащут с собой и силок, и тако остаются, если хотят улететь, с висящей в силке головой» [95].

Первоочередной заботой для домовитого поселщика было, конечно, обзаведение собственным жильем. Строительный материал значительно вырос в цене: бревна – 1 саж. в высоту, или 15 штук, – 80 копеек; плахи – 1 саж. в высоту, или 100 штук, – 4 рубля 36 копеек; тес – 1 саж. в высоту, или сто штук, – 12 рублей 50 копеек; охлупни на верх крыши – 1 сажень, или 100 штук, – 30 копеек; «петух еловый» – 30 штук за 1 рубль; плахи лиственные – 1 саж., или 100 штук, – 2 рубля 50 копеек; плахи на заплот, за 100 штук – 2 рубля; столбы – 1 саж., или 15 штук, – 1 рубль 50 копеек. Другое необходимое в крестьянском подворье, учитывая, высокую покупательную стоимость 1 рубля, стоило тоже немало, например: сани-дровни для возки воды – 20 копеек; распуски с колесами для возки же воды – 95 копеек; деревянная кадь под воду – 30 копеек; деревянная лагуша – 6–7 рублей; аршин холста – 2 копейки; саж. дров березовых от 25 до 30 копеек [96].

Со временем жизнь налаживалась, численность крестьян Краснореченского мира росла. Перспективность района стала привлекать вольных переселенцев. В этом отношении типична история 36-летнего крестьянского сына Прокопия Саввича

Рис. 7. Фрагмент карты Ачинского уезда из атласа Тобольского наместничества 1788 г. Данные отражены на 1784 г.

Чеснокова, пришедшего в Сибирь на заработки по покормежному паспорту из Вологодского наместничества Яренского уезда. Паспорт он выправил 8 марта 1778 года на 3 года. Неизвестно, где он это время обретался, но по истечении срока обратился с просьбой записать его временно с 1781 по 1784 год в енисейские цеховые по «шерстобитному мастерству». Его мастерство освидетельствовали и удовлетворили просьбу, записав в четвертую ревизию в цех, то есть в ремесленники, обязав ежегодно платить его по мирской раскладке на мирские расходы по 2 рубля 50 копеек (подушные и оброчные деньги за Прокопия платил отец по прежнему месту жительства). Основанием для его приема по-

служили два указа. Сенатский указ от 27 апреля 1722 года разрешал «запись ремесленников в цеха всяких художеств гражданских жителей из российских всяких чинов и иноземцев, которые похотят вечно или временно, а в неволю не принуждать». Другой указ 29 мая 1762 года содержал «предложение господина тайного советника и сибирского губернатора Ф.И. Соймонова о явившихся в Сибирь с просроченными паспортами купцов и крестьян, что таких, кои для каких-либо своих нужд желание иметь будут несколько там пробыть, таковых по их желанию отсрочивать на толикое время, сколько они там пробыть пожелают и давать потому ж надлежащие паспорта».

Однако через три года Чесноков не пожелал остаться в Енисейске. Объявившись в д. Зерцальская Краснояреченской волости, он в 1789 году попросился записать его в цеховые или мещане по г. Ачинску. Местный городничий секунд-майор Иван Чемесов стал наводить справки в Тобольском наместническом правлении, а тобольские чиновники запросили родину Чеснокова. Выяснилось, что на просителе числится недоимка – долг казне по подушным платежам целых 30 руб. (отец или умер, или не стал платить за непутевого пропившегося сына). Мало того, по годам и холостому положению подошла его рекрутская очередь. Однако по неизвестным, скорей всего, бюрократическим причинам дело Чеснокова о приписке так и не решили, и он продолжал в середине 1791 года жить в Краснояреченской волости Ачинского уезда [97].

Важно подчеркнуть, что краснореченские поселщики, как и другие, не считались преступниками и не были лишены гражданских прав и прав личности. Вместе с поселщиками Красноярского уезда они в 1767 году участвовали в работе Уложенной комиссии, призванной выработать новые законы для всей страны.

Росли их самостоятельность и понимание самоценности. Выражением этого стало, в частности, их обособление в отношении церковной обрядности. На мирском сходе они решили выделиться в особый приход, для чего собрали нужные средства, материалы, выбрали ответственного – церковного строителя, пригласили строителей, и в 1789 году у них появился скромный храм. Священник, дьякон, дьячок и пономарь, то есть весь

клир однопрестольной церкви, через Тобольскую консисторию были наняты на взаимнодоговорных условиях.

Внешний вид селения тоже стал приближаться к регулярной застройке. Новых дворохозяев заставляли соблюдать официальный план, которым руководствовались уездные землемеры. По нему дома следовало ставить фасадом в прямую линию, ширина дома 3–4 саж. (1 саж. – 2,14 метра), длина 8 саж., общая ограда в улицу должна равняться 12,5 саженьей, а с домом – 30 саж., в длину же усадьба вся составляла 50 саж. Вся ограда делилась на «хоромное строение» и двор. Две жилых камеры разделялись двумя сенями и клетью, но составляли одну связь. От передней ограды двора, отступя 2,5 саж., ставили сарай, а за ним городили огород длиной в 35 саж. В конце огорода размещали по углам баню и овин для просушки снопов. За овином шла «порозжая улица без построек». Дома должны в противопожарных целях отстоять друг от друга «строением» в 15 саж., а улицы делать шириной тоже 15 саж. [98].

С выделением особого Ачинского уезда село в 1783 году стало центром отдельной волости. Наиболее авторитетные сельчане выбирались в местное самоуправление. В 1787 году в Краснореченской волости старостой был Афанасий Петров, а выборными членами – Афиноген Никитин и Филипп Панкратов. Они регулярно переизбирались. Так, в 1795 году в волости волостным старостой уже был Малофей Герасимов, а выборными членами Аким Похолков и Ермил Григорьев. Делопроизводством же ведал писчик Панфилов [99].

Развитию села способствовало и учреждение пересыльного этапа, в котором останавливалась на ночь партия каторжников и ссыльнопоселенцев. Естественно, это привлекло мелких торговцев и торгующих крестьян.

В первой половине XIX века село продолжало расти, хотя и потеряло с учреждением Енисейской губернии статус волостного центра. Граница между губерниями прошла по Чулыму, и село с левобережными деревнями включили в Боготольскую волость Томского округа Томской же губернии. При межевании земель сел с соседними винокурными заводами в 1811–1815 годах красноярский окружной землемер Улитин «на бу-

дущее размножение» отвел во владение излишних годных земель 1101 дес. 2380 квадратных саж. Описание состава угодий села по межеванию и топографическим книгам и съемкам в 1815 и 1856 годах Улитина и топографа 2 класса Дубровина позволяет судить, что площадь села увеличилась больше чем в два раза, но его хозяйственные запросы явно сложнее было удовлетворить из-за нехватки земель. «Под усадьбой с огородами, гумнами и конопляниками» в 1815 году вымеряли 28 дес. 800 саж., в 1856 году только 55 дворов занимали 63 дес. 200 саж., не считая 13 дес. 2150 саж. под улицами и переулками. Однако пахотные поля сократились с 7153 дес. 43 саж. до 2920 дес. 1550 саж. Урезали и сенокосные угодья с 2285 дес. 152 саж. до 375 дес. Правда, в первом случае считали не только «чистые по сухому грунту», но и 1789 дес. 900 саж. кустарника. «Скотский выпуск», считая удобной для выгона только одну треть площади сухой степи, увеличился с 350 дес. 1333 саж. до 939 дес. 400 саж. «чистого выгона», очевидно за счет росчистей, ибо площадь по кустарникам, мокрым местам и кочкам сократилась до 556 дес. 300 саж. Значительно повывели столь необходимый в крестьянском хозяйстве строевой и дровяной лес – с 5771 дес. 559 саж. до 1184 дес. 100 саж., не считая 88 дес. 1800 саж. березового леса по болоту и 69 дес. 900 саж. кустарника. Всего «удобной» земли считалось 15351 дес. 2378 саж., а осталось в 2,5 раза меньше – только 6196 дес. 2250 саж. Это, конечно, не столько хищническая утилизация угодий, сколько земельное утеснение, как будет видно ниже, со стороны соседнего Боготола, двух заводов и новых деревень. Сократилась поэтому площадь «неудобных угодий», выросло только кладбище до 1 дес. 600 саж. Территорию с подворьями, то есть все объекты, Улитин показал слитно – в 10 дес. 14 саж., а Дубровин детализировал: «Под рекою Чулымом и половиной оной (другая половина в Енисейской губернии – Г.Б.) – 120 дес. 700 саж., старицами – 1 дес. 400 саж., под Красной Речкой и прудом – 1 дес. 1400 саж., ручьем Шамановым и озерами – 1 дес. 100 саж.». Особо показаны «пустопорожние» земли под названием «Арга», из них удобными землемер признал 562 дес. 640 саж., а неудобными 72 дес. 1150 саж.

Другими урочищами и местами с явным уменьшением отмечены: «под крутостью гор и оврагами 123 саж. 1300 саж., которых оказалось в 50-х годах всего 45 дес.; под губернской дорогой – 128 дес. 1800 саж. и осталось только 40 дес. 900 саж.; под проселочными дорогами – 16 дес. 900 саж., к которым добавились новые, всего 70 дес. 600 саж.». Появился к 1856 году и «бечевник», тропа для провода по берегу Чулыма речных судов, занявший 21 дес. 600 саж. Дубровин почему-то не отметил зафиксированные Улитиным такие неудобия, как «болото с мокрым лесом, всего 487 дес. 1580 саж., разный мелкий лес, ни к чему не пригодный – 1317 дес. 1600 саж., и две трети сухой возвышенной степи – 694 дес. 1600 саж.». Всего неудобной земли, по определению красноярского землемера Улитина, было в «землях села Краснореченского» 3380 дес. 814 саж., а по счету Дубровина – 4489 дес. 1750 саж. Разницу почти в 1500 дес. можно было отнести к изменению в таксономии земель в начале и в середине XIX века и к хозяйственному освоению прежних неудобий. Однако об истинных масштабах названных причин уменьшения неудобных земель трудно судить, ибо общая площадь угодий сельских краснореченцев вымежевана в 1815 году – 60 дес. 1640 саж., а в 1856 году – пахотных угодий – 10 дес. 14 004 саж.

Уже томские власти в 1825 году распорядились вымежевать их угодья. Это внутри селения вновь выполнил в 1831 году бийский окружной землемер Александр Берестов. Присутствовали и удостоверили его работу прапорщик Николай Иванович Деев, начальник этапной команды, а от крестьян Федор Орбанов и «понятые, сторонние люди: государственные крестьяне села Боготольского Василий Усков, Матвей Усков, Яков Афонасьев, Федот Полетов, Григорий Тельнов, деревни Зерцальной – Кондрат Елфимов, Василий Евдокимов, деревни Коробейниковой – Семен Донов, Алексей Коробейников». Подписи крестьян удостоверил дьячок Архангельской церкви села Краснореченского Петр Тюшняков. Из межевой книги 1831 года узнаем, что земли казачьей этапной команде отвели с начала межи с левой стороны через дорогу из села Боготольского от земель государственных крестьян и поселенцев по течению бе-

зымянного залива реки Чулыма, на левой стороне отвода ее в 15 саж. «починный (начальный. – Г.Б.) пункт – починные метровые ямы расстоянием в две саж., квадратные шириной в 1,5 саж. и одна саж. в глубину». В ямы положили пять камней и угли, а рядом вкопали межевой столб. С правой стороны лежали сенокосы и болото с кочками, отведенные этапным казакам, а налево были болото, лес и гора, на которой были пашни сельчан. Всего в окружной меже у казаков считалось покосу 12 дес.; под половиной Чулыма и заливом – 5 дес. 2348 саж.; под березами – одна дес., под болотами 7 дес. 1700 саж., итого 26 десятин 1642 саж., из них удобной земли – 12 дес. [100].

В связи с расширением этапа и его пропускной способности к нему придали еще команду этапных солдат. В конце 30-х годов вместе с церковными землями у них считалось 100 дес. 20 саж., в том числе 91 дес. – пашни, 600 саж. – сенокоса, 1400 саж. – степи, 400 саж. – леса, 500 саж. под прудом, болота – 1 дес. 1000 саж., озер – 420 саж. и кустарника – 4 дес. 400 саж. К 1857 году у солдат в дачах считалось всего 49 десятин 171 саж. пахотных угодий да 63 саж. под «малыми полевыми дорогами» [101].

В 1834–1839 годах с новой волной переселения казенных крестьян из малоземельных губерний Российской империи, по ходу так называемой по министру «киселевской реформы», землеустройство служебных категорий населения ужесточили. В 1834 году министр финансов Киселев послал в Сибирь для выявления свободных земель действительного статского советника Залесского с четырьмя землемерами и четвертью роты топографов. Работа велась в Томской и Енисейской губерниях. Через два года Залесский рапортовал, что, исходя из пропорции в 15 дес. на ревизскую душу, его командой выявлено и отмежевано от старожилов до 250 тыс. дес. На них решено было селить российских переселенцев отдельно либо по старожильческим селениям, но с особым управлением. Планировалось предоставлять льготы в виде освобождения на 12–25 лет от рекрутчины, освобождение от налогов и податей на 12 лет тех, кто переселялся за счет казны. Им же предоставить ссуду 130 рублей с рассрочкой в три года по 40, 40 и 50 рублей, ко-

торые они должны вернуть через 26 лет. Однако губернские власти холодно встретили эту попытку центра решить проблему малоземелья за счет Сибири. Енисейская казенная палата не согласилась принять в свою губернию 37 тыс. человек из планируемых 160 тыс. Она предложила «для опыту» в течение трех лет присылать партии по 200 человек, или 50 семей, и не более 5 партий ежегодно, чтобы проверить, как пройдет акклиматизация переселенцев к суровому зимнему климату. Очевидно, нежеланием заниматься таким хлопотным делом, как устройство людей, а не стремлением сэкономить казенные деньги продиктовано предложение сократить льготы вдвое, а размеры ссуды определять местным властям. Томские власти посчитали возможным принимать переселенцев в западной части своей губернии и считали, что земельную норму на ревизскую душу нужно удвоить до 30 дес., так как земля быстро выпахивается, а удобрение ее не практикуется. В конечном итоге решено продолжить размежевание по губерниям и округам с проведением топографических съемок и составлением планов и по мере их завершения помещать поступающих людей на общих основаниях. Так, можно сказать первая серьезная попытка государственного попечительства разрешенных властью переселений в Сибирь малоземельных российских крестьян была во многом спущена на тормозах [102].

Соседние заводы периодически тоже претендовали на земли краснореченцев. Так, в том же 1832 году у них вместе с деревней Зерцальной, помимо наделов, числилось 11 925 дес. 1375 саж. свободных угодий, из которых заводским рабочим следовало выделить наделы, исходя из «подушевой плепорции», которая равнялась 15 дес. всяких угодий на ревизскую душу. В 1835 году начались отводы под руководством барнаульского землемера Махина [103].

Село же Красная Речка казенного ведомства, по топографической съемке 1856 года, имело следующие угодья: под усадьбой – 40 дес. 1100 саж.; под улицами и переулками – 10 дес. 200 саж., что свидетельствует о вольной, как говорят архитекторы, кучевой застройке; пахотные поля – 1414 дес. 700 саж.; сенокосы чистые – 228 дес. 1100 саж.; по кустарникам с сухим

грунтом – 1789 дес. 900 саж.; по мокрому грунту – 104 дес. 2000 саж.; по кочкам – 51 дес. 800 саж.; выгоны по степи – 152 дес. 400 саж. и чистый – 511 дес. 1900 саж.; березовый лес – 93 дес. 400 саж.; березовый лес по болоту – 409 дес. 1800 саж. Всего удобной земли считалось 5922 дес. 1100 саж., а неудобной – 6366 дес. 1600 саж. Последняя состояла из земли под Чулымом – 154 дес. 2200 саж., под его старицами – 88 дес. 2000 саж.; под Красной речкой и под прудом – 1400 саж.; под ручьем Шамановым – 83 дес. 1500 саж.; под проселочными и полевыми дорогами – 56 десятин 1800 сажень; под бичевником – 39 дес. 2000 саж.; под крутыми берегами Чулыма и оврагами – 14 дес. 1800 саж.; всего 444 дес. 500 саж. Из этих угодий церкви и этапным казакам было отведено 91 дес. 1300 саж., сенокосов в чистых местах – 165 дес. 2170 саж., степи – 1 дес. 400 саж., лесу – 400 саж., болота – 1 дес. 1000 саж., кустарника – 4 дес. 400 саж. Участок в 500 саж. и озера – 420 саж., всего 265 дес. 297 саж. [104].

В целом же, о малоземелье и крестьян Красной Речки Боготольской волости, и всей Сибири в XIX веке говорить не приходится. Существовал обычно вольно-захватный способ получения земель, когда ее считал своей тот, кто первый показал, хотя бы символически, затесью, либо каким другим знаком, что вложил в нее свой труд. Спорными были в первую очередь ближние к селению пахотные и особенно сенокосные угодья, а также промысловые, рыболовные, охотничьи, а с 30-х годов – «пчеловодные участки». Государство же объявляло все земли в Сибири казенными, которые по Межевой инструкции 1766 года крестьянам отводили в традиционное владение и пользование по 15 дес. на ревизскую душу, а считая на двор-семью 4 человека мужского пола, – 60 дес. Именно из этой нормы отводили земли на деревню, село и всю волость. Представители неземледельческих сословий могли получить промысловые угодья в аренду за особую плату, причем плату раз в четыре года определяли по итогам свободных торгов, исходя из доходности лесов, «зверовых ям», медоносных участков и рыбных плесов. Пахотные же земли казакам и мещанам отводили, исходя из размеров урочая, – как правило, каждый пятый сноп забирала казна.

В Сибири подушевую норму обычно сводили к пашням, сенокосы считали по копнам, а леса до выделения особых казенных лесных дач были в общем пользовании.

Томский землемер в описании Томской губернии охарактеризовал свойства и плодородие сельскохозяйственных земель Боготольской волости в 1832 году. По-прежнему царицей полей оставалась «рожь», то есть озимая, высеваемая осенью. Сравнительно новым для местных жителей был лен, принесенный недавними российскими переселенцами. Нормы высева остались прежними, а вот урожайность оказалась выше, чем в начале XIX века. Так, в 1802 году у 2286 человек обоего пола в шести селениях Боготольской волости было высеяно 1689 четвертей (четверть равна 8 пудам), а собрано 6485 четвертей, урожайность в «самах» соответственно составила 3,8. Правда, в соседней Ачинской волости, в которую частично входили земли Красной Речки, урожайность составила сам-6 (с пуда посева собирали 6 пудов). Хлеба, не только свободного, но и необходимого в этот год, жители волости не имели, исходя из официальных норм годового потребления в продовольственном и фуражном зерне в три четверти (24 пуда), поскольку на одну душу обоего пола приходилось 0,51 четверти посева и 2,4 четверти общего сбора, а чистый же сбор составил лишь 1,85 четверти. В Ачинской же волости урожай составил 6 самов, чистый сбор – 5,1 четверти, а свободный хлеб – 2,1 четверти, или 17 пудов [105].

Как видим, труженик, даже на местном уровне, сильно зависел от природно-климатических условий. В 1841 году волость по урожайности и сбору хлебов была второй из пятнадцати волостей Томской губернии, пропустив вперед только Спасскую волость, а по населению – третьей [106]. Основные показатели комплексного хозяйства жителей Боготольской волости, в том числе ставших казенными бывших заводских, на этот год выглядят следующим образом:

- рожь: посев – 2777 четвертей, урожай – 11 830, а чистый сбор – 1590 четвертей;
- пшеница: посев – 259 четвертей, урожай – 1400, а чистый сбор – 255 четвертей;

- ячмень: посев – 177 четвертей, урожай – 684, а чистый сбор – 80 четвертей;
- овес: посев – 3118 четвертей, урожай – 16 376, а чистый сбор – 926 четвертей.

Сена заготовили на лугах 13 400 пудов, накошено по лесу 246 950 и по болотным местам 3250 пудов, всего 43 600 копен. Этот фураж приходится на 543 лошади, 2956 голов крупного и 3078 мелкого (овец, коз) скота. Всего 11 465 голов, или менее четырех копен на одну голову [107]. Этого, исходя из официальных норм еще XVIII века, хватало лишь на половину поголовья – на корову и лошадь нужно было по 8–11 пудов, а на мелкий рогатый скот – вполовину меньше. Если учесть, что тогдашняя статистика, исходящая от сельских и волостных старост, всегда была заниженной (это не советская дутая статистика), все же негативно сказывался очень малый процент старожилов, которые прожили до 50 лет в этой волости. Также сказывался редкий для всей Сибири, но высокий для волости процент заводских работников, недавних крестьян и пропитанных, невольных и вольных переселенцев, как правило, с неполными семьями и холостых. У всех них были слабые навыки крестьянского труда.

Вместе с тем имущественное расслоение и классовое разложение наблюдалось и у них. Например, среди арендаторов земель бывших обоих заводов встречаются зажиточные и богатые боготольские и краснореченские крестьяне. Так, на публичных торгах по сдаче в оброк «заимки Алтайка» и шести сенокосных участков бывшего Краснореченского завода, проведенных уже Боготольской заводской конторой 15–19 января 1848 года, Алтайку с выгоном в 13 дес. 400 саж. и угодьями в 60 дес. 1300 саж., в том числе неудобиц 34 дес. 20 саж., перебил за 20 копеек у титулярной советницы Жолудевой, уплатив 3 рубля 45 копеек серебром, краснореченский крестьянин Иван Латышев. Он же взял в аренду четвертый сенокосный участок после ачинского купца Озерова за 11 рублей 70 копеек серебром, а также 3-й и 5-й участки после Жолудевой, заплатив соответственно 1 рубль и 1 рубль 20 копеек серебром. Причем 3-й сенокосный участок был у него уже семь лет. Только 1-й участок, бывший у Латышева, перебил на торгу Озеров, запла-

тивший казне не 50 копеек, а 2 рубля 40 копеек серебром. За все сенокосные участки и пасеку-заимку Латышев заплатил 17 рублей 35 копеек; что предполагает у него наличие довольно крупного для тех лет хозяйства. Томская казенная палата, правда, утвердила за Латышевым только небольшие 3-й и 5-й участки, а также Алтайку [108].

Хозяйственную перспективность Красной Речки оценили и со стороны. Так, казанский купец второй гильдии Патюков переселился в это село и в 20-х годах стал субподрядчиком у князя А.И. Голицына по винному откупу по Каменскому заводу.

По десятой подушной переписи 1858 г., село с почтовой станцией Красная Речка стало одним из самых крупных населенных пунктов Среднего Причулымья. В нем насчитывалось более 350 дворов и 2700 душ обоего пола.

Примечания

1. Законодательство Екатерины II. М.: Юридич. лит-ра, 2001. Т.2. С. 690.
2. Там же. С. 691.
3. ПСЗ-1. Т. XVII, № 12448. С. 695–705.
4. Сенатский архив. Спб., 1880. Т. XV. № 373. С. 789–790.
5. Там же. С. 828–830.
6. Там же. С. 830–833.
7. Сметнева И.В. Винокурение Забайкалья в XVII – начала XX века. Иркутск, 2006.
8. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1844. Кн. 8, период IV. С. 65.
9. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Ч. 4. Л. 147, 150.
10. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Ч. 1. Л. 65.
11. ПСЗ-1. Т. XIX, № 13493. С. 111.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Спб., 1786. Ч. III, кн. 2. С. 440; Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии. Спб., 1889. Р. VI. С. 83.
13. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 4. Д. 13147. Л. 10.
14. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири. Спб., 1887. Т. IV. С. 178; ПСЗ-1. Т. XIX, № 14168. С. 972.
15. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4321. Л. 758–760.
16. ПСЗ-1. Т. XIX, № 14168. С. 972.

17. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4321. Л. 759–759 об.
18. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Науч. тр. М., 1959. Т. 4. С. 13; Подробнее: Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. Гл. 3.
19. Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта с точки зрения изучения русских говоров // Изв. Ин-та исслед. Сибири (Тр. ист.-этногр. отд. № 1). Томск, 1921. № 6. С. 33–34.
20. Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 111–112; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2242 (переписная книга г. Красноярска и уезда). Л. 56 об. – 96 об.
21. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 5537. Л. 47 об. – 51, 66–80 об., 94 об. – 110; Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. С. 111–112.
22. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962. Т. 1, gl. 15 (Auf dem Kencug bis-zum Culum). S. 225–233; gl.16 (Auf dem Culum bis Acinskij ostrog). S. 235–244. А.Д. Григорьев некритически отнесся к материалам Л.С. Личкова и допустил ошибку, соотнося начало заселения территории к югу от Ачинска с концом XVII в. (см.: Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта... С. 43).
23. РАН АЛЮ. Ф. 21. Оп. 5. Д. 27. Л. 59 об. – 65 (на нем. яз.). Р.М. Кабо неточна, считая, что сухопутное сообщение через Ачинский острог началось в первые годы XVIII в. (см.: Кабо Р.М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX в.). М., 1949. С. 144.
24. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Порт. 481. Тетр. 5. Л. 61–64, 91 об.; Киборт М.Е. Спутник по г. Красноярску. Красноярск: Изд. В.М. Щипанова. 1911. С. 25.
25. ПСЗ-1. Т. 9, № 16351. С. 63; Экспедиция Беринга. Сборник документов под ред. А.А. Покровского. М., 1941. С. 127.
26. ПСЗ-1. Т. 14, № 10449. С. 406–412.
27. РГАДА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 150. Л. 18. Подробнее об обслуживании тракта в различных районах Восточной Сибири см.: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1956. Т. 2. С. 372–390; Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.). Якутск, 1961. С. 48–58.
28. Экспедиция Беринга... С. 102.
29. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2432. Л. 1 об.
30. РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 7. Л. 32 об.

31. Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское заселение и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С. 117–121; Булыгин Ю.С. Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Аляя до 1763 г. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1. С. 17–25.
32. БАН в Санкт-Петербурге. Отдел рукописей, № 330; РАН АЛО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 27. Л. 61–65 (путевой дневник на нем. яз.); РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 945. Л. 2–318 об.
33. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири... Кн. 2. С. 37. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири (по данным, представляемым ПСЗ). Спб., 1887. Т. 4. С. 108; Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта... С. 37, 49; Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). М., 1951. С. 107; Воробьева Т.Н. Население южной части Восточной Сибири первой половины XVIII в. С. 28–29.
34. РАН АЛО. Ф. 3 Оп. 10а. Д. 215. Л. 5–5 об.
35. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 472. Л. 2 об. – 14; История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 189–190.
36. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973. С. 362.
37. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 472. Л. 13 об. – 15; ПСЗ-1. Т. 15, № 11 414. С. 892.
38. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири. Т. 4. С. 99; История Сибири... Т.2. С. 190.
39. Кузьмина Ф.С. Устройство главного сибирского тракта через Барабинскую степь // Из истории Западной Сибири. Науч. тр. Новосибир. пед. ин-та. Новосибирск, 1970. Вып. 45. С. 28–32; Сафронов В.Г. Русские крестьяне в Якутии... С. 48–58; Кабузан В.К., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // СЭ.1966. № 3. С. 26–28.
40. ПСЗ-1. Т. 16, № 1241; Андреевич В.К. Исторический очерк Сибири. Т. 4. С. 46–48.
41. Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов (1682–1780). М., 1966. С. 93–145.
42. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 101, Л. 48, 69–70.
43. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 287. Л. 208 об., 240, 285 об.
44. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 1659. Л. 379 об. – 382; Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII и XVIII столетия). Томск, 1898. С. 47.
45. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 101. Л. 16.

46. Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 55. Ч. 2. Л. 77.
47. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Спб., 1901. Т.2. С. 670–671.
48. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 101. Л. 74, 15–16, 18, 14, 14 об.; Ф. 415. Оп. 1. Д. 143. Л. 182; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири... С. 278, 288. Табл. 32; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям... С. 438–443.
49. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968. С. 231.
50. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 101. Л. 11–93.
51. РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 143. Л. 118 об., 131 об. – 133, 141–143, 145; Бояршинова З. Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. Томск, 1967. С. 59.
52. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1886. Кн. 2. С. 37.
53. РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 143. Л. 151–151об.; ПСЗ-1. Т. 16, № 11633. С. 44–45.
54. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Об численности населения Сибири во второй половине XVIII в. (1762–1795 гг.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 142. Табл. 1.
55. ГБЛ РО. Ф. 20. Портф.1. Д. 20. Л. 9 об.
56. ПСЗ-1. Т.15. № 11414. С. 891–892; РГАДА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 472. Л. 13об; Андреевич В.К. Сибирь в царствование императрицы Екатерины II. Спб., 1887. С. 132.
57. РГАДА. Ф. 278. Оп. 1. Ч. 1. Д. 341. Л. 2,5 об., 8, 31 об.
58. РГАДА. Ф. 278. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3341. Л. 31–31 об. (ведомость расхода казенных денег в Красноярском уезде за 1762–1763 гг.).
59. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 101. Л. 40–66.
60. Там же. Ф. 248. Оп. 1. Д. 254. Л. 20.
61. ПСЗ-1. Т.17. С. 115; Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II... Т. 2. С. 181; Андреевич В.К. Исторический очерк Сибири... Т. 4. С. 98.
62. ПСЗ-1. Т. 19, № 14032. С. 867–868; Т. 20. С. 99.
63. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 101. Л. 69–70.
64. Там же. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 7. Д. 31782. Л. 84 об. – 85 об.; ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–42; Ф. 609. Оп. 1. Д. 15. Л. 2 об.; РГАДА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 278. Л. 68; Ф. 273. Оп. 1. Ч. 2. Д. 14903. Л. 7; Д. 10333. Л. 80–82.

65. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 385. Л. 230 об., 287об., 300 об., 368 об., 371 об., 373, 401 об., 430 об., 533 об.
66. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Ч. 5. Л. 240; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788. Ч. 3, кн.1. С. 5–6.
67. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 4. Д. 13147. Л. 3 об., 9; Д. 13148. Л. 27; ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 25. Л. 247–248; Д. 31664. Л. 90об. – 93.
68. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–27 об.
69. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири... Т. 4. С. 761.
70. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 598. Л. 1–450 (ведомости о сборе четверикового провианта в Красноярском уезде за 1781–1794 гг.).
71. Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 15. Л. 2, 20; Ф. 169. Оп. 1. Д. 405. Л. 65–70; Д. 385. Л. 46 об., 216–218 об., 222, 223, 236 об., 287.
72. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 405. Л. 65–70.
73. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 29. Л. 9–12; Д. 189. Л. 454–458.
74. Там же. Ф. 801. Оп. 1. Д. 2. Л. 40–41 об.
75. Пейзын Г.Г. Исторический очерк колонизации Сибири // Современник. Спб., 1859. Т. 77, кн. 9. С. 27–37; Кожухов Ю.С. Русские крестьяне... С. 143.
76. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 8. Л. 550–553 (жалоба посельщиков Большой Уренской и Ключинской станций колыванскому губернатору Б. Меллеру от 22 марта 1796 г.).
77. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 405. Л. 65–80.
78. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 2. Д. 14903. Л. 7–7об.
79. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 2. Л. 40 об. – 42.
80. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 8. Л. 550–553; Радищев А.Н. Избранные сочинения. М.; Л., 1949. С. 557, 713, 714, 725, 728.
81. История Сибири... Т. 2. С. 190, 113.
82. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 10. Л. 4; РГАДА. Ф. 248. Кн. 6902. Ч. 2. Л. 733–739 (атлас Иркутской губернии и книги межевания границ наместничества в 1785 г.); Архив СПб ИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 477. Л. 341 (топографическое описание Иркутского наместничества. Нижнеудинский уезд); РГВИА ВУА, Ф. 416. Д. 535. Л. 29–30; РГБ РО. Ф. 178. № 7622. Л. 17 (атласы географические Тобольского наместничества; карты Ачинского уезда 1785 и 1788 г.).
83. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. С. 148–153. Табл. 21.
84. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 8. Л. 273 об. – 275 об.

85. Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 302. Л. 174 (Ведомость землям по Томской губернии, 1800 г.).
86. РГВИА ВУА (Военно-ученый архив). Д. 19107. Ч. 1. Л. 194, 200.
87. Подробнее см.: Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края... С. 111–153.
88. РАН АЛО. Ф. 3. Оп. 10 а. Д. 215. Л. 4 об. – 5 об.
89. ГАКК. Ф. 909. Оп. 1. Д. 1. Л. 28 об. – 29 об., 33–34; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3979. Л. 723 об.; Д. 4478. Л. 466 об.
90. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1786. Ч. II, кн. 2. С. 442.
91. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 4. Д. 13148. Л. 27.
92. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 4609. Л. 10 об. –12; ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 66. Л. 108–114.
93. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 278. Л. 64–70.
94. ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3. Л. 19–21.
95. Паллас П.С. Указ. соч. С. 441–442.
96. ГАКК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 6. Л. 33–34, 233–236, 233, 251 об.
97. ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 66. Л. 85–98
98. ГААК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 28. Л. 27–28.
99. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.; Д. 8. Л. 5.
100. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–1 об., 5 об., 7; Ф. 240. Оп. 1. Д. 975. Л. 6 об. – 11 об.
101. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 975. Л. 4 об. – 5.
102. РГИА. Ф. 398. Оп. 83. Д. 93. Л. 76–77, 81 об. – 98.
103. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 47. Л. 34.
104. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 974. Л. 1 об. – 3 об.; Д. 975. Л. 6 об., 10–11 об.
105. ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 84. Л. 71–73, 74 об. – 78.
106. ГАТО. Ф. 30. Оп. 19. Д. 249. Л. 34–35 об.
107. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 283. Л. 34 об. – 36.
108. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 345. Л. 1 об. – 435 об.

ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ (1775–1839)

3.1. РОЖДЕНИЕ ЗАВОДА

Почему все-таки новый завод был основан в непосредственной близости от соседнего Боготольского винокуренного завода? Почему Дмитрий Иванович Лобанов не побоялся конкуренции? Что его привлекло к выбранному месту?

Тогдашняя технология выкурки хлебной водки и доходность ее производства зависели в первую очередь от таких благоприятных условий, как качество и количество воды, хлебного сырья, наличия рабочих рук, состояния путей сообщения, необходимых для доставки сырья, древесного угля, леса и готовой продукции потребителям.

Известно, что Д.И. Лобанов побывал на Боготольском заводе в Ачинске и в поисках подходящего места объехал все Среднее Причулымье. Выбор его пал на район выхода из излучины хребта Арга кристально чистых холодных ключей. Ниже они образовывали небольшую речушку, правый приток Чулыма. Ее название Карымовка, поскольку там обитали «карымы» – метисы от смешанных браков русских с ясачными басагарцами и шинцами.

Природные условия были просто уникальными. В холодных ключах вода была удивительно вкусной и идеально подходила для заводских нужд. Хребет Арга – северо-восточный отрог Алтайских белков – был сплошь покрыт хвойно-лиственными лесами. Много было и сибирской лиственницы, твердая древесина которой не уступала, а по запаху превосходила дубовую. Ее сибиряки широко использовали для изготовления различной тары, особенно бочек для транспортировки горячего вина, сливочного и кедрового масла.

Энергичный предприниматель по достоинству оценил водные пути сообщения облюбованного места. Под боком был Чулым, самый длинный приток Оби, выводящий в обширный обский бассейн Западной Сибири и на Алтай. С верховий Чулыма до Июсов, по территории современного Балахтинского и Но-

воселовского районов 12-километровым волоком или гужевым транспортом переходили на самую многоводную в Европе реку Енисей. С него по Ангаре попадали в Восточную Сибирь, на Байкал, в огромную Иркутскую губернию и в Якутию.

Вслед за М. Походящиным оптимистично оценил Дмитрий Иванович проблему сырья. Сыдо-Ербинская и Минусинская котловины, междуречье по Енисею и верхнему Причудльмью (территории волостей Караульной, Балахтинской, Новосёловской и Минусинской) активно заселялись крестьянами и посадскими выпаванных районов Красноярского и Енисейского уездов. Нетронутые сохой южносибирские черноземы щедро отзывались на труд земледельцев. Реально, а не официально урожай хлебов и фуражного зерна колебался от сам-7–10 (озимая и яровая рожь) до сам-30 (овес и ячмень). Обычными были стопудовые урожаи – высеивали по 10–12 пудов (1,6–2 центнера) на десятину (1,07 га). За 4 года до Лобанова проезжавший по этим местам ученый П.С. Паллас был поражен хлебным изобилием. После Ачинска он написал: «Семьи свежую пашню имеют... по часту сама тридцатое зерно дающую... Под деревней (Ачинском. – Г.Б.) построены на Чулыме житницы, каковые сказывают, построены так же в 60 верстах даже в сторону (в виде. – Г.Б.) обыкновенных амбаров при устье Ремчука (Кемчуга. – Г.Б.). В сии житницы кладут тот хлеб, что подрядчики по Чулыму в Обь, частью в Сургут, Нарым и другие на севере бесхлебные страны везут. Часть везут вверх по Оби в императорские сибирские заводы и на Иртышскую (военную. – Г.Б.) линию. Красноярский уезд (Ачинский еще не выделен. – Г.Б.) столь благословенное имеет в хлебе изобилие, что крестьяне из близких и дальних мест охотно отдают в сии житницы рожь за 5 и 6 копеек за пуд. Чулым же здесь довольно широк и глубок, чтобы проводить суда, нагруженные 1000 и более пудами хлеба». Транспортировка хлеба была уже хорошо продумана. Суда, обычно плоскодонные дощаники, строили на плотбище у деревни Сerez. Загружали там же, а также на кемчугских и ачинских хлебных складах.

Судя по заниженным данным губернаторских отчетов за 1788–1795 годы, доля свободного хлеба в Красноярском уезде в старых границах составляла, исходя из годовой подушевой

нормы в 3 четверти (24 пуда), 5,5 четверти на одну душу обоего пола, то есть почти 200 %. Всего же хлеба собирали в среднем 1 млн. 138 тыс. 248 пудов» [1].

Был еще один фактор, который стал решающим в выборе места для нового винокуренного завода. Лобанов сразу учел, что этот некогда глухой медвежий угол на стыке нескольких уездов в 60–70-е годы оказался на перекрестке важных водно-сухопутных дорог – Чулымо-Обской и Московско-Сибирского тракта. Проблемы с рабочей силой вообще не было. Как выше писалось, трактом уже более 10 лет одна за другой шли партии бывших помещичьих крестьян. Дворяне-крепостники отправляли с семьями их по своему усмотрению в Сибирь на житье. В этом у «благородных» господ был даже свой прямой денежный интерес. Мужчин от 18 до 45 лет засчитывали за якобы сданных в армию рекрутов, а за членов их семей выплачивалась денежная компенсация от 5 до 20 рублей. «Посельщиками с зачетом рекрутов», как тогда называли этих чем-то провинившихся перед господами бедолаг, и стали заселять всю трассу Московско-Сибирского тракта. «Осьмая государева дорога» оказала огромное всестороннее влияние на население притрактовой полосы, в том числе на ее боготольско-ачинском участке в Среднем Причудлымье.

Когда же Дмитрий Иванович построил завод? Какую дату считать рождением ныне существующего Красного спиртзавода «Арга»?

По косвенным данным в литературе, завод построили после 1775 года. По ведомости Коммерц-коллегии за 1775 год, винокуренные заводы в Енисейской провинции не показаны.

Одно же дело другого центрального ведомства, Камер-коллегии, ведавшей казенными имуществами и монополиями, дало 1776 год как дату основания. В рапорте последнего в истории красоярского воеводы князя Ивана Пельымского о поступлении вина за первую половину 1777 года сообщалось, что в январе – апреле поступило 107 бочек, или 4204 ведер вина с Каменского винокуренного завода, а в июле – 15 бочек, или 587 ведер и 3,5 осьмины, вина привезли с Краснореченского завода [2].

Однако другой источник, правда, более поздний, дал уже 1778 год. Мало того, из другого документа явствует, что завод уже вовсю работал. В этот же год оба завода поставили вино и водку в Томск и Кузнецк в количестве 140 бочек, или 5692 ведер 6 осьмин. Нанятый Лобановым винный поверенный, некто Семейкин, получил за него 4895 рублей 76 3/8 копейки, исходя из цены в 86 копеек за ведро [3].

В делах Экспедиции по казенным винокурным заводам коллегии за 1788 год отыскивались две справки: «1. “О состоящих на кондициях (условиях. – Г.Б.) у частных людей в четырехлетнем содержании заводов”. 2. “О оказавшихся под казенным присмотром” вятских, яранских, казанских, темниковских и всех заводов Иркутской губернии. В первой справке указаны Каменский и Краснореченский заводы Тобольской губернии. О них сказано, что «заведены и содержаны были капитаном Лобановым, чрез два срока, а именно чрез 8 лет по отдаче Экспедиции». А в 1786 году Тобольская губернская казенная палата предложила Сенату «отдать оные (заводы. – Г.Б.) в содержание на 4 года оному ж Лобанову» [4].

Нарушение общего порядка – чаще менять откупщиков, чтобы иметь «наддачу» – прибыль, объяснялось отдаленностью заводов и выгодными для казны предложениями Лобанова. Сенат утвердил откуп Лобанову на очередной срок с 1787 до 1791 года с поставкой в Тобольскую и Кольванскую губернии 44783 ведер вина [5].

Интересно, что при этом он отказался от откупа в Иркутской губернии, который от 1779–1783 года держал с капитаном Медведевым и его отцом, а также с купцом Каруниным с общим капиталом по 40 тыс. рублей с каждого, разделенного на 24 пая [6].

В этой информации нас в первую очередь интересуют даты. Получается, что Лобанов завел Краснореченский завод за 8 лет до 1786 года, то есть в 1778 году, и не хотел с ним расставаться и в третье четырехлетие. Таким образом, минимум 12 лет являлся хозяином завода, который в полном смысле этого слова был его детищем. Правда, сведения о времени основания завода даны спустя 10 лет и могли, естественно, быть

неточными. Поиск прямых точных сведений о времени основания завода велся и в местных архивах но, к сожалению, тоже безуспешно. Правда, косвенные данные недвусмысленно указывают уже на 1776 год. Так, 27 сентября этого года Краснореченская заводская контора обратилась в Енисейскую провинциальную канцелярию с просьбой сыскать «засорных холостых женщин и прислать их на завод; чтобы женить поступивших в заводскую работу 30 молодых посельщиков» [7]. Но это свидетельство могло быть или о строительстве, или о работе винокуренного завода.

Однако находка жалоб енисейского купца Захара Брюхова 6 сентября того же 1776 года, кажется, все ставит на свои места. Он просил взыскать долги с четырех человек, в том числе 10 рублей с крестьянина Боготольской станции Ивана Солдатов. Смотритель станции, сын боярский Цыренщикова, провел розыск и 30 ноября 1776 года отрапортовал в Енисейск, что Солдатов разорился и не имеет в наличии капитала. Оказывается, он подрядился вместе со своим сродным дядей, «Егором Солдатовым из деревни Подгородней Чалбышевского присуда Енисейского уезда», доставить в Томск 268 ведер вина с Краснореченского завода. Дядя получил задаток в 12 рублей, но не явился к «возке вина», племяннику пришлось одному выполнять подряд, причем он, помимо «подряженных 8 копеек с ведра», понес убытку по 12 копеек с каждого ведра. Иван Солдатов считал, что доля дяди в убытке составила 15 рублей 60 копеек, и просил с него взыскать вместе с авансом 27 рублей 60 копеек, из которых 10 рублей следовало отдать купцу Брюхову, а остальные деньги вернуть ему [8].

В этой родственной разборке важно, что завод уже действовал в 1776 году и отправлял свою продукцию подрядным способом питейным домам.

После просмотра ряда других архивных дел, но уже до 1776 года был обнаружен рапорт директора Сибирских казенных винокуренных заводов Ф. Нормана от 9 августа 1775 года. Рапорт адресовался главе Камер-коллегии, известному уже нам Мельгунову, о том, что завод закончен строением. Выясняется, что архангелогородский купец первой гильдии Дмитрий

Иванович Лобанов выиграл подряд и откуп на строительство винокуренного завода, и поставку его продукции в казенные питейные дома на 1775–1778 годы.

Таким образом, началом действия завода можно считать середину – конец июля 1775 года. Строился же он почти год, с августа 1774, когда Лобанов, получив 10 тысяч казенных денег, начал активно строить новый завод и реанимировать старый Каменский. Ведь продукцию его завода, всего около 40 тысяч ведер, уже ждали. Судя по его письму тобольскому губернатору Д.И. Чичерину в начале 1775 года, он получил для строительства 100 специально отобранных холостых поселщиков. Его торопил директор специальной конторы при «вновь заводимых винокуренных заводах» в Сибири коллежский советник Федор Карпович Норман. Поэтому Лобанов через Нормана попросил еще 100 работников. Д.И. Чичерин не дал поселщиков, ибо партии их перестали отправлять в Сибирь из-за движения Емельяна Пугачева. Взамен губернатор предложил приговоренных к каторжным работам и отправляемых в Забайкалье на казенные «среброплавильные» Нерчинские заводы. Что и было сделано. Кроме того, Д.И. Лобанов со своего Вороновского винокуренного завода в Томском уезде взял мастеров для «делания медной посуды, а также для сшивания казанов».

Судя по рапорту Ф.К. Нормана президенту Камер-коллегии А.П. Мельгунову от 7 августа 1775 года, Д.И. Лобанов обещал Норману «енисейские заводы» пустить в ход до августа текущего года. Из Енисейска он рапортовал директору 29 мая, что на новом Краснореченском заводе уже «плотина построена и трубы (водоводы. – Г.Б.) подведены». Также уже готовы «четыре хлебных амбара, кузница, для медного дела изба, жилых четыре покая достраиваются». Винокурня действительно была готова, ибо уже десять рядов бревен уложено. Для печей приготовлено 10 тысяч штук кирпича и две тысячи сажень дров. Заводское оборудование и «посуда – бочки, чаны, ушаты и лари через месяц сделаны будут». С «медной посудой» тоже не ожидается задержки.

Д.И. Лобанов обещал чиновнику «до августа месяца винокурение начать» и отправить водой с обоих заводов, Краснореченского и Каменского, до 4500 ведер вина.

Таким образом, на строительство завода у Лобанова ушло менее года. Это не случайно. Откупщик был опытным винозаводчиком, имевший собственный крупный завод, оцененный в 1786 году в 36 тыс. рублей. Практика строительства подобных предприятий была в России хорошо отработана. Ведь в стране к тому времени насчитывалось более 3 тысяч винозаводов, как казенных, так и частных.

В сохранившихся зашнурованных, скрепленных сургучом листах, которые Д.И. Лобанов получил от А.А. Мельгунова, подробно описаны размещение и размеры всех заводских сооружений. Правда, заполнили их в 1782 году при сдаче завода Д.И. Лобановым.

Первоначальный облик

Завод опытным Д.И. Лобановым был построен по последнему слову тогдашней техники и был типичным. От Каменского его отличали большее количество чанов и кубов, несколько меньшие размеры строений и иное их размещение в силу специфики местности. Так как он был привязан к водоему, то оказался в сельской местности. Счастливая находка его уникального описания, по поручению Нормана выполненного в 1785 году казначеем завода Иваном Мизгиревым и геодезии сержантом Яковом Шабановым, позволяет дать исчерпывающее представление о, так сказать, прародителе нынешнего спиртзавода ООО «Арга». Заголовок описания на 14 странице, прошнурованной и скрепленной сургучной печатью, книги гласил: «Постройка Краснореченского казенного винокуренного завода и протчих принадлежащих заводу служб, также медной и железной посуды и всего заводского недвижимого капитала» [9].

Первая страница описи завода в «Книге данной...» выполнена в 1782 году при сдаче завода казне Д.И. Лобановым.

Завод представлял собой целый поселок с 28-ю объектами производства, хозяйственно-бытового и жилого назначения. Первым объектом указана довольно протяженная «плотина свиночная», перегораживающая Карымовку на 36 саженей. Вбитые сваи – «свинки» составляли сплошную полосу шириной 2 аршина с половиной (177 см) и от грунта возвышались на

Пнига дамная отъ его
Высокопрехоскоу и пельства
гостоуима дуби шипи пель
наго птаймаго сошты пнина
сематтора и кашалера ай
шея птп рощица ильбунова
за шмороу и пельства ^{встре}
всптвдшии тошадимыи ви
моу ренныи изъ заподанъ еми
сеишии каденныи вимолу
рёмнелъ заподанъ спотрите
лю дмитрелю ишамолу сему
лабамолу дла запощи при
надеванъи изъ шровелю
заподанъ материаломъ и
прочихъ вещьи. августа. 9.^е
1774 года.

Рис. 76

2 сажени 1 аршин с четвертью, то есть почти на 5 метров. Довольно мощной была земляная насыпь, отделяющая свинки от воды. В ширину она составляла 5 сажений, или более 10 метров. Для спуска «вешней воды» весной в середине тела плотины был устроен «прорез», то есть слив шириной в 2 сажени и 4 вершка (442 см). «От стоялой воды вверх», то есть выше обычного уровня в пруду, он был забран «ставнями». Чтобы вода не размывала внешнюю сторону плотины, в середине «прореза» был выставлен

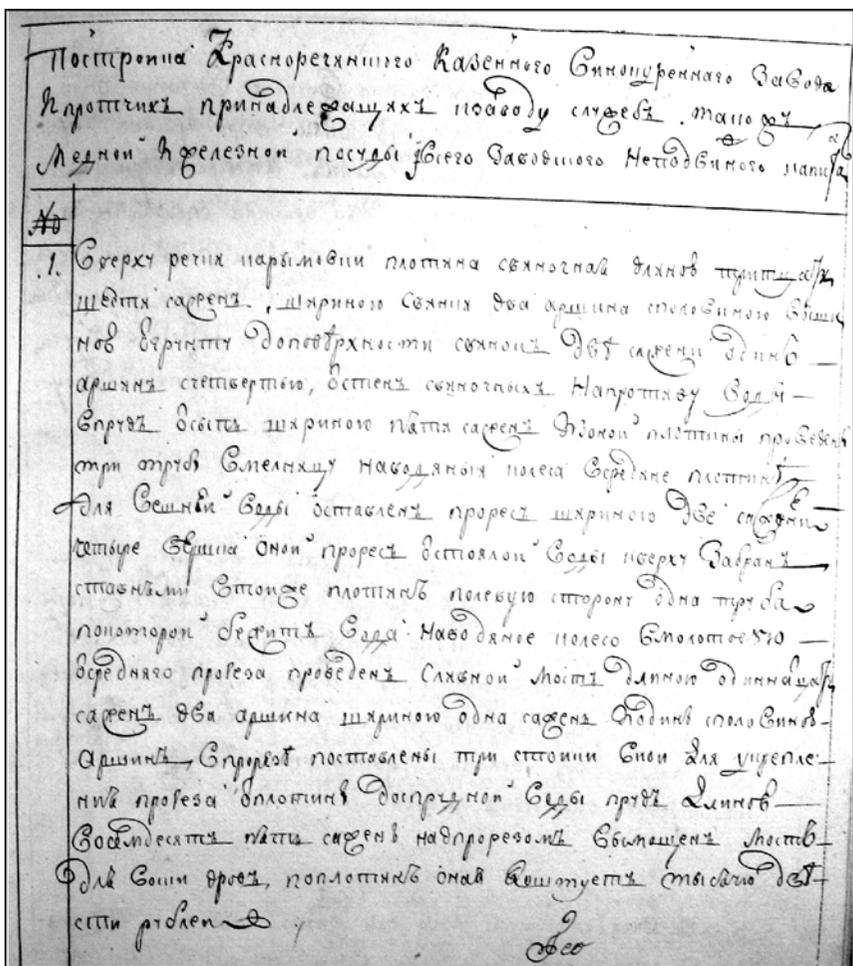

Рис. 7в

«сливной мост», то есть вымостка длиной 2 сажени 2 аршина и шириной в 8 сажень и 1,5 аршина. Сам «прорез» был укреплен тремя стойками, и над ним настелен «мост для возки дров по плотине». Общая же протяженность пруда составляла 85 сажень.

Из плотины шли три трубы на водяные колеса мельницы, стоящей по течению Карымовки на правой стороне. В описи под № 2 это довольно крупное строение на 3 «постава», почти

квадратное (5 сажений 1 аршин на 4 сажени и высотой от земли до крыши в 3 сажени и 1,5 аршина). Каждый постав имел свою дверь, которую закрывали на висячий замок. Три водяные колеса тоже впечатляли – их диаметр равнялся трем аршинам с четырьмя вершками, а толщина составляла 1 аршин 4 вершка. Сухие колеса поменьше – 2,5 аршина. Каждое водяное колесо было насажено на деревянный вал, окованный 4 железными обручами. На валу было 2 шипа «с железными подушками», которые могли зацепляться за окованную обручами же деревянную шестерню на железном «веретне».

В мельнице также было «три коша, в которые зерновой хлеб сыплот, и три ларя, в ком молотой хлеб из под камней сыплется». Для выгрузки внизу и для сохранения зерна вверху под крышей мельницы были устроены особые «приделы».

В целом, мельницу «коштовали», то есть оценили в 105 рублей. Рядом находилась изба мельника, квадратная по 3 сажени, с кирпичной печью и тремя волоковыми окнами общей ценой в 20 рублей.

По левую сторону плотины у речки поставили вододействующую кузницу – «молотовую». Она была довольно большой – 6 сажений 2 аршина на 4 сажени, 4 вершка на 3 сажени 0,5 аршина. Молот весом 8 пудов 15 фунтов (134 кг) приводился в действие большим водяным колесом диаметром 1 сажень 2 аршина (до 3,5 м) через деревянный, окованный четырьмя железными полосами вал с насаженной на него же деревянной бочкой с «кулаками внутри». На валу же имелись 2 шипа и опорные «железные подушки». Молотовище на колесе и ручка молота весом 2,5 пуда ходила в особом хомуте, внутренние стороны которого – «щеки» – тоже были окованы полосовым железом весом в 1,5 пуда.

Специальным клапаном перекрывали воду, идущую из трубы на колесо. Интересно, что шестипудовая наковальня была по весу меньше молота. Для разогрева заготовок имелся также кирпичный горн. Все строение оценили в 110 рублей.

На другой стороне по речке – в 90 саженьях от плотины – находились два одинаковых овина. В плане – квадрат, каждая сторона по 5 сажений. Они предназначались для сушки солода.

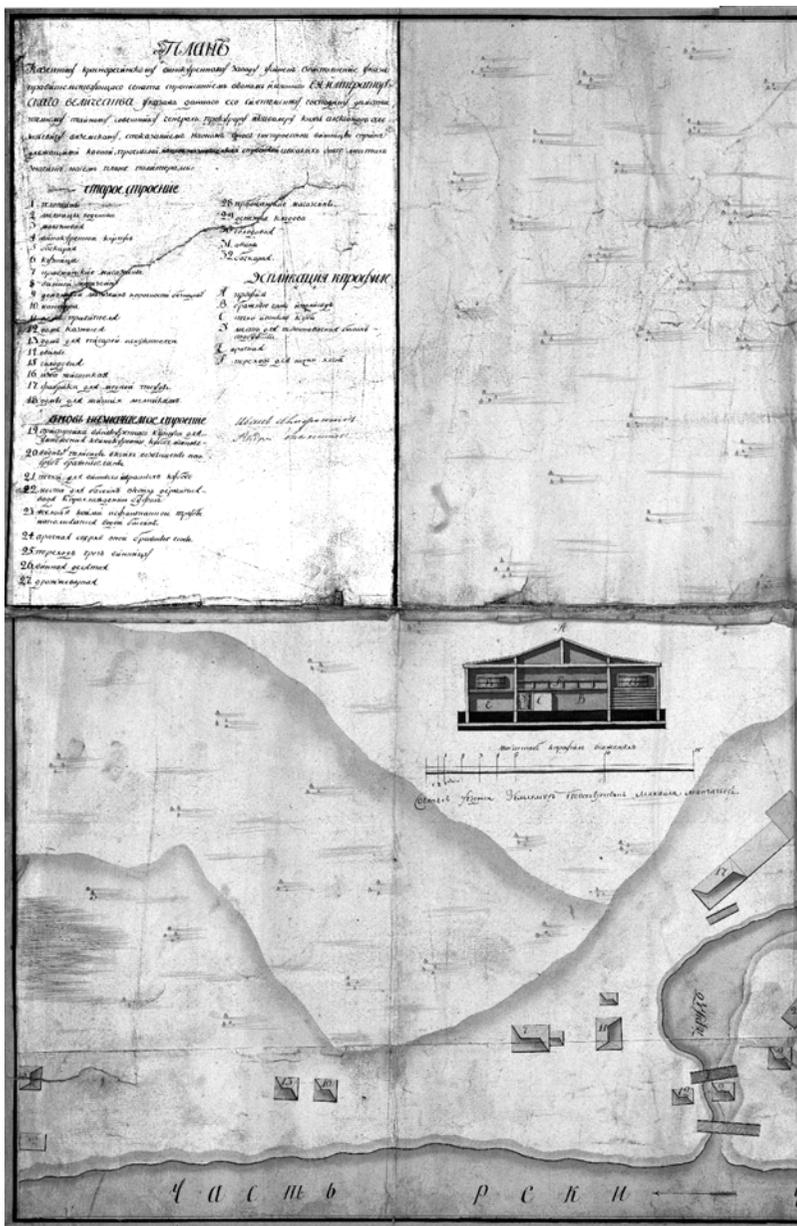
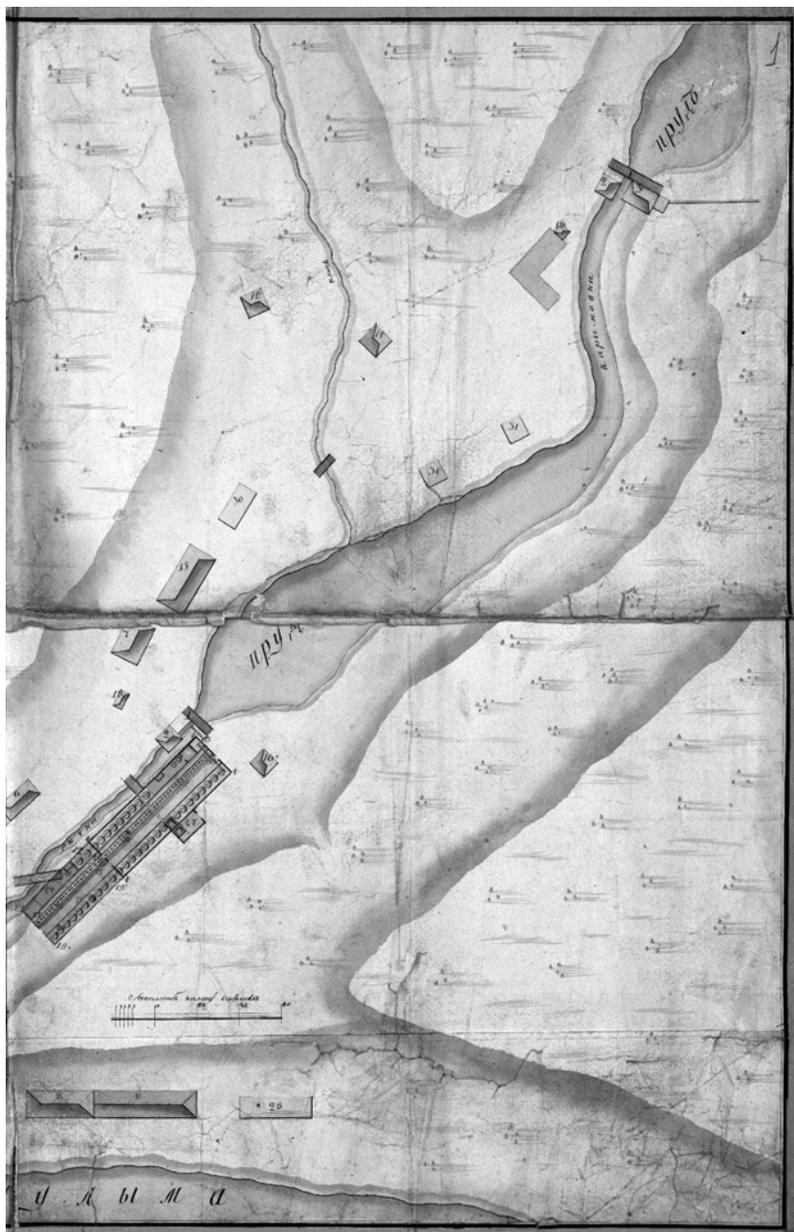

Рис. 8. План старого Краснореченского завода 1788 г.

с обозначением планируемой реконструкции

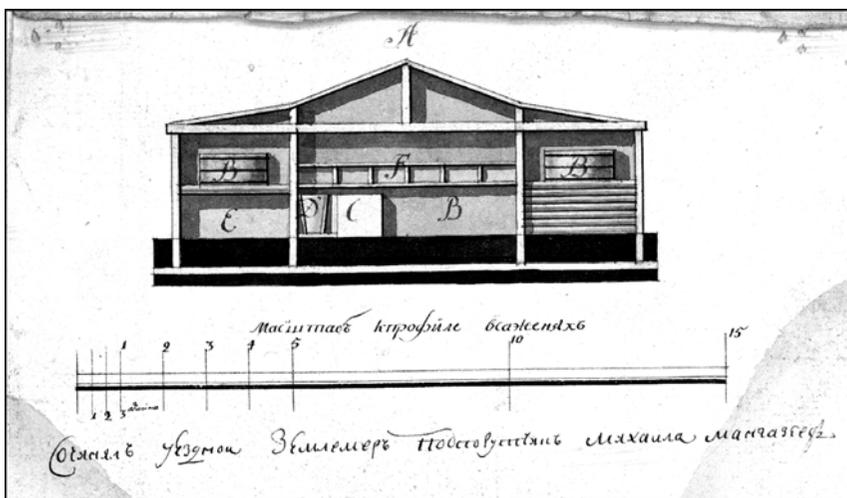

Рис. 9. Торец Краснореченского винокуренного завода.
План 1788 г.

Кроме кирпичной печи к «колосникам» вела с пола «всхожая лестница». Цену овинам определили в 185 рублей.

Под № 6 отмечена «солодовня», располагавшаяся в 9 сажнях от второго овина. Это было низкое приземистое здание (15 сажень $\times$ 5 сажень $\times$ 1 сажень 1,5 аршина) с 3 окнами со ставнями и двумя дверями, закрывавшимися висячими замками. Внутри по углам имелись две кирпичные печи, два ларя, в которых замачивали рожь через подведенные из пруда желоба. От дверей шли две «всхожие лестницы» на верх под крышу, где было устроено «сушило для клажи разных материалов». По оценке солодовня потянула на 165 рублей.

Где-то в 20-ти метрах от солодовни срубили три «хлебных магазина». Они представляли собой двухэтажное здание «в одной связи», то есть в одном срубе под общей крышей, размерами 10 сажень $\times$ 5 сажень $\times$ 3 сажени 2 аршина. С торца здания был сделан специальный «подъезд» для подвозки зерна. Все их шесть дверей запирались висячими замками. Снизу на второй этаж вела лестница. Естественно, в коридоре перед отсеками имелись подвесные весы, у которых коромысло и цепи – железные, а доски – окованные железом. Чугунные гири тянули

на 12 пудов 10 фунтов (фунт – 400 грамм). Общая цена 194 рубля.

В 140 саженьях ниже от верхней плотины была сооружена еще одна, тоже «свиночная», но длиннее первой на 4 сажени, выше – до 5 метров (7 аршин 12 вершков) и на 4,5 аршина шире был пояс свинок. Во всю длину плотины от свиночной стена была отсыпана еще более широкой, в 8 саженьей шириной насыпью. Для стока вешней воды через прорез он сделан двухсаженный, со «сливным мостом» в 12 саженьей и шириной в 1 сажень 1 аршин.

Из нижнего пруда через плотину провели «две фонтальные (водяные под напором. – Г.Б.) трубы в винницу, одна – в браговарный котел, другая – в бассейн». Они прошли по левой стороне речки, были сработаны из дерева и обтянуты семнадцатью железными обручами, длина первой – 11, а второй – 9 саженьей. С правой же стороны плотины по двум трубам вода подавалась на водяные колеса еще одной «мучной мельницы». Она была меньше первой, имела 2, а не 3 постава и на сажень короче и уже. Однако два наливных ее колеса были в диаметре больше на 8 вершков, хотя сухие колеса оказались на 0,5 аршина меньше. Внутреннее же устройство каждого постава было совершенно идентичным поставам верхней мельницы. Жернова тоже были одинаковы – по 6 и 7 четвертей (6–7 см). Из инструментария на мельнице находились лом и «две капли железные (каплевидные небольшие болванки. – Г.Б.) для ковки камней». Мельник же жил в 9 саженьях от мельницы в небольшой квадратной избенке (2,5×2,5 сажени) с кирпичной печкой и одним слюдяным волоковым окном. Эта мельница с избой обошлась казне в 125 рублей.

Далее вниз по течению Карымовки пошли собственно производственные помещения. Близ плотины по левой стороне разместили «котел браговарный, в коем вари греют». Эта 45-пудовая емкость, квадратная в плане, 3×3 аршина и высотой в 2 аршина, была вделана в кирпичную печь с высокой выводной трубой и заключена в бревенчатый сруб под тесовой крышей размером 5×4 сажени с двустворчатыми дверями. Из пруда по желобу в котел поступала вода.

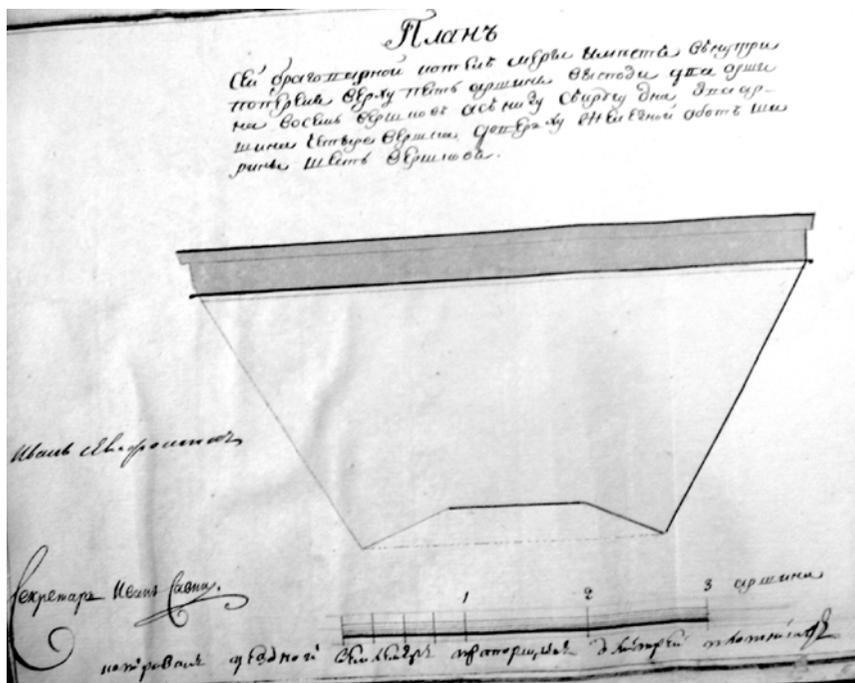

Рис. 10. Браговарный котел

Имелась также особая деревянная, окованная тремя обручами, бадья – «лейка», которой из котла выливали варь в желоб, ведущий в чаны винницы. Казне браговарня обошлась в 120 рублей.

Для ее обслуживания рядом поставили «жиганскую избу», в которой жили жиганы – костровые. Их бывало до двух десятков, поэтому почти квадратное помещение (4 сажени 2 аршина × 4 сажени) с тремя «шитыми железом слюдяными окнами» и кирпичной печью было тесным. Жиганское пристанище оценили в 25 рублей.

Рядом, в 5 саженьях от браговарного котла разместили основной объект завода – винницу. Она представляла собой прямоугольное в плане здание длиной в 5 саженьей 2 аршина, шириной в 8,5 саженьей и высотой 2 сажени 2 аршина со створчатыми дверями по торцам – «коротким стенам». Со стороны плотины по

правой стороне винницы по полу поставили в один ряд 15 кубов, а напротив на высоте 2 аршина 4 вершка (около 1,5 м) от дна на срубках и обрубах находились в ряд 24 чана бражных. Все чаны и кубы были деревянными. Правда, каждый чан обтянули двумя обручами весом почти в 7 пудов, а внизу его стягивал обруб. Верх закрывали массивной деревянной крышкой с четырьмя набитыми железными скобами. Все чаны были одинаковыми по размеру: в диаметре по дну – 4 аршина 10 вершков, в высоту – 2 аршина 4 вершка с общим объемом в 900 ведер каждый. Над чанами посередине через всю винницу вдоль шли деревянные желоба, по которым варь из браговарного котла и холодная вода из пруда поступали в чаны. Из них, в свою очередь, по другим трубам брага самотеком пускалась в кубы. Они были тоже одного размера: 2 аршина 9 вершков по «верхнему дну» высотой 2 аршина 3 вершка и объемом по 300 ведер. Каждый окован был тремя железными обручами общим весом в 4 пуда. В кубах стояли на железных ножках медные печки, в каждой весу только меди было по 7 пудов. Из печек были выведены на крышу 8 кирпичных «труб». Каждый куб накрывался деревянным колпаком, высота которого равнялась порознь четырнадцати вершкам (56 см). Низ колпака закреплялся «в верхнем дне чана» особым тяжелым в полтора пуда ободом – «кругом». Алкогольные пары из колпаков через деревянные, окованные тремя обручами «патрубки» попадали в медные в 3,5 витка змеевики весом 1 пуд 10 фунтов. Каждая «медная витая труба» входила вертикально в деревянную, окованную массивными тремя обручами «трубницу» по нижнему дну диаметром в 1 аршин 13 вершков и высотой 2 аршина 10 вершков. На торцах трубниц лежали вдоль варницы желоба, по которым в них поступала из «фонтальной трубы» холодная вода для охлаждения змеевиков и конденсации пара в вино. В свою очередь, нижней своей частью трубницы стояли на двух, проведенных вдоль всей винницы «колодах». По последним стекала нагревшаяся в трубницах вода, а из кубов выпускалась барда.

Автономной частью винницы являлся «палисад с арашником», где перерабатывалась первичная выгонка. На него и к печкам и кубам вела от чанов «всхожая лестница». Помещение бы-

ло довольно узким и длинным – 15 сажений × 4,5 аршин – с двумя дверями и тремя слюдяными окнами со ставнями. В арашнике находились две кирпичных небольших печки – «комельки» – с выводными на крышу трубами для первичной очистки горячего вина, а также для него двадцать «винных ушат» мерой от 7 до 8 ведер и тара для полугара – 80 «арашных ушатов двоеданных (двуручных. – Г.Б.) таких же размеров». Вино ушатами из винных кубов носили в подвал в стодвухведерную «винную десятину». Эта раздаточная емкость, из которой водку затаривали в бочки, была окована пятью пудовыми железными обручами. В подвале имелись для разлива 2 деревянные с железными «патрубками воронки и 3 черпака». Четыре железных подсвечника позволяли работать и в вечернее время. Подвал размещался в конце арашника размером 6×2 сажени, из него бочки с зельем выкатывали через створчатые ворота на палисад. На палисаде имелось два «комелька кирпичные», в один вмазан – «вкладен» – железный котел для варки дрожжей размером 1 аршин в диаметре и 1 аршин 4 вершка высотой, общим весом 9 пудов 24 фунта. Там же находились для перегона в спирт 3 десятипудовых медных винных куба емкостью каждый 125 ведер. Их «вмазали в печки кирпичные с выводными трубами в крышу». Из каждого куба выходил медный змеевик уже с пятью коленами – «поворотами», заключенный в такую же, как и у деревянных бражных кубов, трубницу. Каждая «медная витая труба» весила 1 пуд 20 фунтов (24 кг). При всех кубах имелось 18 «жаровок» (? – Г.Б.), по одной на куб, и 9 багров.

При виннице также имелась медная «посуда» для проверки и пробы качества выкуренных водки и спирта – «отжигальница, ливер, ендова, осминник, воронка и два подсвечника», всего весом 20 фунтов на 6 рублей 50 копеек.

Комиссия оценила винницу с ее строениями в 560 рублей. Медное же оборудование общим весом 158 пудов 10 фунтов оказалось почти в 4 раза дороже – 2532 рубля.

Из вспомогательных производственных помещений в первую очередь следует назвать кузницу и слесарную мастерскую. По терминологии документа это «медная изба и железная кузница». Они, судя по всему, размещались поодаль от винницы

близ Чулыма как особо пожароопасные объекты. Обе мастерские были «в одной связи», то есть в одном срубе и под общей крышей, размером 9×4 сажени 2 аршина, имели три «створных двери, которые закрывались на 4 висячих замка, 6 слюдяных окон со ставнями». В «медной избе в горенке с тремя мехами» и отгороженных чуланах жили мастера. Среди инструментов находились: пара мехов, наковальня, четыре пары клещей, три молотка, три станка, «для обрезывания листов ножницы, два деревянных ушата», ступа для толчения материалов с железным пестом. В железной кузнице могли работать сразу четыре мастера. В ней находились 4 горна с мехами и наковальнями, 12 железных клещей, 12 пар молотков, 7 гвоздилен, 6 «боротков» – пробойников, 2 обушника и 5 станков. К кузнице для материалов был пристроен «угольник» размером 4×2,5 сажени с дверью, запиравшейся на висячий замок. В целом, «железная изба» по оценке оказалась на 10 рублей дороже медной, потянув на 95 рублей.

За основательным (15×2,5 сажени, ценой в 20 рублей) мостом через Карымовку в 8 саженьях от берега Чулыма по правой стороне речки разместились прочие хозяйственные и жилые службы. «Близ Чулыма» находился большой винный магазин (12×6,5 сажени) с двухстворчатыми дверями, над которым надстроены 3 хлебных амбара с отдельными дверями. Все строение оценено в 200 рублей. Рядом на самом берегу Чулыма разместили двухэтажный из двух отделений амбар для клажи разных материалов. Длина его составляла 10 и ширина 5,5 сажени, имелись 4 двери, из них две наружные запирались висячими замками. Стоимость амбара составила 225 рублей. Недалеко от этого строения размещались «бочкарня и кладовой амбар в одной связи». Здание размером 12×5 сажений имело кирпичную печь, створчатую дверь и четыре слюдяных окна со ставнями и стоило 78 рублей. Почему-то никакого инструмента в ней не показано. Скорее всего, мастера как вольные работники должны были работать своим инструментом.

За бочкарней под № 19 был «дом для житья служителей и протчих людей». Это двухэтажное, 7 сажений 1 аршин на 5 сажений здание находилось на самом берегу Чулыма. По лестни-

це поднимались на крыльцо и попадали на нижний этаж, разгороженный на 5 «чуланов». В каждом имелась дверь, окно с «окончиной из слюды – шитухи» и ставней. Обогревался этаж двумя кирпичными печами. Чуланы, видимо, являлись спальнями, а питались сообща. Так, из мебели указаны только «два стола простого дерева».

Второй этаж отводился для заводских служащих, а не просто для временных работников. Его разгородили на четыре «горницы». Кроме двух печей, в общей комнате был еще комелек, очевидно, вроде камина. Дверей было целых восемь, так как они из каждой горницы вели в какие-то «верхние службы». В каждой комнате было по два окна со ставнями, одно находилось в общей комнате. Из мебели опять же имелось только два простых стола, прочую обстановку жители заводи сами.

Для обитателей этого гостиного типа здания рядом соорудили небольшую баню размером 2×2 сажень 1 аршин с кирпичной печью, предбанником и двумя окнами. «Дом со всеми службами» оценили в 225 рублей.

Самым большим из непроизводственных помещений было здание «конторы из трех горниц для приезде господина смотрителя и жителя поверенного». Эти функционально разные объекты были в одной связи, размеры которой составляли: длина 7 сажень 2 аршина, а «ширина со службами» 8 сажень. В нем вели 8 дверей и имелось 15 окон, слюдяные окончины которых были «шиты железом». Как и у всех зданий двери и окна в нем крепились на железных крюках и петлях с пробоями и накладками, но только здесь ставни запирались железными болтами, пропускаемыми внутрь помещения. Позаботились и о внутреннем интерьере – в описи сказано, что «горницы убиты бумашками». Отопление обеспечивали четыре кирпичные печи, по одной на каждое внутреннее помещение.

Контора выглядела довольно просто: в красном углу – икона «Бога Милосердного Господа Вседержителя без окладу», стол с ящичками для деловых бумаг, окованный железными полосами, с висячим замком и ларь для хранения «денежной казны». На стене висел большой шкаф для «клажи» дел с четырьмя створками на «шалнерах» – шарнирах, который запирался на вися-

чий замок. Обстановка в горницах не изобиловала излишествами. Там имелись четыре стола и шестнадцать стульев, сработанных в местной столярке. Само здание оценили в 305 рублей.

Отдельно размещались бытовые службы при горницах. Довольно большая кухня (5 сажень 2 аршина × 2 сажени 2 аршина) имела две двери, два из слюды-шитухи окна со ставнями, кирпичную печь и «чувал». Почему-то, кроме простого стола, кухонная утварь не указана. Очевидно, она приобреталась на личные средства смотрителя и поэтому не входила в опись казенного имущества. «Коштовалась» кухня в 45 рублей.

Без бани не обходилось и главное заводское начальство. Она была просторнее (3 сажени 1 аршин × 1,5 сажени), кроме парилки и предбанника, судя по трем дверям, имелась комната отдыха, четыре слюдяных окна, как и в конторе, «шиты железом». Рядом с баней имелся «огороженный часток олом, огород для продовольствия» размером 15×10 сажень. Эта «служба» оценена в 15 рублей.

За конторой далее близ Чулыма срубили «три хлебных магазина о двух этажах в одной связи». По размерам они уступали верхним магазинам между плотинами: длина составляла 8 сажень 2 аршина, ширина 3,5 сажени, а высоту переписчики, очевидно, утомившись, просто не указали. Каждый «магазин» – отделение запирался на два висячих замка. Снаружи – «с подъезда» – на второй этаж вела всхожая лестница. С торца здания под крышей на столбах были подвешены весы с «кормыслом», окованным в нужных местах железом, досками и гириями в 12 пудов весом, из которых «на дробь», то есть мелкие гири, приходилось 10 фунтов. Для подъема и засыпки хлеба в отделении второго этажа был устроен «ворот» – мост, по которому снимали хлеб с весов.

С тыльной стороны вдоль всех магазинов шел амбар шириной в 2 сажени 1 аршин со створчатыми дверями, с пробоями, засовами и висячим замком. Цену этому сырьевому цеху завода определили в 255 рублей.

Далее на берегу же Чулыма стояли «два казенных дома для житья писарей конторских и рабочих людей». Они тоже были в одной связи, общим размером 5 сажень 2 аршина с чет-

вертью на 3 сажени 2 аршина. Каждое отделение имело отдельный вход и в сенях закрытый чулан, а также кирпичную печь и два слюдяных окна со ставнями. Рядом находились два точно таких же дома в одной связи. Общая стоимость этих жилых помещений для низших служащих и работников равнялась 65 рублям.

Следующим под № 25 показан довольно обширный «скотный двор» площадью в 43×14 сажений. При нем имелись две избы «для житья конюхов» и караульная изба на 4×2 сажени 2 аршина с четвертью.

На другом конце двора во всю его длину шли «конюшни и коровники» шириной в 4 сажени с одиннадцатью дверями. Сам «пригон разгорожен был заплотником на пять равных частей», в которых стояли небольшие «хлевки для держания мелочного скота». На верху же конюшен устроили «сарай для клажи сена». Кроме того, 15 имеющихся лошадей стоили 150 рублей, да упряжки, хомуты, седелки и седла, сани-дровни, телега и прочие надобности оценили в 125 рублей. Оценили этот животноводческий сектор заводского хозяйства в 225 рублей.

Около скотского двора (в документе – «подле») – не нашли лучшего места – находилась небольшая больница размером 5×3,5 сажени с двумя дверями. Сколько окон и койко-мест, оборудования и наличия медикаментов, не указано. Потянула больничка всего на 20 рублей.

Неизменно важна для заводчан была переправа через Чулым, место которой, к сожалению, точно не указано. Также имелись паром и «перевозная изба» (3×2 сажени) на другой стороне реки. Их оценили по 5 рублей.

Последним указан «кирпичный сарай» длиной 33 и шириной 7 сажений. В отличие от производственных, хозяйственных и от всех помещений, он был «крыт драньем», то есть пластинами, сколотыми – содранными – с метровых толстых сугунков – чурбаков лиственницы.

Общая стоимость Краснояреченского завода, по оценке, составила без медного оборудования 6091 рубль 50 копеек, а с ним сумма увеличилась до 8623 рублей. Таким образом, на строительстве завода Дмитрий Иванович сэкономил 1377 рублей.

Интересно, что и в конце XVIII века любой металл ценился очень высоко, поэтому при описях казенного имущества, в том числе и в этом случае, отмечались все металлические вещи, их номенклатура и вес. Так, во всех помещениях завода указывали, крюки, засовы, накладки и пробой на дверях и окнах, заслонки и задвижки в печах.

3.2. БОДАЛСЯ ПОМОР С СИБИРЯКОМ

После Каменского Краснореченский оказался самым маленьким среди всех казенных винокуренных заводов Российской империи. Как отмечалось, в первые 4 года Д.И. Лобанов имел возможность считать завод строящимся и расходовать деньги, полученные за поставленное вино, на его доводку до запланированной мощности. Правда, за свой счет. Поэтому, как и М.С. Голиков, он вовсе не торопился заполнять прошнурованные листы и отчитываться за полученные 10 тыс. рублей.

Ситуация благоприятствовала дельцам. С 1775 года напуганное пугачевщиной правительство начало масштабную перестройку местного управления. Губернии разукрупнили до 50, число уездов значительноросло, вместо воевод, полновластных хозяев в уездах, появилось сразу три начальника (капитан-исправник, глава исполнительного органа – нижнего земского уезда, уездный судья, возглавивший нижнюю сельскую расправу, и городничий). Еще в большей степени усложнили структуру губернского управления. Было затронуто и центральное звено власти. Эта реализация идеи разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную привела к увеличению численности чиновничества минимум в 2,5 раза.

Губернская реформа 1775 года докатилась до Сибири в 1779 году и завершилась через 4 года. Естественно, что в этой неразберихе и при массовых кадровых перестановках Д.И. Лобанов с напарником действовали почти бесконтрольно. Вино по договорной цене, 77 коп. за ведро, они сдавали, деньги получали, в 1778 году оформили откуп на второе четырехлетие, но отчет о 50 тысячах казенных денег, очевидно, по инициативе маслитого дельца и миллионщика М.С. Голикова, не подавали. Кро-

ме того, в очередное 1779–1782 годов четырехлетие Д.И. Лобанов значительно расширяет свои откупные дела. Он вместе с Иваном Ларионовичем Голиковым, дядей Михаила Сергеевича, земляком-купцом Андреем Свешниковым и воронежским купцом Иваном Шумиловым составили компанию, которая взяла на откуп поставку вина на 51 950 рублей в шесть уездов Тобольской и новоучрежденной Кольвано-Воскресенской губерний, в том числе в Красноярский уезд на 16 500 рублей и Мангазейский на 3500 рублей. Этот откуп прежде был у вологодского купца Матвея Колесова, очевидно, прогоревшего. У историка Н.И. Павленко Колесов ошибочно назван Федором Матвеевичем [10]. М. Походяшина потеснили основательно, ибо московский купец и заводчик Иван Савельев, арендовавший в Красноярском уезде Ирбинский железоделательный завод, взял в Тобольской губернии винный откуп на 68 100 рублей, в том числе в Енисейский уезд обязался поставить вина на 29 600 рублей [11]. Краснореченская водка шла в Красноярский, а также в Кузнецкий уезды. Этим занимался первый лобановский винный поверенный Семейкин, доставивший в 1780 году в Красноярск 5692 ведра с осьминой в 40 бочках горячего вина на сумму в 4895 рублей 163 1/8 копеек по цене 86 копеек ведро [12].

Тогда же в компании с московским купцом Александром Каруниным, отцом и сыном Медведевыми (отец – перемышльский купец, сын – коллежский ассессор в иркутской администрации) Дмитрий Иванович берется обеспечить вином всю Восточную Сибирь, взяв откуп на выкурку и продажу в это же четырехлетие (1779–1782) за 235 тыс. рублей ежегодно. Однако только в начале февраля 1783 года, а не заранее, как обычно, по окончании подряда во второй половине 1782 года Д.И. Лобанов с прежними компаньонами и М.С. Голиковым поручает комиссионеру А.А. Баранову от своего имени участвовать в винных торгах в Иркутске на очередное четырехлетие и организовать на местах поставку и продажу горячего хлебного вина в питейные магазины вплоть до Камчатки и «заморских мест». Дело в том, что казенные уральские и сибирские винокуренные заводы, которые Екатерина II велела возоб-

новять с 1774 года, уже стали главнейшими поставщиками горячего вина в казенные сибирские места. Это позволило казне, а не откупщикам, диктовать цены и повышать суммы откупных платежей. Привлекательность винных откупов для купцов упала [13], поэтому во второй половине 1782 года Лобанов с компаньонами в Иркутской губернии отказались участвовать в торгах на очередной срок. Не стал он продлять откуп на третий срок и на заводы в Средней Сибири.

Столица пыталась обойтись без откупщиков и организовать продажу казенных напитков «на вере», то есть через выборных городских обществами целовальников и сидельцев. Это вызвало массовый протест горожан, что заставило центральную власть быстро перейти к компромиссу. Казна вернулась к откупам по вольным контрактам, но от магистратов с «верными» содержаниями винной продажи, которые сами бы нанимали комисионеров, приказчиков, сидельцев и целовальников. Продажа шла по установленной казне ценам, причем разрешалась торговля «харчами». Доход откупщиков стал состоять из поведенной платы за водку, реализации других напитков и «харчевой продажи» минус откупной сбор за аренду казенных питейных домов и оплата наемным лицам. Число последних увеличилось, ибо разрешили «раздробительную продажу» по уездным городам, уездам и волостям. При этом при сдаче откупов властями предпочтение отдавалось местным жителям на откупной территории [14].

В Сибири же с ее небольшими городами и слабым купечеством центральная власть по-прежнему считала выгоднее и проще напрямую иметь дело с откупщиками. Так, в 1784 году в «столичных газетах» и печатных листах Сената поместили сведения о казенных сибирских винокуренных заводах и их производственных возможностях, чтобы привлечь откупщиков и желающих работать в заводских конторах «управителями».

Несмотря на уступки центральной власти, в очередное четырехлетие, в 1783–1786 годы, Д.И. Лобанов все же оставляет свое детище. У него сильно выросли объемы откупов в собственно Восточной Сибири. Продолжались административно-территориальные перестановки с учреждением Ачинского уезда

всех трех сибирских губерний и их уездов. Пришло много новых чиновников, установить с которыми нужного уровня контакты потребовалось время. Отчет же об истраченных суммах по двум заводам затянулся, и не совсем ясно было, чем он закончится. Наконец, заводское оборудование после восьми лет непрерывной эксплуатации требовало ремонта и обновления. Оставались и недоделки. В частности, и это главное, не было нужного уровня воды в заводских бассейнах для Краснореченского завода. Это мешало увеличить число кубов и чанов, а значит, нарастить объемы сидки горячего вина, переделки его в водку и спирт и снизить себестоимость продукции. Необходимость же расширения завода была очевидной для всех, так как продолжался приток невольного населения из-за Урала, особенно, как выше отмечалось, в Центральную Сибирь.

В силу этого Д.И. Лобанов сделал ловкий тактический ход. Оставив казенной заводской администрации производственные работы, он сохранил за собой прежние позиции в доставках вина. Окончательно отказаться от своего детища он не захотел, о чем красноречиво свидетельствуют последующие события.

Компаньоны не смогли осилить взятые на себя огромные объемы винных поставок продаж ни в Западной, ни в Восточной Сибири и понесли серьезные финансовые потери. Так, предъявленные огромные недоимки М.С. Голиков не смог выплатить, разорился и в январе 1788 года умер. Естественно, аппетиты винным откупщикам пришлось умерить. Д.И. Лобанов, Медведевы и М.С. Голиков отказались в 1787 году продлять откуп в Иркутской губернии, где выкуривали и поставляли 125 тыс. ведер водки [15].

Потеряв своего давнего самого крупного компаньона, Дмитрий Иванович возвращается к своим «енисейским заводам», хотя действовать пришлось под более жестким контролем и идти на уступки. Предприимчивый, с 1786 года новоиспеченный пехотный капитан для получения вновь «дальних сибирских винокуренных заводов» на откуп обращается в Тобольск с довольно убедительным обоснованием. Хотя отношения у губернских чиновников с Д.И. Лобановым не были безоблачными, все же они поддержали его и рапортовали в Сенат: «1. Для удобства делать распоряжения по заводам – Чулымский отстоит от Тобольска в 1841-й версте, а Каменский – даже в

Планъ виннаго для торговли вновь въведенъ виннаго дубянаго Магазина
 специально выходящъ снани въ основанъ ратоборенъ Эрмитажъ Пруса

№: 1 Дубянаго Магазина. Второгоя Покитскаго мостъ Покитска 72 бочк
 2 Мѣта сразельнаго кадова въте кадалетъ оныма етотъ
 3 Покитскаго выходы тръворенъ чоннахъ для обзатаненна.
 4 Оходный дворъ
 5 Внутри кадалетъ пританыхъ дубянные Столи
 6 Снани Жили въоренъ кадалетъ для тѣлота

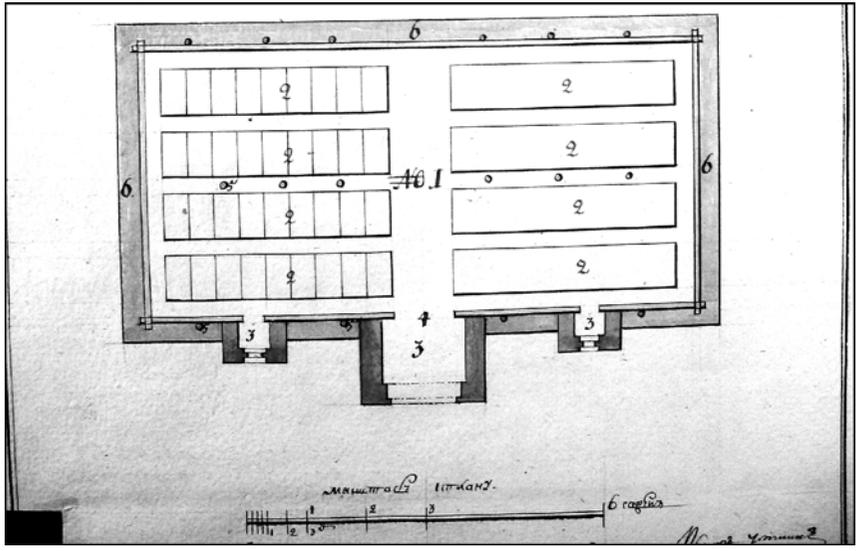

Рис. 11. План винного магазина в Ачинске

2182-х верстах, с чем и генерал-губернатор согласен. 2. Лобанов же те заводы принимает для казны выгодно и во всем на ево отчет. 3. По отдержанию (завершению. – Г.Б.) срока не только, что те заводы отдаст по описи, по которой примет, но и какую делает пристройку, всю отдаст в казну без платежа за то денег, а чего не достанет, то он должен доплатить деньгами. Ви-

но же поставлять обязывается ниже взятых партикулярными (частными. – Г.Б.) поставщиками цене и в самые отдаленные города» [16]. Сенат согласился с этими доводами и отдал нашему герою оба завода на откуп с 1787 до 1791 года.

Центральная власть все жестче стала относиться к частным винозаводчикам. В этом плане показателен случай с М.С. Голиковым, которому казна отказала скостить долг и дать кредит для поправления его заводов. Екатерина II негодовала, что откупщики и крупные частные поставщики нередко срывают поставки и пытаются диктовать свои условия. Непоследовательность и нестабильность отношений с откупщиками и частными подрядчиками нервировали и губернские, и столичные власти.

Сложности с новым четырехлетним откупным сроком с 1788 года побудили вновь вплотную заняться казенными, особенно в Сибири, винокуренными заводами. Экспедиция по винным делам при Сенате проанализировала состояние винокурения по всей России и Сибири и подготовила к 1788 году обзор «Об ошибках в управлении казенными винокуренными заводами». Екатерина II, не выпуская из поля зрения все финансовые вопросы (государственный долг все возрастал), по этим данным 29 февраля 1789 года издала именной из 12-ти пунктов указ.

Разочарование в возможностях частного капитала сквозило в требовании не закрывать по стране ни одного казенного винокуренного завода, а наоборот, «на прибыльные деньги восстанавливать и возобновлять запущенные и упавшие винокуренные заводы». Они, всего 27 в 11 губерниях из 5 тыс., должны ежегодно давать 1,5 млн. ведер на 2 млн. 282 327 рублей 24 3/8 копейки. Утвержденный расклад выкурки выглядел следующим образом: 5 вятских заводов ставят 300 тыс. ведер, 4 сибирских – 300 тыс., 3 пензенских – 250 тыс., владимирский, тамбовский, орловский, уфимский и новгородский – все по 50 тыс., пермский (Талицкий) – 100 тыс., 6 тобольских (Петровский, Екатерининский, Исецкий, Боровлянский, Краснореченский и Каменский) – 170 тыс., 3 иркутских (Илгинский, Николаевский и Александровский) – 130 тыс. ведер.

Высочайше было велено поднять при выкурке выход вина. Следовало из 8 пудов ржи, включая идущую на солод, и 1 пуда

овса выгонять 5–5,5 ведер вина. При этом подтвержден был Сенатский указ от 11 октября 1788 года, чтобы вино выкуривали и поставляли на 2 градуса выше «указной пробы». Чтобы частные перекупщики не вздували цены на хлеб, крестьянам разрешили напрямую продавать его заводам по своим ценам. Озабоченная размерами «усушки» Екатерина II велела в сибирских губерниях бочки красить водостойкой краской и уменьшать нормы «дорожного расхода». Директора экономии в губерниях должны подобрать в винные «приставы людей добрых». Об этом Сенат должен печатный указ разослать. В исполнение указа императрицы тобольский директор экономии надворный советник Мыльников, развил бурную деятельность. На дальних заводах провели пробные выкурки вина большей крепости и объема. Причем на Краснояреченском опыты проводили в мае 1788 года сам Мыльников, а 11 октября того же года – коллежский ассессор казенной палаты Чекунов. Пользуясь случаем, не упустили возможность расширить свой штат. Поводом послужила отдаленность Чулымского и Енисейского заводов. Мыльникову дали для ведения винных дел «в помощь» ассессора с окладом в 300 рублей, бухгалтера, канцеляриста, подканцеляриста и копииста, на которых положили в год 560 рублей [17].

Расписаны и поданы были в Сенат объемы и районы поставок вина с 1789 по 1791 год. Д.И. Лобанов с Краснояреченского завода в счет 170 тыс. ведер должен был для Тобольской губернии выкурить 27 500 ведер, а с учетом «заводского и дорожного расхода», то есть усушки в 4,7 % – 28 875 ведер. Губерния могла взять и дополнительно у него 2999 4/8 ведра. Доставляли в основном в Томск (18 766 ведер), до которого 328 верст. Кроме того, как и в прежние годы, завод для Красноярского и Барнаульского уездов Колыванской губернии выкуривал соответственно 5100 и 19 485 ведер, всего 23 201 ведро [18].

Объемы продукции Каменского завода положили для Тобольской губернии столько же и с тем же процентом потерь, то есть всего 28875 ведер. Поставить следовало водой или сухим путем в 24 версты в Енисейск (12643 ведра), водой 1092 версты – в Туруханск (2633 ведра), в Нарым (4706 6/8), Сургут

(1617 7/8) и Березов (3141 ведро), соответственно за 1115, 1841 и 2508 верст. Везли бочки зимним путем 1806 верст до «Маковского острога», а весной – по Кети и Оби. Дополнительно завод мог поставить еще 2758 3/8 ведра.

Об условиях и деятельности Д.И. Лобанова на казенном Краснореченском заводе в качестве откупщика по выполнению заданных сверху объемов в известной степени свидетельствует единственный дошедший до нас план завода конца XVIII века.

Загадки старинного заводского плана

История его составления, датировка, время и содержание перестроек первоначального завода – все это требует особого рассмотрения. План хранится в Государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге в фонде 1399 – «Карты, планы и чертежи бывшего Сенатского архива», номер 798. Архивисты датировали его 1789 или 1793 годом. Судя по заголовку, план составлен в связи с реконструкцией Краснореченского завода в соответствии с именным указом Екатерины II о расширении казенных винокуренных заводов, данным Правительствующему Сенату через его главу, генерал-прокурора и тайного советника князя А.А. Вяземского (указ не вошел в ПСЗ-1). В деле находятся два плана, второй – Каменского винокуренного завода. Прямо они не датированы, поэтому неясно, какая дата относится к Краснореченскому и верны ли даты вообще.

Датировка же этого единственного известного по архивным данным плана очень важна, так как содержит и ретроспективную информацию. Зафиксированы наличные заводские строения на момент составления плана в разделе «Старое строение» и будущая его реконструкция, отраженная в легенде плана в разделе «Вновь назначаемое строение». План явно не отражал первоначальный облик завода ни 1775 года, ни 1782 года. Это видно из сравнения описи 1782 года, где всего 28 пунктов с перечнем «старое строение» в плане. Номера не совпадают. Сооружения, связанные с инфраструктурой, почти не отражены (больница, баня, скотный двор и т. д.). Из конторы вынесены в отдельные дома комнаты управителя и казначея (№ 10, 11, 12), а также кладовая – денежный магазин. Не было третьей

ПЛАНЪ

Краснореченскому винокуренному заводу исполнен указом правительства сената строписанъсь обнови илѣннаго Ея Императорскаго Величества указами данаго есо съетемству господину дворянину тайному советнику генералъ-прокурору икавалеру князь Александру Алексеевичу Бяжскому, споказаніемъ наонѣмъ оновъ построеной винницы стрѣна дѣлжаніемъ коной прогнѣли коновъ назнаніемъ стрѣной овакихъ оне мѣстахъ знаситъ наемъ плане гилметера иб.

старое строение

1. плотинѣ
2. мѣстницѣ водентѣ
3. молотовѣ
4. винокуренной кортубѣ
5. обгарни
6. кубницѣ
7. правяицкѣ масажитѣ
8. винной масажитѣ
9. денегитѣ масажитѣ кипротности обтасовѣ
10. кантера
11. домъ правителя
12. домъ казначей
13. домъ для пѣсочей неувѣтисен
14. овинѣ
15. солодовнѣ
16. изба житанкая
17. фабрика для мясной пѣсочѣ
18. домъ для житія мелника

28. правяицкѣ масажитѣ
29. денегитѣ масажитѣ
30. солодовнѣ
31. овинѣ
32. обгарни.

дѣлжаніе кипротное

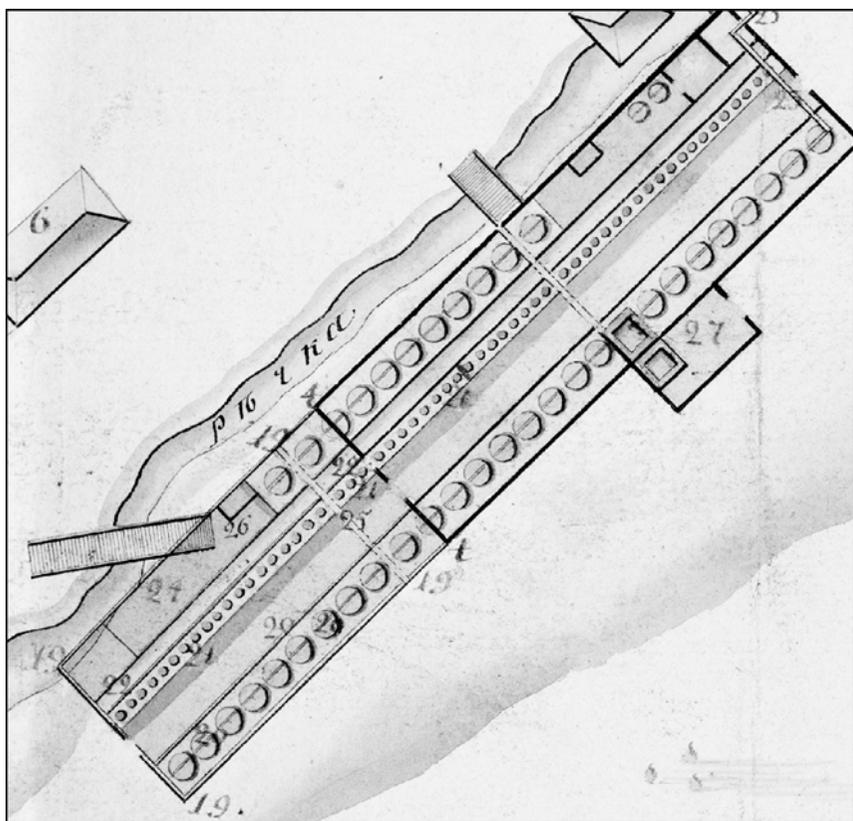
- А. профилъ
- В. сраженіе сѣти иполнѣ
- С. пѣтки иполнѣ кубѣ
- Д. мѣста для постановленія бѣситѣ
- Е. арагна
- Ф. переходъ для пѣрки мѣса

оновь назнаніемъ строение

19. пристройка винокуренного кортубѣ для дѣлжанія кипротности кубѣ илѣновѣ
20. оновѣ пѣсочѣ, овоихъ оовѣшеніи на оубѣ сраженіи, сѣти
21. пѣтки для винныхъ и правяицкѣ кубѣ
22. мѣста для бѣситѣ оковѣ оержитѣ вода кипротнаго дѣлжанія сѣтѣ
23. желѣзѣ койки испантанной пѣсочѣ наполнѣтѣ оовѣ бѣситѣ
24. арагна оверхѣ ови сраженіи сѣти
25. переходъ грезѣ винницѣ
26. винная оесѣтѣ
27. орождѣ арагна

Исполненъ указомъ
Александра Великаго

Рис. 12. Легенда к карте Краснореченского завода с перечнем «старого и нового строения»

*Рис. 13. План перестройки винницы Краснореченского завода
1788 г.*

нижней плотины. Изменили функциональное назначение ряда зданий, а другие перенесли на новое место. Так, совсем снесли двухэтажную казарму из пяти чуланов и четырех горниц, предназначенных «для житья служителей и прочих людей», находящихся около бочкарни (№ 19 по Описи завода). Нижнюю плотину, отмеченную в описи, скорее всего, отремонтировали после 1782 года, когда казенная администрация сама после Лобанова организовала расширенную выкурку вина из-за отказа М. Походяшина от поставок. Эта нижняя плотина была очень важна, так как обеспечивала должный подпор бассейнов, жёлоба, где охлаждалась вода и оборудование кубов.

Как выше отмечалось, ремонт и частичная реконструкция завода предпринимались казенной администрацией после Лобанова с 1783 года, а также Д.И. Лобановым с 1788 года, когда он вновь взял его на откуп. Скорее всего, масштабные работы проводились во второй раз, когда он истратил более 620 рублей, а Екатерина II отказалась ему возмещать расходы.

Датировку плана помогают уточнить и имеющиеся на нем визы Ивана Селифонтова и Андрея Мыльников. Известно, что Иван Осипович Селифонтов (17.10.1743–7.04.1822), бывший военный моряк, близкий ко двору (командовал дворцовыми яхтами), с 1782 года в чине бригадира переведен в гражданское ведомство, служил в Пермской губернии, а с 1785 по 1794 год являлся тобольским вице-губернатором. С 1796 года назначен генерал-губернатором Кольвано-Воскресенского и Иркутского наместничества, а также после проведенной в 1801–1803 годах ревизии в Сибири назначен ее генерал-губернатором с чином тайного советника, а в 1806 году отправлен в отставку по старости [19]. Подтверждением того, что И.О. Селифонтов именно во время службы в Tobольской губернии, куда входил Ачинский уезд, утверждал смету расширения завода, служит и вторая подпись. Как уже отмечалось, именно Андрей Мыльников был после 1783 года председателем казенной палаты Tobольской губернии. Выполняя свои служебные обязанности, он лично побывал на заводе, чтобы проверить, соответствует ли выход зелья казенной норме и как Д.И. Лобанов выполняет свои обещания. Логично предположить, что Дмитрий Иванович подготовил свой план реконструкции к приезду Мыльникова, который составленный план представил своему непосредственному начальнику Селифонтову, а тот – Сенату в лице князя А.А. Вяземского (3.08.1727–8.01.1793). Князь как один из доверенных сотрудников Екатерины II руководил финансами и государственным хозяйством. С 1765 года заведовал Межевой экспедицией, наблюдал в Сенате, кроме прочих дел, за торговлей вином и солью, а с 1789 года возглавил особую Экспедицию о государственных доходах.

Скорее всего, план завода с намеченной реконструкцией заказал землемеру Василию Мангазеву Д.И. Лобанов. План вы-

полнен, вероятно, в начале 1788 года, поскольку в июне глава казенной палаты был уже на заводе. Чиновника вполне устраивало обещание Д.И. Лобанова сделать пристройку старой виннице на 10 чанов и 22 куба, заменить ветхую денежную кладовую – магазин (№ 9, 29 плана), дополнительно построить вторую солодовню (№ 30 плана), еще одну бочкарню (№ 32 плана), пристройку к левой стороне арашника второго для браговарного котла (на плане названа дрожжевальная, № 27), дополнительные овины (№ 31 плана).

Внутри заводской территории перестановкой планировалось подтянуть складские помещения к Чулыму. Очевидно, время показало, что наводнения не будут им угрожать. Так, двухэтажный амбар из двух отделений «для клажи разных материалов» около винного магазина на правом берегу речки переделали в бочкарню рядом с прежней (№ 32 плана), а аналогичное здание запланировано поставить уже на левой (№ 8 плана). Двухэтажные хлебные магазины решено тоже перенести на левый, к винным магазинам (№ 32 и 9 плана).

Следует сказать, что заявленная за свой счет Лобановым реконструкция завода растянулась на годы. Как мы знаем, Дмитрий Иванович любил тянуть время, когда ему это было выгодно. Так, в Топографическом описании Тобольского наместничества 1790 года в Ачинском уезде показан казенный завод на 16 кубов. Правда, данные по уездам землемеры взяли из описания 1784 года, когда вышел соответствующий указ Сената. Сгоревшие описания повторили только в 1790 году. Однако А.Н. Радищев в 1791 году, проезжая мимо по тракту, тоже отметил, что казенный Краснореченский завод имеет 16 кубов [20].

Что касается автора плана, то о нем мало что известно. Судя по чину, он был личным дворянином, а по плану – неплохим специалистом. Михаил Мангазеев, позже будучи землемером в Ялutorовском уезде, составил в 1795 году планы города и округи с расписанием земель, покосов, волостей и частных владений, а также дал описание своего уезда с экспликацией. Его материалы вошли в Атлас Тобольской губернии 1798 года, составленный губернским землемером Яковом Кругликовым. В описании уездов Приенисейского края он не участвовал. Их

описывали в 1799 году: Туруханский – Петр Полутов, Енисейский – Дмитрий Плотников, Красноярский и Ачинский – Федор Вавилов [21]. Нет следов его работы в Центральной Сибири и в «Топографическом атласе Тобольской губернии 1798 года», в котором описания ряда уездов были сделаны раньше в 1797–1798 годах другими землемерами, в том числе: по Туруханскому уезду с городом – Петром Серебренниковым, Енисейску с уездом – князем Иваном Козловским и Красноярскому – Андреем Сергеевым [22]. Землемеров не хватало, поэтому Дмитрий Плотников чертил и план Семипалатинска, а его уезд – ишимский землемер Николай Серебренников.

По Краснореченскому заводу в эти годы, к сожалению, план не был сделан, в отличие ряда винных заводов в Кузнецком и Томском уездах. Очевидно, это было упущением красноярского и ачинского землемера Федора Вавилова, который даже план Красноярска не выполнил.

Обязательства свои Д.И. Лобанов стал выполнять. Так, в 1788 году отмечалось, что «с оных заводов ныне поставляется вино в города Тобольской губернии 22 100 и Колыванской губернии – 22 683, всего 44 783 ведра». В компаньоны Д.И. Лобанов взял купца Кремлева.

На капитальный ремонт старого Каменского завода и увеличение мощности своего детища на Чулыме они затратили значительно больше, показав, скорее всего, явно завышенную сумму в 624 рубля 16 копеек. Очевидно, это было как-то оговорено с Тобольском. Однако Екатерина II слукавила и не утвердила эти расходы. В своем именном указе от 29 января 1789 года она специально велела напомнить Тобольской казенной палате, что «на исправление Каменского и Краснореченского заводов» эта сумма не выдана, так как «содержатели оных, капитан Лобанов и купец Кремлев» по контракту должны отдать заводы в исправности [23]. Получилось, как в известной поговорке, – вор у вора дубинку украл. И это при том, что недавно с 1786 года Д.И. Лобанов за успешное сотрудничество с властью, напомним, и как частный заводчик, и откупщик, и как участник организации Северо-Восточной американской компании, получил чин капитана, равного IX классу Табели о рангах,

в принципе дававший как военному статус потомственного дворянина (см. об этом гл. 5)

3.3. ПОД КАЗЕННЫМ УПРАВЛЕНИЕМ

Первые изменения в жизни завода произошли с отказом Д.И. Лобанова продлить откуп завода на третий подряд срок. Отсутствие отчетов от обоих подрядчиков обнаружил в 1782 году директор нового подразделения «экономии» в Тобольской казенной палате Янов и отрапортовал об этом во вновь учрежденную сенатскую Экспедицию по казенным винокурненным заводам. Нужно было принимать у них заводы, ибо сняв пенки, оба заводчика-откупщика отказались сотрудничать с казной в очередное четырехлетие. За 8 лет оборудование поизносилось, а из дорогостоящей меди на огне быстро приходило в негодность. Требовались солидные средства на ремонт за их счет. По условиям контрактов следовало сдать заводы по описи в рабочем состоянии.

Лобанов, как и все откупщики, обязывался сдать «винницы, плотины, мельницы, солодовни, хлебные амбары, жилые покои для всех находящихся (на заводах. – Г.Б.) людей, медную, железную и деревянную посуду, лошадей с упряжкой и повозками, что в сем капитале заводском на всегдашнее время должно остатца» [24].

Комиссия по приему от М.С. Голикова Петровского завода от Тобольской казенной палаты была создана в составе асессора Резанова (отца известного Н.П. Резанова, героя рок-оперы Рыбникова «Юнона и Авось») и секунд-майора Журавлева – от Алигоривской волости. О сдаче Талицкого завода, отошедшего в соседнюю губернию, должно было позаботиться уже местное пермское начальство.

Комиссия констатировала, что, во-первых, до октября 1782 года книгу с описью откупщик не сдавал; во-вторых, он увез на свой частный Усть-Миясский завод часть оборудования: «8 кубов, 8 витых труб и 10 пар валов, а хорошие полуциркульные буфты на 28 оборотов сменил на двухоборотные»; в-третьих, перевел на свой завод часть рабочих.

На «дальние сибирские винокуренные заводы», так называлось хозяйство Д.И. Лобанова, послали смотрителем казначей Тобольской дирекции экономии титулярного советника Ивана Мизгирева. Он должен был предоставить в Москву «сведения о первоначальном сооружении дальних двух, Каменского и Краснореченского, заводов» и принять их у Лобанова в свое заведывание по описи. Чиновник обнаружил у Лобанова зашнурованную тетрадь совершенно пустой и вынужден был ее заполнять при участии сержанта геодезии. Но главный вывод его был удовлетворительным – «завод соответствовал мощности в 35 тыс. ведер ежегодно» [25]. Лобанов, в общем, не так беспредельничал, как Михаил Сергеевич Голиков, ставший в это время формально капитаном Оренбургского пехотного полка.

Следует особо отметить, что материалы казенной приемки и меры по дальнейшей организации работы завода содержат ценные сведения о штатах и позволяют вскрыть механизм получения государством прибыли от казенной винной монополии.

Заводы у Лобанова принимали в феврале – марте 1782 года. Приемщиками были Мизгирев и комендант г. Тары секунд-майор Баженов. Они констатировали отсутствие крупных злоупотреблений со стороны откупщика, но «вопреки уверениям бывшего смотрителя Лобанова, они (заводы. – Г.Б.) не во всем исправны», и вовсе нет излишеств в оборудовании, как он уверял.

Директор экономии Янов подал обзор дел – «экстракт» – по этим откупщикам в Тобольскую казенную палату, а та послала в Сенат запрос, что делать: заводы не готовы к выкурке вина, и где взять деньги на ремонт. Решать нужно было срочно, ибо в новой Кольванской губернии не хватает на 1783 год 22 777 ведер. М.С. Голиков за разоренные заводы 40 тыс. рублей не возвращает, а Д.И. Лобанов уверяет, что сполна отчитался за казенные 10 тыс. рублей и тем, что заводы работают и к концу второго четырехлетия сданы в исправном состоянии. Правда, утрясал он спорные вопросы еще в следующем году. Так, вероятно, следуя из Каменского завода, Д.И. Лобанов останавливался в Красноярске и 4 февраля написал сразу три «верующих письма» на имя будущего легендарного управителя Американской компании А.А. Баранова, нового комиссионера Лобанова по откупам в Иркутской губернии. Из них явствует, что они,

скорее всего, были земляками и находились в теплых доверительных отношениях (об этом см. гл. 5).

Власти обратились к М. Походяшину, который с М.С. Голиковым через своих поверенных, Шестакова и Власова, обменялся поставками в 18 мест по Сибири на 1783 год, учитывая административно-территориальные изменения. Он должен ставить вино в Енисейск, Туруханск, Нарым, Сургут и Каинск. Однако расчетливый сибиряк «запросил высокую цену – 68 коп. с доставкой, а за само ведро 80 коп.» со своих заводов. Поэтому Тобольское наместническое правление предложило, а глава Сената, генерал-прокурор А.А. Вяземский, предписал пустить вновь казенный Петровский завод в Ялуторовском уезде, а центрально-сибирские заводы привести в полную исправность.

В связи с этим Краснореченский и Каменский заводы к 1 февраля 1783 года получили 33 596 рублей 37 копеек кредита в счет поставок в Кольванскую область одноименной губернии всего недостающего вина в количестве 22 777 ведер. Тогда же по представлению казенной палаты генерал-губернатор Пермско-Тобольского наместничества Н.П. Кашкин назначил смотрителем в Краснореченский завод Тарской городской команды прапорщика Матвея Вязьмина, а на Каменском оставили за смотрителя казначея, енисейского дворянина Сергеева. Последнего в связи с неопределенностью положения завода уже хотели определить в винные приставы в местном казенном магазине.

Чтобы наказать М. Походяшина и сэкономить на доставках, по инициативе Мизгирева прозондировали возможность без него поставлять 11 тыс. ведер в соседние города, в том числе в Енисейск – 3 тыс., Нарым – 1 тыс., Каинск – 1 тыс., Сургут – 300 и Березов – 700 ведер. Вопрос быстро решился положительно, тем более что Мизгирев нужное количество хлеба закупил, будучи до апреля 1783 года смотрителем Краснореченского завода. Для этих целей у Енисейского и Ачинского казначейств запросили 10 тыс. рублей. Каменскому, естественно, выделили больше – 6 тыс., а Краснореченскому – остальную сумму. Приемную цену за ведро оставили 86 копеек, как при Д.И. Лобанове, установленную, правда, еще в 1776 году, оценив каждую бочку, но не сороковку, а объемом в 43 ведра, в 40 копеек. В итоге за период с августа 1783 по июнь 1784 года заводы должны бы-

ли выкурить 73 100 ведер, в том числе больше половины – 41 600 ведер – на Краснореченском заводе. Реально же должны были сдать на места из-за «усушки» меньше на 4850 ведер, в том числе краснореченцы – на 2850 ведер. Размеры «усушки» зависели от дальности пути. Транспортные потери были из-за плохой тары, испарений при таможенной проверке бочек, утраты части груза при отправке водой. Так, из Краснореченского завода при поставках на Алтай и в Красноярск на потери отводили 8 бочек из 100, то есть 8 %, в Каинск – 7 %, в Ачинск на 36 верст пути – 4,3 %, а в среднем – 6,8 %. С Каменского завода «усушка» при доставке составляла: для Туруханска – 8 %, Сургута и Березова – 7 %, Енисейска – 6 %, а в целом – около 7 %. Эти объемы не оплачивались, их не включали в себестоимость, что снижало чистую прибыль заводов.

Все другие стороны заводской деятельности тобольские чиновники тоже четко расписали. Детально определили основные слагаемые стоимости вина. В первую очередь исходя из общероссийского опыта, установили казенную норму выхода из сырья вина-полугара – из каждой четверти в 8 пудов – 4 ведра. Провели даже пробную выкурку на трех заводах, чтобы доказать реальность такой производительности в Сибири. На Краснореченском заводе из 8 пудов получили 3 6/8 ведра, на Каменском – норму в 4 ведра. Набор компонентов сырья был одинаков: 5 пудов 22 фунта муки ржаной, 1 пуд и 22 фунта ржаного солода, 32 фунта овсянки и 1 фунт хмеля. Поскольку выход вина зависел от умения винокуров, то и их перевели на прогрессивную оплату. Твердое жалование, обычно 200 рублей, заменили на сдельную – за каждое ведро положили 3/4 копейки, в среднем винокур в год мог получить 312 рублей. Исходя из этой нормы, расписали объемы, виды сырья, расход топлива, закупочные цены на него и общую стоимость годовой выручки заводов.

При этом все расценки и размер оплаты взяли ниже, чем при Д.И. Лобанове. По данным табл. 1, выходит, что ведро обошлось Краснореченскому заводу почти в 32 копейки, а Каменскому – еще меньше – в 30 коп. с хвостиком. Однако в общую себестоимость включались расходы на тару, оплату винокуру, рабочим и администрации.

**Себестоимость выкурки вина на Краснореченском
и Каменском заводах за август 1783 – июль 1784 гг.**

Виды сырья	Краснореченский завод			Каменский завод			Оба завода	Боготольский
	Объем (пуды)	Общая цена (руб. / коп.)	Цена за пуд	Объем (пуды)	Общая цена (руб. / коп.)	Цена за пуд		
Мука ржаная	61 568	6156 / 80	10 коп.	43106	5244 / 72	12 коп.	5 пуд. / 22 ф.	5
Солод из ржи	19 554	1955 / 40	10 коп.	13805	1656 / 60	12 коп.	1 пуд. / 26 ф.	3
Овсянка	8874	798 / 66	9 коп.	6300	630	10 коп.	32 ф.	1
Хмель	260	520	2 руб.	197	394	2 руб.	1 ф.	/1
Дрова (сажень)	10 400 саж.	2392	23 коп.	7875 саж.	1811 / 23	23 коп.	1 сажень	1 сажень
Тара (бочки по 43 ведра)	1060 шт.	381 / 5	35–37 1/4 коп.	810 шт.	283 / 50	35–58,5 коп.	43 ведра / ?	?
Итого (с/х сырья)	90 256 пуд.	9430 / 86	10 коп.*	63408 пуд.	7925 / 32	12 коп.*	8 пуд. / 1 ф	.
Выкурено вина (ведер, себестоимость)	41600 вед.	12203 / 91	29 коп.*	31500	10020 / 5	31 коп.*	4 ведра из 8 пудов. Реально 2,16 и 2,01 пуда на ведро	

Примечания: РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4321. Л. 773 об. – 774.

В нижних двух графах подсчет дан по горизонтали.

* Без стоимости дров и тары.

** Эта норма на 8-пудовую четверть сырья установлена для трех заводов, включая Петровский.

*** Без расходов на содержание администрации, рабочей силы, накладных и транспортных расходов.

Соблюдая казенную экономию, объем бочек взяли не в 40, а в 43 ведра каждая. Поэтому для затаривания годовой продукцией заводов учли стоимость 1701 бочки плюс «169 запасных», снизив цену до 35 копеек за каждую. Составленный казенной палатой штат администрации и состав рабочей силы тоже изменили в меньшую сторону. В эти статьи входили 387 рублей 50 копеек в Краснореченском и 400 рублей в Каменском на «починку заводов и нечаянные расходы» из расчета по 1 копейке с ведра. На 44 штатных единицы «непременных людей» положили в Краснореченском заводе 2664 рублей, а на 42 «временных рабочих» – 1157 рублей, в Каменском соответственно на 43 человека – 2064 рубля и на 41 – 1130 рублей.

Общая сумма, скажем современным языком, фонда заработной платы составляла 7015 рублей, с которой брали 6 % «прибыльных денег», так откровенно тогда называли подоходный налог. Как видим, два с лишним века назад он был более чем в два раза ниже, чем сейчас, – не 13, а 6 %. Эти суммы, всего 420 рублей 90 копеек, в том числе по Краснореченскому заводу 219 рублей 26 копеек вместе с таким же 6 %-ным налогом на стоимость сырья и тары, включили в себестоимость вина. Этим через цену поставляемого вина, которая всегда была выше себестоимости, часть заводской прибыли из казенного кармана возвращалась обратно, то есть в ведомственный карман. Таким образом, налог на оборотные средства и подоходный налог взимались как общегосударственные и присваивались заводами незаконно. Чиновники осознанно или просто механически скопировали схему финансовых отношений казны с откупщиками как частными лицами.

Поскольку заводы оказались на полном казенном содержании, то все расходы по ремонту, расширению и реконструкции предприятий возлагали на них самих, то есть они находились на самокупаемости. В случае необходимости казна выдавала возвратный кредит, нередко долгосрочный. В нашем случае Краснореченский получил 7 тыс., а Каменский – 6 тыс. рублей. Кредит этот должны погашать в размере «десятой доли капитала, или соответственно 700 и 600 рублей». Эти ежегодные «доли» тоже учитывались помимо себестоимости вина. В целом, по

Краснореченскому заводу сумма годового расхода на выкурку 41 600 ведер составила 18 417 рублей 22 копейки, а по Каменскому на 30 500 ведер – 15 364 рубля. Получается, что каждое ведро обошлось соответственно в 47 2/4 копейки и в 52 копейки «истинных прибыльных», а в долях – по 10 рублей 97 копеек и 24 рубля 81 копейку. Эти показатели у Краснореченского завода оказались самыми низкими из всех трех сибирских казенных заводов. По отдельности и в целом средние истинные составляли 50 2/4 копейки и в долях – 27 рублей 26 копеек.

Особо просчитывались расходы по поставкам, которые брала на себя казна. Суммы зависели от протяженности пути и способов доставки. Краснореченскому заводу засчитывали по 1 копейке с версты за каждую бочку «с прибавкой». В итоге получалось, что доставка бочки обходилась в 8 рублей 50 копеек в Кольванскую губернию (в Барнаул, Красноярск, Кузнецк и пограничные крепости Бийскую, Алейскую, Бурлинскую); в 10 рублей – в Канск и 6 рублей 50 копеек – в Ачинск. Всего же считалось в доставке 748 условных бочек на общую сумму 6966 рублей 50 копеек вместе со стоимостью самой тары, взятой все же не по 40, а по 50 копеек за бочку. С учетом транспортных расходов стоимость ведра, попадавшего в казенные магазины, составила 66 2/4 копейки. Таким образом, непроизводственные расходы удваивали заводскую себестоимость. Вот такова сибирская специфика, с которой до сих пор мы имеем дело.

С Каменского завода вино развозили по разным расценкам: по 8 копеек с ведра – в Туруханск, водой же в Сургут, Березов и Енисейск – по 8 рублей с бочки. Всего на «развоз вина» заводу засчитывали 3005 рублей 62 копейки. Общая себестоимость же одного ведра для казенных магазинов составляла 62 3/4 копейки. Полугар из винницы крепостью от 20 до 28 градусов обходился заводу в два с лишним раза дешевле.

Таким образом, Тобольская экспедиция по винным и соляным сборам общую себестоимость вина на трех казенных заводах, находящихся полностью в казенном попечении, определяла по трем составляющим – производственной, налогово-фискальной и транспортной. При этом она оказывалась как бы между двух огней. С одной стороны, занижали себестоимость,

чтобы показать выгодность «дальних сибирских заводов», а значит, доказать необходимость ассигнований на их нужды. Так, ниже указаны цены на сырье, тару, не включены транспортные потери и «усушка». С другой – из ведомственных интересов для получения заводами прибыли в себестоимость незаконно включили подоходный налог и налог на оборотные средства. Все эти расчеты и выкладки с примерными штатами губернская экспедиция через Тобольскую казенную палату передала на утверждение в головное учреждение – в Экспедицию по винным казенным заводам при Сенате. Столичные чиновники в целом ее приняли, но внесли свою лепту в соблюдение «казенного интересу». Они урезали, где могли, штаты, их оплату, стоимость тары занизили.

Таблица 2

**Казенные штаты Краснояреченского
и Каменского винокуренных заводов на 1784 год**

Должности и специальности	Число в каждом	Жалованье каждому (руб.)
1	2	3
1. Смотритель или директор*	1	600 (500)*
2. Казначей	1	200
3. Комиссар (закуп хлеба, всяких припасов)	1	200
4. Конторщик (у письменных дел)	1	150
5. Писари при конторе	2	36
6. Сторож при конторе	1	24 (20)
7. Надзиратели лесов, скота, с-бр.	1	36
8. Вахтеры (на руках хлеб, дрова, речные суда)	3	36 (24)
9. Щетчик у денег	1	30 (20)
10. Отставные унтер-офицеры (отвоз вина, наряд на работу, смотрители работ)	5	30 (24)
11. Работники при винном магазине	2	24
12. Плотинный и фантальный мастер	1	60
13. Плотники, бочкари, конопатчики	4	30
14. Медник	1	70

Окончание табл. 2

1	2	3
15. Подмастерье медника	1	36
16. Кузнецы	1	36
17. У очистки сажи	2	24
18. Печники	2	36
19. Конюхи	6	28
20. Мельник	1	50
21. Работник при нем	1	24
22. Солодовщик	1	50
23. Работники при нем	3	26
На ремонт 12 лошадей, каждой	–	2
На фураж каждой	–	12
На винокурне ^{**}		
1. Бражники	1	50
2. Браговары	6	27
3. Заторщики	8	27
4. Затрубные	7	27
5. Смажные	2	27
6. Подтурщики	2	27
7. Жиганы	12/11	27
8. Жиганы винных кубов	4	27
Итого на каждый	85/84	4755/4728

Примечания: РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4321. Л. 766–768, 771об. – 772, 800–801 об.

* Изменения, сделанные Сенатом. В Каменском не предусмотрен смотритель. В скобках отмечено урезанное им жалование, причем только по Краснореченскому заводу. Нарядчиков и смотрителей Сенат заменил сержантами военных команд на более низком казенном окладе. Число жиганов больше на одного по этому же заводу.

** Графы «На винокурне» и «Итого на каждый» выделены автором. Подсчет наш.

Так, штат на Краснореченском заводе сократили до 86 человек, а на Каменском – до 84 человек. Жалование срезали смот-

рителю завода до 500 рублей, уменьшив его на 100 рублей, а на Каменском эту должность вообще не дали. Трем «вахтерам», ответственным за хранение, прием и выдачу хлеба, «посуды», дров и т. д. положили не по 36, а по 24 рубля; сторожу – не 24, а 20 рублей; «счетчику у денег» – не 30, а 20 рублей; пяти отставным унтер-офицерам, находящимся при «смотре работ, отвозе вина и нарядах» – не 36, а 24 рубля. Солдат для караулов и нарядов предписали брать у местных гарнизонов бесплатно, ибо они уже на жалованье. Управление военизировали, а статус заводского начальства подняли, предписав управителя назначать не из обер, а из штаб-офицеров, а казначеев – из младших офицеров. Всего по трем заводам, включая Голиковский, Сенат сэкономил на управлении 1298 рублей (табл. 2). Для восстановления Петровского завода и ремонта среднесибирских еще запросили «на первый случай» 40 тыс. рублей, поскольку «подрядчиков не стало».

Эти предложения в виде проекта Сенат подал Екатерине II 21 декабря 1783 года, которая их утвердила 24 февраля 1784 года. Как видим, тогдашняя бюрократическая машина на высшем этаже работала довольно оперативно.

Показательно, что менее чем через месяц просимые 40 тыс. рублей заводы уже получили, но, как выше отмечено, в качестве кредита. На долю среднесибирских пришлось 13 тыс., в том числе Краснореченского 7 тыс. рублей.

В результате при «казенном присмотре» Краснореченский и Каменский заводы за 1783–1784 годы выдали выше плановых объемов на 11500 ведер больше, в том числе Чулымский – на 6600 ведер. Своей продукцией, всего 76 500 ведер, заводы почти на половину удовлетворили запросы Колыванской губернии и частично Тобольской [26] (табл. 3).

С 1792 года заводы Приенисейского края вновь оказались в полном казенном управлении. Скорее всего, Д.И. Лобанов разорился и через несколько лет умер. По крайней мере, уже его вдова занималась расчетами с компаньонами мужа по медным приискам на юге Ачинского уезда в самом конце XVIII – начале XIX века.

**Основные показатели Краснореченского завода
1775–1839 гг.**

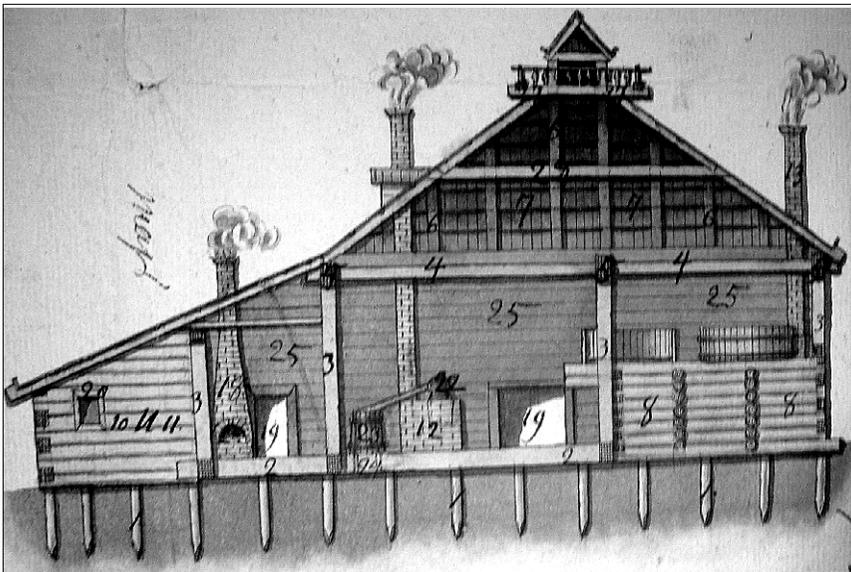
Годы	Объемы (ведра)	Стоимость продукции	Пропитан- ных	Число рабочих	Всего со служа- щими
1776	35000	?	?	42	86
1783–1787	45000 46000	?	?	?	525
1788–1791	44783 52076	?	?	?	?
1795	45000	?	?	?	?
1819 сер. года) – 1822	27000 57000 (план)	?	?	265	?
1831	60357 6/8 42°	?	86	485	571
1837–1838	100000 48°	?	?	505	?
1839	24597 2/8 49°	?	?	505	?

После смерти М. Походяшина его сыновья Николай и Григорий решили в 1791 году продать казне отцовские 11 винокуренных заводов, в том числе три сибирских. С этого времени судьба Боготольского завода оказалась тесно связанной с Краснореченским.

Сенат согласился купить, но с условием, что сибирские заводы, в том числе Боготольский, будут работать до окончания четырехлетнего срока откупа в 1793 году, чтобы не сорвать поставки вина. Созданная через 2 года комиссия по описи и приемке завода установила, что он довольно ветхий и нужно заново построить винницу, солодовню, винный «подвал» – магазин, серьезно отремонтировать нижнюю плотину, поправить «мастеровые избы», всего на сумму в 3785 рублей 48 копеек. Общая же оценка завода, по описи Ачинского нижнего земского суда, составила 38 463 рубля 74 копейки, причем больше половины суммы – это стоимость годной и горелой медной посуды на 64 кубах [27].

Прием и ремонт завода заволокнули на несколько лет. Сроки пуска обновленного завода несколько раз отодвигали. Только в 1793 году стали вплотную заниматься этим вопросом и появилась окончательная смета на его перестройку. Его плановый объем продукции определили сначала в 31 056 ведер при общей ежегодной потребности в 1793 году в 93 384 ведра 6 осьмин. Остальное должны дать Краснореченский и Каменский заводы. Однако переход их полностью под казенный присмотр негативно сказался на их производительности. Так, в 1793 году они выкурили всего 57 025 ведер 3 осьмин, в том числе Краснореченский 26 249 ведер 1 осьмину. Правда, это количество он выдал за период с 3 сентября по 15 января 1794 года, а Каменский курил вино с 29 августа по 25 февраля. Между тем с 1791 года оба завода должны были работать и в зимнее время с января до весны, чтобы покрыть дефицит вина из-за Боготольского завода. На 1795 год планировали от трех заводов получить минимум 89 449 ведер 5 осьмин. Если же Боготол не выдаст требуемое количество, а два других завода не поставят нужный объем, то из-за этого будет «казенный убыток и народное от недостатка вина неудовольствие» [28].

Поэтому директор домоводства Тобольской губернии Рединг потребовал полностью и во что бы то ни стало запустить завод, причем увеличив ему мощность до 51 323 ведер на 43 куба. Столько же должны поставить два остальных завода. Таким образом, совокупная винная продукция с трех среднесибирских заводов выросла к 1796 году до 102 646 ведер.

Планъ и приказъ келаніе ие околицу профрима свободна пред-
 ставляющіе вновь перестроеннаго для перестройки при-
 Божитинской заводы винокурни, которае называеца гора
 на Олетья кубовъ.

1) Крѣпкая стѣна 2) Окладные брусья 3) Слойка тавра де брусья тавра
 4) Верхніе поперечные брусья 5) Верхніе продольные брусья 6) Слойка и
 въ вешетинили 7) Крышка и въ 3 верхнихъ тавра поперечу вверху вверху
 рни 8) Рель для постановки бранни галды 9) Ряды поперечу
 10) Слойка 11) Печь для винокура 12) Корпусъ для кубовъ 13) Печь
 для бравоарныхъ потилъ 14) Бравоарные потилы 15) Алтарь для по-
 маганія въ запавъ на загасону бранъ стѣна 16) Печь для варенія
 бравоарей 17) Въ этой пещи и въ алтаре котилы для варенія стѣна
 18) Въ алтаре поперечу кайска 19) Въ алтаре ворота 20) Ал-
 тарь 21) Бранни тавра 22) Кубы 23) Трубочка 24) Печь оныти-
 ларь для протѣженія въ трубочку воды и для вытока изъ кубовъ
 25) Между стѣна № 3 Заборъ и въ горюхъ 26) Крышка
 ные дельбы 27) Брусья около вѣрхней прѣдѣли для свободнаго
 поперечу ходу и канавы перила. 28) Слойка стѣна

Рис. 14. План перестроенного Боготольского винзавода 1795 г.

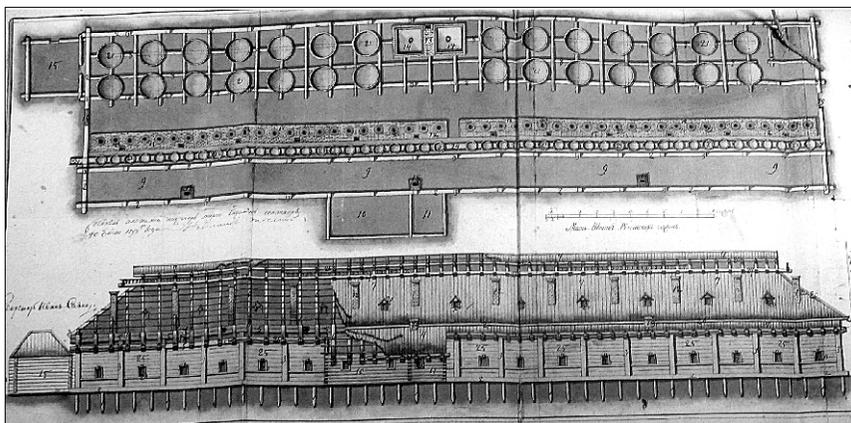

Рис. 15. План винницы Боготольского завода

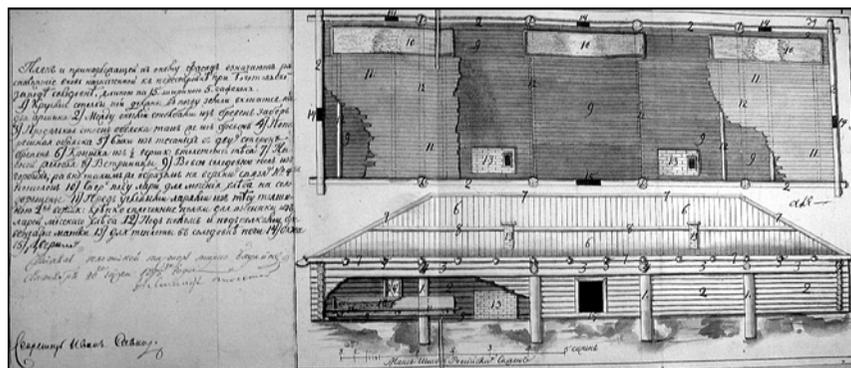

Рис. 16. План солодовни Боготольского завода 1795 г.

Следует отметить, что именно Боготольский завод стал причиной снижения объемов выкурки вина двух остальных, особенно Краснореченского. С него забрали «плотинного уставка» Баева, выписанного с пермского Екатерининского завода, для ремонта плотины. В помощь боготольскому управляющему, прапорщику Пестереву, краснореченский первый пристав Албычев в 1794–1795 годах отпускал со своего завода припасы и закупал хлеб, лес для соседнего завода и организовывал их доставку. Второго же пристава Качуева вообще командировали на Боготольский завод, где он был до его открытия. Качу-

ев «по необходимости» получал по 500 рублей со своего завода, чтобы заготовливать хлеб и лес, нанимая для этого людей, принимал и складировал заводские припасы. При нем было 12, а надо было 16 казаков, «для удержания работных людей от побегов». Все расходы он записывал в специально выданные две шнуровые книги. Мало того, вообще на прибыли двух среднесибирских заводов и ремонтировался Боготольский завод. В 1794 году ему установили штат, несколько увеличенный за счет вахтеров работниками.

Таблица 4

**Казенные штаты Краснояреченского и Каменского
и Боготольского винокуренных заводов на 1789 год***

Должности и специальности	Число в каждом	Жалованье каждому (руб.)
1	2	3
1. Пристав VIII класса	1	300
2. Кассир X класса (второй пристав)	1	200
3. Конторщик (бухгалтер)	1	120 (150)
4. Писцы, в том числе при кассире (писарь)	2	60
5. (Надзиратель лесов)	(1)	(100)
6. Из инвалидов вахтеры (в хлебном, мучном и винном магазинах) у вина, хлеба и пр. материалов	4	36 (50, 60, 50)
7. Вахтеры: развоз вина, покупка хлеба, смотрители работ (в запасном магазине, на лесосеке и плотине)	3	36* (50, 40, 50)
8. Для стражи (караульщики) вина, счета, припасов	14 (10)	24
9. (Сторож при конторе)	(1)	(24)
10. Медник (при нем работник)	1 (2)	60 (120+50)
11. Мельник (в т. ч. у плотинных и фантальных труб)	1 (2)	60
12. Мельник при них работники	1 (2)	36
13. Кузнец	1	50 (80)
14. Работник при кузнеце	1	36

1	2	3
15. Солодовщик	1	50
16. Работники для возки солода, хлеба и леса	7 (5)	27 (36)
17. (Плотник) и конопатчик	2 (1)	36
18. Печник	1	36
19. Коноухи	4 (2)	36
Содержание и ремонт 10 (6) лошадей и 4 волов, каждой	–	2 руб. 50 коп. (3 руб. 75 коп.)
На фураж каждой голове	–	12 (16 руб. 50 коп.)
На винокурне		
1. (Бражник)	(1)	(50)
2. Браговары	4	36
3. Подкурки	4 (2)	36
4. У очистки сажи, смотрение труб, тестомесы	3	27
5. Подтурщики и браговарных кубов	2	27
6. Дрожжевары	1	27
7. Запашки для носки хлебов в винницу	2	27
8. Жиганы, роганщики и заторщики	28 (47)	27
9. Содержание винокура – с ведра по 2 копейки	–	577 руб. 50 коп.
На канцелярские расходы каждому заводу	–	50
Мелочные расходы заводу – солома, можжевелник, сальные свечи, посыл нарочных и прочие	–	200
Итого на каждый	90 (85–96)	4755/4728

Примечания: РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4577. Л. 246–249 об.; Боготольский завод – РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 21951. Л. 1–8. Данные по этому заводу на 1794 год.

* Отмечены на 1789 год. В скобках приведены данные по Боготольскому заводу на 1794 год на выкурку 27 139 ведер и 6,5 осьмины. При выкурке 40 000 ведер дополнительно, кроме жиганов и их помощников, увеличили число старост, лиц для отвозки дров, колки и носки льда, «мешания в кубах браг». Общие данные без скобок по численности и жалованью относятся к каждому из трех заводов.

Погодная стоимость их продукции, а действовать должны были и в самую зиму, выглядела следующим образом: с января до весны на Краснореченском заводе в 1791 году за «первую выкурку» – 2675 рублей 38 1/4 копейки; в 1792 году «вторую выкурку» – 2087 рублей 97 1/4 копейки; в 1793 году за «третью выкурку» – 2547 рублей 15 1/4 копейки, всего на 7310 рублей 15 1/4 копейки; на Каменском заводе – соответственно по годам 3797 рублей 60,5 копейки, 3447 рублей 57 3/4 копейки и 3676 рублей 91 3/4 копейки, всего на 10 922 рубля 10 копеек. Правда, Каменскому заводу 1130 рублей, по специальному разрешению Сената, оставили на новый винный магазин [29]. Ясно, что изымание всей прибыли тормозило модернизацию и просто ремонт заводов, особенно Краснореченского, и не делало их привлекательными для откупщиков.

Так, к концу XVIII века в Центральной Сибири усилиями и частных лиц, и казны сложилась из трех казенных заводов своя винокуренная промышленность, имевшая мощности свыше 100 тыс. ведер в год, которая снабжала хлебным вином и водкой не только Приенисейский край, но и север Западной Сибири и Алтай до появления в последнем своего винокурения.

3.4. ЖЕРТВА ВЕДОМСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Конкуренция между М. Походяшиным и Д.И. Лобановым со временем привела, и довольно неожиданно, к печальным последствиям для обоих заводов. Сначала угроза закрытия нависла над Боготольским заводом, этим первенцем винокуренной промышленности всего Среднего Причулымья. Именно лидерство его чуть не погубило. Уже в 1798 году глава Тобольской казенной палаты и вице-губернатор Картвелин считал, что близкое соседство заводов делает их работу, в первую очередь «ветхого Боготольского завода», невыгодной казне. По существу же, сверхдоходы от близости сырья и леса за четвертьвековой период работы стали резко снижаться. Ближние леса повырубили, особенно в округе у Боготольского завода, на который дрова и лесные материалы стали возить сушей аж за 10–17 верст, а по Чулыму – за 150 верст. Цены на хлеб резко подскочили, что тоже значительно снизило доходность мес-

тного винокурения. В копейку, что называется, влетала доставка хлебного вина на отдаленные, более чем на 1000 верст, Алтайские горные заводы, Барнаул и Кузнецк [30].

Мнение Картвелина в практическую плоскость перевел глава новоучрежденного в 1799 году Сибирского генерал-губернаторства упоминаемый выше Иван Осипович Селифонтов. По его указу в 1801 году «механик Поспелов» ездил обыскивать места под новый завод. Им было найдено «способное урочище» в Томском уезде Богородской волости между деревнями Канаевой и Горской на речке Керевой, притоке Оби. Боготольский же завод, по его мнению, неудобен и тем, что находится в близком соседстве с Краснореченским и «причиняет оному подрыв как в покупке хлеба, так и оскудении лесов» [31].

Смерть Павла I спасла Боготольский завод от быстрого закрытия. Очередная административно-территориальная реформа при молодом Александре I привела, в частности, к учреждению в 1804 году новой Томской губернии. В связи с этим министр финансов граф Алексей Иванович Васильев 21 октября 1803 года потребовал планы обоих заводов с отмежеванными землями и лесами, чтобы решить их судьбу. Ровно через год 21 октября 1804 года молодое Томское «губернское правительство» указало губернскому землемеру Кругликову предоставить запрошенные материалы. Через 2 месяца красноярский уездный землемер Зверев подал оба плана. Они, к сожалению, не сохранились, но в рапорте землемер отмечал, что по Краснореченскому заводу показаны «лесосеки и земли, казенные и обывательские строения, винница и запасной хлебный магазин» [32].

Приведенные выше сведения содержатся в документах, которые отыскивались в Тобольском архиве и были высланы в мае 1805 года в Томск. При этом глава Винной экспедиции казенной палаты коллежский асессор Калетов и губернский архитектор Малышев подтвердили негативное мнение тобольских властей о доходности Боготольского завода, подчеркивая, что его «винница... и две мукомольные мельницы находятся в крайней ветхости... и другие многие строения требуют починок и переправок» [33].

Дополнительные материалы о всех заводах в приенисейских уездах пришли в Томск 17 мая 1808 года в связи с пожаром 6 декабря 1806 года Тобольска и разбором уцелевших архивных дел. Томские власти решили всерьез разобраться с тем, насколько целесообразно сохранять 4 казенных завода в самых отдаленных от губернского центра уездах: в Енисейском – Каменский винокуренный и Троицкий солеваренный, а в Красноярском – 2 винокуренных. Ведь все они хлеб закупали большей частью в одном Красноярском уезде, что вело к повышению хлебных цен, а значит, к снижению казенного дохода. Для «подробного исторического описания» заводов Казенная экспедиция назначила коллежского асессора Ламанова и 31 октября 1810 года запросила у землемера Зверева, ставшего уже в Томске губернским, какого-нибудь уездного землемера для снятия с них планов. По какой-то причине вместо Ламанова поехал асессор Нечай, к которому на Боготольском заводе присоединился уже в 1811 году красноярский землемер Лебедев, снимавший планы с перестроенных откупщиком, купцом Зеленцовым, помещений Троицкого завода, находящегося в Тасеевском комиссарстве. К 7 августа он заполучил три плана из Боготольской и Краснореченской заводских контор, однако план завода на р. Карымовка оказался «замаран и изодран» [34].

Пока оба чиновника трудились, ситуация с заводами усложнилась. Правительственная комиссия 1809 года ввела на очередное четырехлетие, 1811–1815 года, более льготные условия для винных откупщиков. Они освобождались от личной ответственности за неустойку в поставке и продаже вин и материально отвечали за нее только суммой залога, равнявшейся половине годового платежа от всей откупной суммы. Цену же одного ведра водки, поставляемого в казну, повысили с четырех до шести рублей [35]. Естественно, конкуренция среди желающих получить откуп возросла. Нашелся и претендент взять в аренду оба наших винных завода. Это был некто «советник Дьяконов», очевидно предложивший больше прежнего «содержателя питейных сборов коллежского советника Венецкого». Последний же завуалировал свое поражение напоминанием о неперспективности винных заводов Среднего Причулымья. Он за-

явил томскому губернскому правительству, что лично осматривал заводы и нашел, что ветхим является не только Боготольский завод, но и «Краснореченский доведен до такого же упадка». Повторив другие прежние аргументы о будущей убыточности уже обоих заводов (дороговизна хлеба из-за близости двух винокуренных заводов и снабжения им остальных двух заводов из одной «Красноярской округи», нехватка ближних лесов), Венецкий попросил отвести ему новое место и нужные земли для строительства нового завода. В частности, он заинтересовался материалами по урочищу на речке Керевой, саркастически заметив, что есть ли там завод и что там сделано, не знает и сам губернатор [36]. Так впервые в 1811 году было высказано сомнение в целесообразности существования и Краснореченского винокуренного завода.

В связи с позицией Венецкого Томское губернское правительство 5 декабря 1811 года предписало губернскому землемеру Звереву отправить Лебедева в распоряжение предприимчивого чиновника. Однако скромного представителя тогдашней технической интеллигенции уже не было в живых с 22 января 1812 года, о чем 16 апреля отрапортовала Краснореченская заводская контора. От него остались 2 «белых» плана заводов с лесами и землями и всеми казенными и партикулярными строениями Боготольского и Каменского заводов. Краснореченские же планы за полугодовое пребывание на заводах он выполнить не успел из-за тяжелой болезни и смерти [37].

Откупщик Дьяконов, естественно, вопрос о закрытии одного из заводов не поднимал. Самим же властям было не до того, ибо с 1821 года они были заняты проблемами выделения границ учреждаемой Енисейской губернии. Томск оставил оба завода у себя, ибо они были пока единственными на территории всей губернии.

Опасная, по мнению томских властей, близость двух причудливых винокуренных заводов была мнимой, так как не учитывались сырьевые ресурсы соседнего Приенисейского края. Эту ведомственную близость заметил инспектирующий Сибирь в 1811–1819 годах граф Михаил Михайлович Сперанский. Став генерал-губернатором Сибири, этот умный и дальновид-

ный администратор, которому жители края обязаны открытием Енисейской губернии, распорядился резко увеличить объемы выкурки вина на трех центральносибирских заводах. Их продукция, всего 100 тыс. ведер горячего вина, должна покрыть большую часть потребности в крепком алкоголе Иркутской губернии, всего 180 тыс. ведер. По раскладу 1820 года Томская винная экспедиция 28 июня положила Краснореченскому заводу выкурить 27 тыс. ведер, а Каменскому – 73 тыс. На 1822 год объемы значительно увеличили, причем Краснореченскому заводу вдвое, всего 57 тыс. ведер. По мнению М.М. Сперанского, «Томские заводы» должны в среднем давать ежегодно 336 500 ведер, в том числе Краснореченский – 57 тыс., Каменский – 81 тыс. и Боготольский – 38,5 тыс. ведер, то есть половину всей продукции. Мало того, из-за убыточности части иркутских заводов М.М. Сперанский предлагал организовать новые винокуренные предприятия в Красноярском уезде (с 1823 года – округе). Однако, по справедливому замечанию сибирского историка В.И. Вагина, этому помешала золотая лихорадка, в которой хлебные цены в Енисейской губернии взлетели вверх [38]. Правда, и «Томские заводы» не вышли на планируемые объемы, хотя они увеличились в 1,5 раза. Так, если в 1806 году выкурено 145 851 $\frac{1}{16}$ ведра, а в 1807 году – 134 810 $\frac{2}{8}$ ведра, то в 1818 году – уже 260 048 ведер, 1819 году – 2 111 610 ведер и 1820 году – 204 125 ведер. При этом откупщикам томских заводов разрешили выкурить добавочного вина на 65 тыс. ведер.

Комиссионером и откупщиком в эти годы являлся генерал-лейтенант князь Александр Борисович Голицын, штаб-квартира которого находилась в Красноярске по ул. Благовещенской, рядом с одноименной церковью в доме Ларионовых (он сохранился с перестроенной крышей по ул. Ленина и Каратанова).

Один из самодельных авторов, красноярец, по этому поводу написал популярную эпиграмму на сиятельного князя: мол, «дед твой водил полки, а ты что делаешь – ты строишь кабаки». В приенисейских уездах его поверенными в 1818–1821 годах был краснореченский купец, выходец из Казани Василий Патюков и красноярец Иван Кириллович Кузнецов, но

Патюков с 1 января 1820 года оставил за собой поставку вина только в Нижнеудинский уезд. Когда 3 июня 1822 года именным указом Сенату «О новых порядках по винным откупам в губерниях Тобольской и Томской» Александр I ввел поуездные откупа, то Голицын стал сдавать в аренду право выкурки по округам. Так в Енисейском уезде-округе уже в субаренду Каменский завод взяли с 1818 года на два четырехлетия статский советник Ленивцев и казанский купец первой гильдии Евреинов [39]. В Ачинском округе «доверителем комиссионера» в очередное четырехлетие, 1823–1827 годы, являлся некто Алерутов, а поверенным – Абрамов, в Красноярском округе – Шипицын. Интересно, что только в 1825 году выяснилось, что чулымские заводы остались в Томской губернии. Поэтому денежные расчеты они вели через Енисейскую губернскую казенную палату, а поверенные Голицына от его имени кредитовались в Енисейском губернском приказе общественного призрения, а Минусинское, Красноярское и Енисейское окружные казначейства принимали и выплачивали деньги за поставляемые заводами вино и питейные сборы. Усложнение финансовых расчетов из-за административно-территориальных изменений оказалось питательной почвой для появления недоимок по винной и питейной части. По данным Министерства финансов за 1823–1827 годы, на А.Б. Голицыне числилось задолженность в 59 942 рубля 13 копеек истинных, прибыльных и провозных денег. Эту недоимку рассрочили на 4 года, утешившись тем, что в залоге под обеспечение князь давал два своих винокуренных завода в Курской губернии стоимостью в 41 560 рублей 26 копеек. Тем не менее «прибыльных денег против заводских цен» казна получила «львиную» долю – лишь 95 213 рублей 25 копеек вместо 112 тыс. рублей [40].

При поставке ведра водки в питейные дома по 2 рубля казна получала с томских заводов, по подсчетам М.М. Сперанского, минимум 20 копеек с ведра чистой прибыли [41].

Недоимка по прибыльным деньгам была в основном из Краснореченского завода. За истекшие два десятилетия его оборудование поизносилось. Не случайно Томская винная экспедиция планировала ему 1820/21 сезон выкурку лишь 27 тыс.

ведер. Мнение М.М. Сперанского, поддержанное императором Александром I, значительно расширить объемы производства крепкого алкоголя в Центральной Сибири, можно сказать, вдохнуло новую жизнь в Краснояреченский завод. Томские власти увеличили суммы, отпускаемые на внутризаводские нужды. Так, по отчету Енисейской казенной палаты за 1825 год Краснояреченская заводская контора по расписанию на 1824 год получила на «действие завода» 2 февраля из Минусинского окружного казначейства 14 925 рублей, а 1 июня еще 35 220 рублей [42]. В результате завод за последнее десятилетие своей работы вышел на максимальные объемы производства водки, причем во вторую половину 30-х годов давал ежегодно где-то 100 тыс. ведер (табл. 5).

Таблица 5

Производственные показатели Краснояреченского завода

Годы	Выкурено водки (в ведрах и градусах)	Хлеба ушло (пуды и фунты)	По цене пуд в копейках
1829–1830	55 568 6/8 в. 40°	21996 п. 5 ¼ ф.	59 3/4
1830–1831	47 151 5/8 в. 41°	63593 п. 6 ф.	54
1831–1832	60 357 7/8 в. 42°	97800 п. 10 ф.	60 1/4
1832–1833	63 916 7/8 в. 43°	103458 п. 28 ф.	44 1/4
1833–1834	83 187 6/8 в. 44°	152082 п. 25 ф.	61 3/4
1834–1835	91 577 5/8 в. 45°	136038 п. 18 ф.	68
1835–1836	105 296 4/8 в. 46°	132080 п. 58 ф.	49 1/4
1836–1837	95 500 в. 47°	170759 п. 20 ф.	44
1837–1838	100 000 в. 48°	110178 п. 25 ф.	76,5
1838–1839	24 597 2/8 в. 49°	11194 п. 55 ф.	200–275
В среднем за год	72 214 4/8 в 44,5°	98934 п. 12 ф.	57,5*

Примечания: ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 269. Л. 29 об.

* Средняя цена за пуд выведена за первые 9 лет.

До 1836 года оба завода продолжали благополучно функционировать. Как выше отмечалось, в 1812–1815 годах впервые были отмежеваны сенокосные угодья и пашни для семейных краснозаводских и боготольских рабочих – каторжан и пропи-

таннных [43]. В 1819–1821, 1825–1826, 1829–1832 и 1836 годах проводили размежевания с угодьями крестьян села Красная Речка, землеустроительные работы и прирезки пашен, пасек, сенокосов и упорядочивали «дровосеки», то есть лесосеки [44]. Ветхость заводских строений явно преувеличивалась. Так только через 20 лет в 1829–1832 годах верхнюю и нижнюю плотины перестроили под руководством присланного из Томска «плотинного мастера Плакунова», тогда же обновили «верхний по плотине проезжий мост, а у нижней – мукомольную мельницу. В 1830 году поставили новый сарай для «бочарного леса». Через два года выстроили в обоих заводах новые дома для вторых приставов, а также в Краснореченском заводском поселке – больницу на 30 коек с аптекой [45]. Можно без преувеличения сказать, что 20–30-е годы были для заводов наиболее полнокровными и динамичными.

Гром грянул в 1836 году с подачи генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова. Поводом же послужили просьбы в 1830 и 1832 годах Боготольской и Краснореченской заводских контор отвести им «лесные дачи» на территории ближних к ним волостей соседнего Ачинского округа Енисейской губернии. Заинтересованные в повышении доходности винокурения томские власти поддержали их. Ведь фактически это уже делалось, но без официального разрешения сверху и согласования между коронной властью и Министерством финансов, в чьем ведении находились казенные винокуренные заводы. Томский губернатор вошел к енисейскому губернатору А.П. Степанову с предложением-просьбой отмежевать из Ачинского округа «лесные дачи... строевым и бочечным (лиственничным. – Г.Б.) лесом для заводских надобностей» [46]. В приложенной справке значилось, что Боготольский завод и раньше брал лес в Назаровской волости, доставляя его «сухим путем» от 50 до 60 верст, а сплавом по Чулыму – от 100 до 300 верст. Краснореченский же завод заготавливал лес в той же волости вверх по Чулыму, но на другой его стороне. Доставка леса гужевым транспортом занимала от 15 до 30 верст, а водой – тоже от 100 до 300 верст.

На губернском уровне соглашение было достигнуто. К лету 1832 года на Краснореченский завод прибыл енисейский земле-

мер Залесский и потребовал, как рапортовала заводская контора, «для делания просек, копания ям и ставки столбов» 30 человек в лесных местах, а в безлесных – 15 человек [47].

Всего заводам намечалось отвести в Назаровской волости напротив д. Ерлыковой – 500 дес., и в Балахтинской близ села Курбатова – 1500 дес., всего до 2000 дес., в том числе Краснореченскому – 1000 дес., не считая отдельных «пчеловодческих дач». Однако после увольнения енисейского губернатора А.П. Степанова с должности в конце 1831 года ачинские власти, в частности исправник Гатин, стали осторожничать и волокитить. Кузнецкий окружной землемер А. Берестов в ранге губернского секретаря XII класса чинов и боготольский пристав Буткеев рапортовали в Томск, что Гатин не согласен отводить земли из-за их отдаленности в 150 верст. Краснореченскому же заводу он стал предлагать в счет 1000 дес. земли в Чернореченской волости Ачинского округа у деревень Мазульской и Айдашинской, рядом с прежней заводской лесосекой. Однако, по личному осмотру Берестова, «эти места гиблые и негодные... да и там только сосновый, березовый, осиновый лес и тальник», а лиственницы нет. Тем не менее землемер Залесский уже прибыл в д. Мазульскую для работ, о чем с тревогой 3 июля 1832 года сообщала Краснореченская заводская контора. «Второй пристав Жолудский (правильно Жолудев. – Г.Б.)» и прапорщик Зотов отказались от предлагаемых земель и не дали Залесскому людей [48]. О своем решении они отрапортовали в Винное отделение губернской казенной палаты и губернскому землемеру Козловскому. В свою очередь, томский глава губернии обратился к генерал-губернатору Западной Сибири Горчакову с просьбой выделить лесные дачи, пригодные для казенных заводов из территории соседней Енисейской губернии в Ачинской округе. Дело, естественно, заволоклось на несколько лет. Наводились справки, выяснялась позиция Министерства финансов и его руководителя, крупного финансиста Канкрина. Сам Горчаков, недавно севший в кресло генерал-губернатора, не хотел лишних хлопот. Он усмотрел, с одной стороны, ущемление поземельных прав государственных крестьян со стороны другого, хотя тоже казенного, ведомства. Ведь нарушался недавно утвержденный

самим Николаем I «Устав о благоустройстве в казенных поселениях», по которому крестьянские земли могли отторгаться только в аренду и только с согласия и приговора общества за уплату. Мало того, нарушались границы двух губерний, причем входивших в разные генерал-губернаторства, а это являлось прерогативой верховной власти. С другой стороны, вновь всплыло давнее мнение о нерациональности нахождения сразу двух винокуренных заводов около границы с «посторонней губернией» [49]. По сырью и реализации своей продукции заводы были тесно связаны с ней, а не со своей губернией, от центра которой они отстояли на 380 с лишним верст. Положение усугубилось сильным в 1837–1838 годах неурожаем в Енисейской губернии, что, конечно, сказалось на снижении объемов производства хлебного вина. Горчаков вошел в правительство с предложением «об устройстве новых томских казенных винокуренных заводов» и получил об этом «высочайшее повеление» [50]. Поэтому 1 июля 1839 года Главное управление Западной Сибири сообщило Томску, что подыскано два места для строительства новых заводов, закрыть же нужно пока один, Краснореченский, так как он «отстоит от такого же Боготольского в 30-ти только верстах, «а близко от него золотые прииски», куда идут значительные партии хлеба из тех же волостей Енисейской губернии. «Сверх того, завод Краснореченский не имеет до настоящего времени подлежащего количества леса, сенокосной земли; самая же винница и другие казенные помещения сего завода пришли уже в ветхое положение». Заключительное резюме уже не оставляло никаких надежд: «Принимая в соображение невыгоду от нахождения двух винокуренных заводов, Боготольского и Краснореченского, в одном месте на границе посторонней Енисейской губернии и отдаленных от губернского города Томска далее 300 верст, признал (Горчаков. – Г.Б.) со своей стороны весьма полезным иметь один казенный завод... а Краснореченский завод упразднить с обращением онаго в казенное поселение» [51].

Томская казенная палата тут же создала специальную комиссию во главе с подполковником (!) (у нас в России любые проблемы любят решать военными) Игнатьевым, чтобы выбрать одно из намеченных двух новых мест (на речках Кареевой и Шайтак

Уртамской волости) и сравнить их с условиями Краснореченского завода. Дело было решенным, поэтому комиссия управилась очень быстро. Через месяц Игнатьев и его помощник, заседатель Томского земского суда Лучшев, подали «управляющему Томской губернии» рапорт, в котором перечислили «сравнения преимуществ вновь предполагаемого завода на речке Керевой перед Краснореченским». Можно даже не сомневаться, что аргументы высшего начальства были повторены и усилены.

Всего оказалось 6 «преимуществ», которые сформулировали как минусы завода на р. Карымовка. Первый минус усмотрен в плохом состоянии плотин, хотя их недавно возобновляли. Сказано, что «вода, необходимая как собственно для винокурения, так и для действия Краснореченского завода... в самом скудном виде». Во-вторых, констатировали, что «лесные дачи истощены до крайности, а вновь отведенные участки отдалены». Третий минус демонстрировал «заботу» чиновников об условиях хозяйствования заводчан. Мол, земельных угодий «весьма недостаточно», причем против новых отводов казенные крестьяне возражают, о чем их жалоба ушла в Томск еще 1 сентября 1838 года. И это при том, что в последующие десятилетия в заводской округе с ведома властей постоянно оседали переселенцы, возникло более 10 деревень, а в 1898 году была выделена из Боготольской новая Краснореченская волость. Показательно, что следующий минус – трудности с заводским сырьем – поставлен четвертым, а не первым, если бы это соответствовало действительности. В который уже раз повторили, что из-за близкого соседства Боготольского завода и частных золотых приисков, потребляющих много хлеба из Енисейской губернии, завод с трудом обеспечивает себя сырьем. В случае же недавнего неурожая сложилась очень тяжелая ситуация из-за пограничного в Томской губернии положения завода. Интересно, что о высоких ценах на хлеб не было сказано ни слова, ибо они были в целом стабильны, кроме неурожайных 1837–1839 годов. Об этом члены комиссии знали, так как Томская казенная палата подавала губернатору справку по заводу об объемах его производства и ценах на хлеб за целых 10 последних лет, с 1829 по 1839 годы (табл. 5).

Пятый минус вообще выглядит надуманным. По мнению комиссии, накладные расходы по доставке хлеба и развозу вина были очень высоки. Ведь используется только «сухой путь», а до главных потребителей водки – окружных городов и самого центра губернии – из-за пограничного положения завода – «дистанция представляется в огромном виде» [52]. В данном случае сказалось типичное административное местничество, игнорировавшее тесные хозяйственные связи всей Боготольской волости с соседними волостями Енисейской губернии с их быстро растущим и емким внутренним рынком. И просто ложью является утверждение, для убедительности подкрепленное ссылкой на местную заводскую администрацию, что водные пути сообщения заводом совсем не использовались.

Последний аргумент в пользу закрытия Краснореченского завода – его ветхость. Комиссия провела общую оценку заводского имущества и его строений. При этом «без цены», то есть ветхими, признали 14 из 29 заводских объектов, в том числе «скотские дворы, две мельницы, маланская (так в тексте. – Г.Б.) изба, мастеровая в двух отделениях, дом казначея, винница, хлебный магазин постройки 1820 года, винный подвал, «медерасковочная молотовая, медячая изба», арсенал, овин для сушки солода и дом, купленный у откупщика Зеленцова.

Из собственно заводского деревянного оборудования пригодным посчитали немного: три бассейна из 25 по цене 11 рублей, ни одного из трех «барденных» и четырех дрожжевых чанов и 13 из 25-ти бражных чана ценой в 119 рублей 27 копеек. Судя по оценке других объектов, завод дышал на ладан. Все «строения» стоили казне 8349 рублей 1/4 копейки, кузница – 73 рубля 73 1/4 копейки, два хлебных магазина, построенных в 1829 и 1830 годах, соответственно 44 рубля 45 копеек и 690 рублей 52,5 копейки, дом для заводского караула – 32 рубля, два корпуса солдатских казарм и два офицерских дома – 1131 рубль 26 копеек, сарай для хранения бочкарного леса – 139 рублей 65 копеек, бочкарня – 255 рублей 65 копеек, ледник – 495 рублей 50,5 копеек, верхняя плотина – 3462 рубля 82 3/4 копейки, нижняя плотина – 761 рубль 82 копейки [53]. При этом явно преднамеренно в опись не

включили дома приставов и заводскую больницу, а в лесосеках – заготовленные дрова, проданные к 1842 году на 19 536 рублей 65 копеек серебром и 68 378 рублей 29 3/4 копейки ассигнациями по цене 34 1/4 копейки за сажень [54]. Занижена была стоимость отремонтированной нижней плотины. Даже стоимость заводской «медной и железной посуды» оказалась выше стоимости строений более чем в 2 раза. Она потянула по оценке комиссии на 18 783 рубля 38 копеек.

Разорение завода затянулось до января 1842 года. Занималась этим Боготольская заводская контора. «Новый» хлебный магазин она взяла себе. Туда же решено отдать или же сплавить по Чулыму на новый Каревский завод годные деревянные чаны и бассейны, предварительно их разобрать. На новый завод уплыла в буквальном смысле слова и вся металлическая посуда [55]. «Старые» же строения пережгли на древесный уголь с уплатой рабочим по 1 рублю 20 копеек за каждый короб. «Бесценные мукомольные мельницы» все оказались в рабочем состоянии, поэтому предложено их продать или сдать в аренду либо пустить в «вольный перемол». Что подразумевалось в последнем случае не совсем ясно, хотя известно, что в 1840-х годах на них молола свой хлеб Боготольская заводская контора, уплачивая, очевидно, владельцам, по 4 рубля 60 копеек за каждую восьмипудовую четверть. Для «окарауливания казенных зданий» в уничтоженном Краснореченском заводе оставили 9 человек из числа каторжных рабочих. Платил им по 2 6/7 копейки в день особый смотритель – бывший заводской казначей и исполняющий обязанности с 1838 года главы заводской конторы Алексей Иванович Жолудев, имевший ранг губернского секретаря 12 класса чинов по петровской Табели о рангах [56]. Нет сведений, как распорядились прочим имуществом завода, в том числе 33-мя лошадьми и 19-ю волами.

При заводе постоянно проживало на 17 июля 1739 года 505 человек. Им сохранили максимум на 2 года прежнюю оплату по расценкам от 2 до 4 2/4 копейки в день пока они не обзаведутся своим хозяйством. Холостых же, не выработавших свои сроки, отправили по другим заводам.

Почему закрыли все же Краснореченский, а не Боготольский завод? Ведь последний в общем находился даже в худшем поло-

жении, чем его сосед, ибо основан был раньше. Одно обстоятельство решило его судьбу – он отстоял несколько дальше от границы с Енисейской губернией и районов с бурно развивающейся золотопромышленностью. Вот такое продолжение получило соперничество двух частных капиталов, которые вместе с казной сотрудничали в получении огромных доходов от винокурения и продажи водки. Так закрылась каторжная страница истории Краснореченского завода. Его надолго законсервировали, а заводской поселок получил статус казенного поселения (ныне пос. Красный Завод). Бывшие каторжные рабочие и пропитанные, имевшие семьи и «домообзаводство», обрели, хотя и не сразу, статус государственных крестьян и мещан.

Примечания

1. Быконя Г.Ф. Динамика посевных площадей и объемов хлебной продукции (в XVIII веке) // Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука. СО, 1982. С. 188–198.
2. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 2. Д. 14903. Л. 2 об. – 4.
3. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 2. Д. 14903. Л. 4 об. – 5 об.
4. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 266. Л. 2.
5. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 266. Л. 2–2 об.
6. ГАКК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об. – 7.
7. РГАДА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 278. Л. 73.
8. РГАДА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 278. Л. 101–102.
9. РГАДА. Ф. 275. Оп. 2. Д. 175. Л. 1–19 об.
10. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII веке. М., 1962. С. 295.
11. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 2. Д. 26323. Л. 3–4 об.
12. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4321. Л. 752 об.
13. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начале XX вв.). Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1999. С. 482–483.
14. Там же. С. 483.
15. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 266. Л. 2; Ситников Л.А. Григорий Шелихов. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990. С. 180, 332–336.
16. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 266. Л. 2–2 об.
17. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4577. Л. 439.

18. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4577. Л. 236–237 об.; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 36. Л. 95–96.
19. Акишин М.О. Селифонтов Иван Осипович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. III. С. 40.
20. Описание Тобольского наместничества / сост. А.Д. Колесников. Новосибирск, 1982. С. 212.
21. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 44. Л. 17, 24–25, 31 об. – 32, 32 об. – 33, 34 об. – 35.
22. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 43. Л. 37, 50, 50 об. – 51, 51 об. – 52, 53 об. – 54.
23. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4577. Л. 599.
24. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4321. Л. 752 об.
25. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4321. Л. 754–755.
26. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4321. Л. 752, 809; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 86. Л. 95 об.
27. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 21950. Л. 5 об.
28. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 2195. Л. 8 об. – 9.
29. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–6 об.
30. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 21950. Л. 7 об.
31. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.
32. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–4 об.
33. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
34. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–21.
35. Сведения о питейных откупах. Спб., 1886. Ч. 4. С. 66–67.
36. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 28–30.
37. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 30 об. – 34.
38. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. С 1819 по 1822 гг. Спб., 1872. Т. 1. С. 457–458; ПСЗ-1. Т. 6, № 29075. С. 241.
39. Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М., 1833. С. 164–165.
40. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 18. Л. 10 об., 17 об., 104, 116 об.; Д. 37. Л. 27 об. – 32 об.
41. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. С 1819 по 1822 гг. Спб., 1872. Т. 1. С. 657.
42. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–8, 18–18 об.
43. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 37–38.

44. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 64–85, 101, 199; Д. 47. Л. 8–9, 10–12, 34; Д. 290. Л. 2, 28; Оп. 2. Д. 19. Л. 1–5 об., 7.
45. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 138, 170–171, 192, 193, 218; Оп. 1. Д. 70. Л. 1–5, 16–21, 27.
46. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–4.
47. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 70. Л. 5–17.
48. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 70. Л. 27 об.
49. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–4 об.
50. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 269. Л. 9–12.
51. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 269. Л. 10–12.
52. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 269. Л. 28 об. – 30.
53. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 269. Л. 45–46 об.
54. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 331. Л. 3.
55. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 331. Л. 87.

ГЛАВА 4. «СЕКРЕТЫ» ЗАВОДСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

4.1. ЭХ, РЕБЯТУШКИ, УХНЕМ!

Традиционно считалось до сих пор, что рабочую силу на заводе составляли каторжники. Принудительные работы как наказание за уголовные и политические преступления, а также за недоимки – долги казне – ввел Петр I. В крепостной России вольный найм был редкостью и очень дорогим, а на крупных предприятиях типа мануфактур требовались постоянные работники. Преступников в первую очередь посылали на казенные заводы и в отдаленные районы обычно пожизненно или на определенный срок. Практичный Петр Великий разрешал «отдавать в работы» и на частные предприятия. Их хозяева должны были платить за присланных работников подушные и оброчные деньги в казну и содержать их за свой счет. Печальной известностью как место каторжных работ в XVIII веке, пользовались Нерчинские «среброплавильные» заводы в Забайкалье. Обычно каторжные содержались в казармах под охраной солдат или казаков, работали тоже под надзором. Установленные нормы выработки были тяжелыми, а содержание в виде продуктового пайка или еженедельной платы – скудное. Недоимщикам же вдобавок засчитывали в погашение долга: на казенных заводах по 6 рублей в год, а на частных – по 12 рублей.

На таких условиях содержались работники на Красноярских казенных заводах в 30–40-х годах, а на Каменском винокуренном заводе – в 60–70-е годы XVIII века. Естественно, от каторжных сложно было ожидать ответственного прилежного труда и заинтересованности в его результатах.

Д.И. Лобанов для строительства завода получил в 1774 году 100 поселщиков. Из-за сжатых сроков пуска предприятия он просил еще 100 человек. Губернатор Д.И. Чичерин отказал в поселщиках, ибо в разгар пугачевщины их перестали отправлять в Сибирь. Взамен Д.И. Лобанов получил каторжников, следовавших на Нерчинские заводы. По завершении строитель-

ства заводчик отправил каторжных по месту назначения, а часть поселщиков поместили в деревню Большую Касульскую, в которой уже проживали бывшие строители Боготольского завода, полученные М. Походяшиным от казны. Судя по штатам завода, для черных работ оставили 42 человека, в том числе 30 холостых поселщиков, для которых заводчик в 1775 году запросил у местных красноярских и енисейских властей невест. Чуть больше половины всех работников составили вольнонаемные специалисты.

В чисто казенные периоды жизни завода потребности в заводских чернорабочих удовлетворялись ссыльными и недоимщиками. Естественно, их число росло по мере увеличения объемов производства. В 1819 году их насчитывалось 265 человек, 1831 – 485, а в последние годы перед закрытием завода к 1839 году их численность возросла до 505.

Общее представление о происхождении, возрасте и составе принудительных рабочих Краснореченского и Каменского заводов дают частично дошедшие до нас заводские описи за 1816–1819 годы.

Случайно сохранившаяся, а потому достоверная выборка по 54-м ссыльным дает следующую картину. Если взять места прежнего их пребывания, то на небольших заводах, оказывается, собрались бывшие жители около половины губерний Российской империи, всего из 27. Почти равномерно были представлены и Европейская Россия, и Прибалтика, и Кавказ, и Украина с Белоруссией, и Сибирь. Закон преступали представители всех сословий. Преобладали, естественно, самые бесправные – дворовые люди и крепостные крестьяне (23 из 54). За ними шли выходцы из самых многочисленных сословий – государственных крестьян (11 чел.) и мещане.

Если же посмотреть состав их преступлений, то преобладали уголовные деяния – из 59 (с учетом неоднократных) целых 55. Чаще всего совершались преступления против частной собственности – 33 случая, в том числе 24 – кража, 7 – вооруженный грабёж и 2 – умышленная порча имущества.

Покушались на разное и по-разному – поджигали строения, крали коней, муку, вещи, икру и даже церковную утварь (2 слу-

чая). Социальный мотив прослеживается только у одного – смоленского удельного крестьянина Якимова 18 лет, который поджег гумно, за что был бит кнутом, заклеен и назначен на каторгу в Иркутскую губернию. На втором месте шли преступления против личности – всего 18 случаев, из них 11 убийств и изнасилование. Каждый пятый был убийцей, но, к сожалению, в ведомостях почти никогда не детализировали, кто оказывался жертвой. Преобладали, скорее всего, обычные случаи, так как особые отмечались. Так, помещичий крестьянин Подольской губернии 40-летний Сибиковский Илья Григорьевич убил жену, а калужский крепостной 40-летний Иов Федотов зарезал помещицу. С классовыми мотивами можно связать еще 2 случая. Тамбовский помещичий крестьянин Марко Якимов, 50 лет, возмущал крестьян к неповиновению помещице, за что наказан и выслан на поселение в Иркутскую губернию, но 19 апреля 1819 года оказался на Краснореченском заводе. Борзяков же Иван, 32 лет, пехотный солдат, служивший в Кавказской губернии, учинил «бесчестье» офицеру и «порушение знаку отличия Святой Анны».

Несколько неожиданно, что среди ссыльных мало было беглых и бродяг, всего 7 человек, причем четверо бежали из мест поселения в разных местах Западной Сибири, а прочие с этапов.

Собственно сибиряков оказалось немного, всего 4 человека, причем трое из соседней Тобольской губернии и один, 50 лет, Осип Паскевич, вероятно, дворовый человек енисейского лекаря, еще в 1810 году не известно за что прислан из Енисейского нижнего земского суда на ближний Каменский завод. Правда, деяния этих сибиряков оказались примечательными. Белокурый, холостой 20-летний Алексей Ершов из духовного сословия, грамотный, украл оседланную лошадь, а в храме с царских врат – «полуатлас». За церковное воровство карали строго, как и убийц, – кнут, клеймо и каторга. Правда, вместо Нерчинска его отдали на Краснореченский завод. Крепостного сибирского чиновника 57-летнего Петра Федорова, еще 1803 году отправили на Каменский завод как фальшивомонетчика. Он написал «ско-рописью на игольной бумаге» 5-рублевую ассигнацию.

Наказания, в отличие от преступлений, не отличались разнообразием. Убийцы все шли на каторгу, а прочие – на поселение. Всех их определяли на работу в Нерчинский и Каменский заводы, хотя в собственно Томскую губернию направляли только четвертых. Это показывает, что сибирские власти подходили к осужденным чисто утилитарно – где требовались люди для работ, туда и посылали. Власти забирали из проходящих партий ссыльных, не считаясь ни с их судебными определениями, ни с тяжестью вины, ни с назначенным местом отбывания наказания. Об этом говорит и средний возраст забираемых на заводы ссыльных с 1792 по 1819 год: безусловно, преобладали лица от 30 до 50 лет. На Краснореченском заводе они составляли 62 % (21 из 36), а на Каменском – 68 % (15 из 18). Только в двух случаях отправка на заводы считалась особым наказанием. Так, двое «господских людей», то есть крепостные из Тверской и Калужской губерний Щеглов Николай и Нечаев Дмитрий, 52 и 60 лет, находящиеся на поселении в Каинском округе Тобольской губернии, были в 1819 году «посланы в Краснореченский завод впредь до выправки». При этом ссылались на указ от 9 ноября 1757 года.

Порядок доставки и распределения уголовных и политических преступников был отработан еще в XVIII веке и применялся к поселщикам. Их партии до 100 человек сопровождалась воинскими командами в 10–12 человек с офицером. В Тобольске, тогдашнем центре Сибири, специальная Экспедиция о ссыльных распределяла их по губерниям, а те – по уездам. Осужденных могли отправлять в их одежде. В случае ее непригодности выдавалась казенная в месте отправки либо в принимаемых губерниях. Так, каждый прибывший на Краснореченский завод в 1819 году получал в Тобольске или Томске «рубаху, порты, чулки, чарки (сыромятная обувь), а в зимнее время – шубу» [1].

Определяемые на поселения поступали в распоряжение специальных поселщицких смотрителей, а по истечении льготных лет приписывались волости и сельские общества для уплаты налогов и несения повинностей. До 1783 года ссыльных отдавали и частным лицам, обязывая последних уплачивать тягло.

Условия работы на всех участках заводского производства были тяжелыми, особенно при выкурке и перегонке горячего хлебного вина. Об этом красноречиво свидетельствует описание больших винокурен, сделанных Палласом, который в 1768 и 1771 годах осматривал заводы, находившиеся близ Симбирска и по реке Оке.

«Здесь завод был в действии и имел 14 чанов и 56 котлов, снабженных, как это обыкновенно бывает, деревянными крышками и короткими, широкими трубками. Этих последних было у каждого котла три, шириною в четыре пальца... Котлы и чаны стоят вне здания винокурни, под особенной покрывкой, а трубы проведены сквозь стену здания и по желобу, в который постоянно притекает вода для охлаждения... Из этих огромных труб вино выливается на доску, с вырезанными реями, по которым оно бежит в подставленные открытые чаны...

При таком дурном устройстве легко вообразить себе, сколько спирту улетучивается, тем более что этим путем, как погон (полугар. – Г.Б.), так и самое вино получается из таких котлов одинаковым образом. Кроме того, несмотря на неплотную постройку здания, оно всегда наполнено таким густым паром, что даже при открытых дверях невозможно в нем оставаться более четверти часа без того, чтобы не опьянеть...

Горячий пар беспрестанно выбрасывается из труб и бывает настолько крепок, что если поднести горящее тело (свечу), то оно воспламеняется...

Чаны, в которых вино собирается, бывают постоянно открыты, и поэтому из них также испаряется вино...

Погон из этих чанов собирают в один большой чан, тоже открытый, и оттуда перекачивают его посредством трубы в те котлы, которые должны перегонять его вторично. Два раза перегнанная жидкость переходит в большую бочку, стоящую около огня, который поддерживается в винокурне для тепла и освещения. Поэтому еще особенно счастливо, если дважды перегнанное вино содержит в себе две трети той крепости, которую однажды перегнанное могло бы иметь при рациональном устройстве...

Владельцы заводов не обращают внимания на эту потерю, потому что выручка их достаточно велика. Если же принять в

расчет, что то количество хлеба, которое пропадает даром, есть прямой убыток для страны, и что при более сообразных с целью приемах истрачивалось бы гораздо менее хлеба, то нельзя не досадовать на тех, которые, при устройстве и содержании заводов упрямо придерживаются старых привычек» [2].

На заводе, говорит Паллас, «истрачивалось ежегодно для добывания вина от 30 до 40 тысяч четвертей ржи и получалось в среднем выходе, при хорошей выручке, 4 ведра с четверти восьмипудовой».

Советы и указания Палласа оставались гласом вопиющего в пустыне. Все делалось по-старому; только некоторые улучшения были сделаны для охлаждения паров. В Сибири же браговарные чаны, винокуренные котлы, а также перегонные котлы в арашнике, как видно из описания Краснореченского завода, – все находились в одном закрытом помещении. Работники обливались потом, дышали и травились вредными сивушными маслами и фракциями, часто от перепада температур болели.

Так, по свидетельству штаб-лекаря 7 класса Паскевича, на февраль 1816 года на Каменском заводе оказалось 18 больных в возрасте до 66 лет. Возраст и состав заболеваний весьма впечатляет: от 31 до 50 лет было 10 человек, то есть больше половины. Кроме двух старых и дряхлых пятидесяти и шестидесяти пяти лет, все имели по две и более болезней. Самые распространенные хвори – различные травмы, ломаные руки и ноги, ушибы от падения с плотин, вывихи, «слабость корпуса», то есть, вероятнее всего, дистрофия и внутренние болезни (болит живот, рвоты, припадки, «нездоров нутром», «здоровым называется, но харкает кровью», «ломота в груди от многотрудной работы», чахоточные припадки, наконец, у сорокалетнего единственного еврея, осужденного за разбой, – венерическая болезнь с припадками).

Несмотря на то что 13 из 18 работали на заводе 10 и более лет, только семеро обзавелись семьями, шестеро имели дом и скот, хотя заводские власти, как увидим ниже, всячески способствовали в этом всем желающим» [3].

Семейная жизнь складывалась по-разному. Отпетые уголовники семьи заводили лишь только для того, чтобы облегчить ус-

ловия работы и жизни и не очень дорожили семейными узами. Вот какой развод по-каторжански случился в 1837 году сразу в двух семьях. 10 февраля Краснояреченская заводская контора рапортовала губернскому начальству, что жены рабочих Алексея Маклаковича – пропитанная Пелагея Куроткина – и Романа Пискуна – каторжная Дарья Иванова, «не желая продолжать с означенными мужьями своими общую жизнь», в конце января стали сговариваться между собой, чтобы изыскать случай избавиться от мужей. Не найдя ничего лучшего, решили кого-нибудь умертвить. Куроткина 6 февраля пришла к Ивановой уговорила пойти в соседний дом рабочего Артемия Касаткина и убить его жену Христину Голущенко. Иванова захватила нож, но, придя к Касаткину, они застали хозяина дома. Занявшись разговорами с Христиной, они дождались его отъезда. Когда хозяйка, топившая печь, полезла в подполье за луком за которым они якобы зашли, то Иванова, охватив деревянный пест, ударила несколько раз ее по голове. Когда же Христина, обливаясь кровью, все же выскочила из подпола и пыталась с криком выбежать на улицу, Иванова перехватила ее у порога и ножом намеревалась «выпустить ей кишки и тут же умертвить». Однако она успела нанести лишь две небольшие раны, поскольку на крик прибежал сосед Клим Давыдов и отвел всех троих в заводскую контору. Та отправила их для судебного разбирательства к дворянскому заседателю Томского земского суда Афанасьеву.

Дело об этих преступницах дошло до томского губернатора. Выяснилось, что обе были присланы Иркутской казенной экспедицией о ссыльных, поэтому началась многомесячная переписка между ведомствами обеих губерний и внутри их. В судебное место дело попало только к 1 сентября. Чем оно закончилось неизвестно, но, судя по обычной практике, их могли отправить на каторжные работы на Нерчинские горные заводы. На это, очевидно, и рассчитывали лихие «женки»-уголовницы, которые объясняли свои действия, кроме нелюбви к мужьям, просто скукой» [4].

Тяжелый физический труд довольно быстро выводил людей из строя. Так, по рапорту 2-го пристава Каменского завода Лукина от 2 августа 1816 года, в 1814–1816 годах на завод прис-

лали 216 рабочих из временных поселенцев или тех, которые, скорее всего, должны отработать казенные недоимки. Но из них осталось только 68 человек, а прочих разослали за негодностью через енисейского и красноярского исправников, в том числе через последнего 84 человека.

На положение ссыльных влияло наличие у них имущества. В «Уставе о ссыльных» в параграфе 249 различали два рода ссыльных при каждом заводе или фабрике: не имеющих домообзаводства и имеющих дом и обзаведение. Первым должны были выдавать дополнительный провиант из сумм и запасов заводов без вычетов и взысканий (параграф 255). Вторым эти выгоды не положены, но взамен следовало отводить земли в положенную крестьянам пропорцию близ заведения по удобности, чтобы они, «окончив казенные работы, могли потом воспользоваться временем для собственных домашних и полевых работ» [5].

Сначала заводским работникам до 1811 года отводили лесные угодья, а затем появилась потребность в сенокосах и пашнях. Так, в 1826 году Краснореченскому заводу отвели 18 604 десятины удобной земли; в том числе под поселение, скотский выпуск и лес 17 920 десятин, под сенокос – 355 десятин 300 сажений. Сверх этого дополнительно из краснореченских заводских дач выделили еще 226 десятин 2150 сажений.

Вольнонаемными до середины XIX века были только специалисты, в первую очередь винокуры. Они играли главную роль в производственном процессе завода. От них зависело эффективное использование сырья и объем конечного продукта. Хороших винокуров искали, заблаговременно нанимали и оплачивали сдельно. Это видно из уникальной копии договора от 18 декабря 1788 года Д.И. Лобанова с енисейским третьегильдейским купцом Иваном Евдокимовичем Осотиным о его вступлении в должность винокура на Каменском винокуренном заводе с 1 августа 1791 года на четыре года. Договор должны были за год до этого подписать откупщики Д.И. Лобанов и Ф. Кремлев, то есть до 1 сентября 1790 года. До этого Осотин был на этом заводе поверенным у Д.И. Лобанова. Договор состоял из восьми условий, предельно детализирующих взаимные обязанности сторон. Для выкурки вина и его передела в водку,

всего 50 тыс. ведер в год, откупщики обязывались предоставить 24 бражных чана и 24 медных куба, из которых 20 «арашных». Каждый вмещал бы непременно 150 ведер браги, и в них должны быть краны для выпуска барды. Четыре винных куба должны быть по 120 ведер. Все кубы с медными буртами не менее 6,5 оборота. Обязательно нужен был медный или железный котел объемом не менее 600 ведер.

Кроме чисто технических условий, оговаривались состав, качество сырья и технология выкурки. На каждый «затор» – недельную порцию – винокур получал 63 пуда ржаной муки и 7 пудов овсянки, если брага готовилась без солода. Получалось всего 70 пудов, или 7 четвертей десятипудовых, да сверх того хмеля не менее семи пудов на одну тысячу ведер. Из других припасов винокуру следовало выдавать на каждый месяц дрожжей 6 ведер, на замазку колпаков и патрубков – муки ржаной 30 пудов на каждую тысячу ведер вина, причем этот хлеб шел не в зачет сырья для приготовления браги. С каждой десятипудовой четверти винокур обязан давать по пять ведер водки.

Предусматривался и другой состав сырья для затора: 54 пуда ржаной муки, 14 – солода и два пуда овсянки, всего те же 70 пудов, или семь четвертей, но выкуривать из них должен был Осотин на одну четверть ведра больше. На сданное вино следовало брать «верные расписки» и ежедневно делать записи в «заводскую капитальную книгу». В третьем пункте повторялось, что оплату выдавать от количества сданного вина из расчета от 2 до 3,5 копейки за ведро. Откупщики должны поставлять хорошее сырье, а деньги выдавать ежемесячно. Выкурку вина производить в течение девяти месяцев, а в летние месяцы «указанного выхода вина» не требовать. Особо было записано, что в виннице все должны подчиняться винокуру.

Для проживания на заводе винокуру обязывались предоставить «исправный дом», бесплатные свечи и дрова. Осотин был грамотным и собственноручно договор и копию подписал [6].

Таким образом, в винокуренной промышленности Приенисейского края, да и всей Сибири, в позднее русское Средневековье процесс формирования даже предпролетариата шел крайне медленно и носил обратимый характер. Специализация

базировалась на простой технологии винокурения, грубом и при этом сезонном ручном труде. Только за счет заводского содержания удовлетворять свои жизненные потребности работники не могли, а многие в силу аграрного менталитета и не стремились. В интересах фиска казна и своей прибыли винозаводчики были заинтересованы и поддерживали стремление рабочих людей обзавестись своим хозяйством и стать мелкими собственниками – тружениками. Поэтому около заводов рано или поздно обязательно появлялись поселения, в которых часть жителей работали на заводе, а другие могли быть как-то хозяйственно с ним связаны.

Так, в силу данных факторов появился поселок Краснозаводской. В специальной литературе заводские поселки в России выделяют в особый тип населенных пунктов. Рассмотрим на примере Краснозаводского поселка и села Красная Речка справедливость данного тезиса.

4.2. АГРОЦЕХ ЗАВОДА

В эпоху Средневековья складывание крупной промышленности шло крайне медленно. Она обычно шла на основе укрупнения ремесленных мастерских при наличии необходимых средств – капитала и технических возможностей. В российских условиях в процессе складывания мануфактур – крупного товарного производства на ручном труде как первой формы капиталистического производства – имелся ряд особенностей. Во-первых, организатором часто выступало государство. Оно финансировало, набирало и рабочую силу, и технический персонал. Во-вторых, казенные и частные мануфактуры лишь частично использовали вольный найм (технических специалистов), а в основном базировались на принудительном труде «приписных» крестьян, которые отработывали на заводах налоги и платежи, либо с петровского времени – еще и на труде уголовных и политических преступников, осужденных на каторгу и ссылку, и просто деклассированных элементов. Заметны были и недоимщики, то есть должники по уплате налогов и несению повинностей, которых сельские и городские миры – общины – отправляли отработать свою до-

лю тягла, которое несла община коллективно в силу извечного русского принципа – круговой поруки, когда за налоги и порядок отвечали все за одного, а один – за всех. Дворяне-помещики на своих вотчинных мануфактурах обычно обходились трудом своих крепостных крестьян.

В силу суровых природно-климатических условий предприятия добывающего профиля (солеварни) или перерабатывающего (винокуренные заводы) работали сезонно – поздней осенью и зимой. У первых крепость рассола в это время была выше, а значит, расходы на топливо ниже и выход продукции быстрее. В винокурении – свои резоны. Сырье – зерновые – было дешевле и в достаточном количестве. Легче в это время в крепостнической стране было решать и проблему найма рабочей силы – ведь крестьянский труд был тоже сезонный. Наконец, оба эти производства были «огневыми», оборудование обгорало, и нужно было его часто ремонтировать либо заменять. Таким образом, экономические, социальные и технологические факторы обуславливали сезонность функционирования винокурения.

Большие расходы по содержанию и охране весь год подневольных работников никого не устраивали. Поэтому и частные заводчики, и казна давали материальные возможности и время работникам заводить свое хозяйство. Естественно, оно было крестьянского типа, ибо в сельскохозяйственный сезон постоянные и часть временных рабочих оказывались свободными.

Другим аспектом успешного «домообзаводства» выступало наличие семьи. В малом крестьянском хозяйстве, особенно в Средневековье, очень трудно обойтись без женского, подросткового и детского труда. Поэтому владельцы винокуренных заводов отдавали предпочтение семейным из ссыльных, каторжных и другим подневольным и вольным работникам. Холостых же разными путями старались женить, вплоть до прямой покупки невест. С начала XIX века казна выплачивала до 150 рублей, если местный крестьянин выдавал свою дочь за ссыльного и брал в свою семью. Так было и в среднесибирской зоне Московско-Сибирского тракта.

Д.И. Лобанов, как видим, был не оригинален, запрашивая «невест» у красноярских и енисейских уездных властей. Вот по-

чему около каждого винокуренного, да и у любого казенного, завода обычно вырастал поселок с домами семейных членов заводской администрации, семейных основных и бывших временных работников, оставшихся после отбытия работ у завода на своем пропитании, то есть «пропитанных».

Кроме того, сезонность заводских работ, скудное казенное содержание невольных работников, получавших от 16 до 24 рублей в год, юридическое, а по церковным канонам и моральное право – обязанность жен осужденных и посельщиков с детьми следовать за своими мужьями – тоже приводили к появлению около заводов поселков. Селились в них и некоторые лично свободные крестьяне, мещане и купцы, привлеченные взаимными выгодами от торговли с заводскими служителями и работниками, а также от казенных поставок.

Д.И. Лобанов энергично стал обустраивать у себя семейных каторжных и ссыльных и формировать новые семьи. Как уже говорилось, он даже просил и получил через енисейского и красноярского исправников «девок» и «зазорных холостых женок» для отобранных из посельщичьих партий 30 молодых людей. Для этих нужд, а также найма временных работников, покупки хлеба, разного рода припасов он для двух заводов с 1776 года на четырехлетие ежегодно получал по три тысячи рублей, в том числе одну тысячу на Краснореченский завод [7].

Сведения о первожителех при заводском селении дошли до нас в материалах четвертой подушной переписи 1782 года и ее ревизии – проверке к 1784 году. Селение основано в окрестностях завода, недалеко от перевоза через Чулым, в пойме небольшой речке Карымовки, в средней своей части принимавшей с правой стороны ручей Безымянный. К сожалению, на плане 1788 года поселок не отмечен. Для перевоза Д.И. Лобанов выпросил специальных людей, семейных ссыльных. По четвертой переписи, у паромщиков было 10 душ мужского пола, в том числе 5 детей, и 28 – женского пола. Они были уже более трех лет и просили записать по ревизии в крестьяне или в мещане [8].

Кроме того, «при заводе» показаны потенциальными налогоплательщиками, но пока «на льготе», а не в окладе 25 человек мужского пола посельщиков (по другой ведомости 1784 го-

да, 26 человек). При них числилось 12 душ женского пола и пять детей мужского пола. Поскольку трехлетняя льгота им миновала и они вышли на поселение с перспективой записи в обычные налоговые сословия, то рождение современного населенного пункта «Краснозаводское», так официально он не назывался до середины XIX века, можно отнести к 1779 году.

В той же ведомости Кольванской губернии, по четвертой ревизии, за заводом числилось «наказанных преступников» 284 души мужского пола, у которых было детей мужского пола 33 человека. Всего, по четвертой ревизии, на заводе с поселком (без 44 человек администрации) числилось 523 человека. Из них, судя по справке от 8 апреля 1791 года Ачинского нижнего земского суда о числе жителей по четвертой ревизии, которые живут в 100-верстной городской округе и могут быть строителями и прихожанами строящейся каменной Михайловской церкви в селе Красная Речка. В самом заводском селении были 57 душ мужского и 37 женского пола и 41 дом. Кроме них, показано 140 человек присыльных, в том числе 40 душ женского пола (табл. 6).

Реально в заводском поселке проживало больше. Некоторые числились еще по старому месту жительства, а считались и временными и «обретались в наймах». Так, 20 января 1791 года по запросу губернатора Тобольского наместничества Волкова о числе мещан, живших по деревням, дворянский заседатель Дмитрий Волков подал ведомость, подписанную ачинским исправником Михаилом Слепцовым, что в поселке Краснореченский завод жили четыре ачинских мещанина, обретавших в наймах, и 17 мещан в деревнях «Верхнезерцальская и Коробейниковой», в том числе восемь детей мужского пола. Их них 10 занимались хлебом и крестьянскими работами. В Боготольском же заводе жили три ачинских мещанина, а в селе Боготольском – восемь. Все они занимались земледелием, так же как шесть енисейских и двое мещан из Большой Касульки [9].

От 31 января 1786 года сохранился «Реестр посельщикам, находящимся в заводе Красноречинском», которых можно считать первыми известными жителями заводского поселка. Это «Иван Стерлиткин, Гаврила Фалосоев, Егор Аверьянов,

Таблица 6

Население при заводских районах Среднего Причулымья,
по четвертой ревизии 1784 года

Волости, селения	До- мов	Крестьян		Мещан		Инородцев		
		муж.	жен.	муж.	жен.	юрт	муж.	жен.
Красноречинская волость								
д. Красноречинская	132	552	472	–	–	2	?	?
д. Нижнезерцальная	15	–	–	–	–	3*	33	21
д. Верхнезерцальная	40	16	12	7	3	–	42	47
д. Казенный Краснореченский винокуренный завод	41	57**	37	При-сы-льных	до 100 муж., 40 жен.	–	–	–
д. Коробейникова	10	9	4	10	12	–	–	–
Итого в Красноречинской вол.	238	634	525	17	15	5	75	68
Боготольская волость								
с. Богогол	173	591	526	11	7	–	–	–
Боготольский винокурный завод	81	111***	122	3****	5	–	–	–
д. М-Касулька	17	59	62	–	–	–	–	–
д. Б-Касулька	48	214	125	18	19	–	–	–
д. Игатка	30	79	69	1****	1	–	–	–
Итого в Боготольской вол.	349	1048	904	33	32	–	–	–

Источник: ТФ ГАТО. Ф.341. Оп. 1. Д. 108. Л. 87–87 об. Итоги по волостям: наш подсчет. Красноречинский и Красноречинская – так в источниках.

* – временные. ** – поселыщики. *** – служители. **** – отставные казаки.

Никита Женихов, Василий Афонасьев, Клим Полбин, Матвей Иванов, Григорий Семенов, Мелентий Лукьянов, Петр Сидоров, Савелий Иванов, Пахом Агапитов, Анисим Федоров, Петр

Фершел, Григорий Иванов, Родион Гуляев, Андрей Потапов, Панфил Калашников, Фрол Кобелин, Андрей Иванов. Итого 20 человек».

Приведем список посельщиков Боготольского завода, учитывая частый обмен ими между заводами, представляющий тоже в первую очередь краеведческий интерес: «Фома Пименов, Иван Магден, Иван Диев, Тимофей Носов, Матвей Колупаев, Никита Иванов, Петр Иванов, Федот Шелимов, Осип Лукьянов, Егор Егоров, Герасим Шевырин, Филипп Федотов, Дмитрий Андреев, Петр Максимов, Семен Матвеев, Дмитрий Титов, Иван Исаков, Логин Михайлов, Никита Максимов, Иван Благой, Сава Афанасьев, Степан Савельев, Григорий Лоскутов, Артемий Ильин, Захар Михайлов, Денис Андреев, Иван Андреев, Иван Гаврилов, Данила Афонасьев, Андрей Кривоборский, Сава Леонтьев, Василий Гарбачев, Иван Матанин, Федор Орловский, Степан Артемьев, Герасим Яковлев, Андрей Анисимов, Иван Ильинский, Фадей Матвеев, Иван Колосов, Яков Шубинский, Иван Угольник, Федор Соболев, Семен Яковлев, Иван Березин, Алексей Кононов, Петр Лукьянов, Петр Расказов. Итого 48 человек. Новиков руку приложил» [10].

Хотим обратить внимание читателя на то, что они специально не ставили последним в списке краснореченских заводских посельщиков «Андрея Иванова». Как ни удивительно, это исторический тезка нынешнего гендиректора ООО «Арга» – главного виновника возрождения завода – Андрея Юрьевича Иванова, уроженца поселка Краснозаводской и, возможно, потомка названного Иванова.

Важно также отметить, что Ачинский нижний земский суд жителей новых окрестных деревень обоих заводов показал как крестьян и мещан, так и инородцев. Только на заводе и поселке при нем отмечены посельщики. Это не случайно. Ачинские власти этим давали знать губернскому начальству, что введенная в 1772 году 20-летняя льгота от рекрутской повинности у заводских посельщиков еще не вышла – самые ранние посельщики поступили Д.И. Лобанову в 1774 году. Боготольский же завод еще был частным, и за его посельщиков полностью отвечал хозяин Максим Походяшин. Посельщики окрестных деревень

поступили, скорее всего, вскоре после указов 1760–1762 годов, и льгота у них закончилась.

Павел I в пику своей матери-императрицы отменил практику покупки для Сибири неблагонадежных помещичьих крестьян, то есть посельщиков. В XIX веке на завод продолжали поступать каторжники и невольные поселенцы за «разные вины», в том числе беглые, корчемники, бродяги, беспаспортные, прочий деклассированный люд. Последние чаще всего поступали от глав комиссарств ближних к заводам уездов Томской губернии. Так, ачинский комиссар Соколов 9 марта 1819 года прислал в «наивсегдашние заводские работники» поселенца Михаила Петракова, 26 лет, сбежавшего из Каинского уезда Тобольской губернии [11]. В этот же год красноярский городничий Галкин выслал на Боготольский завод на «временные работы» местного мещанина Афанасия Ивановича Попова с наказанием плетью за «состоящие на нем по питейной части недоимки», то есть за долг при продаже казенных питий [12].

Всех «непременных» делили на три категории: годные работники, не способные к работам, но семейные, и старше 60 лет, больные и «увечные», определенные на свое пропитание.

Работники с начала 40-х годов получали по плакату «в день от 2 6/7 копеек до 4 2/7 копеек серебром», причем ежегодно у них вычитали из каждого рубля по две копейки «для довольствия больных» [13]. Всем семейным помогали с домообзаводством, а желающим холостым по-прежнему вытребовывали незамужних женщин из ссыльных.

Существовала диспропорция полов из-за повышенной подвижности людей на заводе в силу временных работ, высокой смертности, отсылки на другие заводы, в первую очередь на Каменский и Боготольский. Так, в 1810 году для расширения Каменского завода откупщик из казанских купцов, осевший в Красной Речке, Патиюков перебросил туда 149 временных работников с Краснореченского и Боготольского заводов. После выполнения работ их не отправили обратно, а большую часть поместили на станки и зимовья новоучреждаемого с 1811 года самого северного почтового тракта между Енисеем и Леной. В 1812 году их с другими поселенцами, всего 300 человек, доставляли на на двух судах и

двух баржах. В намеченных пунктах помещали по три-четыре семьи, выдавая каждой по лошади, корове, хозяйственную утварь, два пуда хлеба на взрослую и пуду на детскую душу. Холостым назначали поселенок, причем комиссар тут же венчал эти пары. Эта партия со сравнительно малыми потерями прижилась, но последующие из-за бездушия местных властей большей частью вымерли, доведенные к 1819 году даже до людоедства.

Прибывшие на Каменский завод в 1815 году специалисты просились остаться и неоднократно выражали, по словам комиссара при виннице Гуляева, желание «обжениться на присыльных на завод женщинах» [14]. Гуляев при этом недоумевал, зачем прислали несколько семейных, которым явно не хватало пропитания на этом заводе.

В 1819 году для каких-то работ на Боготольский завод отправили трех заводских краснореченцев – Макара Алексеева, 58 лет, 46-летнего Михаила Петрова и Петра Ивановича Затрапезного, 58 лет [15].

Тем не менее при заводской поселок разрастался. На тот же 1815 год в нем числилось 50 дворов. Кроме того, планировался дальнейший рост. Так, 12 декабря 1815 года оба пристава Краснореченского завода, первый – Романов, второй – Берестов, рапортовали в губернию, что нужны женщины для холостых рабочих. «Желающих и могущих обжениться» был 81 человек, в том числе 70 русских, восемь татар и три еврея. Между тем при заводе имелось лишь шесть «присыльных женок», направленных для этих целей. В Боготольском же заводе «для обженения рабочих нужно женок и девок до 60-ти, а имеется всего семь незамужних, да и те больны».

Проблему с женским контингентом трудно было решать. Преступниц ведь было явно меньше, чем преступников. Так, в проходившей по Красноярскому уезду партии «пересыльных колодников» в составе 130 человек находилось лишь 14 незамужних, из которых трое при этом были больны «любоэрастной и венерической болезнью» [16].

Вырос при заводской поселок при генерал-губернаторе Сибири М.М. Сперанском, который справедливо увидел большие возможности для развития причулымских заводов. При очередном межевании земель между соседними заводами чарышский

окружной землемер в ранге коллежского регистратора XIV класса Александр Берестов 28 января 1827 года рапортовал в Томскую межевых дел контору, что у Краснореченского завода заводских рабочих, «имеющих дома и обзаведение 287 человек». Это даже больше, но как знаем, временно, чем в Бого-тольском заводе, где числилось 283 человека [17].

Для успешной работы завода и домообзаводства его работников, естественно, требовались «достаточные» лесные, сенокосные и пашенные угодья. В первые десятилетия существования у завода не было в этом отношении проблем. Первые известные по источникам сложности с угодьями возникли при межевании округов новой Томской губернии. Оно шло не один год.

Исчисление отведенных земель рабочих Краснореченского завода для рабочих людей.

№	Лет	Число рабочих	Земельная мера	Исчисление земель	Всего	Остаток
1	380.	60.	11,400.	Земли в теплых землях в км. 200.	226.	2150.
2	384	44.	20,352.	Земли теплых болотных	12.	1530.
3	62.			на хмель во время зимы		
4	360	220.	82,800.	Земли обзаведения в км. 1000 и т.		
5	240			км. 200.		
6	804.	324.	124,920.	Земли в теплых землях в км. 200.		
7	136.			ма, Озера большого и малого		
8	749.	162.	60,669.	Земли в теплых землях в км. 200.	9.	1097.
9	678.	168.	56,952.	Земли в теплых землях в км. 200.		
10	567.	82.	23,247.	Земли в теплых землях в км. 200.		
11	516.	142.	36,636.	Земли в теплых землях в км. 200.		
12	503.	332.	83,498.	Земли в теплых землях в км. 200.		
13	511.	116.	29,638.	Земли в теплых землях в км. 200.	29.	1952.
14	218.	84.	9156.	Земли в теплых землях в км. 200.	249.	1702.
Итого.			599302 кв. саж.			
			остаток в км. 200.			
			249 кв.			
			1702 кв.			

Владимир Улитин

Рис. 17. Фрагмент межевой книги землемера Улитина 1815 г. (ГАТО. Ф.144. Оп. 1. Д. 2. Л. 53)

Для заводских казенных нужд обычно отводили ближнюю округу до 15-ти верст, то есть в два раза меньше, чем округа уездных городов. Красноярский уездный землемер Улитин 3 июля 1814 года провел съемку земель Боготольской волости, в том числе у Краснореченского завода. Он отрапортовал в начале 1815 года губернскому землемеру Звереву, что, исходя из 15-десятинной нормы, у крестьян соседнего села Красная Речка свободных земель более 1000 десятин, и заводу можно отмежевать дополнительные угодья «без всяких последствий». Речь шла о сенокосах для заводчан и заготовки фуража для казенного скота и лошадей. На планшетах А4 и А5 контурной съемки он показал, что заводу отведено «по чистому и сухому грунту 226 десятин 2150 саженой действительных покосов». Кроме того, взяли у крестьян 12 десятин 1530 саженой болот, которые «в засуху косят». Из «неудобных земель» показаны, кроме болот, половина реки Чулыма, озеро Большое и истоки ручья Безымянного, всего 9 десятин 1097 саженой, а под проселочными и полевыми дорогами – 1725 саженой [18]. При этом землемер не учел 50 верст затопляемых водой угодий.

Покосные и пригодные для этого земли Боготольского завода лежали, начиная «от Прорвы по правому берегу Чулыма до устья Галкиной и при озере Битецком, всего 397 десятин, да за бором или за Аргой при реке Чулыме по обе стороны протока Сулгена до 300 десятин». Интересно, что эти местные названия, так называемые микропонимы, сохранились до сих пор.

Улитин выполнил распоряжение Зверева, к которому обращался 2 марта 1814 года пристав Краснореченской заводской конторы Д. Полтев об отводе покосов. Он рапортовал, что «многие из находящихся в заводе рабочих обзавелись скотоводством», а по малому числу сенокосных мест арендуют их у местных крестьян. Между тем многие угодья у крестьян «лежат в пусте». Землемер должен был в апреле-мае описать арендованные угодья, отрезать у крестьян, помимо 15-верстной пропорции, излишние земли, установить межевые знаки и обвести угодья «одной окружной межей» [19].

Спустя 13 лет, 28 ноября 1827 года, уже первый пристав Афанасьев затеял спор об угодьях. Он сообщал, что в Красноре-

ченском заводе было «имеющих дома и обзаведение 287 человек», а им негде из крестьянских владений отвести из пустопорожных земель в 15-верстной округе угодья к хлебопашеству и сенокосу. Мол у крестьян «якобы трехполье», когда треть земель под паром, то есть отдыхает, но на самом деле только через 10–15 лет их снова хозяйственно используют. Этим чиновник утверждал, что крестьяне практиковали перелог. В качестве второго аргумента сообщалось, что заводские рабочие за плату арендуют с 1825 года сенокосные угодья боготольской Богоявленской церкви. Они лежали в двух местах – по левой стороне Чулыма луг Богоявленский на 1500 десятин и Аржаковский – на 200 десятин. Новую же лесосеку – «дровосеку» – отвел раньше 17 июня 1826 года чарышский землемер с надзирателем лесов заводской конторы титулярным советником 9 ранга Григорьевым. Примечательна их особая оговорка, что в дровосеках имеются полянки по 5–10 десятин, пригодных для пашни [20].

Поземельные споры заводов с соседями принимали хронический характер. Население их росло, ближние пашни выпахивались, а леса вырубались. Краснореченская заводская контора использовала любой повод, чтобы перераспределить в свою пользу нужные угодья. Так, в 1830 году в связи с осмотром заводов председателем Томской губернской казенной палаты об этом была высказана очередная просьба. Назначенный к межеванию уже кузнецкий окружной землемер Александр Берестов прибыл на завод и 10 сентября 1831 года запросил в Краснореченской заводской конторе данные о численности людей и поголовье скота, чтобы из 15-десятиной пропорции отвести пахотные и сенокосные места. Из обстоятельной справки заводской конторы узнаем, что по сравнению с 1815 годом в 1831 году завод почти в три раза имел больше сенокосных угодий, всего 632 десятины 1750 сажений. При этом на чисто казенные заводские нужды якобы уходило до 5000 копен сена. Имелись в виду прокорм 40 волов и 16 лошадей, «опалка (выжигание. – Г.Б.) чанов и желобов для проводки браг, (на что уходило. – Г.Б.) до 200 копен». Контора дотошно перечислила все категории заводского населения, особо выделив, что из 571 человека больше половины – уже 297 – человек имели дома и жили от скотоводства.

Предложения заводской конторы по отводу земель задевали интересы соседних сел Боготольского и Красной Речки, а также деревни Зерцальской и Боготольского завода. Эти угодья лежали «против села Краснореченского по Чулыму на правой стороне, а именно – луг у Татарской грани, под Топольной, под Лисвягом и с Аганкой (позже вставлено – с островом Большим медвежьим. – Г.Б.), ограничивавшихся Длинным озером, рекою Чулымом, протокой Медвежьего острова со старицей реки Чулыма, и озером Большим». Пашенные земли лежали по правой стороне «почтовой дороги, начиная с Половинной речки до самой покотины села Краснореченского и от дороги до реки Чулым». Все эти угодья находились рядом с «преждеотведенными» заводу землями.

Боготольские крестьяне, естественно, были против и не дали 15 человек для обмеров. Мотивация традиционная – мы «покосы чистили, а в лесных местах сено сыроватое в отличие от лугова». Мало того, они, наоборот, попросили вернуть отданные 1829 году Боготольскому заводу луга «Батытский и Летний». Завод же соглашался уступить крестьянам лишь луг напротив села по линии «от Прорвы до Сорного устья» [21].

Местоположение сенокосных угодий и уникальную информацию о микротопонимах окрестностей узнаем также из данных об арендаторах казенных сенокосных угодий в 1846–1848 годах после закрытия Краснореченского завода. Всего имелось шесть бывших «заводских дач... обращенных в оброчные статьи», то есть для сдачи в аренду. С 15 по 19 января 1848 года Боготольская заводская контора провела на них торги. Пасеку-заимку, в документе просто «Алтайка», состоящую из 13 десятин 400 сажений выгона и 60 десятин 1300 сажений земли, в том числе 34 десятины 20 сажений неудобной, сдали за 3 рубля 45 копеек серебром. Первый сенокосный участок лежал от завода по правому берегу Чулыма до восточной границы лесной дачи протяженностью около трех верст. Второй находился в шести верстах от завода вниз по Чулыму по правой же стороне до границы с Безымянным истоком, соединявшим Большое озеро с Чулымом. Участок считался самым ценным, за год до торгов его сдавали дешевле на 11 рублей 10 копеек

серебром, а в 1848 году ачинский купец 2-й гильдии Василий Озеров заплатил уже 36 рублей 50 копеек серебром. Третий небольшой участок лежал далее в том же направлении за вторым в семи верстах от завода по берегу Чулыма. Четвертый участок находился на левой стороне реки от северной границы лесной дачи против завода, по реке на три версты, всего 216 десятин 2180 саженей, и был сдан с наддачей в 2 рубля 30 копеек за 14 рублей тому же купцу. Пятый участок на правом берегу Чулыма – по левой границе лесной дачи шла чистая узкая полоса от восточной границы по реке, всего 167 десятин. Шестой находился на правом же берегу Чулыма и шел вверх узкой полосой, прерываемой местами крутыми обрывами и заводскими лесами и был сдан с наддачей в 20 копеек за 10 рублей 20 копеек [22]. Тогда же впервые стали отводить «пчеловодческие» участки. Разведение пчел, требовавшее и средств, и специальных знаний, было под силу зажиточным и грамотным. Пионером пчеловодства в этой округе стал винокур Краснореченского завода Петр Блинов. Ему в 1832 году тот же Берестов отвел 57 десятин 680 саженей, которые позже пытались безуспешно отписать в казну у его наследников [23].

Земли для краснореченских заводских рабочих по душевой пропорции решено отрезать у казенного ведомства крестьян Красной Речки и деревни Зерцальская, насчитав у них, как отмечалось во второй главе, свободной земли, кроме наделов, 11 925 десятин 1575 саженей. Просимые угодья отвел в 1832 году известный уже читателю землемер Александр Берестов.

В это же время впервые решено свободный фонд казенных земель выделить отдельно. В том же 1832 году приступили к упорядочению отводимого двум заводам «строевого и бочечного леса». Решение об этом было принято в 1830 году во время их инспекции губернским начальством. Вместо беспорядочной рубки стали на каждый год устраивать лесосеки и «ремонттировать» их. Поскольку лес, особенно бочечный из лиственницы, брали в основном в соседней Назаровской волости Енисейской губернии, то чиновники обеих губерний пытались договориться. Переговоры реально вели томский губернский землемер Козловский, красноярский окружной землемер Доброволь-

ский, ачинский исправник Гатин, второй пристав Краснореченского завода Жолудев, второй боготольский пристав Буткеев со своим смотрителем лесов Коломиным. Вопрос, как выше отмечалось, урегулировался по цепочке – томский губернатор Илличевский, енисейский губернатор А.П. Степанов, генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков, имперский министр финансов Канкрин. Обоим заводам дополнительно отвели по 1000 десятин леса, в том числе 1500 в Балахтинской волости из земель деревни Курбатовой и 500 десятин против деревни Ерыльковой Назаровской волости соседней Енисейской губернии. Уже 6 июня 1832 года в деревню Мазульскую этой губернии прибыл землемер Залесский [24].

После закрытия завода не выработавших свой срок каторжных отправили на Боготольский завод, а имевших дома и хозяйства оставили. Земли же, за исключением спорных, остались в заводском ведомстве и сдавались, как выше отмечалось, в аренду. Естественно лесосеки отошли Боготольскому заводу.

По дважды проведенной в 1856 году топографической съемке земель Боготольской волости «у заводского ведомства Краснореченского завода», как показали топограф второго класса Дубровин и чертежник Никифоров, было: «выгона – 68 десятин 150 сажень; сенокосных угодий: луговых, сухих и чистых – 600 сажень, с березовым лесом – 302 десятины 1170 сажень, чистых, но мокрых – три десятины 1200 сажень; лиственного и дровяного – 67 десятин 2200 сажень; хвойного, чистого и мокрого – одна десятина; смешанного сухого и мокрого – две десятины 600 сажень; кустарнику сплошного по сухому грунту – 10 десятин. Итого удобной земли 468 десятин 610 сажень». У чертежника же показано 399 десятин 15 700 сажень, но без покотины. Неудобной земли насчитали 94 десятины 1650 сажень, в том числе «по пескам – 13 десятин 900 сажень; под бечевником – три десятины 800 сажень; под проселочными дорогами – три десятины 225 сажень; под болотами с провалами (окошками. – Г.Б.) – 16 десятин 250 сажень; под старицей реки Чулыма – 13 десятин 200 сажень; под Чулымом – 23 десятины 2200 сажень; под тремя озера-

ми – 20 десятин, в том числе Источным – 17 десятин 200 сажень; под оврагами, крутостями гор и логов – одна десятина 75 сажень». Итого в при заводской округе числилось 562 десятины 2320 сажень.

Из общих заводских земель за собственно законсервированным заводом, где проживали несколько сторожей, числилось 107 десятин 800 сажень. Кроме покотины, сюда входили 30 десятин 800 сажень неудобцы, в том числе 9 десятин 2300 десятин песков, весь бечевник, часть (1125 саж.) проселочной дороги, весь Чулым, крутые овраги и лога.

Отсутствие сведений об усадьбах, сенокосах и пашнях наводит на мысль, что жители при самом заводе не остались, а разошлись по окрестным деревням. Однако это не так. Земли описывали люди заводского ведомства, а не общеказенного. Жители же как казенные крестьяне и мещане платили налоги и несли повинности уже не по заводскому ведомству.

У жителей при заводской округе чертежник Никифоров отметил в своей таблице запасные земли: «...земли пустопорожного лесного пространства под названем Арга: сенокосу чистого – 20 дес. 1200 саж., а по кустарникам – 16 дес. 1800 саж.; лесов (березового по сухому грунту) – 17 дес. 2100 саж., мокрого – 46 дес. 1200 саж., смешанного сухова – 36 дес. 200 саж, и мокрого – 410 дес. 1140 саж.». Всего удобной земли, считая 14 десятин 2000 сажень «степи», было 362 десятины 640 сажень, а неудобцы считалось почти столько же [25].

Судьба заводских земель оказалась типичной. Их губернские и окружные власти раздавали, как выяснилось, незаконно в надел и в аренду жителям окрестных населенных пунктов и переселенцам. С закрытием в 1854 году Боготольского завода «смотрителем упраздненных предприятий» стал опытный пожилой заводской чиновник Буткеев, а позже его должность исполнял Николай Безруков, проживавший в селе Боготол. Они отвечали за сохранность заводских строений и заводские земли.

		Во тмъ тмъ суровой и стальной земли азъ мѣсто Полени.		
часть	66		91	1500.
часть	95	Селенсу	-	600.
часть	102	Степи	1.	400.
часть	213	Селу	-	420.
		Итого суровой	89	1700.
часть	376		-	500.
		Всего въ 5 мѣстѣ ДЗ	90	410.
часть	117	Селенсу	2.	240.
		Всего ДЗ во 2 мѣстѣ	99.	710.
часть	118	Земля стальной оладати Селенсу	34.	140.
		Итого суровой	57.	140.
	332.	Болотѣ	1.	1000.
		Итого суровой	1.	4000.
		Всего въ 5 мѣстѣ ДЗ.	58.	1140.
часть		Земля Владимѣнскій ковадѣ Селенсу	5	1500.
часть		Вурманску	4.	400.
		Итого суровой	7	1900.
часть		Болотѣ	"	1000.
часть		Старѣ	"	420.
		Итого суровой	"	1420.
		Всего въ 4 мѣстѣ ДЗ	8.	920.
		Во тмъ все тмъ земли руководиманцею рѣкою руководиманцею Заводу.		
		Селенсу чисто.		
	114.		"	600.
часть	117	Селенсу во кустаринскомъ	239	2370.
	172		58	2000.
	123		5.	1600.
		Итого	302	1170.
		Селенсу мѣсто.		
	133.		3.	1200.
часть	255	Алота Борозвенскій послужилъ урду	4.	400.
часть	232.		12	200.

Рис. 18. Фрагмент межевой книги Дубровина
(ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 975. Л. Л. 11 об.)

О четком размежевании заводских и казенных земель принял решение генерал-губернатор Западной Сибири Лавинский с подачи начальника управления по межеванию казенных земель генерал-майора Генерального штаба Будберга. В мае 1854 года для этих целей на завод послали старшего запасного землемера коллежского секретаря 12 ранга Иванова 1-го с топографом Долгополовым. Прибыв на место, Иванов обнаружил «несходство с планами» заводских и казенных земель. Так, боготольские заводские угодья по правой стороне Чулыма против деревень Макаровой и Малой Косульки крестьяне сдавали в оброк. На запрос Иванова 12 июля Безруков сообщил, что Томская казенная палата распорядилась отвести «под хлебопашество на заимках... по речке Суздалке» три участка общей площадью 272 десятины. По левой же стороне Чулыма «в урочищах по ключу Безымянному, двум одноименным и еще одному ручью, по речке Мурашовой, или Малой Лисвянке» земли отводили от трех до 18 десятин 10 крестьянам и девяти пропитанным Боготольской волости. Среди них была даже жена пропитанного Павла Беляева Екатерина, получившая 14 десятин. Она, очевидно, считалась главой семьи. Сенокосные участки из десяти заводских дач назывались Моховой, Зимник, Квашня, Летник, Лекарский, Винокурский, Архитекторский, Конский выгон, Зачулымский, Солдатский.

Названия, как видим, говорили о прежних их владельцах из числа заводских служителей и рабочих. Буткеев, например, кошил Архитекторский участок.

Об общем числе угодий Иванов не знал из-за отсутствия сведений. По землям Краснореченского завода дело обстояло еще хуже. Безруков передал Иванову семь планов, первый из них был помечен 1811 годом. Однако пояснений к ним землемер совсем не получил [26].

О хозяйственной жизни рабочих и жителей при заводской деревни почти не сохранилось сведений. Очевидно, они в разной степени успешно старались вести обычное крестьянское хозяйство. Интересно, что некоторые холостые и вдовы, тоже имели дома и скот. Правда, хозяйственное и семейное обживание, то есть переход из казармы, от надзора конвойных в свои

дома, шло очень медленно, в среднем по два человека в год. Так, в 1827 году рабочих и пропитанных, живущих по своим домам, от скотоводства было 287 человек обою пола, а через пять лет семейных «с домообзаводством» и хозяйством по справке заводской конторы числилось 297 человек [27]. Обзаводиться начинали обычно с лошадей, а также с мелкого и крупного скота. Не случайно, сенокосы постоянно были востребованы. Представление о размерах скотоводческого сектора хозяйств заводчан дают сохранившиеся данные по Боготольскому заводу. Так, в 1821 году рабочие с домообзаводством, всего 142 человека, имели 584 лошади, рогатого скота – 381 и овец – 265 голов, всего 1305 «скотин», или почти 9,2 головы на каждый двор. По российским меркам это зажиточные хозяйства, но не по сибирским. Правда, заводчане почти догнали по этому показателю крестьян села Боготольского, которые в этот год имели 5359 голов на 524 ревизские души мужского пола [28]. Эти показатели боготольских крестьян в целом соответствовали данным по всей Боготольской волости. В ней на 1841 год, по данным сенаторской ревизии Толстого, на 1126 ревизских душ приходилось 11 456 голов, в том числе 5431 лошадь, 2956 голов рогатого и 3078 мелкого скота [29].

Показания земледельческих занятий и номенклатура посевов были довольно скромными и подтверждают лидерство животноводства в притрактовых селениях. Высеваемая ржи 2777 четвертей восьмипудовых, собирали 11 880 четвертей, а после расходов в чистом остатке имели 1590 четвертей ржи; пшеницы соответственно 259, 1400 и 255; ячменя – 177, 684, 80; овса – 3118, 16 376 и 926 четвертей. Фуражный в основном овес высевали и собирали помногу – половину всего зерна. Урожайность в самах соответственно составляла: 4,3; 5,4; 3,9 и 5,3, и была она средней. Вместе с тем свободный хлеб – рожь и пшеница – составлял лишь 6,8 % валового сбора, что явно меньше общесибирского показателя и ниже количества свободного зерна в волости, составлявшего 10,64 %.

Очевидно, на успехах заводских жителей сказывалась попечительская помощь заводской конторы, в том числе по обеспечению и сенокосными угодьями. Однако их показатели были в

целом обычными для крестьян – старожилов соседнего Ачинского округа, где в 1841 году, по подсчетам иркутского историка А.С. Кузнецова, на один двор приходилось 28,6 голов, в том числе 7,4 лошади [30]. Другими доходными занятиями были извоз, почтовая гоньба, казенные подряды по доставке дров, древесного угля и хлеба зимой гужевым транспортом. Не случайно лошади составляли почти половину всех домашних животных.

Вольный найм на рубку дров, в подводчики, на речные суда и вспомогательные заводские работы оплачивался по тем временам неплохо. Заводским служителям можно было сбывать рыбу, водоплавающую и боровую дичь. К хлебопашеству обращались не сразу – требовалось больше начальных средств. А.Н. Радищев в своих «Записках путешествия в Сибирь», как он деликатно назвал свою илимскую ссылку, проезжавший туда и обратно эти места 12 сентября 1791 и 2 марта 1797 года, тоже писал, что поселщики, в отличие от крестьян-старожилов, на винокуренные заводы продают не хлеб, а сено и овес. Они пашут мало, а нанимаются гонять почту. Цены на дороге высокие, от 50 до 90 рублей за пару лошадей, а хлеб поставляют из Красноярского уезда по 27 копеек за пуд [31].

Но были и негативные моменты, мешавшие жителям заводской округи обзавестись хозяйством и стать на ноги. Многое зависело от поведения заводской администрации и откупщиков. Цены на все были явно значительно выше, чем, например, в незаводских волостях даже своего уезда – округа. Так, в соседнем «заштатном» Ачинске цены за четверть века с 1783 по 1804 год выросли в 1,5–2 раза. Пуд ржи стоил 50 копеек, овса – 45, ячменя – 50, муки ржаной – 55, пшеничной – 70, крупы ячневой – 20 копеек, масла коровьего – 4 рубля 40 копеек, говядины – 1 рубль 60 копеек, рыбы красной – 9 рублей, хмеля – 4 рубля и канатов – 1 рубль 70 копеек [32].

В целом, довольно бодрые рапорты заводского начальства о том, что почти половина подведомственного населения, несмотря на большую текучку, имеют домообзаводство, следует принимать с осторожностью. Эти лукавые цифры приводились, чтобы получить больше земельных угодий, а губернскую и выс-

шую власти заботило одно – стабильность высокой доходности завода. А ведь десятки людей ютились по чужим дворам, не имея возможности завести свое подворье. Представление о том, какие могут быть дома заводских рабочих, дает описание двух дворов работников близкого к нашему Ирбинского железодобывательного завода в Минусинской будущей волости в 1770 году: «У доменного Федора Оплетянова изба с сенями, крытая дранью, в ней печь не из кирпича, а глинобитная, полати – из тесу; у избы дверь на железных петлях с двумя скобами, а у сеней – дверь на дереве; вместо окон – три оконца волоковые (то есть прикрывались вместо стекла деревянной заслонкой, а зимой льдом. – Г.Б.). Перед сенями с рубчак (? – Г.Б.), в избе – стол. Двор скотный забран в столбах, огород огорожен жердями». Цена жилища – один рубль. Жилье нанятого работника Федора Мезенцева было совсем убогим: изба крыта травой, дверь на деревянной пяте, окна волоковые и без подоконников. Нет в избе ни одной железной вещи, отсутствует в описи печь и какая-нибудь «мебель». Оценили эту избенку в 30 копеек [33].

Административно-хозяйственный ресурс был все же главным в судьбе жителей и самого при заводского поселка. Так, даже школа была открыта по распоряжению председателя Томской казенной палаты в 1829 году, несмотря на отсутствие учителей по арифметике, грамматике и Закону Божию. Учеников, всего 22, в том числе 10 детей рабочих и 12 пропитанных, обучал только грамоте учитель из ссыльнокаторжных, получавший за труды наравне с остальными рабочими по 10 копеек в день. В Памятной книжке Томской губернии за 1884 год отмечено, что эту школу, как и такую же Боготольскую, предписали закрыть как «противозаконныя».

Завод законсервировали, и казенная деревня Краснозаводская стала хиреть. Больше половины жителей рассеялись по окрестным деревням и ближним селам – Боготолу и Красной Речке. По десятой подушной переписи 1859 года, в деревне насчитывалось всего 26 дворов со 153-мя душами обою пола, в том числе 78 душ мужского пола, в то время как в селе Красная Речка было более 350 дворов и 2700 человек. Даже деревня Зерцальская оказалась значительно крупнее своей некогда бли-

стательной соседки, имевшей в 30-е годы даже небольшую больницу и школу, – 81 двор и 690 человек, в том числе 404 души мужского пола [34]. Вместе с тем названные селения отличались от старожильческих нехваткой женского населения. Эта диспропорция полов, как считают ученые-демографы, свидетельствует, что процесс первоначального становления этих селений как постоянных населенных пунктов еще не закончился, и приток жителей извне превышал рост населения за счет рождаемости. Дело не только в низкой рождаемости недавно сложившихся, причем нередко по воле начальства, семьях, но и в постоянной присылке новых, чаще холостых поселенцев. Напомним, российских крестьян, по киселёвской реформе, размещали обычно отдельно. Важно также отметить, что в семьях бывших заводских крестьян, обычно материально слабых, смертность, особенно детская, была выше, чем в старожильческих семьях. Как известно, Россия, особенно Сибирь, отличались высоким уровнем плодовитости населения. От «одного супружества», как писала Екатерина II, а она знала о чем говорит, ибо специально занималась проблемой снижения детской смертности и была инициатором оспопрививания, в России в каждой семье рождалось от 12 до 20 детей, «однако редко одна четвертая оных приходящая в совершенный возраст» [35]. Таким образом, окончательно формирование деревни Красно-реченско-Заводской как населенного пункта с постоянным населением, то есть как внутренне саморазвивающегося мини-общества, приходится на вторую половину XIX века.

4.3. РАБОТАЛ ЛИ БЫВШИЙ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I НА КРАСНОРЕЧЕНСКОМ ЗАВОДЕ?

Нельзя думать, что на казенных заводах тяжкий труд доставался только исключительно уголовным элементам. Власть преследовала и карала всех, кто не вписывался в предписываемые нормы социального поведения и стереотипы. В тогдашнем традиционном обществе свобода личности, даже для привилегированного дворянства, была сильно стеснена сословными условиями. Для тружеников города и деревни свобода личности

практически отсутствовала. Каждый простолюдин должен был входить в какое-то сословие, трудиться, нести тягло по месту своего жительства, то есть денежные платежи или натуральные продукты и отработки-повинности. Естественно, индивидуализм – эго личности – ограничивался и стеснялся не только властями, но и миром – общиной. Многовековая круговая порука жестко подчиняла человека во всех сферах его жизни – хозяйственной, бытовой, духовной. Те немногие люди, что пытались разными способами протестовать, в том числе ногами, то есть пускались в бега и бродяжничали, объявлялись вне закона. В необъятной России излюбленной мерой наказания была ссылка на окраины. Поэтому в Сибири периодически появлялись необыкновенные личности, которые поражали воображение тогдашних людей. Людская память сохранила до нас не только имена знаменитых разбойников и убийц, но и деяния духовных подвижников, которые жили строго по христианским заповедям и оказывались выше суетных земных забот и интересов.

В истории среднечулымских заводов были две такие личности, которые поражали своим поведением и современников, и последующие поколения, вызывая тем самым пристальный интерес историков. Это были старцы Федор Кузьмич, которого считали добровольно отказавшимся от власти императором Александром I, и Даниил Ачинский, отставной драгун, отказавшийся от повиновения властям. Оба они были объявлены Русской православной церковью в 1991 году местночтимыми святыми.

Совершенно особое место занимает загадочная фигура старца Федора Кузьмича. Ему уделено много внимания в отечественной и зарубежной литературе. Ее обобщила видный отечественный историк М.М. Громыко в своей солидной монографии [36].

Пять лет, с 1837 до 1842 год, он жил в качестве ссыльного поселенца в Краснозаводском поселке и, очевидно, до закрытия завода работал на нем. Затем до переезда в октябре 1858 года в Томск он проживал в различных деревнях и на зимках Боготольской волости Томской губернии, а также посещал деревни в соседней Енисейской губернии и Красноярск.

а

б

Рис. 19: а – Александр I с супругой Елизаветой; б – портрет старца Федора Кузьмича, написанный в Томске

Федора Кузьмича многие считали, а некоторые до сих пор считают русским императором Александром I. Якобы он 19 ноября 1825 года сымитировал свою смерть в г. Таганроге, подменив себя двойником. Спустя 11 лет безвестного пребывания его задержали 4 сентября 1836 года в Кленовской волости Красноуфимского округа Пермской губернии около кузницы, в которой он хотел подковать лошадь. Властям он назвал себя странником Федором Кузьмичом Кузьминым, не помнящим родства. Окружной суд приговорил, возможно, после наказания плетьюми, отправить его по этапу в Сибирь на принудительное поселение. В Тюмени его распределили в Томскую губернию, а Томская экспедиция назначила ему место жительства д. Зерцалы (Зерцальскую) Боготольской волости. В составе 43-й партии ссыльных и каторжников после шести с половиной месяцев пути он прибыл в назначенное место 26 марта 1837 года. Однако его поместили на Краснореченский завод. Этого высокого, статного (ростом 2 аршина 6,5 вершка – около

172 см) бродягу в 65–70 лет, возможно, хотели использовать на заводских работах. Ведь он смотрелся моложе, и очевидцы, да и ученые, давали ему около 60 лет. Наверно, томский окружной начальник посчитал, что при заводе Федору Кузьмичу легче будет заработать на свое пропитание. Немаловажным было и другое. Над подозрительным, выглядевшим не простолюдином сосланным бродягой на казенном заводе с воинской командой легче будет обеспечить более пристальный надзор, чем в обычной деревне, отстоящей от губернского и уездного для Боготольской волости Томска на целых 302 версты. Прямые документальные свидетельства пока не обнаружены, но эта версия мотивов отправки Федора Кузьмича на завод вполне реальна. Тем более что в николаевской России после известного восстания декабристов 1825 года, руководителями и многими участниками которого были дворяне, местные власти с подозрением и опаской относились к лицам неопределенного положения, но похожим на представителей «благородного сословия». Федор же Кузьмич не производил впечатления обычного бродяги. Об этом однозначно пишет автор первого раннего жития старца Федора Кузьмича Михаил Федорович Мельницкий, тверской потомственный дворянин, поселившийся в Томске в начале 80-х годов XIX века. Он составил свой труд по свежим следам и на месте событий от знавших старца лиц: «Говорят, что необыкновенная симпатичная наружность этого человека, добродушное выражение лица его, изящные манеры и проч., обнаруживая в нем хорошее воспитание и как бы знатное происхождение, вызывали общее сочувствие и сострадание» [37]. Уже следуя по 117 этапу в партии ссыльных под № 44 (в другом источнике № 43) из Красноуфимска, Федор Кузьмич снискал уважение не только арестантов, но и конвойных офицеров, отводивших ему на этапах особый «покой».

О пребывании Федора Кузьмича на Краснореченском винокуренном заводе никому не удалось найти сведений. Дело в том, что после закрытия завода всех подневольных работников перевели на Боготольский и Керевский винокуренные заводы Томской же губернии, а немногие потомки, вышедшие на вольное поселение, рассеялись, судя по списку живших в 1903 году

в заводском поселке. Известно лишь, что он образумил священника местной церкви села Красная Речка, который первоначально осуждал старца и настраивал прихожан против него.

После закрытия завода с начала 1842 года старец жил в казачьей станице Белоярской у Семена Николаевича Сидорова, причем за месяц до своей смерти в 1865 году он еще два месяца пробыл в этой семье. Спустя год перешел в деревню Зерцалы, первоначально назначенную ему для проживания. Зиму Фёдор Кузьмич провел в семье бывшего поселенца Ивана Ивановича Малых, а с весны 1843 года – на таежной пасеке на берегу Чулыма около села Красная Речка в обители, перестроенной из овечьего хлева местными крестьянами во главе с И.И. Малых. В это время старец ездил на сезон на золотые прииски купца Ф.И. Попова. В Зерцалах он пробыл до 1849 года (по другим данным, 1848), периодически посещая дома других крестьян, бывал и в других селениях, где по два-три месяца обучал на дому крестьянских детей.

Именно жители этих мест (казак Березин, служивший по молодости в столице, двое бывших придворных служителей – невольных заводских работников) первыми «опознали» в Федоре Кузьмиче императора Александра I.

В 1849 году краснореченский крестьянин Иван Гаврилович Латышев, глубоко верующий и славившийся добротой, построил в двенадцати верстах от Зерцал и в двух верстах от своей пасеки на берегу Чулыма «маленькую келейку» и презвал в нее получившего уже общую известность старца-аскета.

В 1851–1854 годы старец жил в деревне Коробейниковой в десяти верстах от села Краснореченского, а затем перешел в келью в стороне от дороги, в тайге, устроенную Латышевым и его сыном. Латышевы трижды переносили келью старца выше села по Чулыму, где старец жил три года. Последнюю в этих местах обитель Федора Кузьмича сердобольные Латышевы устроили в стороне от дороги, в горе под обрывом в густом кустарнике.

Причиной частых перемещений было назойливое внимание посетителей и все нарастающий поток почитателей подвижника. Он сам в 1858 году сказал купцу С.Ф. Хромову, переехав к нему в Томск: «Живя в деревне, хотел было удалиться в лес в уединение, дальше от народа, но на это не было воли Божь-

ей» [38]. До Томска старец еще жил три месяца в деревне Мазули Покровской (позже Чернореченской) волости Енисейской губернии, где учил сына «Ивана Федорова сына Ерлыкова». Есть косвенные свидетельства, что старец бывал и в Красноярске в Благовещенском соборе, священник которого Попов Петр Петрович стал духовником старца. Интересно, что П.П. Попов еще при жизни Федора Кузьмича в 1860 году был возведен в сан епископа, что свидетельствует о глубоко уважительном отношении к старцу высших церковных иерархов Сибири, да и обеих столиц [39].

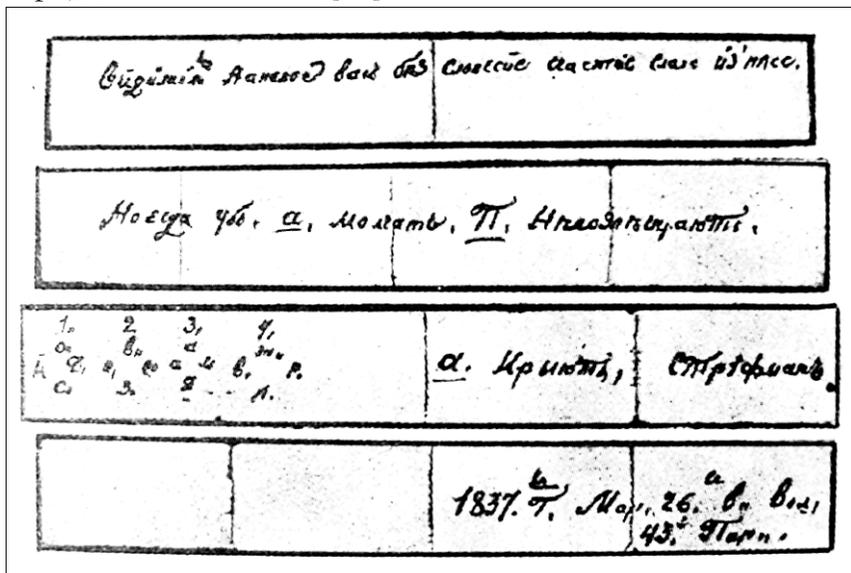

Рис. 20. Тайные неразгаданные письма старца Федора Кузьмича

Версии ухода Александра I из власти высказывались мыслимые и даже немислимые. Самые правдоподобные две. Первая – искреннее раскаяние ставшего глубоко религиозным императора за косвенное участие в убийстве отца Павла I. Он дал согласие заговорщикам во главе с губернатором Санкт-Петербурга графом Паленом принять корону после отстранения от власти своего почти всеми ненавидимого отца. Правда, он якобы поставил условие, чтобы Павла I оставили в живых. Однако всем

известный нрав, по словам Н.Я. Эйдельмана, «романтического сумасброда» не оставлял никаких надежд на гуманный исход рокового предприятия, да и подвыпившие заговорщики не смогли удержаться от крайностей.

Вторая версия считает мотив глубокого раскаяния и духовного искупительного подвига важным, но побочным. Главную роль сыграли глубокая усталость и упадок сил, обострившие давнее желание уйти от тягот верховной власти и жить с женой частным лицом где-нибудь за границей, в частности на немецкой родине своей жены Елизаветы Алексеевны в Баден-Бадене. После 11-летней потаенной скромной жизни Александр I считал, что недостаточно облегчил свою совесть и объявился бродягой под именем Федора Кузьмина. Эту версию выдвигает крупный современный историк Марина Михайловна Громыко в своем капитальном исследовании о старце [40].

Просоветские авторы, в основном публицисты, считают, что Александр I испугался за свою жизнь и устранился от власти, узнав о заговоре декабристов, которые могли последовать примеру деятелей Великой французской революции 1789 года, казнивших своего короля с королевой. Опасения были не беспочвенными, так как руководители Южного общества во главе с Пестелем выступали за республиканское правление и устранение династии Романовых.

В русской истории можно было при желании найти достаточно оснований для подобного страха. После Смутного времени начала XVII века, когда трех царей лишили жизни (Бориса с сыном Федором Годуновых и коронованного Лжедмитрия I), а двух (Василия Шуйского и польского королевича, приглашенного на русский престол боярами, Владислава) лишили престола. Династию Романовых в начале второго пятидесятилетия ее правления надолго залихорадило. После смерти второго Романова, Алексея Михайловича, последовала кровавая борьба между родственниками двух его жен – Милославских и Нарышкиных.

Петр I надолго смутил русского простолюдина своими реформами и семейной жизнью, разводом с русской боярышней Евдокией, казнью законного наследника, сына Алексея, женьитьбой на пленной иноземке Марте Скавронской, сменившей его на престоле под именем Екатерины I. Не считались с закон-

ной верховной властью и во второй четверти XVIII века, когда за 25 лет в ходе чехарды на троне сменилось шесть монархов, среди которых были дети, подростки и женщины, а насильственная смерть Петра III породила волну более 50 самозванцев и стала знаменем самой крупной в российской истории крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева.

Узурпация Екатериной II прав своего сына Павла и его смерть от рук заговорщиков вызвали новый всплеск слухов и домыслов. В частности, вся Сибирь обсуждала историю так называемого Афанасия Петровича, которого фельдъегеря в 1816–1817 году возили из Сухобузимской волости в Санкт-Петербург и обратно в Енисейскую губернию, так как красноярский купец (или мещанин) Старцев верноподданно донес Александру I, что этот якобы бродяга либо его отец, либо дядя и его плачевное положение оскорбляет и унижает царское достоинство Романовых. Император велел деликатно обращаться с бродягой и доносчиком, обнаружив тем самым сомнения в происхождении своего дяди, как и его отец Павел I, в отношении своего отца Петра III [41].

Довольно экзотической, отдающей голым прагматизмом является версия томского писателя и краеведа Валерия Привалихина. Он считает что императору, купавшемуся в лучах славы победителя Наполеона I и любви русского народа, жизнелюба, не представлявшего повседневной жизни простолюдинов, не было нужды и никакого желания оставлять власть. Легенду же создали близкие осужденных и осуждаемых в обществе декабристов, чтобы оправдать этих заговорщиков, действовавших законно против Николая I, младшего брата царя, поскольку Александр I был жив. Привалихин даже напомнил подзабытую версию, что, возможно, старцем Федором называл себя загадочно исчезнувший в 1827 году близкий ко двору действительный статский советник Фёдор Алексеевич Уваров [42].

Сибирь к тому времени почти 250 лет была ледяной тюрьмой, ссылочным краем, куда стекались и ссылались выходцы из всех городов и всей России, а также иностранцы всех мастей. Поэтому она была благоприятнейшей почвой для появления и бытования всевозможных слухов и легенд, в том числе о цар-

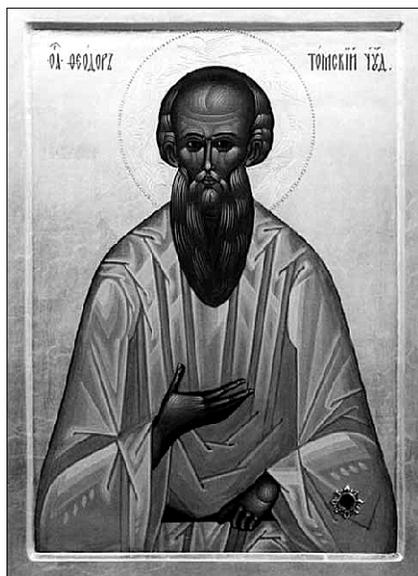
ских персонах. В этом отношении были особенно благоприятны в информационном и коммуникабельном плане заводские округа и города. Из них в этом плане заметно выделялась Боготольская волость Томского округа с её двумя заводами, где находилось большое количество разношерстного по национальному, религиозному и сословному признакам населения, и с постоянным движением людских потоков по самому длинному в мире Московско-Сибирскому тракту, а также перекрестком водных путей. Показательно, что именно отсюда стала широко распространяться легенда о старце, а Краснояреченский завод стал ее родиной.

В свете вышесказанного, скорее всего, легенда о спасении Александром I своей души таким путем, именно как легенда, независимо от того, было ли это на самом деле, родилась в простом народе Среднего Причудья и является закономерной для политического традиционного народного сознания и мировосприятия. Для русского православного человека царь – олицетворение Отечества, Родины-Земли, Государства, наместник Бога на земле, носитель высшей истины, правды, добра и справедливости. С другой стороны, если царь – правитель, при котором народу и стране тяжело, это плохой или вообще ненастоящий, «подменный» царь, его следует заменить хорошим. Например, довольно долго простые люди, особенно старoverы, подменным царем-антихристом считали Петра Великого. Тогда народ выдвигал из своей среды своего хорошего царя. Этот «наивный монархизм» породил такой русский феномен, как массовое самозванство.

Александр I, при котором в Отечественной войне 1812 года Россия отстояла свою независимость, прославил свое оружие во всей Европе, вызвала массовый патриотический подъем, безусловно, идеализировался и даже назван «Благословенным». Поэтому он не мог уйти в мир иной с грузом тяжкого греха отцеубийцы, не мог не искупить его. Сибирякам, детям сурового края, «золотой ледяной кладовой», особенно была близка идея спасения души через искупление грехов физическими страданиями, истязанием плоти, бесребреничеством, истовым следованием символам веры.

Показательно, что верховная и местные власти долго нейтрально относились к зарождению и распространению этой легенды. Спустя же полвека стали собирать о старце Федоре Кузьмиче сведения, допуская лестную для престижа Романовых версию, закрывавшую одно из темных и неприглядных пятен на истории их династии. Например, в 1882 году в связи со слухами о старце, томский губернатор приказал полицмейстеру собрать все агентурные сведения об умершем 18 лет назад, 20 января 1864 года, старце Федоре Кузьмиче и его бумагах, что и было сделано. Подлинники ушли в столицу, а в местном архиве сохранили копии, широко использовавшиеся исследователями [43]. Великий князь Константин Михайлович даже опубликовал специальную книгу, где пытался объективно осветить все доступные ему факты о загадочном старце. Томского же купца Хромова не раз принимали во дворце.

Только в связи с празднованием 300-летия дома Романовых в 1913 году столица стала запрещать публикации, в которых личность старца Федора Кузьмича связывали с именем Александра I, выказывая, таким образом, отрицательное отношение к этой версии. Так, опубликованная красноярским головой Смирновым брошюра о старце была конфискована полицией, а сам он был привлечен за это к административной ответственности [44].

Рис. 21. Икона местночтимого сибирского святого Феодора Томского

Примечания

1. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 363. Л. 79–82.
2. Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. Спб., 1770. Ч. II, т. 1. С. 423.
3. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 363. Л. 79–82.
4. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 363. Л. 101.
5. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 93.
6. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4577. Л. 43–45.
7. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 2. Д. 16508. Л. 2 об.; Д. 14610. Л. 13 об.
8. РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 4342. Л. 943 об. – 944.
9. ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 114. Л. 74–75.
10. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 14 об.
11. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1068. Л. 95, 102–104.
12. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1068. Л. 189 об.
13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 331. Л. 4.
14. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 363. Л. 15–19.
15. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1068. Л. 102–104 об.
16. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 363. Л. 41, 45, 50, 53, 53 об.
17. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 107–109, 110.
18. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 975. Л. 53.
19. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 975. Л. 53; Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 37–40, 45–47.
20. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 975. Л. 53; Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 37–40, 45–47, 82, 89, 110–113.
21. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2, 2–9 об., 12 об. – 16.
22. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 293. Л. 34–36; Д. 435. Л. 1–4 об.; Ф. 144. Оп. 1. Д. 290. Л. 24 об.
23. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 290. Л. 24 об.
24. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–18, 2 об., 27.
25. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 974. Л. 1 об.; Д. 975. Л. 5 об., 11 об. – 12 об.
26. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–4, 8, 10 об. – 17 об.
27. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 470. Л. 8 об. – 10.
28. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 75, 91 об. – 92.
29. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 283. Л. 34.
30. Кузнецов А.С. Крестьянство Восточной Сибири в первой половине XIX века: рукопись дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1967. С. 249.

31. Радищев А.Н. Избранные сочинения. М.; Л., 1949. С. 715, 725.
32. Вторая памятная книжка Енисейской губернии. Спб., 1865. С. 21.
33. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 2185. Л. 198; Карцов В.Г. Metallургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XIX в. // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Абакан, 1965. Вып. IX. С. 106.
34. Список населенных мест Российской империи. Томская губерния. Спб., 1868. Т. LX (60). С. 117–118.
35. ПСЗ-1. Т.18. С. 239; Смелик О.Г. К историографии изучения детской смертности в России // Проблемы демографической мысли и критике буржуазно-демографической концепции. Киев, 1972. С. 104–105.
36. Громыко М.М. Святой праведный старец Феодор Кузьмич Томский – Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию. М.: Паломник, 2007. 426 с.
37. Там же. С. 157.
38. Там же. С. 199, 220, 293, 295, 302–307, 400.
39. Там же. С. 308.
40. Жития сибирских святых. Сибирский пятерик / под ред. преосвященнейшего Сергия, епископа Новосибирского и Бердского. Новосибирск, 1999. С. 239–244.
41. Эдельман Н. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать. М., 1984. С. 140–163; Эдельман Н. Тайная история самодержавия России XIX века. М., 1985. С. 131; Город у красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска XIX века. Первая половина / сост. и авт. ком. Г.Ф. Быконя и Л.П. Шорохов. Красноярск, 1986. С. 84–88.
42. Привалихин Валерий. Кем был таинственный старец Фёдор Кузьмич? Томск, 1991. Дополненное переиздание см.: Привалихин В.И. Так был ли старец Фёдор Кузьмич императором Александром I? Историческое исследование. Томск, 2004. 130 с.
43. ГАТО. Ф. 3. Оп. 52. Д. 18.
44. РГИА. Ф. 241. Оп. 41. Д. 438.

ГЛАВА 5. И ОТЦЫ-КОМАНДИРЫ, И ЖЕСТОКОСЕРДНЫЕ ХОЗЯЕВА

5.1. Под казенной дланью

Управление винокурением и винной продажей с самого начала, как отмечалось выше, непосредственно осуществлялось верховной властью. И дело не только в высокой доходности. Просто существовала в нашей стране многовековая традиция, что государство напрямую выполняет хозяйственно-организаторские функции в своем казенном секторе экономики, а хозяйственно-попечительские – в частном секторе. Был и третий сектор – смешанный, в котором казна сотрудничала в первую очередь с имущей верхушкой податного населения. До раннего этапа индустриального общества казенный сектор экономики России был ведущим. Это было типично для многих стран в раннем Средневековье – феодализме, но в Древней Руси – России эта стадия по сравнению с Западной Европой явно затянулась. Сказались длительная повышенная военная опасность из-за неблагоприятного геополитического положения, малая плотность населения, постоянный отток населения на окраины, широкие возможности вдали от центра реализовать извечную мечту тогдашнего труженика – быть вольным человеком на вольной земле. Власть, естественно, настойчиво пыталась сохранять налогово-полицейский и публичный контроль над населением. С одной стороны, нужно было реализовать публичную свою функцию – обеспечение безопасности, суверенитета, внутреннего порядка, гражданских прав и прав личности. С другой – осуществлялась эксплуататорская функция через предоставление сословно-классовой верхушке общества экономико-политического господства посредством внеэкономического и экономического насилия. Дело дошло до того, что в Соборном уложении 1649 года окончательно установился общероссийский крепостнический режим – этот худший, но единственно возможный из реальных позитивных путей вариант решения всех внутренних

и внешних общенациональных проблем, стоящих перед государством, страной [1].

Непрерывный рост государственной территории, к концу XVII века Россия стала самой крупной в мире страной, также обуславливал формирование невиданно огромного казенного сектора и его ведущую роль в народном хозяйстве страны. Отсюда многочисленные казенные монополии, до Екатерины II более 20, которые были под особым контролем центральной власти. Правда, с отменой в 1760 году «государевой» десятинной пашни и в 1787 году многих мелких казенных монополий госсектор сократился, но в наиболее доходных отраслях, в том числе в винокуренной промышленности и винной продаже, сохранился. Стоит ли поэтому удивляться, что цари-императоры лично решали норму выкурки горячего хлебного вина, объемы усушки и утруски, в том числе «от мышьяди», казенных съестных припасов или предписывали, как Екатерина II, красить краской винные бочки, чтобы избежать естественной утраты зелья при его транспортировке.

В Сибири винокурение было в общем ведении уездных воевод, над которыми стоял Сибирский приказ (до 1636 года – Казанский). Этот центральный орган местного управления (что за сапоги всмятку!) являлся пережитком старой дворцово-вотчинной системы управления, когда все три ветви власти (законодательная, исполнительная, судебная) в отдельно взятой административно-территориальной единице находились в одних руках.

С петровского времени казенным имуществом, в том числе недвижимым, ведал центральный орган – Камер-коллегия, а на уровне губернии – губернское правление и казённая палата в лице ассессора винных и соляных дел. При этом с откупщиками в Сибири договоры шли и утверждались через Сенат. Чиновники определяли объем выкурки вина и водки, места их поставки, штаты завода, от откупщика и поставщика, приемную и продажную цены в кабаках, а также цены на все потребные сырьевые и заводские припасы. С 1765 года винокуренные заводы передали в Коллегию экономии, которую учредили в 1762–1764 годах в связи с конфискацией-«секуляризацией» церковно-монастырских земель для управления их крестьянами, названных экономическими.

По реформе 1775 года Екатерина II посчитала необходимым особо выделить управление этой доходной винокуренной отраслью. В Камер-коллегии появилось новое подразделение – Экспедиция казенных винокуренных заводов. Перед ней во всем отчитывалась заводская администрация, а та, в свою очередь, по откупным делам перед Сенатом. Мелочная опека порождала бюрократическую волокиту, поэтому вновь вернулись к старой управленческой схеме. По новой административно-территориальной реформе 1775–1783 годов губернии разукрупнили до 50-ти, объединив каждые две-три в наместничества. Государственными имуществами стали заведовать наместнические и губернские казенные палаты. Казенными монополиями в ней ведала «Экспедиция по винной и соляной частям». Непосредственно казенные винокуренные заводы были в ведении ее главы «директора домоводства». Он подбирал начальника-«управителя» завода, а утверждал его генерал-губернатор наместничества. В Сибири их было три – Пермско-Тобольское, Кольванское и Иркутское. Первому из них подчинялись управители Краснореченского и Каменского винокуренных заводов, ибо Ачинский и Енисейский уезды, где они находились, входили в Тобольскую губернию Пермско-Тобольского наместничества. Тобольская казенная экспедиция, кроме директора, состояла из советника, секретаря, двух ассессоров по вину и соли, у которых было по столоначальнику, бухгалтеру и офицеру для поручений. Все имели классные чины, а число канцеляристов, подканцеляристов и копиистов определяли, исходя из общей ассигнованной суммы на делопроизводство [2]. Через уездные «питейные конторы» шли денежные расчеты и выплачивались денежные суммы за поставленную подрядчиками и откупщиками водку, принимались от кабаков деньги.

Именным указом 10 марта 1782 года Екатерина II утвердила «Наставление губернским экспедициям по части винной и соляной», которым детально регламентировала реализацию винной монополии. Экспедиция должна ведать всеми сторонами винокурения и продажи: заключать частные подряды на поставку в питейные дома, заботиться о заготовке различных припасов, решать, какие казенные питейные дома отдавать на откуп или

содержать их на вере, облегчать должное их материально-техническое снабжение и прибыльность работы, определять число заводских работников и для развозки казенных питий. Подчеркивалось, что «Экспедиция заключает контракты с откупщиками, определяет капитальные суммы на выкурку вина и водки, следит за поступлением денег от питейных домов в уездные казначейства, ревизирует «сидельцев»-продавцов, пресекает порчу алкоголя и корчемство». Ассигнования на делопроизводство по винной части увеличили до 2000 рублей. Ассессор по вину имел, кроме директора домоводства, четырех столоначальников. Первый ведал «верными винными магазинами», второй – подрядами, поставками и откупами, расчетами с ними и ведомостями для отчета, третий – расходом напитков в каждом питейном доме, наконец, четвертый – сличением и ревизией счетов и ведомостей всех столоначальников [3].

На казенных винокуренных заводах, сданных на откуп, вместо управителя представителем заводской администрации обычно выступал первый пристав. Второй пристав был его помощником по заводским службам. Нередко первый пристав был практическим начальником завода, если временно откупа не было, да и директора домоводства нередко экономили на этой должности, если первый пристав справлялся.

В связи с указом 24 января 1789 года Екатерины II всемерно расширять и задействовать все казенные заводы, в том числе «запущением упавшие», управление ими усложнилось. В некоторых губерниях с крупными казенными винокуренными заводами, а в Тобольской – из-за их отдаленности, особенно Каменского и Краснореченского, их так и называли – «дальние сибирские заводы», для эффективности управления в помощь директору домоводства дали в штат пять новых чиновников, в том числе ассессора, бухгалтера, канцеляриста, подканцеляриста и копииста. Ассессор получил 300 рублей годового жалования, а на свой штат – 560 рублей в год [4].

Каждый завод вел свое довольно обширное делопроизводство. Должностные лица – смотрители, приставы, смотрители лесов, кассир, «казначей», конторщик и «пищики»-копиисты – составляли «заводскую контору» (табл. 2, 3 в гл. 3). Смотрите-

ли обычно были из потомственных или выслужившихся в дворяне чиновников VIII и выше класса, а приставы – личными дворянами XIV–IX класса чинов-рангов, которые выслужили свои ранги в канцеляриях и не могли передать свой дворянский статус членам своих семей. К ним примыкали казначеи, а прочие рядовые члены заводской конторы относились к так называемым «затабельным» чиновникам.

Заводская контора вела текущий учет прихода-расхода сырья и всех материалов, инструментов, заводского оборудования, особенно из цветного металла – меди. Приставы руководили и надзирали работу заводских подразделений: винницы, плотины, мельниц, бондарной и слесарной мастерских, хлебных магазинов и винного подвала, перевозок конным двором и т. д. С командирами казачьих команд обеспечивали охрану заводского имущества, подчинения невольных работников, поимку беглых, пресечения самовольного винокурения.

Важной заботой было обеспечение материально-бытовых нужд заводских работников, хозяйственно-семейного попечительства вольных пропитанных и вольнонаемных специалистов, особенно винокуров, мельников, кузнецов, рядовых служащих конторы. Много хлопот доставляла отчетность. Общая по заводу складывалась из отчетов по неделям, месяцам, кварталам винокура, мельников, солодовника, вахтеров у скупки и приема от продавцов хлеба, смотрителей заготовки дров, бочечной мастерской. Так, винокур должен под расписку получать сырье, на каждый «затор» – варю для выкурки водки на разовый недельный производственный цикл, подавать по нему, а также помесячные и годовые ведомости о выкуренной продукции, получать и всегда иметь при себе «верные расписки о сданном в заводской подвал, или «мангазейн», зелье. Итоговые ведомости сдавали начальству за обязательной подписью правителя или первого пристава. Кассир мог визировать их в случае отсутствия этих должностных лиц.

Если завод арендовал откупщик – «коронный поверенный», то он не вмешивался в текущую его деятельность, а только контролировал, называясь официально для заводчан «поверенным», соблюдение технических требований и ценовую состав-

ляющую винной продукции. Обычно откупщик, особенно крупный, бывал на заводе наездом для проверки, а за себя оставлял нанятого специально «поверенного», который присутствовал постоянно. В конторе, как это было в Краснореченской, ему отводилась специальная жилая комната, а позже – отдельный дом. Если откупщик делал какие-то перестройки, то через поверенного, то есть через доверенное лицо.

5.2. ЗАВОДСКИЕ УПРАВЛЕНЦЫ

Первым казенным представителем по винокуренным делам, с которым имел дело Д.И. Лобанов, был Богданович Николай Федорович (1743–?). Родом из смоленских дворян, он вступил в службу одиннадцатилетним юнкером при Юстиц-коллегии. Первый офицерский чин прапорщика получил в 13 лет, благодаря происхождению и, вероятно, протекции. С 1764 года в 21 год уже в гражданском ранге коллежского секретаря XII класса, перешагнув два чина, служит в Сибири, в сибирской соляной конторе в Тобольске. В том же ранге в 1773–1776 годах, как он показал в своем формулярном списке 1783 года, явно преувеличивая масштабы своей службы, был «смотритель трех (? – Г.Б.) казенных винокуренных заводов Енисейской провинции». На самом деле двух – Краснореченского и Каменского, поскольку Боготольский был частным. С конца 1776 года Богданович получил явное повышение, став «товарищем» красноярского воеводы князя Ивана Яковлевича Пельмского в ранге титулярного советника XI класса. В 1781 году принял обязанности воеводы Новомангазейского (Туруханского) уезда. Оказавшись в Туруханске, энергично собирал материал о севере края и составил «Описание Новой Мангазеи с уездом», ценное этнографическими сведениями о ясачных и русских жителях, роде их занятий и природных условиях края «темных дней и светлых ночей». Эта рукопись хранится в Костромском государственном архиве в фонде генерал-губернатора всей Сибири И.О. Селифонтова [5].

Другим типом чиновника-дворянина, кому казна доверяла заведовать винокурением в Приенисейской Сибири, являлся Петр Иванович Кузнецов, бывший винным приставом Камен-

ского завода в 1799–1804 годах. Он родился в 1766 году в семье выслужившегося из нижних чинов офицера-моряка. Поэтому сословное происхождение в его служебном формуляре было указано: «из военных дворян». В 1779 году 13-летний П.И. Кузнецов начал службу юнкером Морского корпуса, на следующий год переведен в штурманские ученики на боевой корабль Балтийского флота. В 1784 году он получает чин подштурмана, а в 1786 году – штурмана. Был участником русско-шведской войны в 1788–1792 годах. В десантных частях выслуживает первый офицерский чин прапорщика, дающий право потомственного дворянства (1789), а в 1790 – подпоручика. После войны П.И. Кузнецов определился к штатским делам и уехал в Сибирь, где в ходе проводимой губернской реформы в 1783 году потребовалось много чиновников. Его назначили соляным приставом в Нарымский уезд Тобольского наместничества, что было явным понижением – на такие должности назначали сроком на три года с рангом 9 класса, но «зауряд», то есть временно, «пока в должности пребывает».

После смерти Екатерины II ее сын император Павел I проводит новую административную реформу в Сибири. При этом он запрещает практику сохранения военных чинов на гражданской службе. П.И. Кузнецов из подпоручика становится титулярным советником IX класса чинов, что резко снижает его общий сословный статус, ибо этот гражданский чин-ранг давал право не потомственного, а только личного дворянства.

В 1799 году его переводят в Енисейский уезд на Каменский винокуренный завод приставом. Испытания вином бывший боевой офицер не выдержал. Спустя год он пошел под суд за «плохой угар вина» и растрату его в количестве двух бочек (более 80 ведер), которые, он, как установило следствие, распивал с местным дворянским заседателем Калининым. Амнистия 1801 года по случаю смерти Павла I и воцарения Александра I освободила П.И. Кузнецова от наказания и позволила продолжить чиновничью службу. Правда, к вину его больше не подпускали. С учреждением Томской губернии, куда вошли все уезды Средней Сибири, в 1804 году его назначали главой исполнительной власти в Кийском комиссарстве Томского уезда,

а в 1807 году он стал в Красноярском уезде уездным судьей. Как и все чиновники, к месту новой службы он прибыл со своей семьей, в которой в начале 1810 года было три сына: 11-летний Павел, Аристарх, 7 лет, и Павел же, 2 лет. Старший сын Павел уже числился в отцовском учреждении подканцеляристом [6].

Дальнейшая судьба Петра Ивановича Кузнецова неизвестна. Как видим, от руководителей винокурного производства в то далекое время не требовались ни технические знания, ни специальное образование. Нужно было одно – определенные навыки командовать людьми.

Если заводская администрация допускала, не дай бог, убыток казне, то с ней особенно не церемонились. Ведь в основном отношении немногие ее члены были «голубой крови». Так, на ставшем казенным Боготольском заводе шла реконструкция с 1793 по 1799 год. В частности, следовало построить новые винницу, солодовню и винный магазин, всего на сумму в 3795 рублей 48 копеек. Приставы Замиралов и Старков подрядили строить трех крестьян, в том числе красноярского Ивана Зуева, тарских Ивана Курносова и Андрея Калашникова. Однако приставы затянули работы, не заготовив вовремя нужное количество леса, и вдобавок недодали казенных денег на винный магазин – «подвал» – 73 рублей 74 копеек. Это выявил и донес в экспедиции краснореченский первый пристав П. Смирнов, которому в 1798 году поручили завершить работы. «За недеятельность» его и материальный ущерб – не хватало 6 тыс. Камер-коллегия велела через Красноярский нижний земский суд описать имущество боготольских приставов и продать на аукционе для возмещения казенного убытка, оцененного в 53 рубля 28 1/4 копейки [7]. Возможно, они могли внести сразу требуемую сумму, но власть решила публично их наказать.

За злоупотребление служебным положением наказывали обычно по этой же линии. Так, в 1830 году 18 декабря Сенат издал печатный указ о том, что бывшего боготольского пристава, титулярного советника девятого класса чинов Шпиндлера занести в особую черную книгу, из которой никого не принимали на государственную службу. Его вина заключалась в том,

что он каторжного Савелия Грудных «послал в деревню Воронину за своим семейством». Вряд ли каторжник был против такой замены своего подневольного труда, но центральная власть на всю страну вновь и вновь ставила на свое место в небольших чинах чиновников, посягавших в своих частных интересах хотя бы на кроху казенного пирога. Явно мягче были наказания за превышение власти в отношении трудового населения. Так, тем же Сенатским указом осудили предшественника Шпиндлера пристава Афонасьева. Оказывается, этот тоже титулярный советник, будучи в должности секретаря Кольванского окружного суда, в 1832 году обвинялся «в невоздержанном поведении, предрассудных поступках и нехождении в должность» [8].

Общая нехватка в Сибири подготовленных кадров приводила к тому, что некоторым удавалось, несмотря на различные плутни, долго держаться на поверхности. Так, П. Смирнов, родом из российских дворян, в 1796–1798 годах являлся смотрителем Краснореченского и одновременно достраивал ставший казенным соседний Боготольский винокуренный завод. Его по доносу члена винной экспедиции Тукалевского за хищение казенных средств генерал-губернатор Сибири Б.И. Пестель представил к лишению чинов, дворянства и ссылке в Иркутскую губернию. Как сообщает дореволюционный видный сибиревед В.И. Вагин, Смирнов сумел попасть в фавор к иркутскому гражданскому губернатору Трескину и «сделался, не зная винокурения» винокуром в Александровском и Илгинском заводах. Автор неточен – Смирнов учился у винокура Куклина и вносил денежный залог по годовому контракту, обязываясь при этом подготовить учеников. Был он уличен в «проделках», в частности, надбавлял по пять фунтов (2 кг) на каждый пуд принимаемого хлеба у бурятов и продавал эти незаконно полученные излишки. Кроме того, он занижал реальную выкурку вина, что вскрылось в 1820 году при «контрольном выгоне» тобольским мещанином Исайей Прейсманом. Тоболяк выкурил с каждой четверти хлеба по семь ведер, и даже семь с одной восьмой ведра, а Смирнов показывал лишь шесть целых пять восьмых ведра, и это с пятифунтовой добавкой. М.М. Сперанский велел разорвать контракт со Смирновым, а деньги, всего 24 225 руб-

лей, взыскать с него и вернуть казне и бурятским обществам. Недостача составила до 15 000 пудов.

Жена Смирнова с тремя детьми, из которых старшему было 10 лет, разжалобила будущего генерал-губернатора Сибири, который пощадил «сирот» и велел деньгами возместить недостачу и заплатить обиженным. Великодушный сиятельный ревизор даже разрешил Смирнову продолжать службу. Он здраво рассудил, что казна не пострадала, ущерб возмещен, поэтому уголовное дело можно закрыть, да и чиновников не хватает. Смирнова все же включили в четвертый разряд обвиняемых сибирских чиновников. Правда, детей жена Смирнова упростила не включать в налоговые подушные списки, что и послужило основанием допуска Смирнова к прежней должности после ухода М.М. Сперанского с поста генерал-губернатора Сибири. Известно, что Смирнов винокуром был два сезона, с 1822 по 1824 год [9].

Кадровые сложности имели место постоянно, поэтому часто переводили приставов с других заводов, при этом исполнительные рядовые из разночинцев служащие довольно быстро могли сделать карьеру и достигнуть потолка в обычной для той сферы деятельности – должности пристава и личного дворянства. Это, например, хорошо прослеживается среди администрации Краснореченского и Боготольского заводов конца XVIII – начала XIX века. Так, тяжело больной краснореченский первый пристав Назаров в конце 1800 года передал свои функции второму приставу Кабанскому, а последнего заменил надзиратель лесов Копотилов. Эту иерархическую подвижку утвердила Тобольская казенная палата и предписала Красноярскому нижнему суду послать чиновника переписать заводское имущество на Кабанского, проведя предварительно ревизию. Пока Красноярск раскачивался, завод поручили первому приставу Боготольского завода Табакину «в рассуждении близости обоих заводов между собой, и что прежде сего при подобной надобности поручаемо было главное управление Боготольским заводом краснореченскому первому приставу П. Смирнову». Между тем Назаров умер 21 февраля 1801 года. Проведенная ревизия показала, что покойный, в отличие от своих коллег, был добро-

совестным управленцем и даже жалоб на него от работных людей не поступало. Росписи же заводского имущества, строений, лесосек и данные «о начале 11-го (порядковый номер затора. – Г.Б.) винокурения нынешнего (года. – Г.Б.) по описи отдать поверенному содержателям винокурения, откупщиков Кандалинцева и Зеленцова». Завод нельзя было оставлять долго без казенного присмотра, поэтому тобольский вице-губернатор Олин посетил причулымский завод и предложил на вакантную должность краснореченского первого пристава, коллежского регистратора самого низшего XIV класса чинов Евдокима Жилина. В его представлении сказано: «По замеченной в нем расторопности и потому, что бывши более года в Боготольском заводе вторым приставом, почерпнул немалую по оборотам заводов опытность».

Все эти сведения с его формулярным списком особым делом отправили в Камер-коллегию на утверждение. Из служебного формуляра узнаем, что Жилину тридцать лет, «родом из приказнослужительских детей», то есть затабельных чиновников, начал службу семнадцатилетним в 1788 году копиистом в Исетской управительской канцелярии Оренбургской губернии. Через три года стал подканцеляристом в Курганском нижнем земском суде Тобольской губернии, а позже «был взят в Тобольскую казенную палату канцеляристом». 5 декабря 1794 года он получил первый свой классный чин, а в январе переведен на должность ачинского винного пристава. На новом месте он преуспел в раздаче вина и водки по питейным домам и сборе питейных денег с них. После ликвидации Ачинского уезда и успешной проверки, не обнаружившей упущений и, главное, казенной недостачи, Жилина с августа 1798 года назначают вторым приставом на Боготольский завод, а через год и три месяца он становится там же первым приставом. С 1 апреля 1799 года его сменил упоминавшийся выше Табакин, а Евдоким, очевидно, ожидал новой более высокой должности, ибо в формуляре аттестован положительно и под судом и следствием не состоявшим. Его плюсом было также наличие семьи, что, по расхожему мнению, могло удерживать от искусов злоупотребления Бахусом [10].

Похожим на жилинскую была карьера В.И. Соловьева, бывшего бухгалтером на Краснореченском заводе в 1835 году. Василий Иванович, двадцати семи лет от роду, был православным, из обер-офицерских детей (то есть отец стал потомственным дворянином после рождения сына, поэтому Вася не вошел в это привилегированное сословие). Отца уже не было, поэтому Василий Иванович показан беспоместным. Соловьев начал службу в Томской казенной экспедиции с 26 ноября 1820 г. копиистом. Уже через два месяца его перевели в Боготольскую заводскую контору, а в начале декабря 1821 года в Краснореченский завод подканцеляристом. Через год с 30 декабря (обычно повышения делались в канун Нового года) он – канцелярист. Поднаторевшего чиновника через четыре года ставят бухгалтером, и в этой должности в конце 1828 года Соловьев получает первый в своей жизни классный ранг – чин XIV класса, а через два года – ранг XII класса. 10 мая 1835 года В.И. Соловьев становится заводским казначеем. Казенная палата холостого чиновника аттестовала исключительно положительно [11].

Как видим, карьере в этой сфере могли сделать исполнительные, энергичные, честные, хорошо знающие делопроизводство и свои обязанности выходцы из служебных низов. Джентльменский набор, оказывается, был универсальным во все времена, но, к сожалению, только для среднего управленческого звена включительно. Только исключительно талантливым людям или попавшим при дворце «в случай», как тогда говорили о фаворитах и близких наперсниках монархов, удавалось взойти по карьерной лестнице до генеральских чинов и рангов, или, как говорят ученые, быть носителями успешной вертикальной социальной мобильности.

Важно отметить, что в социальном плане не все дворяне являлись феодалами. Вышеназванные беспоместные потомственные и личные дворяне-чиновники в обер-офицерских чинах, живущие только со скудного жалованья, не относились к корпоративным феодалам, а являлись в классовом отношении служебным бюрократическим социальным слоем [12].

Откупщики же арендовали у казны не только оборудование, постоянных и временных работников разной сословно-социальной принадлежности, но и весь заводской штат, верхушку

которого составляли потомственные и личные дворяне. Все они обеспечивали прибыль не только казне, но и откупщикам.

5.3. Дворянско-чиновничья элита – корпоративные феодалы

Система российского государственного феодализма – это не только в теории дистадальные (разновременные существовавшие), но в России реально синхронные чернососный и феодално-крепостнический уклады. В общегосударственных сферах распределения и обмена через прямые и косвенные налоги, различные денежные платежи, натуральные повинности и таможенные сборы изымался централизованный налог, содержащий в себе и централизованную часть феодальной ренты, то есть реализовался податной (фискальный) социально-экономический уклад. Его в первую очередь получала сословно-корпоративная правящая верхушка страны [13].

К ним относились и главы тех казенных ведомств и сибирских губерний, которые решали важнейшие вопросы изучаемой отрасли.

Мельгунов Алексей Петрович (09.02.1722–02.07.1788) происходил из старинного дворянского рода. По семейному преданию, как отмечалось в Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи, «фамилия Мельгуновых происходит от Яна Менигалева, выехавшего в Россию из Польши, коему по крещении дано имя Иван Мельгунов. Потомки его служили российскому престолу дворянские службы и жалованы были от государей в 1597 и других годах поместьями, а некоторые – знатными чинами и орденами». Пятеро Мельгуновых принимали участие в «московском осадном сидении 1609 года», когда Лжедмитрий II оспаривал престол у царя Василия Шуйского. Стольник и полковник стрелецкий Никифор Иванович в 1684 году находился при встрече австрийских послов. В конце XVII века несколько представителей рода были стольниками и стряпчими.

В XVIII–XIX веках род Мельгуновых дал несколько известных деятелей. Так, статский советник Петр Наумович (1685–1751) в 1741–1751 годах состоял вице-губернатором в Санкт-Петербурге.

Рис. 22. А.П. Мельгунов

Его сын, **Алексей Петрович Мельгунов**, действительный тайный советник, как выше отмечалось, сыграл определяющую роль в положительном решении столицы о строительстве Краснореченского завода.

Получив первоначальное домашнее образование, он с января 1737 года обучался в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. С ноября 1740 – камер-паж Высочайшего двора. В феврале 1747 года выпущен из камер-пажей в лейб-гвардии Преображенский полк. В июле 1752 года командирован в Финляндию, а через три года произведен в бригадиры. С 1756 года находился адъютантом при наследнике престола великом князе Петре Федоровиче и приобрел его расположение, прежде всего хорошим знанием немецкого языка. С декабря состоял полковником Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, в котором получали общевоинскую подготовку дети дворян. После этого командовал Ингерманландским пехотным полком, воевал в Семилетней войне (1756–1762), в ходе которой в 1760 году занимал Берлин.

В царствование императора Петра III входил в его ближайшее окружение. В декабре 1761 года произведен в генерал-майоры, а в феврале 1762 пожалован в генерал-поручики и в апреле того же года назначен шефом Ингерманландского пехотного полка. В феврале 1762 года Мельгунову было поручено принимать доносы «об умысле по первому и второму пункту», которые касались охраны жизни государя. Император пожаловал ему одну тысячу душ крестьян и землю в Петербурге, а в мае того же года назначил членом особого собрания при императоре. Во время дворцового переворота 28 июня 1762 года, возведшего на престол Екатерину II, Мельгунов до конца оставался с императором, после чего короткое время находился под арестом.

С 1764 года он – главный командир (генерал-губернатор) Новороссийского края; по его поручению в Херсонской губернии раскопали клад, который после передачи в Эрмитаж назван «мельгуновским». Обратил на себя внимание Екатерины II, подготовив доклад по реформе народного образования. В июне 1765 года назначен сенатором, с 1767 по 1777 год являлся президентом Камер-коллегии, от которой был избран депутатом законодательной Уложенной комиссии. С сентября 1774 года присутствовал в первом Департаменте Сената. С февраля 1777 года – генерал-губернатор Ярославского наместничества. В 1778 году стал костромским наместником и до января 1780 года управлял одновременно Вологодским наместничеством. В 1780 году участвовал в отправке в Данию живших в ссылке в Холмогорах брауншвейгских принцев (братьев и сестер младенца-императора Ивана Антоновича). С июня 1781 года – архангелогородский, ярославский и вологодский генерал-губернатор. Мельгунов открыл в Ярославле народное училище и сиротский дом, при нём начала работать типография и выходить первый в России провинциальный журнал «Уединенный Пошехонец». С июля 1783 года командовал Ново-Сербским корпусом. С февраля 1783 года входил в состав комиссии для «размежевания земель». Кавалер высших российских орденов: Святого Александра Невского (1762), Андрея Первозванного (1780), Святого Владимира первой степени. Скончался в Ярославле на 67-м году жизни, где и похоронен.

«В обществах молчаливый, с подчиненными строгий», Мельгунов обладал способностью угождать «сильным людям». В царствование императрицы Елизаветы Петровны он стал «своим человеком» у последнего фаворита императрицы И.И. Шувалова, сумел понравиться ее приемнику, подлаживаясь под его немецкие вкусы. При Екатерине II Мельгунову удалось снискать расположение генерал-прокурора князя А.А. Вяземского и светлейшего князя Г.А. Потемкина, посылая им то аршинных стерлядей, то «серебряную табакерку устюжской работы», то молоком «поеного теленочка» или «мех из оленьих выпоротков, в рассуждении его редкости, легкости и теплоты». Вместе с тем Екатерина II считала его весьма способным администратором, «человеком, очень и очень полезным государству».

Мельгунов был большим барином, жил открыто и пышно. Его пикники на Елагином острове были воспеты Г.Р. Державиным. В Ярославле на своих обедах и балах собирал все местное общество. Он держал большую псовую охоту и одного бургундского вина выписывал из-за границы на тысячи рублей. Мельгунов отдавал дань и входившему в то время в моду масонству.

Женат дважды: 1) на Маргарите Парменовне Лермант; 2) на Наталье Ивановне Салтыковой (1742–1782), дочери генерал-аншефа И.А. Салтыкова. Имел детей: Петра Алексеевича (1750–?), генерал-майора; Владимира Алексеевича (ум. 1804), бригадира; Екатерину Алексеевну (1770–1853), замужем за генерал-лейтенантом князем Д.П. Волконским.

Однако на протяжении XIX – начала XX века ни один из представителей рода не занимал более крупных административных должностей, не назначался губернатором и вице-губернатором, не получал придворных званий выше камергера, не был жалован в свиту Его Императорского Величества. Некоторые из Мельгуновых служили по дворянским выборам, но никто из них не избирался предводителем дворянства.

Николай Алексеевич Мельгунов (1804–1867) стал известен как публицист, писатель, литературный и музыкальный критик, композитор; его повести, рассказы, очерки, критические статьи публиковались в различных изданиях; талантливый пианист, он писал романсы на стихи Пушкина (автор музыки на стихотво-

рение «Я помню чудное мгновение»), Баратынского, Дельвига, Тютчева и др. Петр Павлович Мельгунов (1847–1894) преподавал историю в Московском Николаевском институте и гимназии Ф.И. Креймана, он автор книги «Первые уроки истории». Сын последнего, Алексей Петрович (1876–?), окончил Константиновское военное училище, служил в артиллерии, а по выходу в запас занимался сельским хозяйством и земской деятельностью: был земским начальником, гласным Уфимского губернского земского собрания, почетным мировым судьей. В 1912 году избран в IV Государственную Думу. После Февральской революции 1917 года – помощник губернского комиссара. Его младший брат, Сергей Петрович (1879–1956), окончил исторический факультет Московского университета, был историком, публицистом, автором многочисленных публикаций; один из создателей партии народных социалистов (1917–1918 – член партии). В 1922 году эмигрировал, за границей издал книгу «Красный террор в России 1918–1923» – хронологически первое систематизированное описание криминальной практики новой «пролетарской» власти.

Род Мельгуновых входил в 6, 2 и 3-ю части дворянских родословных книг Вологодской, Казанской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Рязанской, Симбирской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Тверской, Ярославской губерний. Герб Мельгуновых внесен в первую часть Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи [14].

Чичерин Денис Иванович (1720–1785) – из родовитых дворян Белевского уезда Тверской губернии. В 15 лет был записан в престижный гвардейский Семеновский полк и успешно продвигался по службе. В 1735 году – он сержант, через год после успешно выполненного поручения на Ижоре – прапорщик, в 1751 году – подпоручик, через два года – капитан-поручик. Успешная при Елизавете Петровне карьера прервалась при недолгом императоре Петре III. Этот внук великого Петра I, воспитанный на немецкий лад без русской матери, довольно ограниченный и невежественный, ненавидел «янычар», как он называл русских гвардейцев, отдавая предпочтение своим голштинцам-пруссакам. Блестящий офицер, 41 года отроду, был сразу

же уволен в отставку с запретом впредь вступать в службу. Правда, как обычно, его уволили с представлением к очередной чину секунд-майора. Однако новый дворцовый переворот против Петра III, приведший к власти его жену, Екатерину II, перевернул и жизнь Дениса Ивановича. Братья Орловы, одни из главных исполнителей заговора, вызвали своего земляка – сослуживца по Семеновскому полку – из его родового Ильинского поместья близ города Белева в столицу на Неве. Денис Иванович сразу получил очередной чин старшего премьер-майора гвардии, который приравнялся в полевых частях к генеральскому чину. На следующий 1763 год 10 августа он, сохраняя чин генерал-майора, назначается на крайне доходную должность губернатора всей Сибири, от Урала до Тихого океана, просторы которой почти вдвое превышали территорию основной России.

Приятелю Орловых Екатерине II полностью доверяла, поэтому наделила его почти неограниченными полномочиями. Работы было много. Следовало наладить прием и обживание посельщиков, обустроить Московско-Сибирский тракт, отладить службу на южносибирской границе с Китаем, на которой угрожающе повела себя маньчжурская династия Цинь, увеличить доходы кабинетских горных Алтайских и казенных Нерчинских «среброплавильных» заводов, упорядочить сбор с коренного населения ясака, который императрица взяла на себя, улучшить в связи с ростом населения административно-территориальное деление Восточной России, как позже стали называть Сибирь от Урала до Тихого океана, наконец, рационально распорядиться казенной винной монополией из-за хищного хозяйничания дворянских поставщиков.

Рис. 23. Д.И. Чичерин

Энергичный и умный Денис Иванович рьяно взялся нести новую службу вместе с бывшим одно время при Елизавете Петровне сибирским губернатором Федором Ивановичем Соимоновым, который в Московской конторе Правительствующего Сената ведал сибирскими делами. Знал Федор Иванович о ней не понаслышке, ибо оказался в 1736–1741 годах в ссылке на Нерчинских заводах. Он общался с Артемием Волынским, который в годы немецкого засилья при Анне Иоанновне, будучи кабинет-министром, пал жертвой соперничества между временщиком Бироном и ловким Остерманом.

По их общему представлению Екатерина II выделила в Сибири новую Иркутскую губернию, границей которой стала река Кан. Д.И. Чичерин пытался ввести уравнительное землеустройство крестьян, унифицируя волостное самоуправление. При нем окончательно отменили казенную десятинную пашню, заменив ее денежным рублевым оброком. В губернском Тобольске Денис Иванович открыл геодезическую школу, завел аптеку, организовал оспопрививание, которое пропагандировала и инициировала личным примером сама императрица, выхлопотал в Иркутске банковскую контору в 1 млн. рублей, устроил ремесленный дом для ссыльных.

Почти 18 лет, до 1781 года, полный генерал Д.И. Чичерин безраздельно управлял всей Западной Сибирью, включая Приенисейский край, который до 1779 года составлял Енисейскую провинцию, правда, без Среднего Приангарья. Этого незаурядного екатерининского вельможу сибиряки запомнили как человека крутого нрава и широкой души. Он окружил себя роскошной обстановкой, устраивал роскошные празднества, давал балы и обеды с музыкой, громом пушек и ружейной пальбой.

По сути дела, этот неплохой администратор (что-что, а Екатерина II умела разбираться в людях и успешно вершить дела чужими руками) являлся крестным отцом современных городов и селений в притрактовой зоне Московско-Сибирского тракта – главной артерии, соединявшей Москву с Сибирью. Не исключением были село – почтовая станция Красная Речка и сам завод с прилегающим к нему поселком [15].

5.4. ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦЫ И ВИННЫЕ ОТКУПЩИКИ – ЧЕРНЫЕ И СУБИНФЕОДАЛЫ ИЛИ МОЛОДАЯ БУРЖУАЗИЯ?

В отдаленной Сибири у местного купечества не было крупных капиталов, поэтому видную роль в откупках со второй половины XVIII века стали играть гильдейцы российских губерний.

Семья Походяшиных из двух женатых братьев прибыла из Казани в Верхотурье – так называемые ворота Сибири. Как считает М.М. Громыко, это произошло в первой четверти XVIII века [16]. Самый видный ее представитель, Максим Михайлович (?–1781), «был одним из ярчайших фигур российских предпринимателей того времени». Ему в тогдешней Сибири, по мнению видного историка Н.И. Павленко, принадлежала ведущая роль в освоении горнорудных богатств Северного Урала. Заметный след он оставил и в частной винокуренной промышленности Сибири, имея в разные годы от 3 до 11 винокурен и даже крупных заводов. Этот талантливый самоучка, цепкий, волевой и инициативный, хорошо разбирался в людях.

Молодым он приумножил отцовские средства, занимаясь плотницким делом, извозом и поисками железных и цветных руд. Однако самый большой и устойчивый доход Максим получал от винного откупа. К 1740-му году на Восточном Урале и в Среднем Зауралье у него имелось пять каштаков. В 1752 году он с земляком А. Власьевским подрядился на очередное четырехлетие поставлять со своих заводов вино в казенные кабаки Верхотурского уезда на 2654 рубля ежегодно. Как справедливо считает М.М. Громыко, «поставка вина со своих заводов и откупа винного торгового заложили прочную основу легендарного состояния Походяшина».

Правда, душа его лежала к металлургии. Будучи уже богатым купцом, в 50–70-е годы Максим Михайлович вкладывал огромные деньги в железоделательные и медеплавильные заводы. Так, в конце 60-х годов был построен знаменитый Богословский завод, который стал крупнейшим в России по выплавке меди. Интересно, что начало его деятельности в этой сфере

было связано со Средней Сибирью. В 1755 году М.М. Походяшин со своим компаньоном по винным откупам купцом Алексеем Власьевским основали около устья Езагаш, левого притока Енисея, под Красноярском железоделательный завод. Правда, это предприятие оказалось убыточным, и сметливый Максим Михайлович быстро покинул компаньона. Цветная металлургия была явно доходнее, тем более что медь, серебро и золото шли на чеканку денег. Помимо николевских заводов на Урале и Зауралье, Походяшин вел поиск цветных металлов и в Причумылье. Так, в 1778 году он нашел серебряную руду в Томском и Красноярском уездах. Рудники он назвал Богословским, Божозерским и Ужурским. Руда оказалась богатой, из пуда руды выплавлялось 27,5 золотника (117 граммов) серебра. Однако заводчик передал их в кабинетские Кольваново-Воскресенские заводы [17]. Судя по всему, Максим Михайлович на склоне лет устал бороться с трудностями, стоявшими на пути частной русской металлургии XVIII века. Слабая заселенность, отсутствие дорог, узость рынка сбыта, проблемы с рабочей силой, наиболее острые для недворян (крестьян перестали приписывать к заводам со второй половины XVIII века), и особенно произвол и лихоимство чиновников всех мастей – все это приводило частные металлургические предприятия к финансовому кризису и нередко к закрытию. Н.И. Павленко, историк русской металлургии XVII–XVIII веков, установил, что в России недворяне-заводовладельцы очень редко были даже во втором, не говоря уже о третьем, поколении. Те немногие, вроде Строгановых и Демидовых, если в какой-то степени сохраняли дело отцов и дедов, то оказывались в дворянском сословии и переводили основные средства в крещеную собственность и земельную недвижимость, то есть превращались в дворян – помещиков. Это в крепостнической России было самым надежным и престижным помещением капитала [18].

Следует только удивляться талантам М.М. Походяшина, его способности ориентироваться в тогдашних сложных переплетениях природных, экономических, технологических и социальных факторах. Он проявил редкостную гибкость в преодолении возникавших препятствий. Заводчик расчищал старые и

строил новые дороги. Приписных крестьян через ссуду снабжал хлебом, одеждой обувью, деньгами, превращая их через кабалу в постоянных работников. Принимал беглых и беспаспортных, подкупая местную администрацию. Он в 1774 году фиктивной покупкой двух третей завода сенатора В.А. Всеволожского смог даже перевести на свои заводы 3900 душ крепостных, хотя не имел дворянского звания. Постоянное участие в винных поставках и питейных откупах – свидетельство ума и деловой хватки этого русского самородка, правильно определившего, что только в этой сфере можно добиться серьезного финансового успеха, а через это – независимого положения и возможности заниматься любимым делом и обеспечить детям престижный сословный статус и положение в обществе. Он не был скопидомом, хотя в личном быту проявлял неожиданную скупость – летом носил простой китайчатый хлопчатобумажный халат, а зимой – нагольный тулуп. На свои заводы ездил на дровнях и на обратных попутных ямщиках. Тем не менее на представительство М.М. Походяшин не жалел средств. В Верхотурье его дом со службами занимал целый квартал. Все тридцать комнат дома были отделаны и меблированы по-современному, хотя хозяин демонстрировал широкую, где-то показную богомольность. Максим Михайлович на заводах строил церкви, в своем городе опекал Покровский женский монастырь, выстроив ему две церкви, содержал на свой счет их причты, по субботам раздавал милостыню. Вместе с тем заводчик был далек от ханжества. Он любил принимать гостей на широкую ногу, его приемы сочетали сибирский размах со столичной утонченностью. С особым размахом он принимал видных чиновников, проезжавших Сибирь туда и обратно. Д.И. Чичерину устраивал роскошные приемы и дарил щедрые подарки, которые иногда отдавали взяткой.

Не скупился Максим Михайлович на воспитание и обучение своих детей. Одним гувернерам троих своих сыновей платилось до семи тысяч рублей ежегодно. Сыновья выросли разными, и только старший Василий прямо пошел по стопам отца. Так, в 1770 году он выиграл крупный подряд на поставку вина по всей Тобольской губернии, удивив своей резвостью компа-

нию местных купцов. К горю своего отца, Василий умер 19 августа 1771 года, не успев развернуться как следует. Средний же Григорий и младший Николай не проявили особого интереса к хозяйственной и коммерческой деятельности. Они стали офицерами, хотя после смерти отца около 10 лет продолжали заниматься его делами как наследники.

Дмитрий Иванович Лобанов по достоинству оценил масштаб личности старшего М.М. Походяшина и в своей деятельности в Сибири следовал его примеру, вплоть до копирования. Доверяя его огромному опыту, завод поставил около Боготольского, а рудные изыскания тоже вел по соседству с походяшинскими рудниками.

Григорий, сын Максима Походяшина (около 1760–1820), по военной службе стал потомственным дворянином. В отставку вышел в 1786 году премьер-майором, сблизился с кружком известного российского просветителя Николая Ивановича Новикова, стал членом его масонского «Дружеского ученого общества». Он отличался прогрессивными передовыми взглядами, был убежденным гуманистом. Так, во время сильного неурожая 1787 году в Европейской России он передал 50 000 рублей Н.И. Новикову для раздачи денег и покупки хлеба голодающим крестьянам его имения. Когда крестьяне через год хотели вернуть полученные деньги, то Григорий Максимович отказался их взять. Н.И. Новиков на них организовал «хлебозапасный магазин» для выдачи ссуд в неурожайные годы.

Мало того, чтобы снять финансовые затруднения Типографской компании Н.И. Новикова, которой Екатерина II лично чинила препятствия, Г.М. Походяшин решил продать отцовские винокуренные заводы. На допросе у страшного Шешковского, главы пыточной Тайной канцелярии, Н.И. Новиков подчеркивал, что с Г.М. Походяшиным его больше связывало не масонство, а совместные шаги в благотворительности, что его «редкая доброта сердца... приучала... жену мою и детей, чтобы они его почитали как отца». Этим Н.И. Новиков подчеркивал, что Григорий Максимович предчувствовал его скорбную участь и подготавливал к мысли, что он будет опорой семьи.

Давал он деньги и на местные нужды в Сибири и России. Для этого в марте 1789 года Григорий Максимович продал бу-

мажную фабрику в Туринском уезде. 5 апреля 1791 года на заседании Государственного Совета рассматривалось предложение братьев Походяшиных о продаже ими металлургических и винокуренных заводов на сумму до 2,5 млн. рублей.

Все свое участие в делах Н.И. Новикова по обеспечению читающей России дешевыми книгами и изданию полемизирующих с самой императрицей журналов Г.М. Походяшин держал в тайне [19].

Дмитрий Иванович Лобанов – основатель Краснореченского завода, архангелогородский купец первой гильдии – по иронии судьбы оказался практически неизвестным исторической науке. К сожалению, у нас в России нередко «нет пророка в своем отечестве».

Не удалось найти материалы о происхождении и первых этапах его жизни. Правда, след от каких-то Лобановых остался. В Архангельске в конце XVIII – начале XIX века была ул. Лобановская, переименованная в конце XIX – начале XX века в Ижемскую, которая сохранила свое название до нашего времени. Она окружена улицами Солдатской (или Архирейской) и Канонерской. Северная война вызвала строительство города, размещение полков. В 1700 году бывшую Стрелецкую улицу стали называть Солдатской, где гарнизон и разместился. На плане 1730-х годов территорию вокруг Стрелецкой называли Солдатской слободой, где на берегу Северной Двины находился дом каких-то Лобановых. Внизу в 1739 году, вероятно, находилось плотбище [20].

Возможно, его деловые интересы были связаны и с древним городом Каргополом Архангельской губернии, если исходить из дружеских отношений с каргопольцем, будущим управителем Российско-Американской компании в Русской Америке, знаменитым на всю Европу Александром Андреевичем Барановым. Подтверждает это предположение и тот факт, что Лобанов являлся первогильдейским купцом, то есть имел по тогдашним нормам не менее 10 тысяч капитала или на эту сумму недвижимого имущества. Возможно, он получил средства от отца и сумел их приумножить, выйдя на общерусский уровень, принимая во внимание его деловитость, масштабы занятий, зна-

комства и связи со столичными чиновниками и крупными российскими купеческими кланами. Известно, что он был комиссионером, то есть сотрудником из доли прибыли с винзавода И.Г. Амосова, гоф-штаб-квартирмейстера при дворце.

В 1779–1791 годах в связи с расширением своей деятельности как винного откупщика в Восточной Сибири он, по сути дела, организовал переезд туда своего земляка, каргопольского мещанина А.А. Баранова, тогда еще скромного приказчика московских и столичных купцов. Как «коронный поверенный» Д. Лобанов пригласил его к себе на службу «комиссионером» в отдаленную Иркутскую губернию. А.А. Баранов согласился на это выгодное и лестное предложение и в 1780 году переехал в Иркутск.

Обеспечивая вином всю Восточную Сибирь, включая Енисейскую провинцию, по 1790 год, А.А. Баранов от имени Д.И. Лобанова заведует винным откупом и ведет денежные расчеты по Иркутской губернии и Якутской области. Он как комиссионер хорошо зарекомендовал себя, завоевав безусловное доверие Д.И. Лобанова. Поправив свое материальное положение, в очередную подушную IV перепись 1782 года переписался в купцы III гильдии по родному Каргополю, где оставалась семья. С этим повышением сословного статуса Д.И. Лобанов поздравил А.А. Баранова в третьем письме (в первом и во втором, сугубо деловых, забыл?), обращаясь к нему подчеркнуто «господин купец Каргопольский».

В Красноярском государственном архиве в фонде Красноярской ратуши сохранились три собственноручных подписанных кредитных письма Д.И. Лобанова к А.А. Баранову. Они были написаны в связи с тем, что заводчик ехал отчитываться за «семилетнее содержание казенных енисейских заводов» в Москву в новоучрежденную Винокуренную экспедицию Камер-коллегии. Оттуда Д.И. Лобанов собирался в столицу, чтобы с компаньонами подвести итоги откупа, отчитаться по нему к 1 мая 1783 года и определиться на будущее. Письма содержат неизвестные ранее сведения о первых годах деятельности Александра Андреевича в Сибири, раскрывают реалии действий подручных крупных винных откупщиков и в известной степени ха-

рактизируют личность самого Д.И. Лобанова. Письма почему-то остались в Красноярске. Вероятно, Дмитрий Иванович всё же сам съездил в Иркутск.

Рис. 24. А.А. Баранов, комиссионер Д.И. Лобанова, будущий главный управитель Русской Америки

**Первое кредитное письмо Д.И. Лобанова
своему комиссионеру А.А. Баранову
с поручением завершить дела, связанные
с окончанием откупа В Иркутской губернии
за 1779–1783 годы**

«.... Барано (ву – Г.Б.) ...гдрь мой, по пре(вратно) стям управления (м) ои (м доверил) питейных сборов со стороны коей во всем я вместо себя вам. А как я ныне по особливым моим делам, касающимся за минувшее семилетнее содержание казенных енисейских винокуренных заводов для рощёту должен явится по силе насланного ко мне повеления в учрежденную при государственной Камер-коллегии по казенным винокуренным заводам Экспедицию, куда отлучится отсюда в Москву и в Петербург на немалое время намерен, и иркутским же питейным сборам совокупно с винокуренными там заводами содержания нашего с господами Медведевыми по

заклученному контракту приближается срок, которой и кончится сего 1783 года мая первым числом. И потому потребно будет иметь расцоты с казною и товарищами Карунина, дабы непродолжительно возвратить заложенный мной за себя, совокупно и за бывшего товарища Карунина, в сравнении против господ Медведевых, капиталной суммы равную половину – сорок тысяч рублей, и также, естли что благоволением всещедраго господа по верному расцету окажется прибыли, на ровныя же части разделяя получить с товарищами (пове)ренными, господами купцом Афонасьем Малафеевым с сыном ево коллежским асессором Карпом Афонасьевичем Медведевым и да московским купцом Александром Каруниным о содержании иркутских питейных сборов с винокуренными заводам условия. Между прочим в 16-м отделении сказано: по истечении четырехлетнего откупа и иркутских питейных сборов, естли самих коронных поверенных в Иркутске быть не случится, то для надлежащаго расцета прислать туда со своей стороны поверенного, снабдя того достаточным полномочием, с коим и Иркутская питейная контора должна учинить во всей подробности обстоятельный расцет. И как капиталную, так и прибыльную сумму, естли она по благости божьей будет, разделить на подлежащие нам части без всякого промедления. По тому же самому нашему общественному обязательству заключили мы содержать в Иркутске питейные сборы со всяком миролюбием, которого правила, держась за долг непременно, поставляли ко окончанию сих расчётов съезжаться в Москву или Санкт-Петербург с товарищами, господами Медведевыми, и с правом...ами иркутских ни...совокупное с заводами питейное производство всецело доверено вам и прежде...И вы там действительно от меня находитесь комиссионером, то по поводу сему последнее окончание расцётов по силе постановления о содержании сборов контракта с казною и по разуму наших обязательств с товарищами расцетаться со своими и получить капиталную и прибыльную и с частями. Будет доверие вам капиталную, естли не настанет надобности ко употреблению оной по сборам и винокуренным заво-

дам, то требовать к возвращению. Ныне предварительные сроки с выделки таковы: ежели количество и на сторону господ Медведевых по согласию от стороны их главным поверенным за запиской именно в капитальную книгу и с росписками вашими к прибыльную по расцоту получить. Для сего на нашей Иркутской питейной конторы, когда истечет верные нашего содержания за всей той губернии городовые и дистаночные питейные конторы сочинят и ведомости подробные оккуратные со всякой верностью, а не так генеральный счет обще с находящимся со стороны господ с по...да питейными...вавшей прибыли... и капитальную нашу...ная, а именно: господам Медведевым с совокупно двенадцать, и мне с Каруниным совокупно ж-двенадцать же паёв. Также об оставшемся возвратном имуществе и домах, сделав описи, и всё за подписи самим вашим общим с поверенным Гудковым к нам с господами Медведевыми доставили туда, где мы находится будем. И сверх того надлежит вам обратить прилежнейшее старание при сдаче иркутских винокуренных заводов яко то Александровского, Николаевского, Илгинского в казенное и и какое новое партикулярное (частное. – Г.Б.) содержание, да что заведётся сверх описи против принятого ис казны излишнего имущества, отдавать за наличные деньги, поставляя цены в медной посуде не менее как почему она в деле и с угаром в посуде она коштуется (оценивается. – Г.Б.) в компании, а припасы, материалы и прочую посуду, все во что оное обошлось со всеми расходами да за все то, тогда же, получив наличные деньги, в компанейскую нашу контору которую сумму, равно же какие и выше.... с никого ...суммы, то я...питал суммы и сверх того заплатил по поручительству господину Да...нику Демидову более восьми тысяч рублей, почему он и доверил по компании расцетя, и что надлежит будет получать капитальную. И если будет получать прибыльную на свою часть мне, о чем по конторе и в Иркутской губернской канцелярии гласно учинено и известно, и данные от него мне в прошлом 1780 году кредитное письмо при сём препоручаю и за тем вышеписанном как в расцотах, как и в получении капитальной и прибыльной суммы на часть

мою принадлежащей, вам вместо себя доверяя, и что вы по всему во всем вышеписанном учините, ни в чем против прекословить не буду, но приму влас (т) но, якоб сам то учинил.

Пребываю в прочем к вам наивсегда с истинным доброжелательством, Гдрь мой, вашим покорным слугой орхангелогородский купец и коронной проверенной Дмитрий Лобанов.

Оное кредитное письмо принял поверенный Петр Кочнев 1783-го года 4-го дня февраля в городе Красноярске».

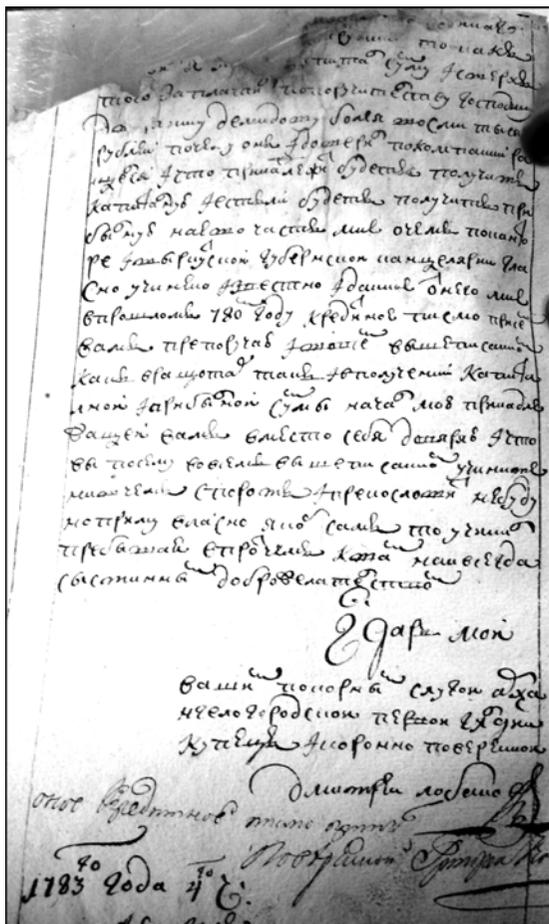

Рис. 25. Концовка первого верящего письма Д.И. Лобанова

**Второе кредитное письмо Д.И. Лобанова
своему комиссионеру А.А. Баранову**

«Баранову.

По доверенности моей находитесь вы при управлении иркутских питейных сборов комиссионером в городе Иркутск. А как там истекает содержание питейных сборов срок, и уповательно на будущее время из казны зборы и поставка вина и вотки по местам, и особливо в отдаленных и для Камчатки в силу новоизданного Устава о вине отдаваться будет партикулярным людям, для того сим доверяю вам по бытности вашей в Иркутске, разсмотря обстоятельства ее, и если признаете за полезное что либо входить в поставку вина и вотки с тамошних ли казенных винокуренных заводов, или с Вороновского Томского моего, состоящего винокуренного завода (на которой и указ владеной из Экспедиции по казенным винокуренным заводам я имею) как в ближняя онаго Иркутска лежащие, так в заморския и отдаленныя, даже и до самой Камчатки места, так же и в питейные зборы на каком вам разсудится выгоднее положении, и какие будет с казенной стороны...(далее текст утрачен. – Г.Б.). Вам верю... и прекословить не буду (поступать. – Г.Б.) ему власно, якобы сам то учинил. Для заключения же контракта по силе Камер-коллежского регламента имеете в залог предъявить реченной в Томском уезде Вороновской собственной мой винокуренной завод, которой оценен в прошлом 1779 году в 12 тыс. 700 рублей, но как в последующие годы сверх прежней пропорции еще умножен винокуренной посудой и протчим заводским имуществом, с каковым умножением посуды и пристройкой коштует мне без мало до 20 тыс. Когда же и сего залога на случай мало будет, то по требованию вашему в прибавок доставить к вам не умедлю. Пребывая в протчем к вам навсегда с истинным доброжелательством.

Гдрь мой

Вашим покорным слугой архангельской
первой гильдии купец Дмитрий Лобанов

1783 года 4-го февраля
в город Красноярске

Подписанное кредитное письмо принял
поверенный Григорий Кочнев»

Третье кредитное письмо Д.И. Лобанова своему комиссионеру А.А. Баранову

«Государь мой, Александр Андреевич Баранов, господин ку-
нец Каргольский!

По содержанию данного мне товарищем моим, иркутских
питейных сборов коронным поверенным Александром Кару-
ниным верующего письма, засвидетельствованного в Иркут-
ской губернской канцелярии 22 числа мая 1781 года и при сем
в оригинале приложенного, уполномочиваю вместо себя вас
по окончании иркутского питейных сборов содержания и
прибыльной барышной суммы, что на часть его причтется,
оную получить и мне доставить. Так же поступившую с его
стороны собственную его сумму 2430 руб. 65 коп. доверил,
равно и заложенные за него мною в компанию надлежащие
деньги. Как... обратно (ко) торых примем и потому ... до-
толе окончить. Вам с моей стороны верю и что учините,
спорить и прекословить ни в чем не буду.

Пребываю всегда вашим государя моего покорным слугою
Дмитрий Лобанов.

1783 года 4 февраля в Красноярске.

Подлинное кредитное письмо принял поверенной Григорий
Кочнев» [21].

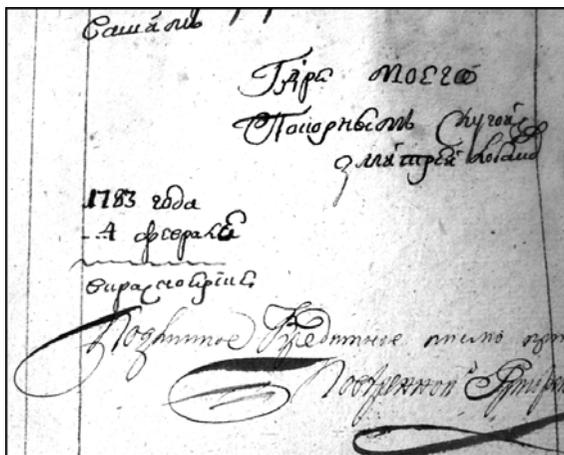

Рис. 26. Автограф Лобанова в третьем верящем письме

Из первого «верющего», плохо сохранившегося письма (у него особенно сильно обгорел верхний левый угол) узнаем, что в Иркутской губернии Д.И. Лобанов с компаньонами имел винный откуп на четырехлетие – 1779–1782 годы. За себя и Карунина он внес половину залога капитальной суммы в 40 тыс. рублей, которую он поручил получить А.А. Баранову. Кроме того, комиссионеру доверялось вместе с поверенным Медведевых Гудковым провести генеральный расчет, чтобы выяснить, есть ли прибыльные деньги, и взять из них сумму, приходившуюся на его с Куруниным половину – 12 паев. Откупные три казенных завода – Александровский, Николаевский и Илгинский, с которых поставляли 125 тыс. ведер «хлебного горячего вина», А.А. Баранов с Гудковым должны сдать в рабочем состоянии, но дополнительные расходы компании по их перестройке и ремонту, должна была по смете возмещать казна. Как рачительный хозяин откупщик предписал «излишнее имущество», особенно медную посуду, продать за наличные деньги с учетом степени ущерба от воздействия огня.

Непосредственно питейными делами ведала Иркутская «компанейская питейная контора», которой подчинялись «городовые и дистанционные конторы» во главе с комиссионерами и главными и простыми доверенными. С них А.А. Баранову следовало получить точные ведомости и доставить их своим коронным поверенным куда прикажут. Интересно, что Д.И. Лобанов кредитовал компаньона, московского купца С. Карунина, и сам же в следующем 1780 году взял на два года 8 тыс. рублей у известного Д. Демидова.

Во втором письме Лобанов поручает своему доверенному земляку, если возможно, от его имени взять откуп на очередной срок.

В дополнение ко второму письму Д.И. Лобанов в тот же день пишет третье, в котором доверяет А.А. Баранову получить свои и А. Карунина деньги, подчеркивая при этом полное свое ему доверие. Судя по деловому стилю писем, Дмитрий Иванович придерживался доверительных отношений с компаньонами, называя их товарищами, рисковал, внося за них деньги и даже кредитуясь для общей компании. Он считал своим долгом

все денежные дела и общие обязанности вести «непрерывно со всяким миролюбием». Хорошо разбираясь в людях, он мог полностью без оглядки им доверять, как это было, например, с А.А. Барановым. Он как бы предвидел будущее своего земляка, ставшего знаменитым главным управляющим Российско-Американской компании, коллежским советником VII ранга класса чинов, получившего известность во всей Европе.

Д.И. Лобанов отличался разносторонними интересами. Сотрудничая с М.С. и И.Л. Голиковыми и организовывая переезд и службу в Сибири А.А. Баранова, он познакомился с Григорием Ивановичем Шелиховым, основателем в 1783 году Северо-Американской компании, позже РАК, по словам Державина, знаменитым «росским Колумбом». Г.И. Шелихов, кстати, одно время был поверенным и младшим компаньоном Ивана Ларионовича Голикова, а значит, в свою очередь, компаньоном Дмитрия Ивановича.

Д.И. Лобанов был одним из пионеров горнорудного освоения богатств Средней Сибири. На территории Красноярского уезда в Июсах в 1778 году, по словам историка А.А. Кузина, он начал разработку медных руд в восьми местах в районе Верхнего Чулыма, Сютика и других речек, а также хотел построить медеплавильный завод на речке Печище, близ озера Можары, в 350-ти километрах от Томска [22]. Однако до этого дело не дошло. Во-первых, Д.И. Лобанов заложил не восемь, а два прииска: в 8 и 10 верстах от Божеозерского прииска, открытого Максимом Походяшиным, где якобы обнаружились признаки серебряной руды. На Воскресенском и Агрофенинском «лобановских рудниках» стали ломать «малых рудных прожилок и больших рудных гнезд камень, состоящий из зелени с пупфергласом». Неопытные в горном деле купцы обратились в императорский Кабинет с просьбой принять их рудники на казенное содержание. Д.И. Лобанов подал «2 доношения» действительному тайному советнику и кавалеру Адаму Васильевичу Олсуфьеву. В первом он сообщает об открытых им «в Кузнецком уезде около реки Абакан Аскизских медных рудниках». Во втором просит «в счет израсходованных их компанией на прииски» 28 тыс. рублей и выдать 14 тыс. рублей для продолжения

работ. Поскольку существовала горная регалия государства, то есть монопольное право на добычу цветных и драгоценных металлов, то Олсуфьев распорядился обследовать новые месторождения, чтобы решить вопрос об их взятии в казну с разрешением Д.И. Лобанову на правах аренды вести разработку медных руд с возмещением его затрат. В мае-июне 1780 года глава Барнаульского сереброплавильного завода коллежский советник Иван Иванович Лейбе и обер-бергмейстер Козьма Дмитриевич Фролов, талантливый гидротехник и сподвижник Ползунова, основателя паровой машины, лично обследовали Божеозерский прииск и лобановские рудники. Лейбе в рапорте от 23 июля «правителю Кольванской области и заводов начальнику, артиллерии генерал-майору Борису Ивановичу Меллеру», а тот в Кабинет 18 сентября доложили, что «благонадежности в лобановских рудниках не усматриваем... работа производилась по самому малейшему прожилку». Затраты на разработку руды, если вести ее «по маркшейдерскому искусству», составили бы 150 рублей, хотя Лобанову они обошлись дороже из-за беспорядочно проводимых работ, но ни как не в 25 тыс. рублей. Для окончательного решения в Горное отделение Кабинета еще 23 июля из Барнаула отправили взятые с рудников «штуфы» – образцы с ярлыками. Олсуфьев распорядился вопрос о взятии Божеозерских и лобановских рудников решить на Горном Совете Кольвано-Воскресенских заводов. В понедельник 14 декабря 1780 года Совет из семи человек во главе с Меллером похоронил начинание Д.И. Лобанова, так как настоящей руды на Воскресенском руднике «не оказалось и впредь быть невозможно». В его предприятии участвовал его компаньон по откупам М.С. Голиков. По этому поводу Лобанов имел дела с Берг-коллегией, которая свидетельствовала открытые им месторождение меди, а его вдова в начале XIX века снимала финансовые вопросы в этой области с наследниками его компаньона [23].

Тогда же в 1780-е годы в Енисейском уезде он пытается организовать добычу чёрных и цветных металлов. По свидетельству крупного знатока истории Приенисейского края, основателя Енисейского краеведческого музея Александра Игнатьеви-

ча Кытманова, он, будучи «...арендатором Каменского винокуренного завода, разрабатывал около деревни Рычковой руды, содержащие свинец, медь и серебро. Руду он отвозил на Каменский завод, где плавил ее для получения меди в нарочно устроенной печи приезжающий из Петербурга мастер Тарханов, но меди получить из руды не удалось». В 19 же пункте раздела о Енисейской округе «Описания Тобольского наместничества» 1784 года сказано о его попытке наладить выплавку железа: «Заводов в уезде не имеетца, а были заводимы два рудника железных архангелогородским купцом Лобановым, но по недостатку руды или работников оные осталены впусе» [24].

Будучи по происхождению помором, он знал и хотел реализовать советы Михаила Васильевича Ломоносова, привлекавшего внимание к важности использования Северного морского пути. Судя по материалам обстоятельного труда дореволюционного автора И.Г. Щеглова, создавшего своего рода сибирскую энциклопедию, скорее всего, этого в течение пяти лет добивался еще его отец: «Мезенский житель Рахманин на судне, снаряженном архангельским купцом Лобановым, в течение 5 лет исследовал путь от Архангельска к устью Енисея, до которого ему так и не довелось добраться, ибо взбунтовавшийся экипаж заставил его возвратиться обратно».

Новую попытку (правда, Щеглов мог отождествить отца с сыном) предпринял его сын, Дмитрий Иванович. В 1782 году на Енисейском плотбище Лобанову местные корабли выстроили два парусных морских судна – галиот и шняву. Только непредвиденные обстоятельства (гибель части экипажей от оспы и цинги) сорвали задуманное предприятие пройти от Енисея до Архангельска. Так, Лобанову не удалось стяжать славу первооткрывателя торговых путей по «Северо-Восточному ледовому проходу», как тогда называли Северный морской путь по Ледовитому океану [25]. Интересно, что это удалось только через сорок лет его земляку, талантливому открывателю около 200 месторождений «песошного золота» в Енисейской губернии, выходцу из Архангельска Михаилу Константиновичу Сидорову. В 1862 году с образцами сибирских товаров он прибыл морем из Енисейска в Лондон на Первую всемирную торговую выставку, всемерно удивив всю тогдашнюю Европу.

Д.И. Лобанов частенько бывал в Приенисейском крае и жил во многом его интересами. Об этом говорят его многолетние хозяйственные дела и благотворительность. Так, в 1785 году на его средства была заложена надвратная церковь Енисейского Спасского мужского монастыря, а через два года он дал деньги на постройку его каменной ограды [26].

Отражением его заслуг перед властью явилось присвоение ему в 1786 году военного чина капитана, что могло дать статус потомственного дворянина. Так потомственный купец попытался реализовать через классовое сотрудничество с властью заветную мечту всех имущих слоев непривилегированных сословий России, что было очень и очень непросто.

Голиков Михаил Сергеевич (1747–1788) был другим типом авантюрного склада заводчика-откупщика. Это первый известный нам компаньон Д.И. Лобанова. Он являлся представителем заметного в тогдашней предпринимательской среде России XVIII века клана курских купцов. В одном из документов он назван Емельяновичем, но многое указывает на то, что это был Михаил Сергеевич. Этот, как его называет сибирский историк Л.А. Сотников, известный биограф Г.И. Шелихова, «московский купец» с 1773 до 1783 года имел московские винные подряды в Уфимском, Пермско-Тобольском и Кольвано-Воскресенском наместничествах. Вместе с дядей Иваном Ларионовичем Голиковым (1729–1785) и Г.И. Шелиховым он основал 17 августа 1781 года «Американскую Северо-Восточную, Северную и Курильскую компанию», предтечу знаменитой Русско-Американской компании (РАК). Компания была заявлена на 10 лет, ее первичный капитал составил 105,5 тыс. рублей. Среди ее пайщиков были заводчик Никита Демидов, калужский купец Юдин и, конечно, Голиковы – Иван Александрович и его кузен Михайло Сергеевич, вложивший 25 тыс. рублей. Этот предприимчивый и смелый купец нашел оригинальный способ поднять свой сословный статус. Он за свой счет вывез на поселение 150 семей для обустройства не мифических, как злословили злопыхатели, а реальных «потемкинских» деревень. Всесильный наместник Новороссии и наперсник Екатерины II Г.А. Потемкин в 1779 году дал ему за это чин капитана. На следующий год его приписали во

Второй Оренбургский драгунский полк, правда, номинально, ибо в полковые списки его не внесли.

В 80-е годы фортуна отвернулась от М.С. Голикова. За нарушение контракта по поставке вина в Тобольск, Березов, Тару, Каинск и Омск Тобольская губернская канцелярия в 1783 году объявила его недоимщиком. За московские десятилетние подряды он вдобавок оказался должен казне 119 940 рублей. М.С. Голиков пытался перекрыть убытки другими подрядами в Сибири и даже заняться контрабандой, за что побывал в тюрьме. Русская Америка еще не давала огромных доходов. В 1787 году он отходит от дел и весь в долгах вскоре умирает.

Его племянник Иван Никитович Голиков как наследник отказывается платить. Проданное имущество Михаила Сергеевича не покрыло всех его долгов. Ивана Ларионовича, поручителя, освободил от уплаты недостающих 20 тыс. рублей уже Павел I. Он принял во внимание давность лет и уважение в деловых кругах к одному из основателей ставшей очень доходной «Северо-восточной Американской компании» [27].

Интересы М.С. Голикова не ограничивались винными откупам. Как пишет известный популяризатор русских географических открытий Сергей Марков, М.С. Голиков «изучал навигацкие науки» и был опытным мореходом. Правда, последнее аргументированно опроверг историк Л.А. Ситников. Вряд ли Михаил Сергеевич чужд был и истории. На его деньги было издано в 1785–1787 годах семитомное обширнейшее «Описание Российской коммерции» М.Д. Чулкова. Его двоюродным братом был купец Иван Иванович Голиков (1735–12.3.1801), депутат Уложенной комиссии 1767 года, собравший библиотеку в 1500 томов, известный автор многотомных «Деяний Петра I», которые издал за собственный счет.

Он жил на Сенной улице Санкт-Петербурга, недалеко от известного поэта Державина, первого заметившего гениальность А.С. Пушкина. Державин считал Михаила своим «первым соседом» и даже посвятил ему специальное стихотворение «Послание к соседу», в котором иронично описал причуды снобобогача, который даже завел экзотическую любовницу-гречанку, и предостерегал от превратностей судьбы [28].

С ростом населения Сибири увеличивались объемы винопроизводства и продаж. У коронных поверенных, которые все чаще объединялись в крупные компании, резко возросло число субарендаторов – младших компаньонов, главных и просто поверенных и прочих своих агентов по доставке зелья по городам, уездам, волостям, дистанциям и винным магазинам, продаже на вере в питейных домах, выставках. Золотопромышленность с 30-х годов XIX века резко увеличила объемы выкурки потребления. Енисейская губерния, став лидером золотодобычи в стране, оказалась и на первом месте по потреблению вина в империи – соответственно 1,21 и 0,86 ведра на душу населения.

Наиболее крупными преемниками Д.И. Лобанова по откупам в Сибири, в том числе с трех «приенисейских заводов», в первой половине XIX века были К. Передовщиков, купцы Е.А. Кузнецов, верхотурцы А.Я. и Ф.И. Поповы, И.К. Кузнецов, Никита и Иван Мясниковы, князь А.И. Голицын, камергер В.А. Всевожский, дворяне И.Б. Базилевский и Д.Е. Бенардаки.

Крупным откупщиком с трагической судьбой был туруханский купец **К. Передовщиков**. Сосланный в Сибирь в 1788 году, он сумел разбогатеть на пушной торговле и подрядно-откупных операциях, связанных с продукцией Каменского и Краснореченского винокуренных заводов. Скорее всего, он начинал поверенным и комиссионером у Д.И. Лобанова, но полных данных о его откупных операциях обнаружить не удалось. Известно, что позже, в откупное четырехлетие 1799–1802 годов он держал на откупе винную продажу в Енисейске, Туруханске, Нарыме, Сургуте и Березове за откупную плату в 69 тыс. рублей в год, а вино поставлял с арендованного казенного Каменского винокуренного завода. В 1803–1807 годы в его откупном содержании находились Иркутский и Нижнеудинский уезды. В 1807 году на состоявшихся в Сенате торгах на новое откупное четырехлетие К. Передовщиков взял на откуп «пол-России» (в его распоряжении, в частности, находилось управление санкт-петербургским откупом), в том числе и продажу на «сидельческом праве» вина в Иркутске и Нижнеудинске с уездами. Однако его комиссионер по откупным сборам в Иркутской губернии колывано-воскресенский купец

А. Третьяков без ведома хозяина передал откуп «в полное хозяйственное распоряжение» протее губернатора Трескина – иркутским купцам И. Забелинскому и П. Иванову, с которыми Иркутская казенная экспедиция заключила отдельный контракт, признав их тем самым полноправными откупщиками. К. Передовщиков обжаловал действия своего комиссионера и иркутских властей в Сенате, и последний своим решением восстановил К. Передовщикова в правах законного откупщика. Такой оборот дела вызвал недовольство всесильного иркутского гражданского губернатора Трескина, ставленника генерал-губернатора всей Сибири Б.И. Пестеля, который умудрялся управлять огромным краем, не покидая Петербурга. Трескин с устранением от откупа его ставленников терял возможность личного обогащения. Он с помощью Б.И. Пестеля, как ни удивительно отца знаменитого руководителя Южного общества декабристов, добился высылки К. Передовщикова в Иркутск. Там ему предъявили обвинения в несвоевременном взносе в казну денег за выбранное по откупу вино, подкупе чиновников, незаконном содержании ссыльных в качестве сидельцев в питейных домах и даже в продаже вина с примесью купороса. Сделанные следствием денежные начеты на откупщика в виде недовзноса в казну питейных сборов и штрафов за злоупотребления и «беззаконную корысть» превысили 200 тыс. рублей. В результате пострадал не только Передовщиков, но и один из его залогодателей – томский купец Шумилов, у которого был конфискован и продан за 29,5 тыс. рублей предоставленный им в качестве залога по откупу Передовщикова каменный дом в Тобольске.

В результате следствия по обвинению в злоупотреблениях по откупу, значительная часть из которых были подложными, К. Передовщиков был предан суду и отправлен на каторгу. Как видим, житейская мудрость «С властью не дерись, с богатым не судись», в полной мере была справедлива и в те времена.

Благодаря льготам и послаблениям в первой половине XIX века в винокуренную промышленность и откупа пошло дворянство. По подсчетам историков, из всех 68-ми до 1849 года винных откупщиков 45,5 % были из дворян, а остальные из купцов, причем только 13,2 % приходилось на сибиряков [29].

Мелкое и среднее купечество от откупов было отстранено еще и тем, что с 1807 года стартовый капитал для купцов III гильдии увеличили в 16 раз – до восьми тысяч руб. Им осталась роль агентов и простых служащих во все разрастающейся сети снабжения и функционирования питейных домов крупных акционерных компаний таких откупщиков-монополистов, как И.Ф. Базилевский и Д.Е. Бернадаки.

Кузнецов Ефим Андреевич вел откупные операции на большие суммы в первой половине XIX века, был купцом первой гильдии (до 1821 года тобольским, затем иркутским и енисейским). В откупное четырехлетие 1815–1818 годов содержал питейные сборы в Иркутской губернии в компании с бывшим казанским купцом В.И. Патюковым. За 4 года откупщиками было внесено в казну откупной платы на сумму 2 млн. 800 тыс. рублей. В следующее откупное четырехлетие (1819–1822) Патюков и Кузнецов, вновь взявшие на торгах в Сенате питейные сборы в Иркутской губернии, заключили частное соглашение, по которому за Патюковым оставалась продажа вина лишь на территории Нижнеудинского уезда, а все остальные уезды губернии передавались в откуп Кузнецову, который в течение откупного срока реализовал более 600 тыс. ведер вина и внес в казну в виде откупной платы не менее 2,5 млн. руб. в компании с титулярными советниками Кольцовым, П. Голубковым и коллежским асессором Д. Пономаревым. Ефим Кузнецов содержал питейные сборы в Иркутской губернии и в откупное четырехлетие 1831–1834 года, но уже как комиссионер компании камергера Всевожского [30].

Не только сановная знать прельщалась огромными доходами но и наиболее энергичная и предприимчивая часть поместного дворянства. Таким был **Базилевский Иван Федорович** (1791–1876) – родом из дворян Оренбургской губернии. Было несколько ветвей этой фамилии среди крупнейших сибирских предпринимателей. Отец – протоиерей Богородицкой церкви города Стерлитамака в Башкирии, но получил потомственное дворянство за «отвращение» башкир от участия в пугачевском движении. Иван с братом Виктором, уехав в столицу, определились не на коронную службу, а в компанию по продаже вина

в Сибири. Эта компания состояла из действительного камергера В.А. Всеволожского, полковника князя А.Б. Голицына и московского первогильдейца К.Н. Кузина. В 1828 году они взяли винный откуп по всей Сибири. В залог объявлено имение Всеволожского, в котором было 3554 ревизские души крестьян по номинальной оценке по 50 рублей за душу и поместье тайного советника барона Строганова с 2399 ревизскими душами, всего по оценке, на 297 650 рублей.

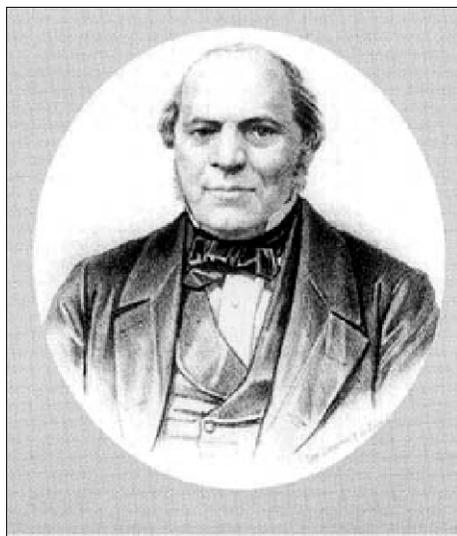
Рис. 27. И.Ф. Базилевский

Главным комиссионером по Томской губернии был принят коломенский купец Митрофан Горохов с годовым жалованьем в 12 000 рублей (это в 3–4 раза выше жалованья губернатора), причем на всем готовом – квартира, свечи, дрова, жилье. Кроме того, предусматривались наградные 6000 рублей. В Иркутской же губернии комиссионерами, как отмечалось, был Ефим Кузнецов с купцом Патюковым.

Иван Федорович в первые свои откупа вступил в конце 1820-х годов, после Горохова. Через восемь лет, благодаря дворянскому статусу, он смог приобрести имение в Уфимской и Смо-

ленской губерниях. В Сибири же у него были десятки крепостных крестьян и более одной тысячи десятин земли в Каинском округе Томской губернии, что являлось грубым нарушением. С его имения поставлялось зерно для Александровского винокуренного завода Иркутской губернии. По мнению историка В.П. Бойко, каждая десятина давала ему 10 рублей дохода. Интересно, что среди других управляющих И.Ф. Базилевского был П.И. Шумахер, который осел во второй половине XIX века в Красноярске и слыл незаурядным поэтом. Двадцать лет И.Ф. Базилевский в компании с Всевожским и Бернадаки занимался винопродажей. О масштабах и деятельности свидетельствуют суммы от продажи вина в одной Томской губернии в 1851 году – 1 203 346 рублей, 1855 – 1 512 639, 1858 – 476 680 рублей. Огромные доходы (не случайно винных откупщиков называли пивяками общества) позволяли И.Ф. Базилевскому позволять себе такие причуды, как обсерваторию при своем доме на Петербургской стороне на берегу Невки в Санкт-Петербурге. С 1840-х годов он стал крупным золотопромышленником [31].

Бернадаки (Бернадаки, Бернардаки) Дмитрий Егорович (1799–1870) – выходец с о. Крит, в Россию приехал в 1820-х годах, отставной поручик. В 1830–1840-е годы был самым крупным винным откупщиком в Сибири, в том числе Енисейской губернии, с которой и начинал эту свою деятельность. Чтобы не зависеть от доходов от одной отрасли, богачи старались вкладывать деньги в различные сферы предпринимательства. В этом они видели гарантию от разорения. Бернадаки распоряжался миллионами рублей, стал золотопромышленником и судовладельцем во второй половине XIX века. С 1858 года имел два парохода на Байкале. В 1860-х на правах иногороднего купца третьей гильдии торговал в Красноярске. В 1867 году создал «Верхне-Амурскую золотопромышленную компанию», которая с 1869 года перешла под контроль петербургских банкиров Гинцбургов. Состоял в дружеских отношениях с декабристом А.В. Поджио, был знаком с революционером-анархистом М.А. Бакуниным. Его сын Николай занимался золотопромышленностью и банковским делом, дочери удачно вышли замуж за иностранцев: одна стала графиней Перхеюптейн, другая графиней Талейран-Перигор [32].

Рис. 28. Д.Е. Бенардаки

При винопродаже на «вере» обычно зелье поставлял через своих поверенных откупщик, а реализацией занимались выборные из городской думы. Так практиковали в уездах Центральной Сибири, кроме отдаленного Туруханского уезда.

В разные годы заводскими поверенными, то есть глазами и ушами откупщика, и по винной доставке продукции Краснореченского и других заводов, личными контрагентами Д.И. Лобанова было несколько человек. При этом заводчик, естественно, старался подбирать, во-первых, не местных, во-вторых, из купцов. Так, поверенным, скорее всего, в Краснореченском заводе с 1779 до 1 мая 1783 года являлся Григорий Никитич Мукосеев (1742–1792) родом из купцов г. Великих Лук. Нанятый Д.И. Лобановым, он с женой Авдотьей Ивановной (1761) навсегда перебрался в Сибирь. Поскольку откупщик не собирался продолжать аренду казенных заводов на очередное четырехлетие, то Мукосеев записался в красноярское купечество второй гильдии, показав за собой 1100 рублей капитала. В магистратской ведомости 1783 года записано, что он «по короткости вступления в купечество и за неокончанием возложенной от ко-

ронноповеренных повереннической должности расчетов торгов не начинал, а поныне провизией довольстветца ис получаемой от коронново поверенного платы. В звании своем не сумнительен, долгов кредиторам никому не имеет». Вдова Мукосеева переписалась в мещане [33].

Иван Кузьмич Юрьевцев был поверенным на лобановском Вороновском заводе. По обывательской книге 1786 года этот столичный мещанин 1748 года рождения, как и Мукосеев, переписался в красноярские купцы третьей гильдии, по IV переписи 1782 года. Жена Марфа Матвеевна была его моложе на 8 лет. К 1795 году Юрьевцев не смог показать за собой капитала более 500 рублей и переписался в мещане [34]. Вероятно, ухудшение его материального положения связано со смертью Д.И. Лобанова.

Когда Дмитрий Иванович снова вернулся к аренде приенисейских винокурных заводов, то на четырехлетие 1788–1791 годов на Каменский завод взял поверенным енисейского купца третьей гильдии Ивана Евдокимовича Осотина. Он занимался производственным процессом и эксплуатацией заводского оборудования, ремонтом и строительством новых служб за счет казны, если это оговаривалось контрактом. Не случайно Дмитрий Иванович нанял его уже винокуром на следующий срок.

Ефим Семенович Трескин (? – ум. в сер. 1790-х) – енисейский купец третьей гильдии. Совместно с братом Петром был поверенным Лобанова по продаже вина в Туруханском крае. В 1782 году имел приказчика в Красноярске – мещанина А.Ф. Елдеева, которому тогда же дал кредитное письмо на 3 тыс. рублей. В 1793 году объявленный им по второй гильдии капитал составлял 5050 рублей. В 1787 году в Атамановской волости Красноярского уезда строил барку 6 на 6 сажений и лодку 5 на 3,5 сажений для сплава в Енисейск хлеба, купленного его приказчиком А. Тюрепиным. В 1793 году на свои средства начал строительство каменной Успенской церкви. Сохранилась подпись Ефима под коллективным прошением енисейских купцов в Главный магистрат.

Он происходил из старой купеческой семьи Енисейска конца XVII–XIX века. Основатель рода – дед, посадский Михаил

Григорьев Трескин – умер между 1711 и 1719 годом, оставив двух сыновей: Семена и Фому. Оба они некоторое время по малолетству и бедности были освобождены от тягла и числились «енисейскими жителями», проживая на чужом подворье. О Фоме Трескине ничего больше не известно.

Его отец Семен Михайлович Трескин по Камер-коллежскому окладу 1760 года имел 10 лавок, 4 чулана, 2 шалаша, 6 амбаров, 2 харчевни (последние использовались как складские помещения). Торговые помещения в основном сдавались им в кортому-аренду, сам Семен или его сын Петр использовали для «перепродажи» лишь 2 лавки, большей частью находясь «в отъездах для купечества в разные места». В 1741 году избирался ратманом, в 1745 – бургомистром Енисейского магистрата. Дети Семена, Ефим и Петр, стали купцами. Один из наследников Ефима был видным енисейским купцом в конце XIX века [35].

Блинов Петр Алексеевич (1741/53 – ?) – сын тобольского купца Алексея Яковлевича Блинова (р. 1697). Переселившись в Красноярский уезд в деревню Овсянскую, в 1795 году записался купцом в третью гильдию по Красноярску, куда переехал. Жена Акси́нья Матвеевна (р. 1752) – дочь купца Потехина из деревни Даурская. Дети: Алексей (1776–1784), Иван (р. 1776; у него жена – Татьяна Петровна (р. 1773) – дочь красноярского казачьего головы Шахматова; у них дочь Надежда (р. 1795)), Виссарион (р. 1778), Христина (р. 1780), Алексей (р. 1785), Аграфена (р. 1785), Надежда (р. 1787) [36].

Гашков И.П. происходил из местных казаков. Его отец Петр сделался живописцем (1766). Будучи енисейским купцом третьей гильдии с объявленным капиталом в 1050 рублей, в 1793 году Иван вместе с братом А. Гашковым стал откупщиком по продаже вина, очевидно, с причулымских заводов, поскольку один в 1794 году действовал в Алтайском горном округе на Барнаульском заводе Кольванской губернии, а другой, И. Гашков, заведовал тремя питейными домами в Красноярске. Скорее всего, деловые отношения с ними вел Д.И. Лобанов. В 1797 году Кольванская казенная палата пыталась взыскать с И. Гашкова недоимку в размере 4076 рублей, возникшую из-за «невыпродажи» им вина. Кроме торговли, он занимался иконо-

писанием, изготовлением обуви из сыромятной кожи. В 1793 году семья И.П. Гашкова состояла из двух душ мужского пола. В списке купцов за 1811 год не показан, поскольку понес убытки и был перечислен в мещане. В Кольванской же губернии откупали торговлю вином на сидельческом праве в кабаках красноярцы Е.Л. Пороховщиков (1788) и С. Худоногов (1787–1790). Их прибыль состояла из разницы между откупной суммой и ценой продажи вина [37].

О социальной сущности откупщиков в XVIII – середине XIX века нет единого мнения. В перестроечное время российская историческая наука повышенное внимание справедливо уделяет анализу и пересмотру типов и форм взаимодействия власти и общества. Но традиционные подходы еще сказываются. Хотя аксиомой стало понятие «государственный феодализм» с его основной экономической базой – казенным хозяйством, но социальная сущность социально-экономического сотрудничества с ним разных сословий, групп и отдельных лиц нередко трактуется упрощенно. Отдельные историки стали говорить о смешанном секторе экономики, но доходы от откупов в монопольных отраслях материального производства, в системах фиска и обмена, традиционно со времен П.Н. Милюкова, всеми трактуются как косвенный налог. Доходы же откупщиков связывают только с процессом первоначального накопления капиталов нарождающейся буржуазии. С этим трудно согласиться в отношении доходов от винокуренной промышленности и виноторговли во времена откупной системы в казенных монополиях.

Со второй половины XVI до середины XIX века государство нередко сдавало в срочную аренду свое монопольное право на выкурку и продажу товарного алкоголя, в первую очередь горячего хлебного вина, как называлась тогда водка – дистиллят. При этом неважно, казенными были арендованные винокуренные заводы или частными, так как монополия обеспечивалась жесткой регламентацией объемов выкурки и поставок вина, отпускных и продажных цен, сумм истинных и прибыльных денег. Откупщики, среди которых были лица податных сословий, в первую очередь купцы, на свои или казенные средства основывали заводы или брали их в аренду, организовывали или контроли-

ровали производственный процесс, распоряжаясь смешанного типа рабочей силой, отвечали за доставку и даже продажу поставляемого вина. Для борьбы с корчемниками им придавались казаки и даже воинские команды, которых откупщики содержали. Часть огромных доходов легально, а также незаконно доставалась откупщикам. Ещё историк Н.Д. Чечулин писал, что важная статья государственных доходов попадала в руки откупщиков, которые не брезговали ничем. Если «... в 1765 году из каждых 100 рублей, потраченных населением на вино, в распоряжение казны поступало не менее 80 рублей, к 1775 году из тех же ста рублей поступало уже около 72 рублей, а к концу царствования Екатерины II уже всего около 56 рублей». Сибирь была для них не только буквально, но и фигурально золотым дном. Видный томский историк В.П. Зиновьев подсчитал в своей обстоятельной статье, что только за период с 1837 по 1846 год прибыль откупщиков в Сибири составила 13–15 млн. рублей серебром, а в целом за первую половину XIX века от сибирского откупа они получили 45–50 млн. рублей чистой прибыли, а государство чуть более половины – 120 млн. [38].

По существу, в политико-экономическом смысле эти огромные доходы откупщиков во многом выступали частью феодального централизованного налога-ренты, являясь результатом и проявлением социального сотрудничества сословно-правлящей верхушки страны с зажиточными слоями тяглых сословий. Последних это делало в основном черными феодалами, то есть эксплуататорами феодального типа, но без полноты соответствующего дворянского юридического статуса. Показательно, что центральная власть делала определенные шаги к их легализации. Так, Екатерина II присваивала звание «коронных поверенных», право носить шпаги, приравнивала их питейные конторы к казенным учреждениям, освободила от постоев, отдавала на их содержание команды казаков и солдат, наконец, присваивала некоторым крупным купцам-откупщикам офицерские чины или гражданские классные ранги, формально дающие права потомственного дворянства.

Юридическим основанием для этого служила XIV глава «Регламента Главного Магистрата», принятого 16 января

1721 года, которая давала надежду верхушке городского самоуправления на пожалованное дворянство. Она гласила: «А ежели кто из магистрата в вверенной ему службе покажет тщательное радение, и во все время службы содержит себя честно, таковым позволяется его царскому величеству бить челом, которые по заслугам могут быть пожалованы шляхетством» [39]. Этим Петр Великий, поднимая статус и расширяя функции городского самоуправления, обеспечивал личную заинтересованность его лидеров в подчинении своей службы интересам господствующего сословия.

Преемники первого российского императора, клялись править по его заветам. Однако, приходя к власти на дворянских штыках, стали выхолащивать его идею открытости рамок дворянского сословия, так как «природные» его члены были недовольны, что их «голубая кровь» разбавляется, по выражению историка В.О. Ключевского, «алой плебейской кровью». Даже родная дочь Петра I Елизавета, потакая дворянскому Сенату, стала отделять у недворян должностные ранги, соответствующие потомственному дворянскому статусу, от общего статуса должностного лица. То есть по чиновничьей должности VIII и выше ранга выходец из социальных низов считался дворянином (с 1785 года с приставкой «зауряд»), но грамоту от высшей власти о потомственной принадлежности его с семьей к дворянству не всегда получал [40].

Горожане, активно сотрудничавшие с коронной властью в сфере самоуправления, практически не получали дворянства. Хозяйственная же сфера сотрудничества имущей их верхушки, в первую очередь купцов, не была отражена Табелью о рангах. Уповать можно было лишь на добрую волю верховной власти, но ее узкосословная формальная позиция и полумеры в этом вопросе сильно разочаровывали. Так, указом от 17 января 1752 года несколько купцов, пожалованных в высокие VIII и VII гражданские классы-ранги, были выключены из подушных налоговых списков, но остались числиться в купечестве и несли все, кроме подушных денег, платежи. В указе особо подчеркивалось, что им «деревень не покупать и такого дворянства, какое в «Табели о рангах» изображено, не иметь, потому что они

те чины получают не из таких служителей, о каких в той Табеле о рангах явствует». По примеру Елизаветы, и прямо ссылаясь на нее, Екатерина II именным указом от 18 ноября 1766 года пожаловала коллежскими асессорами VIII класса-ранга бывших винных откупщиков Филиппа и Александра Угрюмовых и венецианского купца Попонелопа, а купец С. Роговиков получил даже ранг надворного советника VII класса чинов. Однако дворянами эти обладатели рангов не стали. Специально указом оговаривалось, что отличие им дано не за тот род службы, за который положен полноценный дворянский статус [41]. Таким образом, названные купцы не стали полноправными дворянами, а лишь личными дворянами, не имевшими основных сословных привилегий. Верховная власть считала повышение их функционального, а не общесословного статуса достаточным для поднятия престижа и успешной деятельности своих контрагентов из тяглых сословий.

Нет сомнений, что и М.С. Голиков и Д.И. Лобанов знали об этом и хотели подстраховаться, добившись присвоения офицерских чинов IX класса, хотя достаточно было чина прапорщика XIV класса для получения потомственного дворянского статуса. Но М.С. Голиков, несмотря на могущество Г.А. Потемкина, так и не получил желаемого, судя по отсутствию в списках своего Оренбургского полка, отказу в казенном кредите, пребыванию по суду в тюрьме и заметной благотворительности. Как добился и какого качества было капитанство Д.И. Лобанова – нет сведений. Правда, его вдова в имущественных хлопотах называлась капитаншей, а не дворянкой.

Таким образом, даже первогильдейцев, не говоря уж о других купцах, феодальная власть не пускала, за редким исключением, в ряды «действительных» дворян. Дорога туда по-прежнему лежала через казарму, канцелярию и дворец. Купцы с высокими должностными классными рангами являлись субфеодалами, а сословно вместе с тяглого происхождения чиновниками-личными дворянами с VIII и выше служебными рангами, но не имея дворянской грамоты, – «дворянами-зауряд». Прочие откупщики и казенные поставщики, получающие через социально-экономическое сотрудничество с властью, легально или

нелегально, часть централизованной феодальной ренты, являлись черными феодалами. В Англии таких людей К. Маркс называл «чумазыми лендлордами», а В.И. Ленин – крепостными крестьянами, которые имели своих крепостных [41]. Правда, в раннебуржуазной Англии в XVI веке члены третьего сословия, купив поместье или диплом офицера, автоматически становились в ряды привилегированного сословия.

В первой половине XIX века при охранительном царизме Николая I крупное купечество, если не довольствовалось званиями коммерции или мануфактур-советников, пыталось достичь дворянства через потомственное почетное гражданство, связанное с многолетним участием в самоуправлении, через щедрую благотворительность или, хотя бы для своего потомства, через учебу детей в университете. И в пореформенную эпоху крупное сибирское купечество старалось всячески идентифицировать себя с дворянством, не пытаясь осознать свою особую идентичность и свое право на гражданское равенство с этим привилегированным сословием.

Конечно, крупные купцы-откупщики, используя вольный найм, вкладывая часть средств в другие отрасли промышленности, объективно были носителями раннебуржуазных отношений и тоже способствовали пролетаризации части населения. Но их социальную сущность определяли именно откупа – «средневековая система взимания косвенных налогов центральной власти на предметы широкого потребления, один из спутников феодально-крепостнического строя». Однако эти «косвенные налоги» являются и формой централизованной ренты, а откупа – не «спутник», а порождение строя. Вызывает сомнение и тезис том, что огромные средства, получаемые казной от питейных откупов, так или иначе «...поступали вновь буржуазии, то есть были средством “фабрикации фабрикантов”» [42]. При крепостническом режиме эти средства шли в первую очередь на охранительные цели царизма, укрепление политического господства дворянства. С отменой крепостного права действительно можно говорить о медленном процессе перерождения части черных и субфеодалов в буржуазию, но сохранение политического господства дворянства и сословности сильно тормозили его.

Есть соблазн дворян-откупщиков, закладывающих даже свои имения, считать представителями, по Марксу, «нового дворянства», то есть трансформировавшимися в буржуазию феодалов. Однако они могли появиться только благодаря попечительству верховной феодальной власти – этому сословно-административному ресурсу. В их природе, деятельности и распоряжении капиталом явно было больше феодального, чем буржуазного.

Примечания

1. Милов Л.В. Великорусский пахарь, или особенности российского исторического процесса. М.: Наука, 1998.
2. РГАДА. Ф. 275. Оп. 2. Д. 2578. Подробнее см.: Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. Гл. 2.
3. ПСЗ-1. Т. XXI. № 15363. Л. 432–436.
4. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 9577. Л. 439.
5. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население... С. 102–103.
6. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 39. Л. 36 об. – 40; Быконя Г.Ф. Русское неподатное население... С. 154, 161.
7. РГАДА. Ф. 3. Оп. 11. Д. 256. Л. 3–4; Д. 267. Л. 1 об.
8. РГАДА. Ф. 3. Оп. 11. Д. 256. Л. 4. Д. 267. Л. 1.
9. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского. Спб., 1872. Т. I. С. 114–116, 247–248.
10. РГАДА. Ф. 173. Оп. 1. Д. 18820. Л. 30–39.
11. ГАТО. Ф. 3. Оп. 42. Д. 463. Л. 115–116. Формулярный список В.И. Соловьева.
12. Подробнее см.: Быконя Г.Ф. Русское неподатное население... Гл. 4. С. 3–10.
13. Подробнее см.: Быконя Г.Ф. Русское неподатное население... Введение. Гл. 4.
14. Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество. М.: Олма-Пресс, 2004.
15. Русский биографический словарь. М., 1887. Т. 38. С. 428; Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII веке. Новосибирск: Наука. СО, 1981. Гл. 2.

16. Громыко М.М. Верхотурские купцы Походяшины // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Бахрушинские чтения. 1969. Новосибирск: Наука. СО, 1972. С. 137.
17. Кузин А.А. История открытия рудных месторождений в России. М., 1961. С. 195.
18. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.
19. Громыко М.М. Г.М. Походяшин в «Дружеском ученом обществе» Н.И. Новикова // Города Сибири. Экономика управления и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск: Наука. СО, 1974. С. 259–298.
20. Мальчин М.И., Попова Л.Д. Первые ворота Российского государства. Очерки градостроительной и архитектурной истории Архангельска и Холмогор. СПб.: Лики России, 2002. Прил. 2. С. 191.
21. ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–8об.
22. Кузин А.А. История открытия рудных... С. 195.
23. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 920. Л. 1–2, 8 об.
24. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 гг. ККМ. О/Ф. № 7886/229. С. 133; Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Наука. СО, 1982. С. 228.
25. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. С. 158.
26. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 920. Л. 1–2, 8об.
27. Ситников Л.А. Григорий Шелихов. Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1990. С. 78–80, 180, 335–336.
28. Сергей Марков. Компания Шелихова-Голикова // Земной круг. СПб., 1966. С. 639–641; РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4321. Л. 758–760; РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 266. Л. 2–2 об.
29. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 гг. ККМ. О/Ф. № 7886/229; Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства на Алтае (XVII – начало XX вв.). Барнаул, 1999. С. 486, 487, 496.
30. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 гг. ККМ. О/Ф. № 7886/229.
31. Бойко В.П. Предпринимательская деятельность дворян Базилевских в Сибири // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири: тематический сборник. Томск, 1994. С. 53–63.

32. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 257; Оп. 3. Д. 538; Дацышен В.Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск, 2005.
33. История Красноярска... С. 374–375; Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во Сибир. отд. РАН, 2012. С. 207–208.
34. ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5. Л. 46; Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во Сибир. отд. РАН, 2012. С. 297.
35. Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах... С. 263
36. ГАКК. Ф. 160. Оп. 2. Д. 5; Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах... С. 103.
37. ТФ ГАТО. Ф. 258. Оп. 1. Д. 4; Ф. 364. Оп. 1. Д. 11; Разгон В.К. Частное предпринимательство на Алтае в XVIII – первой половине XIX в. // Предпринимательство на Алтае. XVIII – 1920-е годы. Барнаул, 1993; Буланков В.В., Шумов К.Ю. Енисейск. Очерки по истории развития и застройки города. Красноярск, 1999; Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства на Алтае XVII – начало XX в.). Барнаул, 1999. С. 486–496; Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах... С. 130.
38. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб, 1906. С. 153; Зиновьев В.П. Винные откупа в Западной Сибири (XVIII в. – 1863 гг.) // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири. XVIII в. – XX вв.: тематический сборник статей. Томск, 1994. С. 44, 50.
39. ПСЗ-1. Т. VI. № 3708. С. 297–298.
40. ПСЗ-1. XXIII. № 16838; Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007. Гл. 2. С. 66, 98–99.
41. См. подробнее Быконя Г.Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII – XVIII вв. Красноярск, 1979. Гл. 1: Некоторые теоретические вопросы аграрных отношений при феодализме.
42. Зиновьев В.П. Винные откупа в Западной Сибири (XVIII в. – 1863 гг.) // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири. XVIII в. – XX вв.: тематический сборник статей. Томск, 1994. С. 49–50.

ГЛАВА 6. НА ВОЛЬНЫХ ХЛЕБАХ

6.1. АКЦИЗНАЯ СИСТЕМА В СИБИРИ

Известная либерализация российского общества, связанная с отменой крепостного права, с военной, судебной, налоговой и другими реформами 60–70-х годов XIX века, затронула и сферу экономики. Отмена многих казенных монополий, в том числе в винокурении и виноторговле, открыла широкую дорогу частному капиталу. С 1 января 1861 года ввели акцизную систему налогообложения винокуренной промышленности. Она предполагала свободу производства крепкого алкоголя и его продажу. Казна же получала доход не от непосредственного участия в этой сфере экономики, а от сферы распределения доходов в этой отрасли.

Казенные винокуренные заводы и питейные дома продавались частным лицам, но все средства и звенья их функционирования подвергались тщательному контролю и налоговому обложению. Прямой налог с производства, собственно акциз, определялся с одного процента безводного спирта, с начала в 4 копейки, с 1882 года – 8 копеек, с 1888 года – 9 1/4 копейки, с 1892 г. – 10 копеек с каждого градуса спирта. Из налоговых соображений и потребности населения в продукции власть ввела для винозаводчиков высшую и низшую нормы производства и выхода продукции из каждого вида сырья. Для низшей нормы устанавливалось 32 % выхода однопроцентного спирта из одного пуда ржаной муки с солодом, а для высшей – на два процента выше, что равнялось 0,8 и 0,85 ведра 40-градусной водки. Перекур не облагался акцизом, а за недокур брали 0,5 стоимости перекура. Это предполагало заинтересованность владельцев заводов в модернизации предприятий, правда, выбор нормы предоставлялся самим винозаводчикам. Целям интенсификации винокурения служило и требование, чтобы строящиеся заводы имели не менее 270 ведер емкости их квасильных чанов при трехсуточном брожении, то есть каждый чан должен быть как минимум объемом в 90 ведер.

Акцизная плата за открытие завода, за получение особого свидетельства на каждый новый затор с обязательным указанием количества и состава припасов, сроков брожения и процесса перегонки, расхода и прихода сырья и готовой продукции, непосредственный контроль за всем этим акцизных надзирателей – все это в интересах фиска было взято из откупной системы и ослабляло умеренно-буржуазный характер акцизной реформы. Правда, во всем этом был один важный, нравственного характера, извиняющий фактор – забота о народной трезвости. Этим же соображением была продиктована и патентная политика. За право на оптовую и мелкую торговлю вином следовало покупать патенты. Сумма за них зависела от разряда губерний, в частности в 1863 году в первой группе брали от 15 до 100 рублей, во второй – от 35 до 200 рублей, в третьей – от 15 до 150 рублей. Цены на патенты почти ежегодно росли. По данным Департамента неокладных сборов, в 1866 году в России было выкуплено 390 654 патента на право оптовой и розничной торговли на сумму 7 598 965 рублей, в 1875 году – 192 399 патентов на 17 163 932 рубля, в 1880 году – 205 901 патент на 17 481 598 рублей [1]. В результате этих действий значительно сократили количество точек виноторговли, однако интересы казны не пострадали.

Поскольку госаппарат тогдашней России не мог эффективно наладить действенный контроль за выкуркой водки и, прежде всего, ее продажей, периодически делались попытки реформировать акцизную систему. Особенно пагубно было самовольное открытие питейных домов. Поэтому в 1870-е годы пытались ее демократизировать, ограничивая число питейных домов через предоставление права волостным и сельским сходам открывать или запрещать в своей волости и селе продажу водки [2]. В 1884 году совещание при Департаменте неокладных сборов пересматривало правила винокурения. Причем запросили на этот счет мнение региональных акцизных управлений. Сибиряки пытались смягчить жесткую регламентацию винокуренного процесса, в частности, установить в сибирских условиях не трех-, а четырехсуточное брожение, разрешить иметь дополнительные резервуары [3]. В 1891 году отменили низшую

норму винокурения и установили разные проценты безакцизного отчисления от 0 до 6 % в зависимости от размеров производства и способов винокурения. Ужесточили правила открытия и функционирования питейных заведений. Расширили права сельских обществ на выдачу разрешений для открытия питейных мест. В 1893 году детализировали правила о патентных сборах с заведений по продаже крепкого алкоголя. Патенты выдавали на год и на полгода.

В целом, акцизная система способствовала техническому перевооружению и укрупнению винокуренных заводов. Так, если в 1860 году в России насчитывалось 5160 действующих заводов, то 1882 году – 3073, а через год после введения новых правил уже только 2517. Из них, по подсчетам Б.К. Андрющенко, в Сибири в 1865 году насчитывалось 29 винокуренных заводов, стоимость продукции которых составляла 4 946 000 рублей, а в 1885 году – 56 заводов и 7 422 000 рубля. Численность же рабочих с 1975 человек стала более 3 тыс. человек [4].

Следует учесть, что при повышении объемов винокурения число питейных домов напрямую не влияло на нормы потребления зелья. Так, в 1893 году Восточная Сибирь занимала первое место в Российской империи по душевому потреблению алкоголя – 0,7 ведра в 40 градусах на душу населения, что было в два раза выше потребления в Западной Сибири, при этом плотность питейных заведений в ней была в полтора раза выше, чем восточнее Енисея.

За поступлением акцизных сборов следили специально созданные губернские и окружные акцизные управления. Они подчинялись в сибирских генерал-губернаторствах соответствующим акцизным управлениям Западной и Восточной Сибири, которыми ведал имперский Департамент неокладных сборов.

В Сибири акцизная система была введена в 1861 году. Акцизное управление Западной Сибири, основанное в 1862 году, размещалось в Томске. Губернское акцизное управление делилось на 5 акцизных округов. В состав первого входили города Томск, Нарым, Тайга и Мариинск с Боготольской и соседними восточными волостями. В свою очередь, округ делился на 7 участков. Штат каждого акцизного округа состоял из окруж-

ного надзирателя, его помощников по участкам, письмоводителя, старшего и младшего контролеров и надсмотрщиков.

Кроме жесткого фискального контроля, казна продолжала хозяйственно-попечительские меры в области винокурения, особенно сельского, чтобы не было ущерба хлебопашеству. Создавались особые комиссии и совещания, чтобы облегчить жизнь мелких винокуренных заводов. Их уравнили по льготам и сбыту с крупными. Крестьянский банк с 1886 года получил право оценивать каменные и деревянные здания в залоги в рассрочку и за акцизы на вино. На следующий год уменьшили размер безакцизного перекура с 5 до 3 %. В то же время разрешили заводчикам без залога вывозить спирт за границу. В 1885 году учредили особую корчемную стражу. Тогда же, чтобы обеспечить качественную очистку спирта-сырца, законом 1885 года обещано за казенный счет устанавливать перегонные аппараты и фильтры. Все это легло в основу закона 4 июля 1890 года [5].

6.2. В ПОГОНЕ ЗА «ЗОЛОТЫМ ТЕЛЬЦОМ»

В новых условиях о законсервированном заводе вспомнили очень быстро. Как писал алтайский историк А.М. Мариупольский, «...иркутский купец второй гильдии Михаил Ициксон при поддержке своего тестя, купца Бейлина, в 1861 году взял в аренду у казны 100 десятин земли для строительства винокуренного завода на речке Крыжовке в 35 верстах от Ачинска» [6]. Нужно при этом уточнить три момента в этой информации. Во-первых, речка, как мы знаем, и поныне называется Карымовка. Во-вторых, не для строительства завода, а для его пуска, ибо прошло после остановки около двадцати лет. Законсервированное предприятие охранялось, а значит, его не растащили окрестные жители: стояли кирпичные печи с трубами, здание винницы и винный подвал (последний сохранился до сих пор). В-третьих, М. Ициксон купил завод, причем в документах чаще встречается Ициксон.

Показательно, что первый частный собственник Краснореченского завода был еврей. Как известно, еще Александр I раз-

решил евреям селиться в Сибири. Еврейские слободы вскоре появились в губернских центрах, в том числе в Томске, Красноярске и Иркутске. Они быстро заняли свои обычные ниши в экономике Сибири – торговля золотыми и серебряными изделиями, ростовщичество, некоторые городские ремесла. Однако винокурение им было заказано. Правда, их нанимали на казенные и частные заводы винокурами. Попытка Николая I в 1826 году выселить евреев-винокуров в зону их оседлости провалилась. Уже на следующий год, 1827, он стал уступать частым просьбам и отменил свое решение. Винокуры из евреев остались на своих местах, в том числе и на казенных сибирских заводах.

С введением акциза и разрешением частного винокурения евреи в 1863 году получили доступ к этому доходному занятию. Повсеместное же их проживание по всей стране разрешили в 1865 году [7].

Иркутские «дети Израилевы» хорошо просчитали ситуацию с отменой крепостного права в 1861 году. Они знали о надвигающихся реформах и известной либерализации, поэтому поспешили застолбить свое участие в этом доходном предприятии в новоучрежденном Мариинском округе. Судя по подробному списку купцов Томской губернии с конца XVIII до начала XX века, составленному историком А.П. Бойко, Ицкисон и Бейлин переписались в томское купечество в 1840-х и дальновидно присвоили реконструированному заводу имя августейшей особы Елизаветы, жены Александра I, как бы продолжая почин мариинцев, получивших разрешение назвать свой округ в честь жены Александра II Марии [8]. То есть для продвижения своей продукции хозяева завода воспользовались популярной легендой о Федоре Кузьмиче, тесно связанной с их заводом. В реестре же одноименных винокуренных заводов Российской империи он получил 11-й порядковый номер. Впредь завод так и именовался – Елизаветинский винокуренный завод № 11, а с конца XIX века до гибели от пожара – № 8, когда закрылись в империи в связи с введением вновь казенной винной монополии часть заводов, в том числе три Елизаветинские. Для историков, занимавшихся винокуренной про-

мышленностью Томской губернии и Приенисейского края, эти метаморфозы с названием и номерами остались незамеченными, и Краснояреченский завод для них канул в Лету [9].

Завод же стал действовать с октября 1863 года, судя по рапорту и ведомостям Мариинского земского суда 11 января 1865 года о двух в округе действующих винокуренных заводах. Ведомость о Елизаветинском винокуренном заводе № 11, составленная управляющим Алексеем Григорьевым, вошла в сводные «Ведомости о заводах и фабриках Томской губернии». Григорьев указал, что завод принадлежал «томскому купцу (уже первой гильдии. – Г.Б.) Михаилу Ициксону», он же Минет Ициксон. Производство продукции начато в «...период винокурения с 18 октября 1863 по 1 апреля 1864». Употреблялось для этих целей 12 квасильных чанов, в них было выкурено безводного спирта 44 900 ведер 87/100 градусов на 29 540 рублей. Продажа 1 градуса безводного спирта шла по шесть с половиной копеек.

«Завод действовал посредством паровика, бражного куба и спиртоносных труб. Машина заторная и холодильная в действии приводилась 10 лошадьми. (Были также среди заводского оборудования. – Г.Б.) дрожжевальная кадь, новый бражный куб, шесть спиртоносных труб». Паровиком назван железный куб, вделанный в кирпичную печь, с трубой для отвода пара. В штате завода показан винокур и 80 человек служащих с черноработными, из них до 70 человек русских. Естественно, все были вольнонаемными. Заводское здание было деревянным. В «особых примечаниях» управляющий сообщал о составе используемого сырья – «употребляется хлеб ржаной, овсяный и ячменный, который приобретается у мариинских и ачинских крестьян» [10]. Продукция завода реализовалась в этих же округах.

Второй, Александровский, завод Мариинского округа специализировался на полугаре, делая по два затора в сутки на всех 10 квасильных чанах. Объем 24,11 процентного алкоголя составлял 197 575 ведер на 572 895 рублей и 6 копеек, при продаже ведра полугара от 2 рублей 70 копеек до 3 рублей. На заводе действовало два паровика и (на конном приводе) две «машины» – для затора хлеба и подъема воды. Завод обслужи-

вало до 159 человек. Управляющий Бурыгин счел добавить, что у деревянного здания завода «фасад имеет подобие треугольника, односложный флигель, кроме отдельной водоподъемной машины и каменной трубы» [11].

Судя по мощности Краснояреченского завода и его профилю, Ицкxсон, кроме отдельных технических новшеств, ничего кардинально не переделал в старом. Завод остался самым небольшим в округе и губернии. В отличие от прежнего времени, оба завода работали на местный рынок, так как частные винокуренные заводы росли как грибы. При этом активную роль в этой сфере предпринимательства, как справедливо отметил А.И. Солженицын, стали играть евреи в Сибири, в частности в Томской губернии, и особенно в Мариинском округе. Так, Александровский винокуренный завод основал в 1862 году томский купец первой гильдии Борис Леонидович Хотимский. Он же, по ведомостям винокуренных заводов Томской губернии на 1872 год, показан владельцем бывшего казенного Керевского завода, который давал от 75 до 82 градусов спирт и полугар в 40 градусов, всего 28 457 ведер на 68 296 рублей 80 копеек.

Наш же Елизаветинский завод № 11, первый владелец – Михаил Ицкxсон, занявшись строительством нового винзавода, с 1871 (1872) года сдал в аренду, скорее всего, тестю, тюменскому второй гильдии купцу Хатцелю Лейзерову Бейлину вместе с его компаньоном, красноярским купцом второй гильдии Иваном Дмитриевым, которого вскоре сменил «Иван Евстафий сын Степанов». Вероятно, после Хатцеля заводом стал ведать его сын – Рафаил, в 1877 году томский купец второй гильдии, отец пяти сыновей (Леонид – 21 год, Соломон – 14, Борис – 8, Григорий – 7, Михаил – 1) и трех дочерей. Трудно сказать, кем им приходились Рафаил Александрович Бейлин – в 1877 году бездетный 49-летний томский второгильдеец и его жена 47-летняя Глафира Борисовна. Он тоже занимался бывшим Краснояреченским заводом и был видным виноторговцем. Так, в 1887 году он вместе с известными томскими виноторговцами Фуксманом, Е.И. Королевым и П.М. Каймановичем был активным участником так называемой «стачки», то есть незаконного

сговора о повышении продажных цен, за что угодил с другими подельниками на шесть месяцев в тюрьму. Другой раз Р.А. Бейлин попал под суд за незаконную деятельность на территории Алтайского горного округа. Через подставных лиц он закупал на этих заводах какие-то машины для своих предприятий, не исключено и для нужд Елизаветинского № 11 завода.

Со временем клан Бейлиных территориально и хозяйственно расширил свою деятельность. В быстрорастущем Новониколаевске (современный Новосибирск) в 1910 году один из них входил в товарищество на вере «Товарищество пароходства М.А. Рунин и Г.Р. Бейлин» [12].

Видные позиции Бейлины сохраняли и в Иркутске, откуда вышел их родоначальник. Так, в конфессионально-религиозной среде начала XX века в центре Восточно-Сибирского губернаторства был известен раввин (священник) Соломон Бейлин, скорее всего, сын Рафаила Хацкельевича [13].

Компаньон Х.Л. Бейлина Иван Евстафьевич Степанов, родился 1830 году, в свои 50 лет состоял во второй гильдии Ачинска. Занимался торговлей солью и не очень аккуратно вел дела. Так, несмотря на домашнее соглашение со своим компаньоном ачинским купцом Лейбовичем, он присвоил проданные 586 пудов соли и задержал у себя еще 256 пудов 29 фунтов его соли [14].

Два других новых завода, Георгиевский № 35 и Елизаветинский № 28, основанные в 1868 и 1871 годах, соответственно принадлежали мариинскому купцу второй гильдии Сципиону и «томскому купцу второй гильдии Минету Ициксону», владельцу бывшего Краснореченского. Названию завода заводчик остался верен. Завод его находился в Спасской волости Томского округа при деревне Просекино и был небольшим. Земля была арендована у крестьянской сельской общины за 27 рублей годовой платы. Устройство было обычным, добавился только «ректификатор». Продукцию составлял полугар, в среднем 25 тысяч ведер на 7500 рублей. Штат, соответственно, был мал – двое служащих и 10 мастеров с вольными работниками [15].

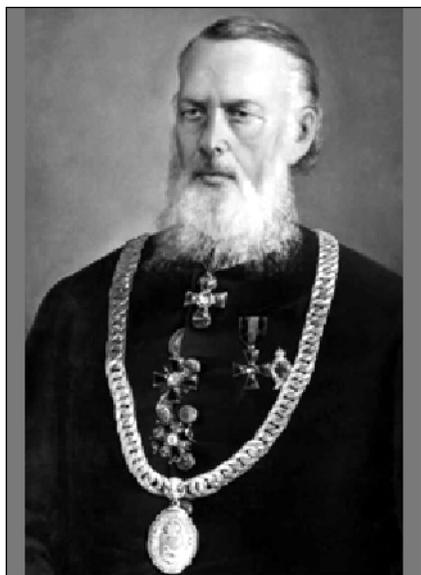
Компаньоны-арендаторы Елизаветинского № 11 завода резко увеличили объемы производства, причем сократив число рабочих до 30 человек. Технологических новшеств (особых улуч-

шений), как отмечал сам Степанов, составляющий ведомость, не было. Не сделан был модный ректификатор. Возможно, поднял выкурку спирта из сырья винокур из могилевских мещан Абрам Михельсон. Правда, число квасильных чанов увеличили до 72. В первую половину 1872 года курили с 3 января до 26 марта, употребляя 72 чана, и получили безводного спирта в градусах 1 164 309 25/100 на 63 858 рублей 55,5 копеек. Поставляли по 7,5 копеек за один градус, всего на 87 328 рублей 1/4 копейки. Прибыль составила, по нашим подсчетам, 23 469 рублей 63,5 копейки. Сбыт вина и спирта проходил в Томском и Мариинском округах, а ржаной хлеб покупали по-прежнему у ачинских и мариинских крестьян, всего 29 088 пудов [16].

Трудно сказать, потому что нет прямых сведений, что случилось к 1884 году с первым владельцем Елизаветинского завода № 11 Минет-Михаилом (в 1877 году назван Моисеем, 50 лет, и отцом трех сыновей) Ицксоном, возможно, его разорили арендаторы, или же он не выдержал конкуренции с соседними винозаводчиками. Ведь в Мариинском округе появились такие крупные винозаводчики, как Абрам Юдалевич, Израиль Буткевич, Иван Петрович Кулаев [17]. Известно лишь, что «мариинский купец Михаил Григорьевич Ицксон в 1885 году переписался в купцы той же второй гильдии в захолустный окружной городок Нарым.

В начале XX века семья Ицксионов проживала в губернском Красноярске. Мадам О.Е. Ицксон была начальницей 2-й частной женской гимназии. Ее муж Я.П. Ицксон владел двумя магазинами (один как отделение – в Канске) по продаже часов, ювелирных и подарочных изделий. Как выяснил историк А.И. Погребняк, красноярский магазин находился в центре города на ул. Воскресенской (пр. Мира) и пер. Гадаловского (ул. Кирова) и был представительством по реализации российских часов. При магазине в мастерской ремонтировали часы и выполняли художественно-ювелирные и граверные работы [18].

Бывший же Краснореченский завод купил в 1884 году с аукционных торгов томский коммерции советник, ростовский первогильдеец Евграф Иванович Королев. Именно он показан владельцем этого Краснореченского (Елизаветинского № 11) завода Боготольской волости в списке винокуренных заводов Мариинского округа Томской губернии на 1885–1886 годы [19].

Рис. 29. Е.И. Королев

Управляющий завода, некто М. Ивановский, в печатном бланке о состоянии предприятия показал, что завод на 1887 год не работал. При нем находилось только два рабочих-караульщика, которые жили в своих квартирах. Работали они по 12 часов, получая помесечно 10 рублей. На заводе имелись один паровой котел и «один конный двигатель... в 6 л. с.», то есть приводился в движение шестью лошадьми [20].

Любопытно, что история двух винокуренных заводов – Краснореченского и Боготольского – вновь повторилась. На

смену законсервированному первому восстановлен второй под названием Леонтьевско-Михайловский № 38. В ответах на анкету о винокуренных заводах за 1886 год отмечено, что этот завод в Мариинском округе при Боготольском заводском селении принадлежит мариинскому купцу второй гильдии Моисею Абрамовичу Юдалевичу. Из оборудования отмечено: при паровой машине один паровой котел и две конных машины в четыре лошадиных силы, то есть они приводились в действие четырьмя лошадьми. Работа шла с 1 января по 1 мая, тогда больше рабочих было занято, им платили по 10 рублей в месяц. Курили безводный спирт, в полугаре будет 18 790 ведер на 78 918 рублей. Ржаной муки употреблено 18 368 пудов. Сбивали ведро ценой от 4 рублей 30 копеек до 4 рублей 50 копеек [21].

Весь последующий период существования Краснореченского (Елизаветинского № 11 позже № 8) завода связан с семьей Е.И. Королева. Остановимся на нем подробнее, тем более что Евграфа Ивановича (1823–1900) неоднозначно характеризовали многие историки и краеведы. Одна из последних работ, на-

ибо более объективная, принадлежит перу томского историка А.Н. Разумова, к сожалению, покойного [22].

Королев с братом Всеволодом, родом из мещан Ростова Великого Ярославской губернии, как и многие небогатые люди, в 40-х годах XIX века привлеченные слухами о золоте, отправились в Сибирь попытать счастья. Будучи без средств, предприимчивые ростовцы начали приказчиками у томских купцов. Такое начало тоже было типичным, ибо эта работа давала опыт в торговле и позволяла накопить некоего рода начальный капитал, чтобы начать свое дело. Нередко крупные купцы брали в компаньоны энергичных и инициативных толковых приказчиков и управляющих, а иных включали в свой семейный круг. Евграф Королев решил проблему начального капитала по-своему. Он женился на богатой томской купчихе Евпраксии Ненашевой, которая была его старше на 10 лет. Правда, он не промотал капиталы богатой вдовушки, не обидел ее детей от первого брака, а, обладая практической сметкой, значительно преувеличил общее состояние. Самостоятельно он начал торговать с 1851 года из ненашевской лавки. При этом одновременно стал давать в долг мелким золотопромышленникам. Ростовщичество тогда процветало из-за неразвитости банковского дела. Кредиты наполовину давались товарами, что значительно увеличивало торговые обороты братьев. Евграф Иванович быстро пошел в верхи гильдейского купечества: в 1852 году – член третьей гильдии, в 1860 – второй гильдии, а в 1862 – перешел в первую гильдию. Правда, живя в Томске, он числился до самой смерти, отдавая дань своей малой родине, ростовским купцом первой гильдии, что не было нарушением гильдейских правил. Поэтому его часто называют и томским, и ростовским купцом.

Масштабы торговых операций Королевых росли. В основном велась торговля сахаром и чаем. Занимался он и извозом на большие расстояния. Однако парходство у него не пошло, хотя он и имел шесть пароходов. Не избежали братья и соблазна золотодобычи. На их нескольких приисках в Мариинском округе трудилось около 300 рабочих. За 1867–1882 годы ими было добыто до 98 пудов золота. Деньги в это дело братья продолжали вкладывать и позже, но уже не столь успешно.

Как и многие крупные предприниматели, Королевы вкладывали средства во многие сферы для подстраховки, следуя правилу – не класть все яйца в одну корзину. Не мог Евграф Иванович пройти и мимо винокуренного производства. Как пишет О.Н. Разумов, «в 1883 году вместе с колыванским (впоследствии томским) купцом Петром Никитичем Каймановичем он учредил торговый дом “Ростовское товарищество” с капиталом в 135 тыс. рублей. Эта фирма основала два винокуренных завода в Мариинском округе, оборудованных паровыми двигателями и машинами» [23]. В 1888 году на них действительно числился в Томском округе Нелюбинской волости у деревни Быковой завод мощностью на 20 тысяч ведер безводного спирта стоимостью на 235 тыс. рублей, на котором трудились 35 рабочих. В остальном же он неточен. Е. Королев не построил, а купил и перестроил бывший Краснореченский завод. Во-вторых, Елизаветинский № 28 винокуренный завод находился в Томском округе в Спасской волости около деревни Поросчинская и, скорее всего, был куплен в конце 80-х годов у того же Ициксона или его наследников. В-третьих, переоборудование заводов и установка паровых двигателей состоялась не сразу, а в 1890–1895 годах, когда заведование обоими заводами он передал второй своей жене Анне Константиновне. В коллективной статье историка Г.К. Рабинович и В.А. Скубневский прямо пишут, что среди 30 первых капиталистов-фабрикантов в Сибири, имевших паровые двигатели – этот главный признак фабрики, была А.К. Королева, имевшая одна в Мариинском округе спиртовой завод с паровым двигателем в 20 лошадиных сил с пятьдесят одним рабочим, а также винокуренный завод в Томском округе [24]. Судя по всему, в 1895 году этот завод под названием «Поросчинский № 1» числился «за Королевой Анной Константиновной, ошибочно названной “вдовой коллежского советника”, хотя Евграф Иванович умер через пять лет. Завод назван ректификационным, то есть производил очищенный спирт с годовой стоимостью продукции в 135 366 рублей, имел двигатель паровой в 36 лошадиных силы (?) и 60 рабочих» [25].

Ошибочно также утверждение историка А.П. Бойко, что Е.И. Королев основал в 1867 году винокуренный завод, кото-

рый производил 45 тыс. ведер спирта на 60 тыс. рублей, имел срок одного рабочего, паровую машину в 10 л. с. мощности. С Каймановичем же он имел завод, основанный в 1880 году [26]. Здесь историк, как и Разумов, принял специфическое выражение источника «паровой котел», вмазанный в кирпичную печь, за паровой двигатель, а 10 лошадей при нем – за обозначение мощности. Машинами – инструментами в индустриальном смысле вряд ли можно считать приспособление для подачи воды и перемещений заторной массы с использованием лошадей (Об этом см. ниже в разделе о технологии винокурения.)

Однако вернемся к Евграфу Ивановичу. Он расширял свое участие в промышленности Сибири. В 1870 (или 1871) году открыл в 59 верстах от Томска стекольный завод. Его продукция – стекло и разного размера бутылки в 1900 году составляла более 60 тыс. рублей. Занимался Евграф Иванович и добычей соли на арендованных землях Алтая. Общий объем его торговли в 1889 году составлял 189 тыс. рублей. Состояние Королева, как считали современники, было «колоссально громадным – до четырех и более миллионов».

Естественно, Королев с его деньгами вызывал самые противоречивые чувства и оценки. Особенно часто его обвиняли в скупости и алчности. Повод иногда он сам давал. Так, Королев сдавал в аренду ложу в собственном театре родному брату за 150 рублей в год. Однако, если судить о масштабах его благотворительности, по справедливому мнению О.Н. Разумова, «ярлык скупого рыцаря вряд ли подходит к этому купцу». Он, как и краснорзец Г.В. Юдин, не признавал мелкой, по подписке, благотворительности, но давал огромные деньги на значимые в городе, да и всей Сибири, акции. Так, он достроил одну и реконструировал другую городские церкви, потратив более 110 тыс. рублей. В начале 1883 года пожертвовал два дома на устройство первого в Томске ремесленного училища, настояв, чтобы оно посвящалось не убиенному Александру II, а ему и своей, недавно умершей жене Евпраксии. В 1890 году он и брат Всеволод пожертвовали каменный дом ценой в 50 тыс. и 30 тыс. рублей на устройство богадельни для престарелых мужчин. В этом открытом в 1892 году заведении содержалось 50 человек.

Королев также внес заметный вклад в развитие театрального дела. В 1884–1885 годах он выстроил каменное здание театра, в пику другим купцам один, затратив 150 тыс. рублей. Театр поставили за два года, причем в первые три года его работы он был в нем антрепренером, то есть коммерческим директором. Бесплатные спектакли при этом давал учащимся воскресных школ и посетителям дешевой народной столовой благотворительного общества в Томске. На своей родине, в Ростове, Королев тоже делал пожертвования.

Заметной фигурой Евграф Иванович являлся и в общественной жизни Томска. С 1857 года он несколько лет был церковным старостой, депутатом по проверке торговли, директором общественного Сибирского банка, директором «попечительного о тюрьмах комитета», почетным блюстителем Владимирского приходского училища и почетным попечителем губернской гимназии. Это тоже было связано с расходами по содержанию церкви, тюрьмы и учебных заведений. Горожане постоянно выбирали его в органы местного самоуправления. Не раз Королев был гласным городской думы, а в 1876–1879 и 1887–1890 годы занимал пост городского головы.

Королев отличался своенравным, неуступчивым характером, был честолюбив и нередко заносчив. Он даже 1,5 месяца сидел в томской тюрьме за участие в ценовом сговоре группы виноторговцев и винопромышленников, что запрещалось законом. Коммерции советника и потомственного почетного гражданина Томска, награжденного несколькими орденами, Дума вдобавок лишила должности городского головы. Однако Королев через своего доверенного добился от императора Александра III отмены решения томских властей.

В последний путь 25 августа 1900 года по старому стилю Евграфа Ивановича провожала процессия, растянувшаяся на целую версту. После него осталось имущества на 682 651 рубль, а после умершего в 1902 год брата-ростовщика около 1 млн. рублей [27].

Еще при своей жизни Евграф Иванович передал второй жене в управление оба завода, Поросчинский и обновленный Краснореченский. Это видно из местоположения показанного в

справочниках второго, Анны Константиновны Королевой, Елизаветинского завода № 8 – «Мариинский уезд в 154 верстах от г. Мариинска и 379 верстах от губернского Томска». Завод имел «очистительное отделение» и поставлял вместе с Петровским заводом купца Чердынцева 140 274 ведра в год [28].

С введением в Сибири с 1895 года вновь винной монополии (в Восточной Сибири позже с 1904 года) винокуренная промышленность стала работать только на казну. Многие частные винокуренные заводы закрыли, а оставшимся определили квоты на объемы поставок своей продукции. Естественно остались самые крупные и доверенные заводчики. Их отношения с казной стали напоминать времена откупной системы. Так, современник К.А. Колокольников писал: «Казна каждый год делает, приобретая спирт путем разверстки, сибирским спиртовикам солидные подарки. Но мало того, покровительство казны идет гораздо дальше. Так, в 1905 году разверсточная цена была уже установлена, договоры были заключены, спирт по этой цене уже доставлялся. В середине года произошло удорожание цен на хлеб, топливо и рабочие руки. Заводчики подали прошение – восьми заводам договорная цена была повышена на 3 копейки за ведро в 40 градусов. Скупая у заводчиков спирт по высоким ценам, казна давала им еще ссуды и задатки под разверстку». В 1904 году выдано таких задатков по 20 копеек за договорное ведро, а в 1905 – уже по 25 копеек. Г.Х. Рабинович тоже трактует это как проявление хищнического характера капиталистов [29]. С другой стороны, эти отношения оставались феодально-хозяйственно-попечительными, а не чисто деловыми предпринимательскими.

Вдова Е.И. Королева сумела остаться у дел и продолжала хозяйничать на заводе, привлекая компаньонов из мариинских и красноярских купцов. Судя по отчетам Томско-Семипалатинского акцизного управления, Елизаветинский № 8 (Краснореченский) завод вместе с тем же Петровским № 9 заводом Чердынцева продолжал поставлять свою продукцию в казенные Мариинский Ново-Никольский винные склады в следующих объемах:

1904 год – 130 335 ведер с завода № 8 ректификата вместо спирта-сырца, в том числе более 88 тыс. ведер в Ново-Никольский № 5 склад;

1907 год – 140 274 ведра с завода № 8 на Мариинский склад;

1912 год – 165 358,9 ведра с обоих заводов на Мариинский склад;

1913 год – 159 648,9 ведер с обоих заводов на Мариинский склад;

1915 год – 240 250 ведер с обоих заводов на Мариинский склад;

1916 год – 174 013 ведер с обоих заводов на Мариинский склад.

Кроме казенных нужд в местные лавки Мариинска с винного склада отпускалось 13 760,5 ведра со средним провозом в 4,1 копейки, а в сельские лавки уезда (с 1897 года округа переименовали в уезды) – 80 711,7 ведра с провозом по 27,2 копейки.

Провоз с Елизаветинского № 8 завода подрядом до Мариинского казенного винного склада стоил 10,5 копейки, а до Ново-Никольского – 28,5 копейки. Возили с Мариинского склада по сельским лавкам на расстояние от 20 до 167 верст. Вода справедливо считалась артезианской [30].

Как видим, завод, самый маленький, но самый старый из 15 винокуренных и спиртоочистительных заводов Томской губернии все пореформенное время работал на местный рынок, однако был известен всей стране. Так, справочник «Вся Россия, 1911–1912» сообщал, что Елизаветинский № 8 (бывший Краснореченский) завод, владелец А.К. Королева, основан в 1861 году, имеет 70 работников, дает ежегодно продукции на 180 тыс. рублей, имеет паровой двигатель и отстоит от ближайшей железнодорожной станции Критово на 60 верст» [31]. Семья Королевых входила в число 27 винокуренных фирм Сибири, которые давали до 50 % продукции и сосредоточивали 30 % рабочих.

Винокуренная промышленность была самой старой и наиболее развитой отраслью и, по спорному для конца XIX века мнению Г.Х. Рабиновича и В.А. Скубневского, минуя мануфактуру, сразу перешла к фабрике.

Благодаря механизации и обилию сырья, самую высокую прибыль от винокурения получали в Томской губернии. В

1905–1910 годах она составляла 30 %. Ведро спирта обходилось в 88–90 копеек, куда входили стоимость пуда припасов – 50 копеек, сама выкурка – 28 и ректификация (горячая очистка) – 10–12 копеек. За ведро спирта заводчик получал от казны 1 рубль 14 копеек, то есть ведро приносило прибыль около 25 копеек, или 28–30 % чистой прибыли в год [32].

6.3. МЕЖДУ СЛОЖНОЙ КООПЕРАЦИЕЙ И ЗАВОДОМ

Вопрос о технологическом уровне винокуренных предприятий пореформенной Сибири до конца не решен историками. Сказалась неопределенность в источниках XIX века терминов «завод, двигатель, машина». Повлияла и дискуссионная проблема о времени формирования в Сибири капитализма, осложненная идеологической конъюнктурой. Между тем в специальной литературе XIX века вопросам технологии винокуренного производства уделялось немало внимания. Ведь эта отрасль экономики по-прежнему давала более трети всего бюджета страны.

Вообще технология винокуренного производства только со второй половины XIX века медленно и не кардинально стала меняться. Технические новшества, используемые в Англии, Германии и даже в прибалтийских губерниях Российской империи, внедрялись неохотно. Владельцы заводов и так получали высокие прибыли. Правда, вольный найм с личной заинтересованностью труженика в процессе и результате труда создавал предпосылки для модернизации винокурения.

С 1860-х годов в Сибири стали муку в заторном чане разводить не горячей водой из водонагревательного котла, а паром. Прежде на пуд муки брали около трех ведер воды с температурой от 25 до 45 с лишним градусов. После тщательного размешивания до однородного теста чан с крышкой накрывали рогожами или мешками. Когда примерно через сутки затор поднимался как тесто и поверхность трескалась, приступали к обварке затора. Тесто работники заливали кипятком из расчета на один пуд три ведра кипящей воды.

Использование пара, получаемого из «паровика», то есть котла, вделанного в кирпичную печь, позволило лучше контро-

лизовать температуру воды, обычно до 50–80 градусов нагреваемой паром перед заливкой в заточный чан. Постоявшую целую ночь воду вновь паром доводили до 45–50 градусов и затем высыпали в нее суточную порцию муки. Обварку выполняли тоже паром. Он втекал стремительной непрерывной струей, пока затвор не достигал спелости, обычно при 60 градусах. Паровой кран несколько раз открывали и закрывали, пока тесто не теряло клейстерный запах, становилось жидким и покрывалось обильной пеной, что являлось признаком осахаривания крахмалом. Использование пара помогало избежать бесполезного излишнего разжижения затвора, так как 400 граммов водяных паров заменяли нагревание, равное шести литрам кипящей воды.

Самой трудоемкой операцией долго было приготовление затвора. Всыпанную частями крупную молотую муку в горячую воду непрерывно мешали лопатами. Для затиранья одной восьмипудовой четверти (128 кг) требовалось пять или шесть крепких работников. При обваре поднявшееся тесто постоянно помешивали лопатками, а разжиженное – со дна особыми гребками круговым движением. Предполагалось, что на размешивание одной четверти муки уходило 10 минут, а на 8–10 четвертей муки – полчаса. Тогда считалось, что от тщательности замешивания и растирания муки зависели эффективность семянежного сбраживания и количество выхода продукции. Тяжелый физический труд усугублялся клубами горячего пара, сдобренного сильными спиртосодержащими испарениями, который наполнял всё помещение.

В целом винокуренные заводы в русских губерниях, за весьма малыми исключениями, были самого примитивного устройства. Только заводы остзейских губерний, которые копировали немецкие и английские, были устроены с усовершенствованными аппаратами. Оставались благими пожеланиями положения Винного устава 1782 года, изданного в царствование Екатерины II, о необходимости улучшить техническую сторону винокуренного дела. В частности, поощрялось изготовление медных казанов и кубов вместо железных и чугунных. «Кто сделает такие кубы, которые употребляются в Англии, такого мы будем признавать не о своей только корысти пекущимся, но и о поль-

зе государства ревнительным сыном отечества». Д.И. Лобанов, как видим, последовал этим рекомендациям. Оно и понятно, поскольку строил на казенные деньги.

Все, за исключением медного куба с его шлемом, нескольких перегородок и отводных труб, делалось из дерева. Трубы (трубницы) готовились из целых еловых деревьев, внутри выверленных, изгибы делались под прямым углом. Все соединения, скважины и трещины затыкались паклей и замазывались глиной или хлебным тестом.

Так, в Могилевской губернии, в 1845 году у действовавшего завода, выстроенного еще в 1775 году в имении княгини Екатерины Дашковой (местечко Круглое), все части заводских аппаратов, за исключением медного куба и нескольких труб, были деревянные. Даже аппарат для очистки от вредных примесей – ректификатор, который появился в XIX веке, был из дерева. Он представлял собой узкий, длинный деревянный ящик, внутри которого вделаны деревянные наклонные перегородки, не доходившие поочередно до противоположных стенок.

Поскольку от способов приготовления затора напрямую зависел выход готовой продукции, то этому вопросу в специальной литературе XIX века уделялось повышенное внимание. Ниже приведем любопытные и для современного читателя выкладки на этот счет крупного знатока винокуренной промышленности 70-х годов XIX века К.С. Кропоткина.

Заторы готовились как в России, так и за границей, вплоть до конца XIX столетия вручную. Процесс, происходящий во время затирания, был еще мало исследован, поэтому всей операции замешивания не придавали большого значения, предполагая, что количество выхода и качество продукта зависят главным образом от брожения и дистилляции. К.С. Кропоткин критично относился к современным ему научным взглядам на осахаривающую способность диастаза, высоко оценивая накопленные длительной практикой способы осахаривания.

Ценными являются его сведения о старинных технологиях приготовления затора. Он пишет, что дряхлый старик-винокур Иван Соколов, по свидетельству профессора Ильенкова, в 1857 году получал из пуда ржаной муки невероятно высокие

выходы – ведро водки в 40–42 градуса. При всех своих манипуляциях Соколов никогда не употреблял термометра, а определял степень нагревания погружением руки в затор. Когда Ильенков определил температуру термометром, то оказалось, что затирание у Соколова производилось при 45–47° по Реомюру (Р) (56–58,75°C).

Это обстоятельство очень поразило профессора, и он советовал делать заторы при высшей температуре между 55–57° Р (68–71,25°C). При этом Ильенков высказал мнение, что высокие выходы у Соколова происходят от тщательного замешивания затора и от рационально веденного брожения и дистилляции, а никак не от низкой температуры затирания муки.

Следует заметить, что все старые винокуры затирали вообще при низкой температуре, и только со времени опубликования опытов Пейена о диастазе, то есть с того времени, когда люди науки вмешались в мужицкое дело винокурения, заторы стали готовить при более высокой температуре. К.С. Кропоткин ставит под сомнение достоверность опытов Пейена и не берет на себя ответственность решить, какая температура наиболее оптимальна для выхода алкоголя. Скорее всего, температура, при которой готовится затор, зависит от температурных режимов районов винокурения. В Западной Европе предпочитали, судя по авторитетному руководству Сиверса, более высокую, чем в России, температуру заваривания и сбраживания хлебного сырья.

Приведем любопытные рекомендации данного немецкого автора на этот счет. «Затирание производится лопатами одной муки с прибавлением воды в два периода... Затираемая таким способом мука должна быть молота крупнее затираемой с помощью пара. Поводом для затирания не слишком мелкой муки служит то обстоятельство, что крупная мука лопатами обрабатывается легче, чем мелкая. При рачительной и отчетливой работе мелкая мука дает более вина, но затруднительность постоянного присмотра за нашими чернорабочими заставляет винокура поневоле употреблять крупнее молотую муку...

Налив в заторный чан данное количество воды, винокур простуживает ее до 45°Р (56,25°C), при температуре наружного воздуха от 10° тепла до 0°. При большем морозе ограничива-

ются охлаждением до 46, 47, 48, 49 и даже 50°Р (62,5°С), потому что в холодную погоду тесто само собою охлаждается чрезмерно скоро от влияния как наружного воздуха, так особенно и холодной муки. Затем приступают немедленно к самому затирианию. Мука всыпается в воду и мешается с нею, смотря по величине затора, в продолжение 1/2, 3/4 или целого часа, пока все ее части не напитаются вполне водою и не составят липкого слизистого теста. Во время затириания нужно внимательно наблюдать за тем, чтобы тесто было непременно удаляемо из уторов (углов. – Г.Б.), где оно, в противном случае, смешивается с сухою мукою, окисает и портит затор... Если для затириания была употреблена вода надлежащей, по соображению с наружным воздухом, температуры, то в тесте по окончании операции окажется от 34–35° Реомюра...

Переработанное таким образом тесто оставляют на 3–3,5 часа в покое. По истечении сего срока тесто опять проминается лопатками в продолжение получаса...

Эта вторичная работа требует несравненно менее усилий, чем первоначальное мешание, потому что тесто во время спокойного стояния частью теряет свою липкость, делается рыхлее, а следовательно, представляет лопаткам гораздо менее сопротивления...

Окончив вторичное мешание затора, винокур приступает тотчас к обварке его кипятком, соблюдая все положения касательно температуры теста и количества воды, определяемые внимательным наблюдением за признаками поспевания. Совершенно легкий хлеб поспевает при 50° Р, лучшего качества при 51° Р. Операция обварки требует весьма большой осмотрительности и точности, и малейшая невнимательность или упущение могут все испортить. Тесто должно согреваться и разводиться – постепенно и равномерно, причем соблюдается с точностью как надлежащая температура, так и количество воды, определенной, смотря по количеству хлеба каждого урожая на его обварку...

При затириании с паровою обваркою на каждый пуд муки полагается 5 ведер воды. Хлеб, отличающийся особенною добротою, требует для затириания большего количества воды, а

именно почти до 6 ведер. Хлеб же, пострадавший от мороза, требует только с небольшим 4 ведра...

Весьма важно, чтобы употребляемая в затор вода была хорошего качества и, если можно, мягка. Преимущественно берется вода снежная, дождевая, лучше всего отварная...

Накануне затирания накаченная вода нагревается парами до 50–60° R и остается в чане на ночь, смотря по обстоятельствам, покрытая или непокрытая. На другое утро испытывается термометром температура воды, которая при начале затирания должна иметь от 39 до 40° R (48,75–50° C); если же вода окажется другой температуры, то ее приводить немедленно к надлежащему градусу посредством льда, кипятка или паров...

Прежние винокуры затирали муку водою в 18 и 23° R (22,5–28,75° C) и потом возвышали температуру до 35° (43,75° C). Результаты этого способа были не менее удовлетворительны достигаемых новейшим (1830–1840-е годы) методом, но получались с большею тратою топлива и с умножением работы...

Удостоверившись в надлежащей температуре воды и определив точно количество ведер, нужное для предстоящего затора, винокур приступает к самому затиранию. С одной стороны, всыпается в чан без расстановки, один куль муки за другим, а с противоположной стоят работники в числе, соответствующем суточной пропорции хлеба. Во время самого всыпания они должны прилежно смешивать с водою плавающую на поверхности ее муку. Цель этого первого мешания лопатками состоит в том, чтобы уничтожить мучные комки, образующиеся при всыпании муки в воду и плавающие на поверхности оной. Опустившаяся же ко дну мука не составит комьев, потому что размывается водою. Это первое мешание кончается в несколько минут; лопатки тотчас ополаскиваются и ставятся в сторону, а работники, вооружившись особенно для того устроенными гребками, обращаются к взбалтыванию опустившейся на дно муки; напряженным, продолжительным мешанием поднимают ее со дна и приводят в сильное движение по всему чану. От этого мешания гребками, продолжающегося при заторе до 2 четвертей 20 минут; от 2 до 3 четвертей – 25 минут; и от 4 до 8 четвертей – до получаса, все мучные части равномерно напи-

тываются водою. Между тем особо приставленный работник выгребает лопаткою заседающую в уторах муку, а сам винокур разминает руками те немногие и небольшие комки, которые уцелели на поверхности затора после первого мешания лопатками...

По окончании этой операции образуется тесто, равной во всех частях густоты, без комьев и с температурою 35° P ($43,75^{\circ}$ C). Понижение последней на $1/2^{\circ}$ или возвышение на 1° не приносят существенного вреда; впрочем, при тщательном наблюдении состояния погоды и прочих обстоятельствах легко предупредить и эти маловажные уклонения. Если же по какой-либо грубой ошибке или неточности в исполнении установившаяся температура окажется ниже нормальной на один или на несколько градусов, то затор должен быть доведен до вышеозначенных 35° впускаемыми в него при сильном мешании парами. Если же температура выше 36° , то на каждый лишний градус ниже сего определенный срок спокойного стояния затора сокращается десятью минутами по той причине, что горячо затертая мука скорее впитывает в себя воду и соединяется с нею в меньшее время. По окончании собственно затирания, продолжающегося, как выше сказано, не более получаса, в затор всыпается остальная мука из кулей, потом чан тщательно закрывается и затор оставляется в покое, смотря по качеству хлеба, в течение 3, 3 $1/4$ и до 3,5 часов...

Приведение затора в температуру 35° P ($43,75^{\circ}$ C) и спокойное стояние его в течение 3, 3 $1/4$ и 3,5 часа имеет единственную цель – насытить водою муку и совершенно ее распустить. К обварке затора должно приступать не прежде, как уже по достижении сего последнего условия...

Пары втекают непрерывною стремительною струею в затор, пока он не приблизится к спелости, что обыкновенно бывает при 48° P (60° C). По установлении этой температуры, паровой кран запирается на 2 или 3 минуты, и затор в это время медленно мешается; потом пары припускаются опять сильною струею и при усиленном мешании затора. По возвышении температуры до 51 или 52° P ($68,75$ – 65° C) кран вторично запирается на три минуты и затор снова мешается медленнее. Потом па-

ровой кран опять отпирается, затор снова мешается с силою и пары выпускаются в него без дальнейшей остановки, пока он уже совсем не поспеет, что узнается по его запаху, вкусу, наружному виду и растворимости теста...

Когда еще затор не поспел, тесто имеет клейстерный запах, который при постепенном поспевании все более и более ослабевает и, наконец, совершенно исчезает...

На вкус неспелость теста узнается по отзыву сухих мучных частей и отсутствию свойственной спелому тесту сладости. Эта сладость во время и тотчас по окончании обварки не должна еще быть сахарообразною, но делается такою только при последующем нижеописанном мешании. Цвет неспелого теста светлый и темнеет при поспевании затора. Смотря по внутреннему достоинству и по разным родам, хлеб принимает цвет то чисто коричневый, то бурый, то только темно-желтоватый. Где настоящая причина цвета не может быть с точностью определена, там для суждения о степени спелости теста, вместе с цветом должно брать в соображение запах и вкус затора...

Растворимость теста узнается очень легко с помощью жестяного, стаканообразного сосуда, окружающего шар термометра. Почерпнутая этим сосудом во время первоначального вступления паров заторная масса будет при выливании вытекать из него в виде комковатой жидкости. Чем более затор будет поспевать, тем более станут исчезать комки, а сама жидкость станет липче и примет вид слизи, что всего виднее на наружной стенке жестяного стакана во время его вынимания из заторной массы. За превращением затора в слизь, обнаруживающим развитие клейстерного вещества, следует вскоре образование сахара и совершенная спелость затора, сопровождаемая растворимостью. От сгущения затора и принятия им слизистого вида до вторичного разжижения и образования сахара проходит весьма мало времени...

Это – самая важная эпоха, в которой обнаруживаются все признаки спелости и за которою должно следить со всевозможным вниманием. Затор по достижении совершенной спелости не представляется уже густою слизью, но, потеряв почти все слизистые части, становится опять жидким. Состояние совер-

шенной жидкости затора означает его несомненную спелость. Градус теплоты, при котором поспевают затор, различен, смотря по роду и качеству употребляемого хлеба. Самый легкий, недозревший хлеб поспевают при 50° R (62,5°C), самый лучший при 56° R (70°C), хлеб средней доброты – при 53,5–55°R (67–68,75°C). Правильная обварка затора так важна, что полградуса недоданного парами тепла уменьшает выход пенного вина из всякого пуда муки на полштофа (200 граммов. – Г.Б.), а из четверти – слишком на полведра...

Почти все винокуры поступают в этом случае слишком осторожно, даже боязливо, и не нагревают затора до надлежащей степени. Хотя, без сомнения, излишняя теплота действует также вредно, однако в гораздо меньшей степени, чем недостаток тепла...

Винокур, не имеющий возможности наблюдать с точностью за всеми признаками спелости затора и не уверенный в точном определении нужной температуры, для избежания большой утраты и в то время, когда он полагает уже затор совершенно поспевшим, может возвысить его температуру еще на полградуса...

Если во время мешания затора перед самым припуском паров, в продолжение 5, 7 и 10 минут на поверхности его покажется пена, то это хороший признак; еще лучше – если она во время обварки, особливо же при поспевании затора, выступит на верх густым слоем, наподобие густых сливок. Это явление называется сладким брожением. Большое или меньшее количество и густота пены определяется, без сомнения, достоинством хлеба, но, во всяком случае, появление ее составляет хороший признак, потому что и самый отличный, но ошибочно и неточно затертый хлеб, дает, при обварке затора, весьма немного пены...

Как скоро затор доведен до данной для обварки температуры и, следовательно, поспел, паровой кран тотчас запирается, сильное мешание взад и вперед прекращается и заторная масса в продолжение 15 минут приводится в самое тихое движение то легким кругообразным поворачиванием гребков по дну чана, то медленным вытягиванием их со дна к поверхности...

По прошествии этих 15 минут медленного мешания тесто в заторном чане подвергается опять сильнейшему, напряженному мешанию, а потом его перечерпывают, перекачивают или спус-

кают в квасильный чан, в котором сильное мешание гребками продолжается безостановочно до самой примеси расхолодки. Такое сильное мешание служит необходимым условием для умножения сладости затора. Оно приводит его в большее соприкосновение с воздухом, кислотвор которого ускоряет освобождение сахара» [33].

Хотя в то время, когда Сиверс составлял свое руководство, переход крахмала сначала в декстрин, а затем в декстроз был уже известен, но автор, вероятно, чтобы более понятно изложить процесс осахарения большинству тогдашних винокуров, употреблял выражения «превращение затора в слизь», «развитие клейстерного вещества», то есть переход крахмала в растворимое состояние и затем в декстрин.

Далее из приведенного описания видно, что «...старые винокуры сознавали вред высокой температуры при затирации, но в то же время видели необходимость повышать температуру, чтобы лучше выделить весь крахмал, заключенный в клеточках сырого материала. При этом предполагали, что полезное действие мешания затора и сладкого сула происходит не только от тщательного смешения затираемых материалов, но и от соприкосновения с воздухом, кислород которого ускорял, по их мнению, осахаривающее действие солода или клейковины вообще, где только нельзя было объяснить какого-либо явления, происходящего в присутствии кислорода, то тотчас же впутывали этот газ и тем успокаивали пытливые умы.

В настоящее время, когда непосредственными опытами дознания доказали полезность разварки сырого материала при высокой температуре, эту операцию производят отдельно от затирации с солодом, которое уже может происходить при более низкой температуре...

Старые наши заводы приготавливали заторы с одной крупно смолотой мукой, но и гораздо позже, во время откупов, большинство наших заводов курило вино без солода; впрочем, говорят, есть и теперь еще в великорусских губерниях заводы, которые делают хлебные заторы без солода. Трудно понять, какой они находят расчет поступать таким образом, в особенности при существующих акцизных условиях.

Известно, что зародышный слой злаковых зерен обладает довольно значительными осахаривающими свойствами, которые, как теперь дознано, происходят тоже от присутствия диастаза: но заторы, приготовленные таким образом, должны делаться гораздо жиже, и время, потребное для осахарения, должно быть продолжительнее, чем при осахарении с солодом; эти два обстоятельства достаточно уже указывают на невыгодность этого способа затирания.

Более рационально поступали старые винокуры, употребляя, вместо солода, хлеб, обыкновенно зерновой, который, не достигнув зрелости, был захвачен морозом.

Такой хлеб приобретает в некоторой степени свойства солода и может его заменить без утраты в выходах».

Заторы без солода готовились, по Илишу, следующим образом. «Прежде всего, три четверти всей воды, назначенной для затирания, вливается в заторный чан и нагревается проникающим в нее паром до 50°P ($62,5^{\circ}\text{C}$), а потом начинают понемногу всыпать муку. Во время всыпания, массу постоянно перемешивают мешателем, чтобы не образовались комки. Это продолжают так долго, пока масса делается совершенно однородною...

Когда же это сделано, то масса, с помощью нового количества пара, нагревается на $58\text{--}60^{\circ}\text{P}$ ($73\text{--}75^{\circ}\text{C}$), еще немного перемешивается и оставляется стоять на 1,5–2 ч, чтобы образование сахара было полное...».

Приготовление затора с солодом производилось, по Илишу, следующим образом. «Все количество солода, назначенное для затирания, размельчается на довольно мелкие части; за полтора часа до затирания, всыпается в заторный чан и обливается $3/4$ воды $50\text{--}60^{\circ}\text{P}$ ($62,5\text{--}75^{\circ}\text{C}$), причем беспрестанно мешают, после чего оставляют стоять около полутора часа, вследствие чего весь диастаз растворяется...

По прошествии этого времени начинают постепенно всыпать муку и мешают, чтобы не образовались комки...

Когда заметят, что после тщательного перемешивания вся масса имеет одинаковую густоту и не содержит в себе более свернувшихся комков, тогда этот затор нагревают до температуры, необходимой для образования сахара...

Нагревание можно производить или прибавлением горячей воды, или посредством пара...

Последний способ удобен и употребителен, потому что затор в этом случае не подвергается бесполезному, излишнему разжижению, так как фунт водяных паров производит нагревание, равное 15 фунтам кипящей воды...

Пар стремится в заторный чан через отдельную 1 трубу, нарочно проведенную в него, или чрез отверстия, находящиеся на дне чана...

Относительно температуры, до которой следует нагревать затор, существуют различные мнения. Одни требуют, чтобы она вполне достигала 60° R (75°С); другие уверяют, что образование сахара лучше всего происходит при температуре от 55 до 57°R (68,75–71,25 С), и это последнее, мне кажется, вернейшее, так как большинство голосов его оправдывают...

При нагревании затора его следует постоянно мешать мешателем или мешалками, чтобы он нагревался равномерно. Когда таким образом жидкость нагрета до температуры, необходимой для образования сахара, то стремление пара и движение мешалок прекращают и оставляют затор на полтора или два часа в покое, чтобы сахар мог вполне образоваться...

Время, требуемое для превращения всего крахмала в сахар, нельзя определить с точностью. Однако если затор стоит при приведенной температуре около 2-х часов, то можно быть вполне уверенным, что весь крахмал превратился в сахар».

По мнению К.С. Кропоткина, «трудно с точностью определить, как велик был выход спирта на частных винокуренных заводах. В России обычно в XVIII – первой половине XIX века из мешка ржаной муки выход был от 5 до 6 ведер полугара, то есть водки около 40°. Если считать мешок в девять пудов, то из пуда получится от 0,55 до 0,66 ведер полугара, или от 22 до 26 градусов безводного спирта. Такой выход мыслим был только при условии, что труд, материал и топливо доставались помещику даром» [34].

Увеличение размеров производства и замена каторжного труда вольнонаемным были одними из побудительных мотивов использования при изготовлении затора специальных машин,

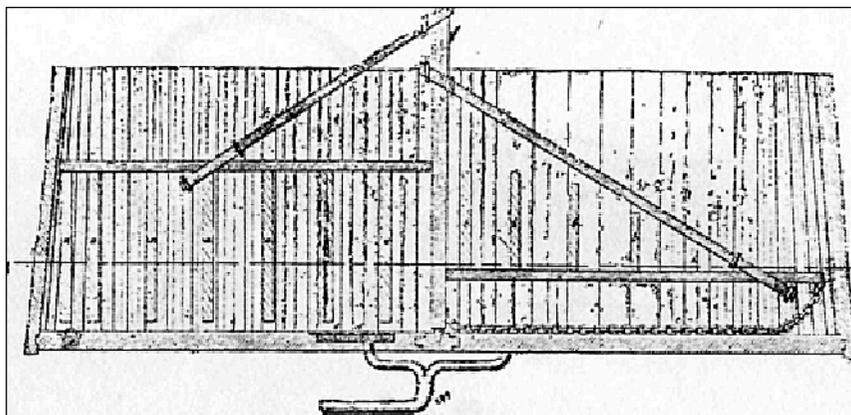
появившихся в Европе в 30–40-е годы. Приведем их описание, взятое из работы известного нам К.С. Кропоткина. Самые простые заторные чаны, употребляющиеся на наших заводах, имели следующее устройство (рис. 28):

«В центре дна чана прикрепляется подушка с углублением, в которую вставляется вертикально высокий деревянный вал, верхний конец которого входит в манеж конного привода, или же снабжается зубчатым колесом, прилегающим к шестерне привода, смотря по тому помещается ли привод над чаном или сбоку его. К этому вертикально поставленному брусу прикреплены крестообразно четыре бруса, из коих два снабжены вертикально поставленными железными или деревянными брусками, к другим же двумя прикреплены цепями тяжелые железные грабли.

Аппарат двойного действия состоит из действующей оси (прочного длинного бревна), проходящей через дно заторного чана в нижнем отделении здания, где может приводиться лошадьми в круговое движение. В самом чану ось окружена прочной перегородкой. Верхний конец оси пропущен в подушку, вставленную в прочно утвержденную перекладину. Над чаном к оси перпендикулярно прикреплены к ней один или два бруса длиной три пятых диаметра чана; сквозь концы этих брусков проходят стержни, к которым приделаны крестовины с железными брусками. Стержни с брусками с помощью пропускной шестерни приходят во вращательное движение, причем затор перемещается в горизонтальном направлении. Нагревание затора происходит с помощью паропроводной трубы, помещающейся на дне чана.

Оба эти аппарата имеют только то качество, что стоят недорого. Затор же размешивается очень несовершенно, нагревание производится неравномерно, и для охлаждения затора требуются другие приспособления...

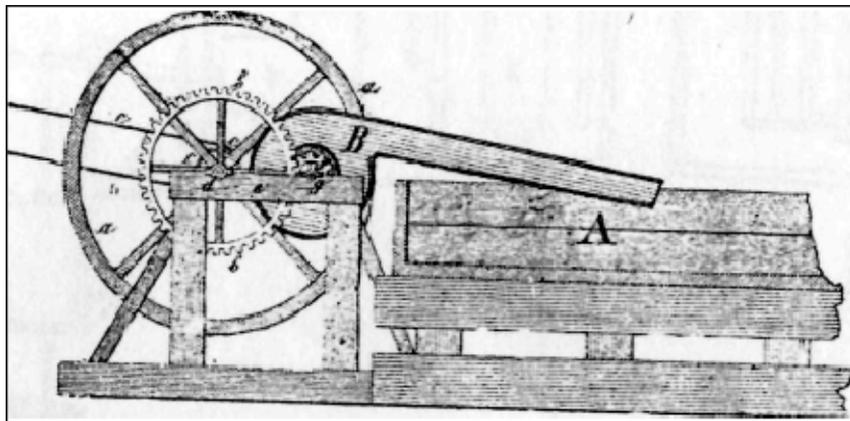
Со времени уничтожения откупов стали вводить на наших заводах заграничные усовершенствованные заторные аппараты...». В конце 1870-х годов из русских заторных аппаратов рекомендовался аппарат профессора Крупского, но его рисунок не дошел до нас.

Рис. 30. Антарат простого действия

Важной отдельной технической операцией стало охлаждение горячего затора. Прежде оно производилось проточной холодной водой. В откупное время это стали делать льдом или разливом готового затора в особые плоские ящики. Их называли «холодильники», ставили в помещениях и охлаждали вентиляцией или же выставляли на открытом воздухе.

«...Следующий рисунок показывает холодильник, употреблявшийся в 1830-х годах на наших винокуренных заводах.

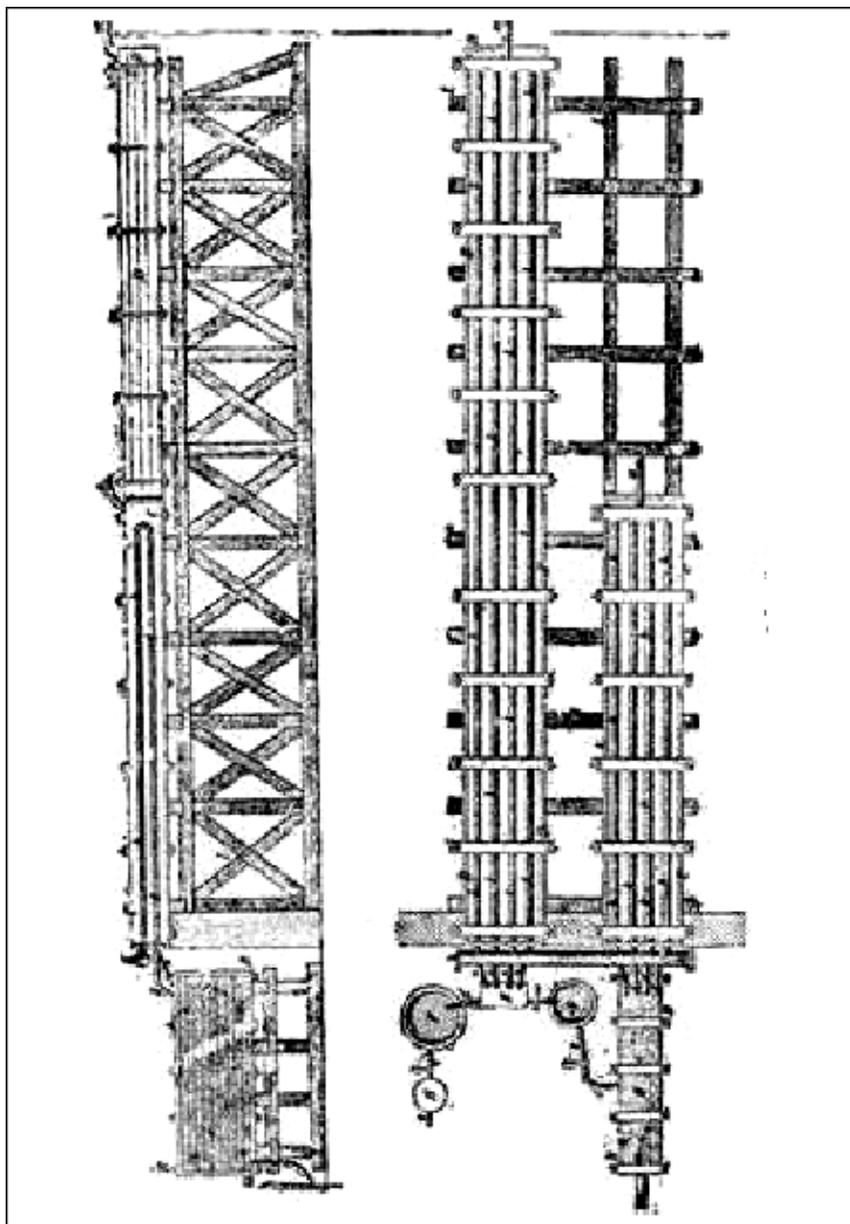
Рис. 31. Холодильник. А – широкий и низкий ящик, в который вливается затор; В – вентилятор, с помощью которого вдувается холодный воздух на поверхность затора...»

Серьезным изменениям подвергся процесс перегонки сула. «...Перегонные аппараты, употреблявшиеся в России с начала нынешнего столетия, были следующие.

Рис. 32 изображает аппарат с трубницами, нагреваемый не голым огнем, а паром. Паровик и деревянный бражный куб не изображены на рисунке. Пары спирта разделены внутри медными перегородками $e e...$ не доходящими до противоположных стен. Ящик этот назывался ректификатором, хотя роль его была скорее ролью дефлегматора, так как, вследствие наклонного положения перегородок, стущавшиеся от охлаждения t (температуры. – Г.Б.) пары имели возвратный сток по трубке f в бражный куб. В первоначальных аппаратах все перегородки в ректификаторе, за исключением верхней, были деревянные. Из ректификатора обогащенные спиртом пары поднимаются по четырем трубкам g , входящим в длинный ящик C . Наполненный горячею водою C назывался горячею трубницею. Трубы g , g идут до конца ящика, затем заворачиваются вверх (k), идут горизонтально и, возвращаясь к переднему концу ящика, входят в толстую поперечную трубу h , из которой выходят четыре трубки l, l, l, l , помещающиеся в ящик D . D , подобный предыдущему, но вдвое длиннее его и наполнен, вместо горячей холодной водою, почему и называется холодною трубницею. Трубки l, l , дойдя до конца ящика, заворачиваются вниз, идут параллельно верхним и по выходе из переднего конца холодной трубницы, вступают в ящик E , из которого спирт протекает по трубке p в чан H и далее, по трубке u , в мерник H и затем, по трубке v , в приемник.

Жидкость же, бедная спиртом, течет по трубке s в чан g , из которого может спускаться в ректификатор. Горячая и холодная трубницы снабжаются водою по трубкам n и m .

Из этого видно, как, при устройстве описанного аппарата, мало было обращено внимания на экономию топлива. Отсутствие приспособлений к предварительному подогреванию браги и один перегонный куб в значительной степени увеличивали расход на топливо и не давали возможности получить крепкий и очищенный продукт.

Рис. 32

Идея устройства трубноц заимствована, по всей вероятности, из Англии, куда посылали в царствование Екатерины II наши богатые помещики своих винокуров изучать это производство. Впрочем, заимствовав идею, наши техники очень своеобразно применили ее к русскому производству.

К весьма старым улучшенным перегонным аппаратам, которые были очень распространены в Средней и Восточной России, принадлежат следующие три аппарата:

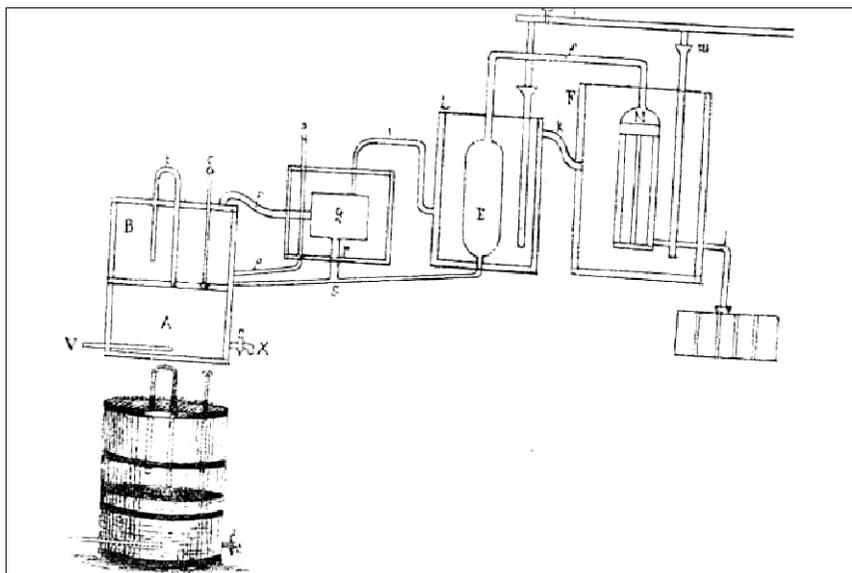

Рис. 33

Деревянный бражный куб (рис. 33) разделялся на две равные части *A* и *B* досчатой перегородкой, в которую вставлялась медная трубка *b*, согнутая так, что другой ее конец не доходил до перегородки на несколько дюймов; для спуска браги из верхнего отделения в нижнее служит отверстие, затыкаемое пробкой с штырем *c*. Брага нагревается паром, входящим в куб через трубку *V*. Развивающиеся пары поднимаются по трубке *b* в верхнее отделение, приводят в кипение находящуюся в нем брагу и, обогатившись спиртом, вступают через трубку *f* в дефлегматор *g*, помещающийся в деревянном глухом чане (подог-

ревателе), наполненном брагой. Достаточно нагревшаяся брага спускалась по трубке p в верхний куб. Дефлегматор был обыкновенно медный цилиндр с двойными стенками. Снизу он имел сообщение трубкою r с верхним кубом для возвратного стока флегмы. Сверху он соединялся трубкою i со вторым дефлегматором E , помещавшимся в открытом деревянном чане L , наполнявшемся водою. Она поступала чрез трубку k из холодильного чана F , в котором помещался или обыкновенный змеевик, или, как обозначено на рисунке, особый холодильник, состоящий из двух плоских цилиндров, соединенных трубами. Сгустившийся и охлажденный продукт поступал в приемные бочки чрез трубку l . Сгустившиеся в дефлегматоре E пары возвращались чрез трубку s в верхний куб. Трубка t проводила холодную воду в чан F и иногда, если требовалось более энергичное охлаждение, – в чан L со вторым дефлегматором. Для спуска бражки, лишенной спирта, т. е. барды, находилась в нижней части куба A трубка x .

Описанный аппарат изменялся в деталях на некоторых заводах. Так, в дефлегматорах g и E делались перегородки, задерживавшие пары. Холодильник делался змеевиком, что в значительной степени увеличивало крепость получаемого продукта и уменьшало расход топлива (рис. 34).

Прилагаемые два рисунка изображают перегонные аппараты смешанной конструкции, употреблявшиеся на многих заводах в северо- и юго-западных губерниях России.

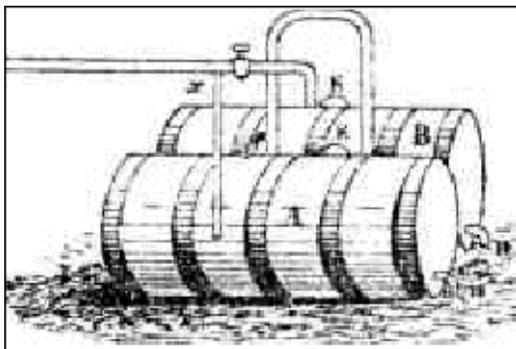

Рис. 34

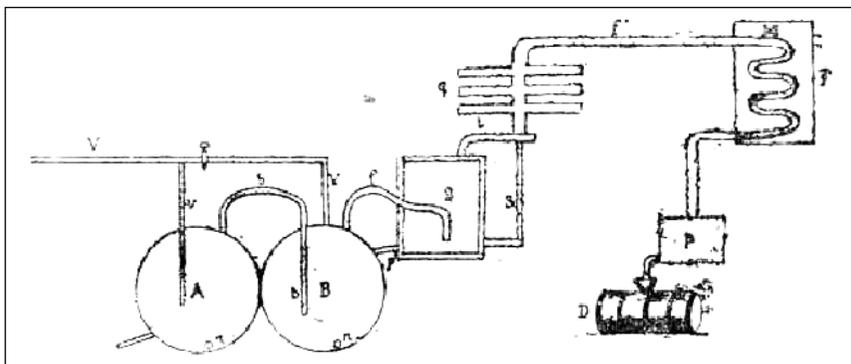

Рис. 35

По трубке *V* (рис. 35) пары входили в бражный куб *A* и, приводя в кипение бражку, поступали чрез трубку *b* во второй куб *B*. Оба куба представляли деревянные чаны, положенные на бока, что видно на рис. 28. Кубы наполнялись бражкой чрез отверстия *k, k*, которые затем плотно затыкались. Развившиеся в кубе *B* пары вступали по трубке *f* в деревянный, глухой чан, называвшийся литровкой, на дно которого собиралась, кроме сгущавшихся в нем паров, еще и флегма, стекающая по трубке *s* с тарелок. А так как трубка *f* доходит почти до дна, то скопившаяся в литровке флегма, вследствие прохода чрез нее горячих паров, не замедлит придти в кипение, и произойдет ее ректификация. Слабый же погон, дойдя до трубки *p*, стекает обратно во второй куб *B*, а не сгустившиеся пары идут по трубке *t* в тарелки Писториуса, откуда, лишившись водянистых частей, вступают, по трубке *f*, в холодильник *M* и далее, по трубке *J*, в приемник *P* и окончательно в бочки *D*.

Для лучших сортов водок флегма из ректификатора, содержащая значительное количество сивушного масла, выбрасывалась, а не спускалась во второй куб.

Для перепуска бражки из второго куба в первый кран *x* запирался, и пар пускался прямо в куб *B*, отчего бражка по трубке *p* (рис. 35) переходила в куб *A*. Барда выпускалась из кубов чрез трубку *n* (рис. 36).

Перегонный аппарат, изображенный на рис. 36, употреблялся с двадцатых годов нынешнего столетия (XIX. – Г.Б.), пре-

имущественно в Остзейском крае и на некоторых заводах внутри России, где он сохранился и по настоящее время. Идея его устройства принадлежала Сиверсу.

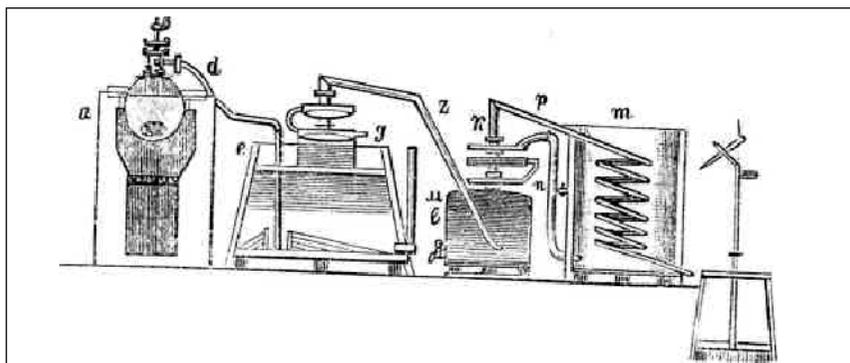

Рис. 36:

a – паровик; *d* – труба, проводящая пар в деревянный бражный куб *e*; *g* – ректификатор над кубом; *z* – трубка, ведущая в прикубок; *b* – кран для спуска флегмы из прикубка; *k* – ректификатор над прикубком

Ректификатор состоял из трех тарелок, внутри которых устроен щит, служащий для увеличения пути паров спирта. Каждая тарелка с верхней стороны снабжена закраинами, образующими цилиндрическое пространство, наполняемое водою. Она шла из холодильника по трубке *n*; *p* – труба, по которой спиртные пары идут из тарелок в змеевик. Холодильник снабжается холодной водою с помощью насоса, обозначенного с правой стороны рисунка.

Из этого описания наиболее распространенных в России перегонных аппаратов видно, что оригинальными в них были только детали и различное расположение отдельных частей, в общем же они представляют смешанную конструкцию... Получавшаяся водка вследствие продолжительного сохранения в подвалах не имела себе равной во всей Европе» [35].

Таким образом, на винокуренных предприятиях Европейской России и Сибири до начала XX века пар получали не паровой машиной, а нагреванием металлической емкости огнем. Операция по приготовлению затора производилась если не вручную, то механически, но с помощью конного привода.

Охлаждение в «холодильнике», очистка через «ректификатор», перегонка и другие технологические звенья, состоящие из нескольких деталей и частей, в лучшем случае приводились в движение энергией падающей воды, «живого огня» и «двигателем» на основе мускульной силы лошадей, мощность которого в «л. с.» означала лишь количество задействованных животных.

Поскольку главным признаком фабрично-заводского производства принято считать наличие машины-двигателя, приводящего в действие машины-инструменты, то в раннебуржуазную эпоху заводом являлось предприятие с паровым двигателем и сложносоставным инструментарием на основных технологических операциях. В этом направлении наш завод сделал первый качественно новый шаг только перед очередной своей гибелью в огне в 1914 году в самом начале Первой мировой войны.

6.4. КРАСНОРЕЧЕНСКОЕ ЗАВОДСКОЕ СЕЛЕНИЕ И ЕГО СТАРОДАВНИЙ СОСЕД

Вторую половину XIX века селение прожило без особых потрясений. Отличала его жителей от крестьян соседних деревень относительная замкнутость. В бывшее селение заводского ведомства не помещали ссыльных. Вольных переселенцев тоже долго не принимали из-за ограниченности земельных угодий. Статистические сведения за 1889 и 1894 годы позволяют проследить изменения в жизни бывших заводчан и их детей и внуков с 1858 года. Население выросло за прежние 30 лет в два раза, а за пять лет тоже в два раза – от 245 до 500 человек, из них соответственно 135 и 253 души женского пола. Как видим, по соотношению полов селение как постоянный населенный пункт сложилось и развивалось уже за счет естественного прироста, в последнее пятилетие – семейных переселенцев. Об этом же свидетельствует возрастной состав. Работников мужского пола от 18 до 60 лет было от одной трети (32 из 110 человек) до одной четвертой (62 из 247 человек), а полноценных плательщиков (бойцов) было 16, и через пять лет – все 62 человека. Дело объясняется просто: если до 1889 года в селение не поступало ни ссыльных, ни переселенцев, то к 1894 году «при-

численных» к сельскому их обществу было 17 окладных мужчин с семьями. Соответственно, дворов стало на семь больше – не 78, а 85. При этом основные хозяйственные показатели не изменились: всей земли числилось 306 десятин, из них пашня составляла 85 десятин, покосов было 61 десятина, лесов – 160 десятин. Лошадей сильно не ubyло – в среднем считалось по четыре головы в каждом подворье, всего 328, только в 18 дворах было по 1 лошади; выросло число коров – от 156 до 190, овец – с 278 до 396 голов, свиней – от 188 до 190. У шести дворов в 1889 году были пасеки, где считалось 73 улья, хотя год назад было 80. Меду собирали по 14 пудов на 84 рубля, и воску получали один пуд 15 фунтов на сумму 20 рублей 50 копеек. Из ремесленных занятий показана лишь одна семья «щербобитов». Шестеро работали на прииске, а один занимался извозом. В деревне имелись лишь один кабак и лавка. Через пять лет в найме показаны двое, и уже 11 занимались извозом.

Краснореченское заводское сельское общество было довольно исправным, как отмечалось выше, безлошадных дворов не было, коров и овец имели по нескольку голов. Поэтому долгов по уплате налогов – «недоимок» – не числилось, хотя стоимость одних натуральных повинностей оценивали в 7 рублей с каждого плательщика, кроме 5 рублей 69 и 1/4 копейки прямых и 2 рубля 50 копеек косвенных налогов. Неисправных временно плательщиков, за которых общество платило раскладкой, было немного – 7 человек, из них за пятерых платили казенные подати, а за двоих – мирские раскладки [36]. Судя по всему, переселенцы были приняты недавно, поэтому размеры пашни и поголовье скота не изменились с их приходом. Пришлые были из соседнего Ачинского округа, ибо учреждение новой Енисейской губернии нарушило, как выше отмечается, давние хозяйственные связи населения Среднего Причудымья. В течение всего XIX века были такие переходы крестьян Назаровской волости на территорию Боготольской волости, что отмечено более чем 10 делами Архивного отдела администрации г. Ачинска [37]. Обычно крестьяне новых деревень посылали своих доверенных лиц (депутатов) с просьбой обмежевать их. Томское управление земель и государственных имуществ посы-

лало окружных землемеров с чертежниками, которые направляли материалы межевания в хозяйственное отделение через генерал-губернатора Западной Сибири, утверждало эти отводы, и ставило в известность Енисейскую губернию, откуда вышли переселенцы. Показательно, что власти сверху донизу считались с выбором крестьян, справедливо полагая, что им, налогоплательщикам, виднее, где лучше хозяйствовать, памятуя мудрую пословицу: «Рыба ищет где глубже, а человек где лучше» [38]. Такому подходу, когда самостоятельная хозяйственная инициатива не пресекается, а вводится в законное русло, не грех следовать и современному начальству.

В самом конце XIX века в жизни селения Краснореченскозаводского произошло важное изменение. С января 1898 года оно вошло в одну из трех волостей, новоучрежденных из старой Боготольской. Центром волости стало село Красная Речка. Дело не только в том, что волостная власть оказалась буквально под рукой. Изменились состав волостных повинностей, а также земельный фонд. В новую Краснореченскую волость вошли, кроме волостного села Красная Речка и Заводского селения, соседние семь деревень, в том числе Коробейникова, Зерцальская, Вагинская, Дмитриевка, Ильинка, Павловка и Разгуляевская.

Сохранился «Список дворохозяев всего Краснореченского сельского общества за 1900 год», составленный Поповым и подписанный старостой Котомкиным. В его графах указаны число душ мужского и женского пола, число работников с разделением по полам, наличие лошадей, коров и мелкого рогатого скота, размеры посевов озимых (ржи и пшеницы) и яровых хлебов с овсом, наличие запаса хлеба до нового урожая по этим зерновым культурам. Другой список дворохозяев общего Краснореченского сельского общества за 1901 год, составленный писарем, отмечал обеспеченность скота кормами, а также на ком и сколько числятся недоимки по казенным платежам, губернским и земским сборам. В Списке особо выделено «заводское селение ... с № 396 по 476», данные по которому сведены нами в особую табл. 7.

Таблица 7

№ п/п	Имя и фамилия домохозяйина		Число душ		Число годовых работников		Имущество (скот. – Г.Б.)			Сколько десятин засеяно				Сколько пудов хлеба имеется в запасе			
			мужского пола	женского пола	мужского пола	женского пола	лошадей	коров	мелкого скота	озимого	ярового	ржи	пшеницы	овса	ржи	пшеницы	овса
1	2		3	4	5			6				7					
Краснояреченского заводского селения																	
396		Елисеев Михаил	2	4	1	1	3	4	4	2	–	1	1	–	–	–	–
397		Теряев Николай	2	2	1	1	2	2	4	1	1 ½	1 ½	½	½	30	–	–
398		Антипов Наум	1	1	1	1	3	2	7	1	–	1	1	½	20	–	–
399		Аникин Яков	1	1	1	1	2	2	6	–	–	–	1	½	–	–	–
400		Лабанов Петр	3	3	1	1	2	4	4	1/2	–	1 ½	1	–	50	30	–
401		Лизгин Федот	3	2	1	1	2	2	5	–	–	–	–	–	–	–	–
402		Спирин Антон	3	1	1	1	3	4	6	1/2	–	–	½	½	–	–	–
403		Конов Григорий	2	1	1	1	2	2	3	–	–	–	–	–	–	–	–
404		Смашко Иван	2	2	1	1	2	2	2	–	–	–	–	–	–	–	–
405		Харитонов Петр	2	2	1	1	2	4	4	–	–	–	–	–	–	–	–
406		Карленко Яков	2	3	1	2	5	3	10	1	–	2	1 ½	1 ½	40	40	–
407		Балахтин Тимофей	1	3	1	2	4	4	12	1	–	1	½	½	–	–	–

1	2	3		4		5		6				7				
		1	2	1	1	4	3	15	1	-	1	1	1	20	50	
408	Теряев Феоктист	1	2	1	1	4	3	15	1	-	1	1	1	20	50	-
409	Площаков Козьма	2	3	1	1	3	2	6	1	-	1	1	1	1/2	-	-
410	Площаков Семен	2	2	1	1	3	2	10	-	-	1	1/2	1/2	-	-	-
411	Елисеев Дмитрий	5	4	3	2	8	8	15	2	-	1	1 1/2	3	20	30	20
412	Площаков Михаил	4	5	1	1	8	8	15	1 1/2	-	1 1/2	2	1	-	70	50
413	Гаврилов Тимофей	3	6	2	2	5	3	9	1	-	1 1/2	2	1/2	50	30	-
414	Федоров Егор	8	7	3	3	15	15	25	2 1/2	-	3	2	1	50	50	45
415	Федоров Самоило	6	4	2	2	8	7	15	2 1/2	-	2	2	1 1/2	20	10	-
416	Антипов Пимон	3	5	8	2	6	4	14	1	-	2	1 1/2	1/2	30	-	-
417	Балахтин Виктор	4	4	1	1	5	5	10	2	-	1 1/2	1	3	-	30	-
418	Мочалкин Петр	4	2	1	1	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
419	Панфилов Василий	3	4	1	1	9	16	15	2	-	2	1 1/2	2	50	40	30
420	Панфилов Иван	1	1	1	1	4	8	10	1	-	1	1	1	20	20	20
421	Мочалкин Никита	6	2	1	1	6	4	2	1	-	1	1 1/2	1 1/4	10	10	10
422	Якутин Никифор	4	3	1	2	5	4	12	-	-	1	1	1/2	20	15	-
423	Карпенко Дмитрий	3	7	1	2	5	5	15	2	-	2	2	1 1/4	20	50	-
424	Площаков Петр	1	1	-	-	4	7	6	1/2	-	1/2	1/2	1	-	-	-
425	Антипов Егор	1	2	1	1	2	2	3	-	-	-	-	-	-	-	-
426	Антипов Аким	2	2	1	1	4	3	10	1	-	1	1	1/2	20	-	-

Продолжение табл. 7

1	2	3		4		5		6			7			
427	Антипов Константин	3	3	1	1	5	2	10	1	-	1	1	10	-
428	Карленко Федор	3	2	1	1	6	3	10	1	-	1	1 1/2	2	50
429	Назаров Ефим	2	3	1	1	3	3	5	1/2	-	1/2	1/4	-	-
430	Федоров Сергей	2	2	1	1	6	6	15	1	-	1 1/2	1 1/2	2	-
431	Новиков Василий	3	4	1	1	3	2	6	1/2	-	1/2	1/4	10	-
432	Мочалкин Иван	3	3	1	1	3	4	3	-	-	-	-	-	-
433	Закомолдин Данило	5	4	2	2	2	3	6	1 1/2	-	1/2	1/2	-	-
434	Лабанов Николай	5	6	1	2	2	3	3	-	-	-	-	-	-
435	Ваулин Прохор	1	1	1	1	2	6	6	-	-	-	-	-	-
436	Отев Дмитрий	1	3	1	1	2	2	3	-	-	-	-	-	-
437	Ероцкий Марк	1	1	1	1	5	3	6	-	-	-	-	-	-
438	Прибыльченко Осип	3	3	3	2	7	5	10	2	-	1 1/2	1 1/2	1	10
439	Глухов Андрей	2	2	1	1	2	3	6	1	-	1/2	1/2	-	-
440	Карленко Игнатий	3	4	1	1	2	2	3	-	-	-	-	-	-
441	Моисеев Родион	1	2	1	1	5	3	6	1	-	1	1 1/2	-	-
442	Шестопалов Ефим	1	1	1	1	4	2	8	1	-	1 1/2	1	1	-
443	Дорофеев Мин	2	3	1	1	4	2	8	1	-	1 1/2	1	1	-
444	Казаков Василий	4	1	3	1	8	9	12	1	-	3	2	2	150
445	Сергеев Степан	1	1	1	1	7	5	12	1 1/2	-	1 1/2	1	30	25

1	2	3		4		5			6			7			
		4	2	2	1	5	6	15	2	-	1	½	1	100	40
446	Сергеев Михаил	4	2	2	1	1	2	3	-	-	-	-	-	-	-
447	Коврижкин Иван	2	1	1	1	2	2	3	-	-	-	-	-	-	-
448	Терских Петр	1	1	1	1	3	2	6	1	-	½	1	1	-	-
449	Коврижкин Софрон	2	5	2	2	5	4	15	2	-	1	1	1	20	50
450	Козьмин Иван	2	2	1	1	2	2	5	-	-	-	-	-	-	-
451	Шумихин Андрей	1	3	1	1	4	3	6	1	-	1	½	¼	20	-
452	Шестопапов Игнатий	3	2	1	1	3	3	8	-	-	1	1	¾	10	15
453	Бакулин Макар	2	2	1	1	4	3	9	1	-	1	1	1	20	30
454	Андреев Елизар	1	1	-	1	2	3	10	-	-	-	-	-	-	-
455	Коврижкин Тимофей	1	-	1	-	3	4	10	-	-	-	-	-	-	-
456	Тредешин Захар	3	2	1	1	2	2	6	-	-	-	-	-	-	-
457	Бадалов Максим	8	3	4	2	2	6	12	-	-	-	-	-	-	-
458	Жураковский Лаврентий	8	8	2	3	6	6	15	2	-	2	3	1½	20	15
459	Мочалкин Тихон	4	2	1	1	5	6	10	2	-	1	1	1	15	20
460	Шумихин Изот	7	4	4	2	8	6	15	2	-	1	2	1	40	30
461	Татарников Ксенофонт	4	2	1	1	3	3	6	-	-	1	2	1	20	10
462	Степанов Евдоким	3	5	1	2	4	4	10	1	-	1	1½	½	10	15
463	Гаврилов Тимофей	3	6	2	2	5	8	15	½	-	2	2	2	30	10
464	Яковлев Филипп	5	3	1	2	6	3	15	1	-	3	2	1	-	50

Окончание табл. 7

1	2	3	4	5		6		7							
465	Трембач Яков	2	1	1	3	2	6	-	-	-					
466	Степанов Семен	3	3	1	2	4	3	-	-	-					
467	Поршков Козьма	4	5	1	2	4	3	10	½	1					
468	Козьмин Андрей	1	2	1	1	2	2	6	-	-					
469	Берденников Клим	2	2	1	1	1	2	-	-	-					
470	Дмитриев Гурьян	3	3	2	1	3	3	6	-	-					
471	Дмитриев Андрей	1	3	1	1	1	3	3	-	-					
472	Иванов Викул	1	3	-	-	2	3	6	-	-					
473	Шумихин Афанасий	1	2	1	2	2	2	6	-	-					
474	Гаврилов Иван	3	-	1	-	2	2	3	-	-					
475	Кашкарев Еремей	4	2	1	2	4	3	15	1	1½					
476	Кашкарев Григорий	1	3	1	1	2	6	1	-	½					
ВСЕГО по Красноярченскому заводскому		588	597	264	293	826	741	1847	340	2239 ¼	295 ½	9194	10355	1670	
ВСЕГО		1379	1444	643	682	832	1594	3974	680	475	482	555	11909	13842	1870

Таблица составлена по: ГАТО, Ф. 3, Оп. 44, Д. 2144, Л. 1-26 об. Список жителей села Красноярченского и селения заводского, 1901 г.

Судя по списку, селению объединение не пошло на пользу – число хозяйств по сравнению с 1894 годом сократилось до 80, население составило 1195 человек обоего пола, из которых почти половина, 576 чел., считались работниками. Это типично для традиционного из-за высокой рождаемости молодого общества, но недостижимо для индустриального нашего. Средняя людность двора оказалась очень высокой – почти 15 человек – и в каждом из них больше половины детей и стариков. Диспропорция полов в пользу женского пола и высокий процент семейных гнезд, всего 63 из 80, тоже свидетельствуют, что костяк селения был явно старожильческим. Так, 15 дворов приходилось на Антиповых, Гавриловых и Плошаковых, 12 – на три же фамилии, 18 – на шесть, 24 двора приходилось на 12 владельцев. Возможно, еще с основания заводского селения сохранились четыре фамилии Ивановых, Елисеевых, Федоровых и Андреевых.

Основные хозяйственные показатели свидетельствуют, что жители в целом были зажиточными. Группировка данных по дворам, работникам и душам обоего пола дает довольно высокие цифры: лошадей приходилось соответственно по 10,3, 1,4 и 0,7 головы; коров – 8,3, 1,3 и 0,6; мелкого рогатого скота – 23,7, 3,3 и 0,6 головы. В среднем на двор приходилось более 42 животных. Посевов же всего соответственно 13,9, 1,93 и 0,93 десятин было несколько ниже официальной нормы. Правда, в «Примечаниях» было сказано, что, кроме хлебов, посеяли во всем обществе 183,5 десятины «гречи, ячменя, гречихи и гороха». При этом отмечалось, что урожай «от засухи весьма плохой предполагается – вымолотить с десятины в общей сложности ржи по 33 пуда, ярицы по 34, пшеницы по 34 и овса по 29 пудов» [39]. Как видим, животноводческий профиль хозяйств сохранялся, несмотря на пуск железной дороги.

Имущественное расслоение и неравенство зависели в первую очередь от состава семьи. Самые зажиточные дворохозяева были многосемейными с числом работников от четырех и более человек (см.: Елисеев Дмитрий, Плошаков Михаил, Федоров Егор, Панфилов Василий, Казаков Василий, Шумихин Изот), что характерно для традиционного потребительского типа хозяйства, слабо связанного с рынком. Безпосевных показано

23 хозяйства, это были, как правило, малолюдные семьи недавних поселенцев, имевших обычно по одной лошади и корове (табл. 7). Из них же были четыре недоимщика, задолжавших 244 рубля казне и 3 рубля по дорожной повинности.

В архивном деле о разукрупнении старой Боготольской волости приводятся интересные данные о составе и объемах налогов, сборов и повинностей губернского, окружного волостного и сельского уровня, которые выполнялись по-прежнему коллективно. Так, ревизских душ в волости считалось:

«1. Состоящих в круговом ручательстве в окладе податей – 1830.

2. Число на ревизских душ, крестьян в круговом ручательстве на счет до новой ревизии (то есть родившихся после прежней переписи. – Г.Б.) – 1550 (при этом община отпускала на свои хлеба – 3 или не хотела платить раскладкой за малоимущих, причисленных ссыльных и временных жителей – 4,5. – Г.Б.).

3. Число лиц, состоящих на личной ответственности в полном окладе подати, – 164 человека.

4. Число лиц, состоящих на личной ответственности в половинном окладе подати, – 72 человека.

5. Число лиц, состоящих на личной ответственности на льготе (полностью и половине оклада) – 75 человек».

Поделили и старые долги. Со старой Боготольской волости переложили на новую Краснореченскую более трети недоимок по подушному сбору, всего 4208 рублей 10 копеек, одну четвертую оброчной подати, всего 6788 рублей 67 и 0,5 копейки; чуть меньше трети губернского сбора, всего 991 рубль 81 копейка; треть сбора на содержание приходского училища, всего 676 рублей 28 копеек; четверть страхового сбора, всего 868 рублей 73 копейки.

В этой волости до выделения имелось меньше всего вольных переселенцев из российских губерний, всего 57 и переведенных – 177 человек, соответственно в Дмитриевке – 10 и 18 ревизских душ, Ильинке – 34 и 107 ревизских душ, Павловке – 11 и 40 ревизских душ и Разгуляевке – 2 и 12 ревизских душ. Из них на льготе было 10 ревизских душ российских переселенцев и 35 ревизских душ сибиряков, на половине оклада – 75 человек, а на личной ответственности – ни одного.

Массовый наплыв из-за Урала, особенно возросший с действием с 1895 года Боготольско-Красноярского участка Транссибирской железной дороги, слабо затронул округу Краснореченскозаводской деревни. Помогал статус казенной бывшей заводской, крестьянами арендованной дачи, а также соседней на Арге казенной лесной дачи. Однако покушались и на эти земли, особенно после пожара и закрытия завода. Так, в 1916 году по-земельно-устроительная комиссия Мариинского округа отвела под выгон 250 десятин краснореченско-заводским крестьянам, а также 0,18 десятины «крестьянину Лисавенке из окладной казенной оброчной статьи Елизаветинской». Боготольский лесничий 27 июля опротестовал эти отводы в Томском губернском управлении земледелия и государственных имуществ. Крестьяне деревни Заводо-Боготольской тоже просили отвести им до 200 десятин угодий из оброчных казенных лесных и заводских мест. Среди «доверенных выборных» был крестьянин Николай Лисавенко, в будущем знаменитый садовод [40]. При этом жители обоих краснореченских селений составили одно сельское общество по налоговым платежам, повинностям и самоуправлению. Этим официально закрепились более чем столетние хозяйственно-культурные связи жителей данных населенных пунктов. Правда, в церковно-обрядовом отношении Краснореченскозаводское обособилось. В начале XX века, когда число дворов переваливало за 120, Томская епархия дала согласие на строительство деревянной церкви. Это правило существовало издавна. Дело в том, что содержание приходских церквей, материальное обеспечение ее клира в лице священника, дьякона, пономаря и дьячка, то есть все расходы, связанные с функционированием храма, возлагались на прихожан. Считалось, что жители 100–120 дворов имели материальные возможности их нести.

В целом, перед Первой мировой войной «село Краснореченско-заводское при реках Чулым (и Карымовка. – Г.Б.) имело 127 дворов и 757 человек, в том числе 375 муж. (ского. – Г.Б.) пола, а также деревянную церковь, часовню, училище Министерства народного просвещения, мануфактурную лавку, 2 мелочных лавки, маслодельный завод, хлебозапасный магазин и винокуренный завод» [41].

Село Красная речка – старший брат бывшего заводского поселка, хозяйственно связанный с заводом, – являло собой несколько иной тип сибирского селения. Оно вновь стало волостным центром на пересечении с проведением железной дороги уже трех транспортных путей. Сравнивая статистические данные за 1889 и 1894 годы видим, что пик своего развития Краснореченское достигло к 1889 году. Затем население стало убывать – от 3405 душ обоего пола, в том числе 1806 мужского пола, до 3119, в том числе 1670 женского пола. Убыло соответственно число дворов на 73, до 461. Преобладание лиц мужского пола объясняется высокой подвижностью жителей. Людность дворов средняя – около 6 душ обоего пола. Ссылных и причисленных из Европейской России было сравнительно немного – 38 человек, а через пять лет – 110 человек. Земельных угодий числилось 21 388 десятин, в том числе 5505 – под пашней, 3500 – под сенокосом, и лесом – 3013 десятин. Через пять лет власти увеличили им угодья, уступая настойчивым просьбам жителей, которые стали протестовать ногами, то есть уходить. Все земли составили 24 179 десятин, из них пашни – 7820 десятин, сенокосов – 11 969, леса – 4410 десятин. Состав угодий и живности на подворье свидетельствует о сельскохозяйственном профиле села. Так, лошадей показано соответственно 2056 и 2590 голов, или в среднем по 4–5 на двор; коров – 1482, или две во дворе; овец – 4969 и 2204; свиней – 1213 и 780. В каждом дворе в 1889 году было более 18 голов лошадей, рогатого скота и свиней; не считая, домашней птицы. По тогдашним меркам бедными считались безлошадные (таких в селе всего 30 дворов) или с одной лошадыю – 48 человек. Промыслы и ремесла в таком сравнительно большом селе выглядели скромно. Специализировались на пчеловодстве 12 и 15 дворов, имевшие соответственно 867 и 890 колодок пчел. Причем в 1888 году 42 пчелиные семьи погибли. Продуктивность пчеловодов впечатляет – собрали 190 пудов меда на 960 рублей да 10 пудов воска на 150 рублей. Как тут не вспомнить, что наработанный опыт пчеловодов работал и в советское время. Один из пчеловодов даже был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Переработкой шерсти (изготовле-

ние войлочных валенок) занималось соответственно 5 и 2 семьи. Из лесных промыслов отмечены лишь изготовление щепы – 2 и 5 семей, а сбором и переработкой кедрового ореха и выгонкой масла – стабильно 10 семей. Извозом жили 105 и 36 дворов. На их сокращении сказалось рабочее движение по железной дороге на этом участке. Зато выросло число «обретавшихся в найме» – с 30 до 47 человек. По желанию жителей убрали к 1894 году один кабак, а двумя остальными стали завести сами сельчане. На одну лавку увеличивалось (до 11) число торговых точек.

Прослеженные изменения в хозяйственной жизни села показывают, что развитие занятий довольно жестко лимитировалось размерами сельских населенных пунктов. Отдаленность от пашен и сенокосов вынуждала крестьян отходить на заимки и вообще переселяться на свободные земли. Не помогали ни прирезка селу угодий, ни административный ресурс. Транспортные выгоды работали слабо при общей малой заселенности, а значит, сохранялась живучесть натурального хозяйства. Золотопромышленность, а Мариинский и Ачинский горные округа были ее заметными центрами, тоже сравнительно мало затронуло сельскую округу. Население в целом было зажиточным, имущественное расслоение и социальное неравенство не достигли критической точки с его классовым антагонизмом. Из всей крестьянской массы Западной Сибири в XIX – начале XX века только немногие (2–5 %), по мнению историков А.П. Бойко, В.П. Зиновьева, Л. М. Разгона, могут считаться кулаками – крупными хозяевами, регулярно использующими наемных работников и производящими товарную продукцию. Крупных предпринимателей-миллионщиков, имевших буржуазного типа фабрики и заводы с паровыми двигателями, по данным В.А. Скубневского, Г.Х. Рабиновича, насчитывалось около 30.

В материальном отношении краснореченцы мало чем отличались от своих собратьев в заводской деревне, если судить по структуре населения в отношении уплаты налогов и несения податей. Правда, половозрастной состав у сельчан был с налоговой точки зрения лучше, а для крестьян – хуже. Формально налогоплательщиков, то есть ревизских душ, было больше: в

1889 году – 1101 из 1816 душ мужского пола и 901 – из 1670 в 1894 году, или в процентах – 60,6 и 53,9 против заводских – 29,9 и 24,5. Процент реально несущих тягло был тоже неодинаков: 338 «бойцов» из 1101 и 576 из 901, или 38,7 и 63,9 %, а у заводских – 50 и 100 %. Однако миром-раскладкой платили там и там за очень немногих: в 1889 – за трех человек казенные подушные и оброчные деньги, а за двух – взносы на мирские расходы. Наличие казенных служб в селе – это воинская команда и почтовая станция, а также приходская церковь и школа – все это обходилось в 8 рублей натуральных повинностей, то есть на один рубль больше, чем жителям за Чулымом Краснозаводского селения [42].

Для уточнения особенностей хозяйственного состояния интeресующих нас селений сравним их с показателями старой Боготольской волости 1889 года. В ней числилось 17 448 душ обоeго пола, в том числе 8601 душа мужского пола. Диспропорция полов в пользу женского небольшая, поэтому трудно судить о том, составляли ли старожилы с более 20-летним стажем проживания и высоким естественным приростом большинство населения, или преобладали семейные переселенцы из соседнего Ачинского округа с российскими выходцами. Первое явно вероятнее, ибо ссыльных и пришлых из-за Урала считалось 433 человека. Процент формальных налогоплательщиков составлял 59,45 %, а реальных бойцов – 36,9 %. Это близко только к сельчанам Красной Речки. Показатели на душу населения по волости, селу и Краснозаводскому соответственно составляли: пашни – 1,8; ? и 0,35 десятин; лошадей – 0,9; 0,61 и 1,34 головы; коров – 0,58; 0,44 и 0,64 головы; овец – 1,46; ? и 1,13 голов.

Таким образом, специфика хозяйственной жизни призаводского селения со второй половины XIX века осталось прежней – мало пашни, больше животноводства и лошадей. Увеличение численности жителей Краснозаводского к 1894 году связано, скорее всего, с реконструкцией завода, установкой парового двигателя и резким расширением объемов выкурки спирта, а значит, увеличением спроса на рабочие руки и сельскохозяйственную продукцию.

Из других сторон жизни краснореченцев интересно следующее.

Быстро растущее село Краснореченское, благодаря ошибке Томского губернского правления, получило в 1879 году новую на перспективу «селитебную» планировку. Дело было так. В Почитанской волости в 1877 году в одной из деревень сгорел дом крестьянина Свиридова. Поскольку как раз 9 сентября 1877 года вышло распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири «на погоревших местах возводить строения по вновь составленным планам», то губернский землемер отправил для этого каинского окружного младшего землемера Огорокова. Однако хозяйственное отделение Томской казенной палаты перепутало название волости. Молодой чиновник 8 сентября выехал в Боготольскую волость и через три дня прибыл в Красную Речку. Ошибка быстро выяснилась, но ретивый землемер нашел, что «село требует распланирования, как село многолюдное и трактовое». Начальство благосклонно посмотрело на его инициативу. Тем более что кандидат в волостные старшины Сальников и староста сельского общества Сидоров уже собрали сход жителей, на котором выбрали доверенного представителя своих интересов. Сохранилась даже «доверенность» на имя местного крестьянина Николая Иванова. Вот этот уникальный документ местного самоуправления, от которого так и веет чувством собственного достоинства краснореченцев и хозяйственно-рачительным подходом к будущему своего села: «Милостивый государь! Николай Никитьевич! По случаю прибытия в село наше Краснореченское господина каинского младшего окружного землемера Огорокова для распланирования нашего села Краснореченского мы доверяем Вам находиться при распланировании безотлучно; верим мы Вам, и что Вы учите впредь, спорить и прикословить не будем.

В этом и подписуемся (далее подписи 129 крестьян от имени 455 дворохозяев. – Г.Б.). При сем находился староста села ... Сидоров.

Сия доверенность принадлежит крестьянину Николаю Никитичу Иванову. Сентября 16 дня 1879 года» [43].

Этот документ зарегистрировали в Боготольском волостном правлении под номером 68, заверили печатями «хозяйственный заседатель, волостной писарь», а копию доверенности выдали грамотному Николаю Иванову.

Из этой истории видно, что чиновники плохо знали управляемую территорию. На картах частенько отсутствовали не только новые, но и отдельные старые населенные пункты. Нехватка землемеров и их частые перемещения ухудшали дело. Пограничные между губерниями земли особенно грешили неточностью и пропуском. Так, на картах Томской и Енисейской губерний 1858 года не оказалось старой деревни Изындаевой и новой Новоподгорной [44]. Таким образом, некоторые части и целые деревни крестьян годами и десятками лет могли быть не охваченными публичной властью и жить по принципу «вольный человек на вольной земле». То есть феномен семьи староверов Лыковых на речке Еринат притоке Абакана, о которых советская власть ничего не знала целых 50 лет, вполне объясним.

Повседневное бытовое поведение населения в традиционном обществе генетически восходило к настороженно-враждебным этническим отношениям «свой – чужой, мы – они» по отношению к иноземцам, иностранцам, своим гражданам, но другой национальности и иноверцам. Оно нередко, вопреки установленным нормам, переносилось на переселенцев, жителей соседних деревень, даже улиц, представителей другого сословия, профессии и возраста. У краснореченцев же традиционно-бытовое поведение имело некую свою специфику. Они чаще конфликтовали не с новоселами, а вместе с ними против солдат конвойной команды при Краснореченском этапе. Об этом свидетельствует интересное дело «О буйственных поступках крестьян села Краснореченского» за 1878–1880 годы. Из рапорта от 30 сентября 1878 года поручика, начальника местной конвойной команды своему полковнику узнаем, что рядового Бубенцова избил пьяные, когда он возвращался от крестьянина Липатовского, возвратив тому лошадь. Солдат отбивался палкой и кричал. Когда на подмогу выбежали несколько рядовых, нападавшие разбежались, унося в качестве трофея шинель. Спустя небольшое время «толпа крестьян с палками подошла к этапу с шумом и бранью», угрожала постовым, но, увидев идущий из Ачинска конвой, разбежалась. По дознанию сельского старосты, виновниками этого буйства оказались крестьянские сыновья Егор Михайлов и Григорий Петров да посельщичьи

сыновья Григорий Востриков и Герасим Евдокимов. По мнению поручика, «...в селе Краснореченском между крестьянами сильно развито пьянство, питейные заведения почти во всю ночь не закрываются». Он добавлял, что неделю назад этого же села «крестьяне Григорий Прибычелкин и Фадей Никифоров в пьяном состоянии напали на двух солдат, идущих по случаю увольнения в запас, домой в Восточную Сибирь». Их избили и сорвали одежду, за что виновные сидят в волости под арестом. Полковник пожаловался губернатору, приведя еще один случай конфликта с солдатом. Мариинское полицейское окружное правление поручило это дело заседателю Мамееву, который его благополучно волокитил два года [44]. Скорее всего, суть этих событий – выражение не только этносословно-ментального поведения, особенно проявлявшегося у несовершеннолетних, и уголовный налет. В конвойных солдатах видели не защитников Отечества, а тюремщиков «нещасеньких», как звали колодников в сибирском ссылочном крае. Им сочувствовали и помогали, хотя и боялись беглых. Хмель же, как водится, притупляя законопослушность, обострял это чувство подсознательного протеста против карательной политики царизма.

Несмотря на несколько бóльшие возможности в индивидуальном предпринимательстве, хозяйственно-самодеятельные краснореченцы добровольно включались в новые более развитые кооперативно-сбытовые формы артельности. Так, в 1916 году они основали свое потребительское общество. Из отчетов правления за 1918–1919 годы видно, что, руководствуясь печатным уставом, учредителями своей потребкооперации были Андрей Давыдов, выбранный председателем, Виктор Степанович Попов и Дмитрий Зникин (члены правления), а трое (Константин Антонович Максимов, Яков Афонасьевич Лузгин и Прохор Някников) стали членами ревизионной комиссии. Вступительный взнос установили в 50 копеек, а каждый пай – в 5 рублей. За время своего существования общество в такую смутную пору действовало довольно активно: построили свою лавку, продавали в ней разные товары и соль, которую возили сами из Томска. За 1918 год, несмотря на колчаковщину, паевые взносы более чем удвоились, составив уже 4019 рублей

11 копеек. Товаров поступило в лавку на 128 273 рубля 41 копейку, прибыль от продажи которых – общий «годовой доход с оборота» – составила 21 280 рублей 88 копеек. Интересно распределение прибыли, на что выделили 2765 рублей 33 копейки: 12 % дивидендов – 501 рубль, «в запасной капитал» – 1878 рубль 88 копеек, на приходское училище и выпуску газет – по 50 рублей, а также «сиротам безвинно убитого отрядом Совдепа Букарина – 50 рублей» [45].

В пореформенный период частная жизнь завода и при заводских жителей постепенно входила в рамки тогдашней гражданственности и правового поля. Частные владельцы и арендаторы их завода явно реже сменялись, нежели при откупной системе. Еврей-хозяева сняли с него пенки и избавились. В результате он вновь несколько лет, до середины 1880-х годов, бездействовал. Только Королевы, приобретя завод в 1884 году, превратили завод в современное для того времени предприятие, и к концу века он вошел в тридцатку лучших в Сибири. Завод стал заводом в полном смысле этого слова, обзаведясь не только машинами-инструментами, но и машиной – паровым двигателем. Краснозаводское же селение окончательно сложилось как населенный пункт, подтягиваясь, по роду занятий, уровню жизни к соседним сельским населенным пунктам. Оно стало селом и вошло в одно сельское общество со своей более старшей соседкой – волостным центром Красной Речкой.

Примечания

1. Фридман М.И. Винная монополия. Т. II. Пг., 1916. С. 67.
2. Похлебкин В.В. История водки (IX–XX века). М., 1991. С. 245.
3. Сметнева Н.В. Развитие винокурения и виноторговли в Прибайкалье во второй половине XVII – начале XX в. Иркутск, 2006. С. 112.
4. Андрющенко Б.К. Фабричное производство в обрабатывающей промышленности Сибири (1861–1895) // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1980. С. 41.
5. Быкова А.Г. Государственно-правовое регулирование сельскохозяйственного винокурения в Российской империи во второй половине XIX в. // Сибирская деревня: история, современное состо-

- яние, перспективы развития: материалы международной конференции, 30–31.03.06. Омск, 2006. С. 204–236.
6. Мариупольский А.М. Предприниматели-евреи и становление винокуренной промышленности в Томской губернии в 60-х гг. XIX в. // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Красноярск; Улан-Удэ, 2002. Вып.10. С. 31.
  7. Солженицын А.И. Русские и евреи. Скваны одной бутылкой // Русская водка. М., 2001. № 6. С. 62.
  8. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск 1856–1917 гг. Кемерово: Кузбассиздат, 2008. С. 5.
  9. Шеин И.В., Плотников В.Н. Винокурение в Приенисейском крае. К истории Канского ликероводочного завода (1863–1924). Красноярск, 1999. Гл.11.
  10. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 347. Л. 54–56.
  11. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 347. Л. 57 об. – 59.
  12. Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2005. С. 62, 64, 69; Бойко А.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. С. 284, 288, 293.
  13. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003. С. 116.
  14. Туман-Никифорова И.О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX вв.). Красноярск, 2004.
  15. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 532. Л. 25–25об.; Мариупольский А.М. Предприниматели-евреи... С. 31.
  16. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 532. Л. 13–13 об.
  17. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 532. Л. 13–13 об.; Оп. 42. Д. 1818. Л. 13 об. – 14; Ф. 234. Оп. 1. Д. 115, 116, 221, 222.
  18. ГАКК. Ф. 631. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин... С. 62; Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во Сибир. отд. Российской академии наук, 2012. С. 157.
  19. ГАТО. Ф. 23. Оп. 4. Д. 116. Л. 224–224 об.
  20. ГАТО. Ф. 23. Оп. 4. Д. 116. Л. 4 об., 22.
  21. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 115. Л. 141–141 об., 145.
  22. Разумов А.Н. Королевы // Деловая элита старой Сибири. XIX – начала XX вв. Новосибирск: Сова, 2005.
  23. Разумов О.Н. Королевы... С. 103.

24. Рабинович Г.К., Скубневский В.А. Буржуазия в обрабатывающей промышленности Сибири (конец XIX в. – 1917 г.) // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 17. С. 97,100.
25. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, сибирских и Средне-Азиатских владений. Спб.,1895. С. 249.
26. Бойко А.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX вв.: Очерки социальной, бытовой и ментальной истории. Томск: изд-во Томского государственного университета, 2007. С. 204. Табл. 12.
27. Рабинович Г.К., Скубневский В.А. Буржуазия в обрабатывающей промышленности... С. 100.
28. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России... С. 249; Отчеты по казенной продаже напитков по Томско-Семипалатинскому акцизному управлению за 1904 г. Томск, 1905. Раздел IX. Ведомость 48.
29. Колокольников К.А. Развитие винной монополии в Томской губернии и Семипалатинской области. Томск, 1914. С. 35; Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1975. С. 104.
30. Отчеты по казенной продаже напитков по Томско-Семипалатинскому акцизному управлению за 1904 г... Томск, 1905. Раздел IX. Ведомость 48; Отчеты... за 1907 г. Томск, 1908 IX. 40; Отчеты за 1912 год. Томск, 1913. IX. 28.; Отчеты... за 1913 г. Томск, 1914. IX. 29.
31. Вся Россия. 1911–1912. IV. Фабрично-заводской отдел. 5. Обработка питательных продуктов. В. Винокуренные, спиртоочистительные и другие заводы. Киев: изд-во Л.М. Фиша. С. 864.
32. Рабинович Г.К., Скубневский В.А. Буржуазия в обрабатывающей промышленности Сибири... С. 100, 107, 115, 129.
33. Сиверс. Руководство к производству винокурения: пер. с нем. Спб., 1847. Цитируется по книге К.С. Кропоткина.
34. Илиш. Полное руководство винокуренного и пивоваренного и пр. производств. Спб., 1862.
35. Кропоткин К.С. Исторический очерк охмеляющих напитков. Винокурение. Спб., 1889. С. 364–371.
36. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 136. Л. 320, 329 об. – 324; Ф. 3. Оп. 12. Д. 237. Л. 1об. – 2, 34 об. – 35.
37. АО ААКК. Ф. 260. Бр.1 Д. 2, 11, 49, 197, 319, 321, 391, 392, 218, 413 и др.
38. ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 88. Л. 2 об. – 4, 10.

39. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 2144. Л. 27–28.
40. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 746. Л. 1; Д. 762. Л. 2–3.
41. Список населенных мест Томской губернии за 1906 год. Томск, 1911. С. 444–445.
42. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 136. Л. 322об. – 323; Ф. 30. Оп. 12. Д. 297. Л. 1об. – 2, 89–30.
43. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1341. Л. 1–15, 120.
44. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1341. Л. 1–15, 120; АО ААКК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 11. Л. 165, 197, 249 об.
45. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1831. Л. 1–3.
46. ГАТО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1310. Л. 2–9 об., 13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сквозное за 200 лет изучение истории винокуренной промышленности Приенисейской Сибири на уровне микроистории Краснореченского винзавода в общесибирском и российском контекстах позволило сделать следующие выводы.

Винокуренная промышленность в Средней Сибири сложилась во второй половине XVIII века с деятельностью казенных Каменского, Краснореченского и частного Боготольского винзаводов. В ходе очередной реформы откупной системы центральная власть во главе с Екатериной II значительно расширила в этой сфере формы сословно-социального сотрудничества с частным капиталом, в том числе с имущими купеческими верхами податного населения. Строительство Краснореченского и коренная реконструкция Каменского винокуренных заводов были сделаны на казенные деньги откупщиком Д.И. Лобановым.

«Горячее хлебное вино» еще в середине XVIII века даже в Сибири называли водкой. До последней четверти XVIII века в Приенисейском крае не хватало крепкой алкогольной продукции своего производства. Поставки из-за Урала дополнялись подрядным вином со сравнительно мелких одиночных местных винных каштаков.

Технологически сибирское винокурение не было самобытным. Винокуренные заводы копировали российские и западноевропейские предприятия. Частные изменения из-за сурового климата сводились к удлинению сроков затора хлебного сырья и дистилляции.

Технологически рассматриваемые винокуренные заводы до конца XIX века являлись особой переходной формой от простой и сложной кооперации, состоящей из десятков однотипных ремесленных мастерских, технологических звеньев, к мануфактуре. «Машина-инструмент» как совокупность технологических деталей стала появляться во второй половине XIX века и была примитивной. Паровые котлы с вмазанными в них печками, работавшие на мускульной силе лошадей, не являлись па-

ровыми двигателями. Собственно паровой двигатель в самом конце XIX века имелся только на Краснореческом (Елизаветинском № 8) винокуренном заводе.

Все винзаводы до введения акциза базировались на принудительном ручном труде. Исключение составляли одиночные специалисты-винокуры. Сезонный труд, возможность обзавестись личным хозяйством, полный военизированный контроль в сочетании с низкой технологией – все это характеризовало феодальный характер этой отрасли. Соответственно, прибыль носила характер прибавочного продукта и обеспечивалась сословно-административным волевым ресурсом при специфически высокой доходности винокурения. Поэтому доходы с казенных заводов, арендованных откупщиками, и с частных винзаводов имели феодально-крепостническую природу, а не предпринимательский характер, вытекающий из объективных экономических законов раннебуржуазного производства. Прибыль купцов-откупщиков являлась частью централизованной ренты-налога, они сами в экономическом отношении являлись субинфеодами, а в юридическом плане в лучшем случае – зауряд-дворянами со служебным, а не потомственным статусом. Откупщики из дворян сохраняли свой сословный статус и с началом золотопромышленности, и с введением акцизной системы превращались, по словам К. Маркса, в «новое дворянство», то есть в слой торгово-промышленной буржуазии.

Сложный сословно-социальный состав невольных заводчан оказался благотворной почвой для социальных легенд и утопий. Именно в этой среде в Краснореченском заводе родилась легенда о старце Федоре Кузьмиче, бывшем императором Александром I.

Средневековый тип винокуренной промышленности обусловил при внешних отличиях некую хозяйственную однотипность при заводских поселков с обычными поселениями. Определенные отличия содержания хозяйственной деятельности (уклон в сторону развития животноводства, гужевые подряды и извоз) определялись в первую очередь внешними условиями.

Не случайно, что при заводском Краснореченском селении, притрактовая Красная Речка и семь окрестных деревень составляли периодически одно сельское общество и волостную Краснореченскую общину.

Пожар 1914 года только на время прервал жизнь Краснореченского завода. Благодаря своим технологическим возможностям он был возобновлен в советское время и, пережив перестроечное лихолетье, продолжает функционировать до сих пор.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АО ААКК – Архивный отдел Ачинской администрации Красноярского края (Ачинск)

Архив СПб ИИ – Архив Санкт-Петербургского института истории (Санкт-Петербург)

БАН – Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)

ГААК – Государственный архив Алтайского края (Барнаул)

ГАКК – Государственный архив Красноярского края (Красноярск)

ГАТО – Государственный архив Томской области (Томск)

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Спб., 1832

РАН АЛО – Российская академия наук. Архив Ленинградского отделения

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГБ РО – Российская государственная библиотека. Рукописный отдел (Москва)

РГВИА ВУА – Российский государственный военно-исторический архив. Военно-ученый архив (Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

ТФ ГАТО – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (Тобольск)

Научное издание

Геннадий Федорович Быконя

ТРИЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ.
КРАСНОРЕЧЕНСКИЙ
ВИНОКУРЕННЫЙ ЗАВОД.

1775–1914

Из истории

самой доходной отрасли
дореволюционной экономики
Центральной Сибири

Монография

Редактор М. А. Исакова
Корректор А. П. Малахова
Верстка М. Л. Гукайло

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подписано в печать 15.04.13. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 20,25. Бумага офсетная.
Тираж 200 экз. Заказ 583

Отпечатано ИПК КГПУ,
т. 263-95-59

Для заметок